

серия
«СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА»

Российская академия наук
Институт российской истории

Елена Зубкова

**ПОСЛЕВОЕННОЕ
СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ПОЛИТИКА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ.
1945 – 1953**

Москва
РОССПЭН
2000

ББК 63.3(2)631
З 91

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-01-16195

З 91 Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 229 с.

Монография посвящена изучению российского (советского) общества в кризисной ситуации перехода от войны к миру, его мобилизационных возможностей, механизма взаимодействия общества и власти. Исследование, основанное на большом комплексе архивных источников, фокусируется на общественных настроениях, отражающих отношение общества в целом и его отдельных групп к политике властей (политическим кампаниям, внешнеполитическим акциям, способам решения продовольственной, жилищной и других проблем). В монографии представлен механизм функционирования общественного мнения — не официально тиражируемого мнения, а того, что складывалось из причудливого переплетения официальных установок и разного рода слухов и домыслов.

ББК 63.3(2)631

Фотографии из фондов Российского государственного архива кинофотодокументов и Центрального московского архива документов на специальных носителях.

© Институт российской истории РАН, 1999.

© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.

© Е.Ю.Зубкова, 1999.

ISBN 5-8243-0069-0

© Серия «Социальная история России XX века», 1999.

ВВЕДЕНИЕ

Сколько уже было сказано и написано о загадочной русской душе, особом русском характере и вообще об особенностях поведения и мышления русских людей. Для одних Россия была загадочным сфинксом, для других — чудовищным монстром, но и те, и другие стремились понять, что же представляет собой *русский феномен*. Этот интерес всегда имел некий практический смысл — независимо от того, шел ли он от раздумий над книгами Достоевского или питался страхами перед «империей зла». Последнее чаще было решающим, потому что после распада Советского Союза интерес к России стал угасать. И произошло это в тот момент, когда впервые за многие десятилетия появилась реальная возможность без предвзятости и политических пристрастий, а главное, с документами в руках, наконец, всерьез заняться изучением советского общества.

Советская история как будто бы закончилась, обретя конкретные хронологические очертания (1917–1991 гг.). Но психологически мы еще продолжаем жить в Советском Союзе, оставаясь по сути (хотя и не все, конечно) советскими людьми. Большинство ныне живущих россиян родились и обрели свой социальный статус в советский период. Пожилые люди пережили войну, Сталина, Хрущева, других лидеров страны и имеют свое представление об этом времени. Их личные впечатления и жизненный опыт представляют собой огромный банк социальной памяти, который не только хранит в себе ключ к пониманию прошлого, но и помогает прогнозировать настоящее. Может ли историк пройти мимо этой «субъективной», а точнее «живой» истории, даже если он занимается, казалось бы далекими от субъективных восприятий сюжетами (например историей экономики, международных отношений, политической стратегии и т.д.)?

После того, как социальная история пережила своего рода «бум», уже нет необходимости доказывать, что умонастроения и психологические ориентации людей являются самостоятельным фактором политического или экономического развития, поскольку они влияют на особенности социального поведения и в значительной степени определяют механизм принятия решений, в том числе и во властных структурах. В то же время существует определенный стереотип восприятия советского общества сталинского периода как общества почти безмолвствующего или не имеющего своего мнения, отличного от того, что навязывалось официальной пропагандой. Этот стереотип действует не только в отношении России 30–50-х гг., но имеет и более широкое хождение.

Известный немецкий социолог Элизабет Ноэль-Нойман в предисловии к русскому изданию своей книги написала: «Представление, что в тоталитарных государствах нет общественного мнения, получило широкое распространение. Но это ошибка, следствие ужасного заблуждения»¹. Любой политический режим, даже диктаторский, не может существовать без под-

держки общественного мнения. Сталинский режим тоже весьма эффективно использовал различные механизмы воздействия на сознание граждан — от пропаганды до террора — чтобы сформировать в обществе соответствующие настроения, работающие на поддержание авторитета режима. Но возникает вопрос: можно ли считать эти настроения *общественным мнением*?

Споры вокруг понятия «общественное мнение» ведутся уже не одно десятилетие. В вышедшей в 1965 г. книге Г.Чилдса приводится более 50 определений этого понятия², но до сих пор появляются его новые интерпретации. Определение «общественное» может выступать в одном случае как синоним «публичного», «открытого» (противоположность частного, частного), а в другом случае сводится к «общественно значимому» (общественному интересу). Э.Ноэль-Нойман одной из первых обратила внимание на социально-психологическую функцию общественного мнения, которая оказывает воздействие на поведение человека и способы выражения им своих мыслей и эмоций. На основе конкретных исследований она доказала, что в массе своей люди высказываются публично, если не чувствуют угрозы изоляции, т.е., если их мнение разделяется другими. Поэтому *общественное мнение*, с точки зрения Ноэль-Нойман, — *это мнение, которое человек высказывает публично, вслух, в присутствии других людей, не боясь оказаться в изоляции*. Именно в такой интерпретации общественное мнение рассматривается и мною.

Если общественное мнение в открытом, демократическом обществе давно находится в фокусе внимания как социологов, так и историков, то изучение этого феномена в условиях диктатуры по сути только начинается. Между тем вопрос о механизмах формирования и функционирования общественного мнения в закрытых обществах является принципиальным для понимания всей системы отношений, которая существует в этих обществах между народом и властью.

Послевоенный период, особенно первые два-три года после окончания войны, представляет собой один из ключевых этапов в развитии советской системы и советского общества. Послевоенные годы оставили практически без изменений политическую и экономическую систему СССР, однако в обществе в это время происходили большие перемены, связанные с формированием комплекса надежд и ожиданий после победоносного завершения войны. Эти ожидания создавали особый психологический настрой послевоенных лет, их неповторимое своеобразие, колорит. Многие из этих ожиданий, связанные прежде всего с надеждами на либеральную трансформацию сталинского режима, оказались не более, чем иллюзией. Но и эти иллюзии были реальностью послевоенного бытия, одной из составляющих стратегии выживания. Для большинства советских людей период мира в смысле выживания оказался не менее сложным, чем время войны. Послевоенная ситуация вносила свои коррективы в систему ценностей и ожиданий, которые сформировались в предвоенные и военные годы, представляла свои приоритеты в реализации интересов различных категорий

населения, влияла на характер отношений между народом и государственной властью.

Отношение людей к власти, ее решениям, а также носителям этой власти, т.е. *политика в субъективном преломлении*, является одной из центральных проблем этой книги. Вместе с тем политические настроения и политическое поведение людей не существуют вне зависимости от социального контекста. Скорее даже напротив, политика постоянно испытывает на себе давление *повседневности*, текущих и даже вполне бытовых потребностей людей. История знает немало примеров, когда политические катаклизмы начинались на, казалось бы, исключительно бытовой почве — будь то перебои с продовольственным снабжением или неожиданное повышение цен. Здесь: взаимобусловленность политики и повседневности выступает как очевидность. Менее очевидна другая зависимость, когда власть, ее политика формируют повседневное поведение людей и восприятие ими бытовых проблем, добиваясь общественного согласия и лояльности по отношению к самой себе. В реальной жизни, в жизни конкретного человека границы политики и повседневности почти всегда проницаемы, они задаются содержанием и характером вопросов, которые человек ставит или пытается решить. Какой будет жизнь после войны? Что станет с колхозами? Как будет разрешен продовольственный и жилищный кризис? Наступит ли желанная свобода? В мае 1945 года именно эти вопросы волновали если не общество в целом, то во всяком случае вызвали устойчивый общественный интерес.

Май 1945 г. и март 1953 г. — две рубежные вехи, связанные не только с развитием внутриполитических процессов (начальная хронологическая грань относится к концу Великой Отечественной войны, а конечная определяется завершением целого этапа в жизни страны, связанного с именем Сталина). 1945 и 1953 годы важны прежде всего как переломные годы в развитии общественных настроений и комплексов надежд — с этой точки зрения они и рассматриваются в данной книге. Она написана главным образом на материалах России и не учитывает особенностей развития послевоенных процессов в регионах. Обращение к проблемам регионального (национального) развития является большой и самостоятельной темой исследования, беглый обзор которой вряд ли был бы уместен.

Что касается изучения советского периода, то здесь исследования социально-психологической или культур-антропологической направленности только начинают заявлять свои позиции. До недавнего времени существовала устойчивая историографическая традиция, отдающая приоритет историко-политологическим исследованиям. В этих работах советская история была представлена главным образом как результат изолированных действий «верхов», тогда как умонастроения и особенности восприятия рядовых граждан оставались в основном достоянием дневниковых наблюдений, путевых записок и мемуаров.

Были попытки историко-философского осмысления феномена советского человека, особенностей его взаимоотношений с властью. Александр

Зиновьев ввел в обиход понятие «гомо советикус»³, а Михаил Геллер размышлял в русле идеи «машина и винтики»⁴. Однако конкретных исследований, изучающих настроения, стереотипы мышления, особенности поведения советских людей, по-прежнему не было. Лишь в последние годы появились интересные работы, посвященные революции, Гражданской войне, периоду 20-х и 30-х годов⁵. Советскому обществу послевоенного времени в этом смысле «повезло» гораздо меньше.

Одной из главных причин сложившейся ситуации был ограниченный доступ к источникам, содержащим информацию историко-ментального порядка. С конца 20-х до конца 50-х годов в СССР не функционировали публичные социологические службы, вся информация о настроениях населения была отнесена к категории секретной. Поэтому те, кто хотел изучать историю советского общества 30–50-х годов, не имели в своем распоряжении ни данных социологических опросов, ни мониторингов общественного мнения. Секретные материалы о настроениях населения вплоть до начала 90-х годов были совершенно недоступны. Только во второй половине 90-х гг. появились первые публикации ранее секретных документов, характеризующих общественные настроения в советское время: информационные сводки ВЧК–ОГПУ, партийных органов, письма и т.д.⁶ Однако все они ограничены довоенным или военным периодом. Документальные публикации, посвященные общественным настроениям послевоенного времени, тоже существуют, но они носят эпизодический характер и не представляют какого-либо единого комплекса⁷.

Период 1945–1953 гг. только начинает разрабатываться социальными историками. Большинство исследований, посвященных этому времени носит, между тем, историко-политологическую направленность и посвящено деятельности властных структур в целом или отдельных советских лидеров⁸. Правда, еще в 1976 г. увидела свет монография Веры Данхэм, анализирующая систему ценностей советского среднего класса и особенности его взаимоотношений с властью (на примере художественной литературы), но эта во многом новаторская работа, к сожалению, мало известна российскому читателю⁹. Вопреки расхожему мнению о всеподавляющей системе страха и террора как главного регулятора общественных отношений в СССР, автор книги вышла на широкий спектр реальных ценностей и механизмов поведения, на которых строился советский режим. Данхэм назвала эту систему отношений (между средним классом общества и властью) «большой сделкой» (Big Deal), которая придавала системе стабильность и устойчивость.

В вышедшей в 1995 г. книге Н.В.Романовского «Лики сталинизма» есть специальная глава, анализирующая процессы, которые происходили после войны в советском обществе¹⁰. Проблемы влияния войны на различные стороны жизни Советского Союза, в том числе и на советское общество, исследуются и в других работах¹¹. Однако, эти работы посвящены главным образом тем изменениям, которые происходили в демографическом и социальном составе населения СССР после войны, и не затрагивают (или

затрагивают лишь косвенно) тему общественных настроений. Исследования, изучающие эту проблему на материале послевоенных лет пока единичны¹². Даже в обобщающем двухтомном труде «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал» (М., 1998), содержащем немало новационных моментов, нет очерка, посвященного общественному мнению, а авторы отдельных сюжетов, если и обращаются к теме общественных настроений, то используют их в лучшем случае как иллюстративный материал.

Не занимались всерьез этой проблемой, как правило, и авторы работ, изучающих отдельные социальные группы советского общества в послевоенный период, хотя ими собран большой фактический материал, являющийся необходимой предпосылкой для осуществления такого рода исследований. Особенно интенсивно разрабатывается история крестьянства (в контексте развития аграрной политики)¹³ и интеллигенции, в том числе и в плане изменения умонастроений представителей этой социальной категории. Проблемы интеллигенции исследуются в контексте общей культурной политики, а также как история инакомыслия в СССР¹⁴. В последние годы появились интересные исследования, посвященные отдельным проблемам истории послевоенного периода, например, голоду 1946–1947 гг.¹⁵, феномену ГУЛАГа¹⁶, развитию военно-промышленного комплекса¹⁷. Существенный вклад в понимание особенностей развития советского общества в послевоенный период вносят специалисты, занимающиеся историей холодной войны и международных отношений, которые по-своему влияли на жизнь внутри страны¹⁸.

В книге использован также опыт изучения послевоенного общества в других странах, прежде всего в Германии, где исследования этой направленности имеют уже давнюю и устойчивую традицию¹⁹.

Чтобы изучать общественные настроения, нужна соответствующая источниковая база. В данной работе она представлена главным образом двумя категориями источников. Первая включает в себя так называемые документы личного происхождения — дневники, мемуары, переписку. Большая часть дневников и мемуаров принадлежит нашим соотечественникам²⁰, но не меньший интерес для исследования представляют и наблюдения иностранцев, представляющие в данном случае взгляд на жизнь советских людей «извне»²¹.

В работе использованы также различные документы эпистолярного жанра: 1) письма граждан в Центральный Комитет ВКП(б)–КПСС; 2) письма, направленные в Приемную Президиума Верховного Совета СССР; 3) письма из личного секретариата А.А.Андреева, К.Е.Ворошилова, В.М.Молотова; 4) письма в издательства газет и на радио; 5) материалы перлюстрации частной переписки, подготовленные отделом Военной цензуры наркомата (министерства) государственной безопасности за 1945–1946 гг. Последние не в полной мере могут считаться материалами личного происхождения, поскольку представляют собой выдержки из частной переписки, направляемые в порядке информации о настроениях граждан органами госбезопасности в Центральный Комитет ВКП(б).

Мемуары, дневники, письма дополняет другая большая группа источников, которая является основной и наиболее информативной. Это материалы официального происхождения, содержащие информацию о настроениях различных категорий населения. Комплекс источников данной группы рассредоточен по разным архивам и архивным фондам. В работе над книгой использованы материалы следующих архивов: РГАСПИ (фонд ЦК ВКП(б)–КПСС, секретариата, оргбюро, техсекретариата, отделов и управлений), ГА РФ (фонды Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, Прокуратуры СССР, НКВД СССР, Совета по делам Русской православной церкви, Центрального внутрисоюзного радиовещания), ЦАДМО (фонд ЦК ВЛКСМ, бюро, отраслевых отделов), ЦАОДМ (фонд Московского комитета ВКП(б)–КПСС), РГАНИ (фонд ЦК КПСС).

Публичных социологических опросов в 40-е и первой половине 50-х годов действительно не проводилось, однако это не означает, что власти вообще не интересовались умонастроениями граждан. Напротив, такого рода информация «отслеживалась» достаточно регулярно и докладывалась представителям власти, как местной, так и центральной. Сбором информации о настроениях населения занимались в той или иной форме различные государственные и общественные организации, но главными структурами, для которых такого рода деятельность была обязательной и постоянной, были партийные органы и специальные подразделения органов внутренних дел и государственной безопасности. В данной работе будет представлен комплекс источников о настроениях населения, который сложился в аппарате ЦК ВКП(б)–КПСС и других ведомствах за период 1945–1953 гг.

Особенности советской политической системы предопределили особое место Центрального Комитета партии, его аппарата в структуре информационного обеспечения. Вся система получения информации в СССР была строго централизована и в конечном счете «замыкалась» на ЦК ВКП(б) независимо от характера и содержания информации (за исключением особых случаев). Поэтому документы партийных архивов представляют собой уникальные комплексы источников самого разнообразного профиля. В фондах ЦК ВКП(б) находятся следующие разновидности источников, содержащие информацию о настроениях населения: 1) информационные сводки отделов ЦК ВКП(б); 2) докладные записки инспекторов ЦК ВКП(б) о положении в регионах; 3) информационные материалы и отчеты местных партийных органов (главным образом, обкомов); 4) перечни вопросов, задаваемых слушателями во время лекций и собраний); 5) материалы обсуждений партийных и правительственных решений среди населения (стенограммы собраний, информационные сводки, письма, сводки писем); 6) информационные записки о настроениях населения, поступающие из других государственных ведомств и общественных организаций.

Насколько информация об общественных настроениях, представленная в этих источниках, является репрезентативной для проведения корректного исторического исследования? Даже социологические опросы не дают достаточно полной картины общественного мнения: степень репрезента-

тивности в данном случае зависит от величины выборки, содержания вопросов, механизма сбора информации и т.п. Точно так же степень достоверности информации, полученной партийными органами, определяется несколькими факторами: каналами поступления информации, выборкой (например, по регионам), содержанием первичной информации, характером обработки первичной информации при составлении итогового документа (принципами систематизации и отбора).

Информация о настроениях населения поступала в ЦК ВКП(б) главным образом по трем каналам: 1) от партийных органов; 2) от государственных органов и общественных организаций; 3) от частных лиц. В качестве информаторов по «партийной линии» выступали секретари обкомов и горкомов, уполномоченные Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), информаторы отделов ЦК на местах. Сбором такого рода информации в ЦК занимались в основном два отдела — пропаганды и агитации и организационно-инструкторский (в 1946 г. последний был преобразован в Управление по проверке партийных органов, а в 1948 г. — Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов). Наиболее полную информацию с мест получал организационно-инструкторский отдел (и его последующие модификации), при отделе работал специальный сектор партийной информации. Сотрудники данного сектора (как это видно уже из названия) занимались сбором информации и составлением информационных сводок, которые потом докладывались руководству. Обычно сектор работал на уровне обкомов и горкомов крупных городов (Москвы, Ленинграда и некоторых других). Для получения оперативной информации практиковался опрос руководителей областей по телефону. Данные этого опроса впоследствии оформлялись в виде итоговой сводки. Методом телефонного опроса собирались, например, сведения о настроениях населения в период подготовки к выборам 1946 г., об отношении людей к повышению пайковых цен 1946 г. и денежной реформе 1947 г. «Телефонная» информация являлась лаконичной, без подробностей и главным образом лояльной по содержанию. Кроме того, итоговые сводки, составленные по результатам телефонных опросов, не позволяют определить принципы отбора первичной информации, поскольку первоисточник отсутствует.

Более содержательными являются информационные материалы, поступавшие в ЦК ВКП(б) из обкомов. Полностью этот комплекс источников не сохранился, поскольку информация, отраженная в обкомовских материалах, использовалась для составления итоговых сводок. Среди сохранившейся части материалов обкомов встречаются документы, специально посвященные настроениям населения, однако преобладает информация отчетного характера: о пленумах, партактивах, итогах выполнения планов или сборе урожая. Аналогичным образом организованы и итоговые сводки: информация о настроениях населения присутствует в них эпизодически и имеет подчиненное значение. Исключение составляли случаи, когда такого рода информация «заказывалась» сверху: тогда появлялись специальные сводки «о настроениях» (обычно они посвящались какому-либо конкретному событию или политической кампании).

Иногда сотрудники сектора партийной информации на основе материалов, полученных из обкомов, по собственной инициативе привлекали внимание партийного руководства к существованию той или иной проблемы. Как правило, это свидетельствовало о том, что около этой проблемы начинала складываться непрогнозируемая ситуация. Так было, например, сразу после окончания войны, когда на ряде заводов, где работали эвакуированные рабочие, возникли настроения недовольства, связанные с нежеланием администрации предприятий отпустить рабочих на прежнее место жительства. Проблема эвакуированных в течение нескольких месяцев присутствовала в информационных сводках ЦК.

Главными источниками информации для обкомов были сведения, полученные от городских и районных комитетов партии. Те, в свою очередь, имели своих информаторов в низовых партийных организациях. Обычно о состоянии дел в той или иной партийной организации, а вместе с тем и на предприятии, в колхозе, в районе и городе, вышестоящие партийные инстанции информировал секретарь партийного комитета. Однако почти на каждом крупном предприятии существовали так называемые внештатные информаторы, которые осуществляли свою деятельность «на общественных началах». Эти «общественники» иногда работали в контакте с партийной организацией предприятия, но иногда предпочитали информировать горком о положении дел на предприятии, минуя партком. Подобная ситуация провоцировала конфликты между секретарями парткомов и внештатными информаторами²². Информаторов на одном заводе могло быть несколько — один общезаводской и цеховые. Это были своего рода «глаза и уши партии», главные источники информации о настроениях в рабочей среде. Не случайно часто в роли внештатных информаторов выступали сотрудники спецотделов. Таким образом «по цепочке» — от цехового информатора до секретаря обкома — в ЦК ВКП(б) поступали сведения не только о жизни партийных организаций, но и о частных разговорах, беседах в кругу коллег, слухах и толках.

Информаторы — штатные и добровольные — существовали везде: на заводах и в колхозах, в учебных заведениях и академических институтах. Они присутствовали даже в очередях за хлебом. В народе их часто называли иначе — «стукачами», «доносчиками». В официальных партийных документах слово «донос» не употреблялось, предпочитали говорить о «сигналах». В советских политических условиях, когда отсутствовали свобода слова и публичная оппозиция правящему режиму, такого рода «сигналы» часто выполняли функцию контроля над аппаратом и являлись источником непрофильрованной информации, в том числе и о настроениях населения. Столь же часто «сигналы» становились средством для сведения личных счетов, превращаясь в данном случае в тривиальный донос. В конце 40-х годов волна доносительства буквально захлестнула центральный аппарат главного партийного органа: секретариат и оргбюро ЦК ВКП(б) занимались почти исключительно персональными делами, т.е. делами, связанными с так называемым «недостойным поведением» отдельных ком-

мунистов. Рассматривались даже анонимные заявления, чего раньше в практике ЦК не было. На доносах в немалой степени строили свою деятельность и такие ведомства, как министерства внутренних дел и государственной безопасности²³.

Далеко не все «сигналы», поступающие в ЦК ВКП(б), становились предметом специального разбирательства, большинство из них переправлялись на рассмотрение местных партийных органов. Но иногда по «сигналу» назначалась специальная проверка (комиссия) ЦК ВКП(б), которая должна была подтвердить или опровергнуть сведения, содержащиеся в письме-обращении или письме-жалобе. В этом случае по письму принималось специальное решение ЦК (обычно решение секретариата).

Помимо партийных каналов и «сигналов» от частных лиц информация о настроениях в обществе поступала в ЦК ВКП(б) от государственных и общественных организаций. В их числе НКВД (МВД) СССР, МГБ СССР, Главное Политическое Управление Советской армии и Военно-Морского флота, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, Прокуратура СССР и другие. Наиболее информативными в данном случае являются материалы органов государственной безопасности — докладные записки и сводные документы, подготовленные по результатам перлюстрации частной переписки.

В территориальных управлениях МГБ, занимавшихся перлюстрацией, деятельность военной цензуры возглавлял отдел «В», в составе которого было три подразделения — военной цензуры, политического контроля (ПК) и международное отделение. Сотрудники отделения военной цензуры занимались перлюстрацией писем военнослужащих и адресованных им. Отделение ПК контролировало всю остальную частную корреспонденцию, за исключением писем, направляемых за рубеж и получаемых оттуда (последними занималось международное отделение). Политический контроль был избирательным, но, как свидетельствует один из цензоров МГБ, примерно 80% писем проходило соответствующую проверку²⁴. Существовали специальные списки людей, корреспонденция которых перлюстрировалась в обязательном порядке. В остальных случаях действовал такой принцип отбора: «Это были прежде всего письма без адресов или напечатанные на машинке (предполагалось, что таким образом человек намеревался скрыть свой почерк), письма, посланные до востребования (считалось, что с целью не раскрывать адрес), отбирались заказные письма с искаженным почерком и, наоборот, написанные чересчур четко или печатным почерком»²⁵. Военной цензурой задерживались письма от родных военнослужащим, в которых сообщалась «нежелательная информация»: о продовольственных и других трудностях, голоде, разрухе, очередях. Подобная информация, — говорилось в специальной инструкции, — может повлиять «на душевно-психическое и моральное состояние военнослужащего»²⁶.

В 20-е годы существовала практика, когда органы ОГПУ на основе данных своих источников регулярно информировали ЦК ВКП(б) о состоянии умов общества, настроениях отдельных его групп. В дальнейшем такого рода информация в партийные органы стала поступать все реже, без ка-

кой-либо установленной периодичности. Тем не менее сводки органов МГБ о настроениях населения, подготовленные в том числе и по материалам перлюстрации частной переписки, встречаются в фонде ЦК ВКП(б) и за послевоенный период. Использование этих материалов в комплексе с документами партийного происхождения позволяет сравнивать информацию о настроениях, полученную по этим двум каналам. Характер информации отражает интересы различных ведомств: информаторы органов госбезопасности обращают внимание прежде всего на наличие крамолы в обществе, настроений недовольства, тогда как информаторы партийных органов фиксируют эти настроения в совокупности с другими, абсолютно лояльными. В случае, если содержание информации, поступивший от органов МГБ и по партийным каналам совпадает, есть все основания считать ее в высокой степени достоверной.

В перекрестном исследовании нуждаются и материалы партийного происхождения. Так, сведения, содержащиеся в отчетах обкомов, не всегда адекватно отражают картину жизни в регионах и могут быть сопоставимы, например, с докладными записками уполномоченных Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) или инспекторов ЦК по соответствующему региону, т.е. должностных лиц, которые не зависели от местного партийного руководства и подчинялись непосредственно ЦК ВКП(б). Степень достоверности информации, полученной в результате инспекторской проверки («из первых рук»), в целом была выше, чем материалов, собранных в обкоме «по цепочке» и обкомовским аппаратом соответствующим образом обработанных. На каждом уровне — от информатора первичной парт-организации до отдела ЦК ВКП(б) — происходило обобщение полученной информации и какая-то ее часть неизбежно утрачивалась.

Материалы отделов ЦК ВКП(б) дают представление о механизме обработки полученной информации, принципах систематизации фактических данных и формулировке итоговых выводов, которые докладывались непосредственно руководству (секретарям ЦК и лично Сталину). Сравнение первичного (подготовленного аппаратом отделов) и итогового документов позволяет судить о степени информированности высшего руководства, содержании доложенной информации, ее адекватности действительному положению вещей. В конечном счете именно информация, поступающая наверх, влияла на характер принимаемых решений, что превращало работу аппарата в действующий фактор реальной политики.

Обычно отделами ЦК готовилось несколько вариантов одного документа. Корректировал первоначальный текст руководитель отдела, иногда документ направлялся на доработку в отдел после замечаний секретаря ЦК. Обработка информации в отделах осуществлялась главным образом по двум принципам: 1) обобщение первичной информации, ликвидация повторов, подготовка сводных данных; 2) отказ от информации, признанной «нежелательной» или «лишней». Во втором случае речь могла идти как о сведениях, служащих иллюстрацией к уже изложенному («лишние подробности»), так и данных, изымаемых из текста по «поли-

тическим» и иным соображениям, что уже являлось утаиванием информации (дезинформацией).

Например, решение о повышении пайковых цен (т.е. цен на продукты, отпускаемые по карточкам) в сентябре 1946 г. активно обсуждалось как в партийных кругах, так и среди населения. Только на партийных активах Москвы, посвященных этому событию, было задано более 800 вопросов. В итоговую сводку вопросов, подготовленную аппаратом ЦК ВКП(б) по результатам партактивов в разных городах и регионах СССР, был включен 61 вопрос. Непосредственно для Сталина был подготовлен документ, состоящий из 33 вопросов. В данном случае аппарат ЦК провел систематизацию первичной информации, и Сталину были доложены вопросы, которые задавались наиболее часто и являлись типичными (на какой срок устанавливаются новые цены, чем вызвано их повышение, не является ли повышение цен признаком подготовки к новой войне, насколько целесообразен в условиях продовольственного дефицита экспорт хлеба в другие страны и т.д.).

Степень достоверности и полноты информации, представленной в итоговых сводках о настроениях населения, зависела от характера самого документа: он мог быть общего содержания (например, регулярная информационная сводка, подготовленная на основе обобщения информации обкомов) и тематическим, т.е. посвященным конкретному вопросу, как правило какой-либо политической кампании. Если документ носил «кампанейский» характер, то его главная цель заключалась прежде всего в демонстрации «всенародной поддержки», а негативные мнения и оценки, если они включались в сводку, представлялись в виде «отдельных эпизодов». Регулярные информационные сводки содержали более полную информацию, а настроения, представленные в них, можно условно разделить на три группы: 1) настроения поддержки и одобрения; 2) проблемная группа (когда люди высказывались о своих проблемах, носящих, как правило, неполитический характер); 3) критические настроения (обычно именуемые «нездоровыми», «антисоветскими», «враждебными» и т.д.). По форме выражения эти настроения выступают в виде *мнений* (высказываний, суждений), *слухов*, *вопросов*. Настроения, зафиксированные в форме *мнений* и *суждений*, обычно характерны для первой и третьей группы (т.е. для одобрительных и критических настроений). Слухи присутствуют во второй и третьей группах. Настроения, выраженные в форме *вопросов*, в этом смысле универсальны, более того, они, наряду со слухами, являлись в то время самой распространенной формой выражения общественных эмоций, надежд, умозаключений.

О настроениях в партийной среде наряду с информационными сводками дают представления и другие источники, например, материалы обсуждения различных политических решений (стенограммы собраний партийных организаций, письма в партийные органы, сводки предложений и замечаний на партийные документы). Достаточно информативный комплекс источников представляют собой, например, материалы философской дис-

куссии 1947 г., обсуждения Закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу Н.Г.Клюевой и Г.И.Роскина, предложения и замечания на документы, подготовленные к XIX съезду партии и др.

Общественные настроения послевоенного времени, таким образом, нашли отражение, в различных разновидностях документов официального происхождения. Наиболее информативными в данном случае являются информационные сводки о настроениях населения и перечни вопросов, задаваемых аудиторией лекций, бесед, собраний. Однако, ни один из рассмотренных категорий официальных источников, взятый сам по себе, не является достаточным для обеспечения задач корректного исторического исследования. Репрезентативным может считаться лишь документальный комплекс в целом, обладающий необходимой фактической насыщенностью.

Все официальные источники имеют ряд особенностей, обусловленных их происхождением, которые необходимо учитывать при интерпретации заложенной в них информации. Во-первых, информация данной группы источников является, как правило, вторичной и обобщающей, т.е. уже соответствующим образом обработанной. Иногда составители подобных документов фиксировали наиболее типичные тенденции в настроениях населения (часто встречающиеся высказывания или вопросы), но иногда их интересовали прежде всего случаи отклонения от общепринятого мнения. Проверить принципы отбора далеко не всегда представляется возможным, поскольку источники первичной информации не сохранились. Во-вторых, эти документы организованы либо по тематическому принципу (например, посвящены конкретной политической кампании), либо по региональному (т.е. составлялись на материалах конкретного региона, чаще всего области). Поэтому информацию, содержащуюся в них, практически невозможно классифицировать по отдельным социальным группам населения, за исключением самых общих градаций — например, по городским и сельским жителям. Наконец, все эти материалы несут идеологическую заданность и в силу этого содержат соответствующие оценки и суждения.

Чтобы получить адекватную информацию о настроениях и жизненных ориентациях населения, обозначить систему приоритетов в этих настроениях, определить круг проблем послевоенной жизни, на которых фокусируется внимание людей — необходим сравнительный анализ информации по всем группам официальных источников, а также по источникам личного происхождения. При этом речь не может идти о фиксации каких-либо количественных зависимостей (что можно было бы сделать только на материалах достаточно репрезентативных социологических опросов). Единственное, о чем можно говорить с большой долей достоверности — *о тенденциях в развитии послевоенных настроений, о распространенных комплексах ожиданий и главных психологических установках на конкретный момент времени.*

Появление этой книги стало возможно благодаря спонсорской поддержке российских и зарубежных фондов, финансировавших проект на разных стадиях его реализации: Российского гуманитарного научного фонда, Московского общественного научного фонда, ДААД (Немецкой служ-

бы академического обмена), фонда Фольксвагена (последние предоставили возможность познакомиться с традицией изучения послевоенного общества в Германии и с новейшей зарубежной литературой по социальной истории этого периода). Выражаю благодарность представителям данных фондов за возможность осуществить это исследование.

Книга написана главным образом на документах российских архивов. Без помощи архивистов, их участия и профессиональных советов мне вряд ли удалось бы собрать этот материал, рассеянный по разным архивам и архивным фондам. Моя признательность специалистам Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива новейшей истории, Центрального архива документов молодежных организаций (ныне часть РГАСПИ), Центрального архива общественных движений города Москвы, Российского государственного архива кинофотодокументов, Центрального Московского архива документов на специальных носителях.

Выражаю благодарность моим коллегам, сотрудникам Института российской истории РАН, которые познакомились с рукописью книги и сделали интересные замечания — А.В.Голубеву, В.Д.Есакову, Б.С.Илизарову, Т.Ю.Красовицкой, А.И.Куприянову, В.А.Невежину, Г.М.Ивановой, А.С.Сенявскому, Ю.П.Шарапову.

Хочется также выразить признательность университетам городов Гюбингена и Франкфурта-на-Майне, Институту современной истории Мюнхена за предоставленную возможность работать над материалами этой книги и полезные консультации.

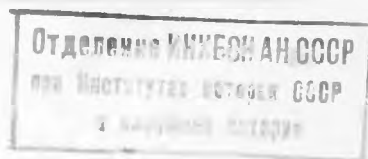
Примечания

1. *Нозль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 26.
2. См.: *Childs H.* Public Opinion: Nature, Formation and Role. Princeton, 1965.
3. *Зиновьев А.* Гомо советикус. М., 1993.
4. *Геллер М.* Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.
5. Революция и человек. Быт, нравы, повеление, мораль / Под ред. П.В.Волобуева. М., 1997; *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997; *Fitzpatrick Sh.* Stalin's Peasants: The Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivisation. New York, 1994; *Холмс Л.* Социальная история России. 1917–1941 гг. Ростов н/Д., 1994; ВЧК–ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 гг. По информационным сводкам ВЧК–ОГПУ. Сыктывкар, 1995; Российская повседневность. 1921–1941 гг. Новые подходы. СПб., 1995; *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 гг. М., 1998; *Голубев А.В.* Запад глазами советского общества: Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах // Отечественная история. 1996. № 1; *Шинкарук С.А.* Общественное мнение в Советской России в 30-е гг. (По материалам Северо-Запада). СПб., 1995 и другие.
6. Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945 гг. (Из Архива Управления Федеральной Службы Безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской об-

- ласти). СПб., 1996; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы. Том 1. 1918–1922 гг. М., 1998; Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998; Общество и власть. 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998; Письма во власть. 1917–1927. М., 1998 и др.
7. См., например: Крестьянские письма послевоенного времени. 1948–1950 гг. // Советские архивы. 1991. № 4. С. 62–70: «Вырабатываем хлеб и сидим без хлеба». Письма колхозников И.В. Сталину // Источник. 1997. № 1. С. 147–152; Денежная реформа 1947 г.: реакция населения. По документам из «Особой папки» Сталина // Отечественная история. 1997. № 6.
  8. См., например: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998; *Dunmore T.* Soviet Politics. 1945–1953. London, 1984; *Hahn Werner O.* Postwar Soviet Politics: the Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation. 1946–1953. London, 1982; *Werth A.* Russia: The Postwar Years. New-York, 1971; *Keep J.* Last of the Empires. A History of the Soviet Union. 1945–1991. Oxford, New York, 1995.
  9. *Dunham V.* In Stalin's Time. Middleclass Values in Soviet Fiction. London—New York—Melbourn. 1976.
  10. *Романовский Н.В.* Лики сталинизма. 1945–1953 гг. М., 1995.
  11. The Impact of World War II on the Soviet Union. Rowman and Allanheld, 1985; World War II and the Soviet People. London, 1993; СССР и холодная война. М., 1995.
  12. *Аксютин Ю.* Почему Сталин дальнейшему сотрудничеству с союзниками после победы предпочел конфронтацию с ними // Холодная война. Новые подходы, новые документы. М., 1995; *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945–1964 гг. М., 1993.
  13. *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972; *Понов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953 гг.). Сб. документов. М., 1991; *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992.
  14. *Gunter H.* The Culture of the Stalin Period. London, 1990; *Frankel E.R.* Novyi Mir. Case Study in the Politics of Literature. 1952–1958. Cambridge, 1981; *Beyrau D.* Intelligenz und Dissens. Die Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917 bis 1985. Goettingen, 1993; *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс—Москва, 1992; *Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994 и др.
  15. *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
  16. *Иванова Г.М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997.
  17. *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.
  18. Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995; Сталин и холодная война. М., 1998.
  19. См., например: *America and The Shaping of German Society, 1945–1955*. Providence, Oxford, 1993; *Broszat M. (Hg.)* Von Stalingrad zur Waehrungsreform: Zur Sozialgeschichte des Umbruchs in Deutschland. Muenchen, 1989; *Erker P.* Ernahrungskrise und Nachkriegsgesellschaft: Bauern und Arbeiterschaft in Bayern, 1943–1953. Stuttgart, 1990; *Gries R.* Die Rationen-Gesellschaft. Versorgungskampf und Vergleichmentalitaeten: Leipzig, Muenchen und Koeln nach dem Kriege. Muenster, 1991; *Huettenberger P.* Deutschland unter britischer Besatzungsherrschaft. Gesellschaftliche Prozesse // Britische Besatzung in Deutschland London, 1992; *Niethammer L. (Hg.)*. «Hinterher merkt man, dass es richtig war, dass er schiefgegangen ist». Nachkriegserfahrungen im Ruhrgebiet. Berlin, Bonn, 1983; *Woller H. (Hg.)* Gesellschaft und Politik in der amerikanischen Besatzungszone. Muenchen, 1986 и другие.
  20. Среди дневников и мемуаров, которые используются в данной работе можно назвать следующие (они принадлежат, как правило, людям творческих профессий — писателям, поэтам, ученым): Из дневников О.Берггольц. 1949 г. // Знамя. 1991. № 3. С. 160–173; Долгое будущее (воспоминания Т. Лещенко-Сухомлиновой). 1945 г. // Согласие. 1991.

- № 2. С. 178–196; Дневники М.Пришвина. Из архива семьи Мутли. 1946–1950 гг. // Литературное обозрение. 1990. № 8. С. 104–112; Из дневников М.Пришвина. 1945 г. // Образ. 1995. № 2. С. 33–47; *Казакевич Э.Г.* Слушая время. Дневники, записные книжки, письма. М., 1990; *Копелев Л.* Хранить вечно. М., 1990; Он же. Утоли моя печали. М., 1991; *Овечкин В.В.* Статьи, дневники, письма. М., 1972; *Самойлов Д.* Памятные записки. М., 1995; *Сахаров А.Д.* Воспоминания. М., 1990; *Симонов К.М.* Глазами человека своего поколения: Размышления о И.В.Сталине. М., 1988; *Черняев А.С.* Моя жизнь и мое время. М., 1995; *Чуковский К.И.* Дневник. 1930–1969 гг. М., 1995; *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Собр. соч. в 9-ти томах. Т. 9. М., 1967 и другие.
21. См., например: *Млынарж Зденек.* Мороз ударил из Кремля. М., 1992; *Стейнбек Джон.* Русский дневник. М., 1989; *Johnson Hewlett.* Soviet Success. London, 1948; *Magidoff Robert.* In Anger and Pity: A Report on Russia. New York, 1949; *Smith Walter B.* My Three Years in Moscow. Philadelphia, New York, 1950; *Strohm John.* «Just Tell the Truth». The Uncensored Story of How the Common People Live behind the Russian Iron Curtain. New York, London, 1947.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 958. Л. 55–56.
23. О роли института доносительства в общественной жизни и практике работы государственных органов 30-х начала 50-х гг. см.: *Fitzpatrick Sh.* Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // *The Journal of Modern History.* Vol. 68. № 4. 1996; *Koslov V.* Denunciation and Its Functions in Soviet Governance: A Study of Denunciations and Their Bureaucratic Handling from soviet police archives, 1944–1953 // *Ibid.*; *Козлов В.* Феномен доноса // *Свободная мысль.* 1998. № 4. С. 100–112.
24. *Авзегер Л.* Я вскрывал Ваши письма... Воспоминания бывшего тайного цензора МГБ // *Источник.* 1993. № 0. С. 48.
25. Там же.
26. Там же. С. 44.

ОБЩЕСТВО, ВЫШЕДШЕЕ ИЗ ВОЙНЫ

1. Послевоенное общество как социально-психологический феномен

Влияние исторических событий на жизнь людей бывает разным: некоторые как бы проходят мимо, напоминая о себе лишь подшивками старых газет, другие, напротив, оставляют свой след в судьбе нескольких поколений. Такова была война, перекроившая жизнь многих и многих, заставившая пересмотреть систему прежних ценностей, отказаться от иллюзий прошлого и научиться жить по новым законам бытия. Уже послевоенного. За очень короткий промежуток времени советское общество несколько раз переходило из одного состояния в другое — сначала психологически втягивалось в войну (причем задолго до начала собственно военных действий), затем воевало и, наконец, выходило из состояния войны. И каждый раз было иным, это общество — предвоенное, военное и послевоенное — иным, но объединенным одним испытанием, имя которому — война. В конце концов, послевоенное общество — это *общество, вышедшее из войны*.

Без уяснения феномена войны, вошедшего в плоть и кровь поколений, не понять хода последующей истории, механизмов общественного поведения, смены чувств и настроений людей. Поэтому необходимо остановиться на некоторых социально-психологических аспектах войны, которые впоследствии оказали влияние на формирование послевоенной атмосферы.

Сталин готовил свой народ к предстоящей войне¹. Но это была своеобразная подготовка. Своеобразная не в том, конечно, смысле, что будущий генералиссимус в самый канун войны вдруг стал уничтожать ведущие командные кадры и тем самым фактически обескровил армию. Своеобразие предвоенной психологической подготовки заключалось прежде всего в том образе войны, который настойчиво внедрялся в сознание народа. Пропаганда представляла войну как «справедливую», под которой сначала подразумевалась война оборонительная (ответ агрессору), а с мая 1941 г. война наступательная (упреждение агрессора). Это во-первых. Во-вторых, людей убеждали, что если придется воевать, то такая война будет непродолжительной и не затронет советской территории. «Малой кровью, могучим ударом разгромим, уничтожим врага», — эти слова из популярной песни служили лейтмотивом для всей пропагандистской работы предвоенного периода. Официальная пропаганда постепенно вселила в массовое сознание веру в непобедимость советского оружия. Война виделась не только победной и непродолжительной, но и — почти неизбежной. «Если завтра война, если завтра в поход — будь сегодня к походу готов», — такие песни отвечали духовному настрою общества.

Писатель К.Симонов, размышляя о факторах мирного времени, готовивших людей к испытаниям войны, писал: «Эти факторы многочисленны и разнообразны. Прежде всего, сама психологическая, идейная готовность к жертвам, высшей формой которой является готовность пожертвовать жизнью в бою, воспитывалась пятилетками... Темпы строительства при факте существования капиталистического окружения — или мы станем индустриальной державой, или нас сомнут — были темпами, требующими жертв, величайшего напряжения, готовности к тяжелым бытовым неудобствам, к ломке привычной жизни, к разлукам, ко многому из того, что в других обстоятельствах людям приносит война»².

Люди, как и во все времена, жили своей обычной жизнью, но подсознательно всегда готовые к тому, чтобы в какой-то момент сплотиться и стать единым целым, что способно сражаться, т.е. армией. Армейский дух пропитывал собой предвоенную атмосферу, поддерживаемый военизированным строем всей общественной жизни: каждый человек состоял в какой-нибудь организации с фиксированными нормами поведения своих членов — будь то пионерский отряд или колхоз. Советское общество 30-х годов часто сравнивают с большой казармой. И это сравнение во многом справедливо, но не во всем: любому образу свойственен элемент упрощения — особенно если образ этот складывается больше из внешних признаков и структурных свойств объекта и не учитывает (либо недостаточно учитывает) его ментальных характеристик. Если же рассматривать предвоенное общество с точки зрения его ментальности, то обнаружится, что оно не вполне вписывается в модель казармы — хотя бы потому, что многие современники субъективно не ощущали себя на «казарменном положении». «При всем трагизме тогдашнего бытия, — вспоминает то время С. Алексеев (ныне известный ученый, член-корреспондент РАН), — в наших, мальчишек и девчонок, душах и сердцах жили романтический настрой, ощущение радости, братства (...), находящего выход опять-таки в вещах духовных (...). Быть может, я что-то идеализирую (...). Но мне все же страшно подумать о том, каково бы мне было жить сейчас, да и тогда, видимо, если бы не было в моей молодости того чистого, романтического, ясного, гражданственного, что, вероятно, стало “островком спасения” в самый разгар террористического безумия сталинской диктатуры»³.

Экстраполировать подобные настроения, свойственные большей частью молодому поколению, на все общество, безусловно, нельзя, но их наличие в палитре общественных чувств позволяет структурировать несколько иную психологическую модель предвоенного общества, больше тяготеющую к такому условному понятию, как «армия». При схожести внешних признаков и особенностей внутреннего устройства (строгая дисциплина, иерархическая структура, подчинение команде и т.д.) «армия» и «казарма» не вполне одно и то же. «Армии» как социально-психологическому феномену обязательно присущ элемент одухотворенности, что совсем не обязательно для «казармы». Это свойство «армии» отмечали еще психологи конца XIX — начала XX века. Разница была лишь в подходах: если Л.Войто-

ловский идентифицировал такие понятия, как толпа и армия, называя последнюю «одухотворенной толпой»⁴, то Г.Тард ставил армию по психологической организации выше толпы, опираясь на тот же принцип духовного единения людей, принадлежащих к армии⁵.

И «армия» и «казарма» как модели общественной организации, подчиненные строгой дисциплине, представляют собой идеальные объекты для управления. Причем «казарма», где личностный фактор практически снивелирован, в этом смысле даже более удобна. Почему же сталинский режим настойчиво культивировал именно армейский дух, никогда не позволяя обществу до конца замкнуться и обособиться в одну гигантскую казарму? Этому фактору, думается, есть свое психологическое объяснение. Психология режима создала особую модель управления, в которой объекту всегда была предоставлена известная (легко фиксируемая и изменяемая) доля свободы. И не ради доброго помысла, а в целях создания страховочного механизма: ограниченная свобода объекта управления позволяла доводить принятое наверху решение до уровня оптимального, чего бы не произошло, будь это решение строго и до конца детализированным и запрограммированным, а значит, и потенциально тупиковым. «Сталинский человек при власти был, с одной стороны, “только исполнителем”, — писал историк М.Гефтер. — С другой стороны, этот же человек в пределах разрешенного ему исполнительства был всемогущ? Это странное совмещение исполнительства со всемогуществом в установленных рамках создавало особый, ударный импульс жизни»⁶.

Другое дело, что наряду с «ударным импульсом жизни» одних существовала и вполне обыденная, «казарменная», психология других; в этом сложность субъективной реальности общественных отношений тех лет. Из противоречий этой реальности вырос известный парадокс первого периода войны: общество, всем строем духовной жизни — и психологически, и идеологически — долгое время готовившееся к предстоящему нападению, испытало психологический шок, было на время парализовано и не способно к должному отпору. Почему так произошло?

Шоковое состояние первых дней и месяцев войны было связано даже не столько с фактом «внезапного нападения», сколько с известиями об отступлении Красной Армии. Вот к этому и не были готовы — ни общество в целом, ни армия, ни сам Сталин. Начался трудный период психологической перестройки, в процессе которой из разрозненных общественных элементов стало постепенно складываться нечто целое, имя которому — воюющий народ.

Первая реакция руководства страны — попытка создать максимально управляемую армию, построив ее на строго казарменных принципах, потерпела неудачу⁷. Что понять нетрудно: казарму даже не успели вовремя вооружить. А для того, чтобы идти в атаку на танки с одной трехлинейкой, политрука впереди и пулеметчика за спиной оказалось мало. Понадобилось нечто совсем иное, что вытекает только из природы человеческого духа, — способность к риску и самопожертвованию. Паралич власти и

стратегическую несостоятельность штабов компенсировали духовным порывом народа, стоившим ему миллионных жертв: такую цену пришлось платить за недееспособность системы.

Но это — ретроспективная оценка, которая имеет в целом косвенное отношение к тому, что происходило в мыслях и душах людей, когда они по призыву или добровольно уходили на фронт, воевали, терпели поражения и побеждали. Можно понять тех ветеранов, которые не хотят мириться с навязываемым им суждением о том, что все их усилия на войне сводились к защите режима, к поддержанию системы, которая — не будь они столь упорны — рухнула бы сама собой. Подобные суждения не только нравственно ушербны, — они некорректны прежде всего исторически, поскольку игнорируют главное — взгляд на войну самих фронтовиков. Он, этот взгляд, тоже не был единым и устойчивым: война по-разному виделась окопнику и штабисту, штрафнику и гвардейцу. Но было в восприятии войны нечто общее, что роднило всех; со страниц фронтовых писем и дневников война часто предстает не в привычном героическом ореоле, а по-житейски обыденно, как «просто трудная работа», на которой даже самое страшное — смерть — становится «бытом». И люди постепенно привыкали к этой новой жизни, и уже не она, а прежняя, довоенная казалась им необычной и почти недостижимой.

Поэтому и желания солдат «чаще всего были самые простые, — рассказывал, например, фронтовик М.Абдулин, — выспаться, помыться в бане, пожить хотя недельку под крышей, получить из дома письмо. Самая большая мечта была: остаться живым и поглядеть, какой будет жизнь»⁸. Об этом думали солдаты на войне. Когда же она отодвинулась в прошлое, само восприятие военных лет поднялось на новый уровень. Война, писал в этой связи писатель-фронтовик В.Кондратьев, «вспоминается воевавшими хорошо, потому что все страшное и тяжелое в физическом смысле как-то смылось в памяти, а осталась лишь духовная сторона, то есть светлые и чистые порывы, присущие войне справедливой, войне освободительной»⁹. И как итог: «Война оказалась для нас самым главным делом нашего поколения»¹⁰.

О том же размышлял и писатель В.Астафьев: «На исходе лет вдруг обнаруживаешь: что и было в твоей жизни, чем можно гордиться, о чем печалиться, это она — война»¹¹. Признание, имеющее прямое отношение не только к опыту войны, но и к реалиям послевоенной жизни, на фоне которой — так сложилось — война выделялась как нечто несравненно более яркое, а главное, нравственно высокое. Духовный настрой военных лет во многом был уникальным; и не потому только, что он рождался в ситуации истинно экстремальной, а прежде всего потому, что сама эта ситуация с необходимостью меняла прежние приоритеты в системе государственных и человеческих отношений.

Парадоксально, но цена человеческой личности поднялась именно тогда, когда были потеряны целые армии, а жизнь солдата, казалось, уже вообще ничего не стоила. Психологический поворот, не в последнюю оче-

редь обусловивший и перелом в ходе войны, думается, выросал на основе преодоления этого парадокса. Война предоставила редкий шанс материализации гражданского чувства народа, которое десятилетиями культивировалось как принцип служения режиму, и было привязано к весьма абстрактным, либо далеким от практической жизни понятиям. А здесь оно обрело плоть и кровь конкретной цели — защиты Отечества — сомкнувшись в этом главном своем смысле с исторической традицией прошлых веков. Тогда человек ощутил себя гражданином. «На войне я был до необходимости необходимым, — вспоминал герой рассказа В.Кондратьева «Знаменательная дата». — И не всяким меня заменить можно было. Вот предположим, что вместо меня на том левом фланге с тем же ручником другой солдат. И уже уверенности нет, что он немца задержит — и глаз другой, и смекалка, и характер послабже, может (...). Там такое чувство было, словно ты один в своих руках судьбу России держишь»¹².

Психологическая природа того, что обычно называют гражданским чувством, здесь передана удивительно точно: идет внутренняя переоценка своего «Я», которое вырастает до уровня общественной самооценности («я был до необходимости необходимым»). А если так, то закономерно увеличивается степень внутренней свободы личности; не случайно многие фронтовики впоследствии вспоминали, что на войне они чувствовали себя более свободными, чем в мирное время. Но свободными от чего?

Известная фронтовая поговорка «война все спишет» — это ведь тоже о свободе. Причем в условиях, когда функции и зона действия формального контроля за поведением человека (со стороны государственных органов, общественных институтов) ослаблены, границы между такими понятиями, как свобода и вседозволенность, могут стать легко проницаемыми. На войне подобная ситуация не была типичной. Произошло нечто иное: место формального контроля (который ранее был преобладающим) занял самоконтроль и неформальный контроль со стороны малых социальных групп, объединенных одной землянкой или одним окопом. И как правило, этот неформальный внешний и внутренний контроль — с точки зрения развития личности, ее мироощущения, выбора поступков — был гораздо более действенным, чем государственная система тотального надзора. Во всяком случае, К.Симонов писал, что поговорка «война все спишет» не приобрела тогда всеобщего распространения и что она «при всей своей соблазнительности, редко находила уста, которые произносили бы ее с сознанием правоты, прямо и гордо. Она не стала символом веры, больше того, очень часто уже во фронтовых условиях, она попадала под огонь весьма увесистой критики и в итоге не стала нашим военным бытом, а только пеной этого быта»¹³.

Дух свободы, о котором до сих пор вспоминают фронтовики, это все-таки нечто совершенно иное, чем «свобода быта» на войне. И несравненно более важное для оценки послевоенной ситуации. «Как очевидец и как историк свидетельствую, — писал М.Гефтер, — 41-й, 42-й множеством ситуаций и человеческих решений являли собой *стихийную десталинизацию*»

(выделено мной. — Е.З.)¹⁴. И в другом месте поясняет свою мысль: «в тяжких испытаниях войны возродился — вместе с чувством личной ответственности за судьбы отечества — и личный взгляд, вернее, зародыш личного взгляда на то, каким ему, отечеству, надлежит стать уже сейчас и тем паче в будущем»¹⁵.

Формирование нового взгляда на себя, на мир, на судьбу страны происходило не только под влиянием возросшего чувства личной ответственности, но и в результате осмысления новой информации, которую несла с собой война. Война стала еще и своеобразным каналом общения между людьми, жизненные пути которых в мирное время редко пересекались: на войне встретились деревня и город, недоучившиеся студенты и недавние заключенные. Для некоторых горожан (особенно из интеллигентных семей) было, например, открытием, что деревня жила чуть ли не на грани голода, а колхозники нередко вынуждены были отдавать необходимое, чтобы прокормить город. По Указам Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 г. было освобождено из мест заключения свыше 600 тыс. человек и 175 тыс. из них сразу мобилизовано в действующую армию¹⁶. По отношению к общей численности армии — это не так много, но для образования потенциального источника новой информации, фактически скрытой от большинства, — вполне достаточно.

Вести откровенные разговоры, особенно на политические темы, и на войне было небезопасно. «Портила качество человеческих отношений на фронте, а может быть, вообще снижала высокое самоощущение нации — сталинская бацилла недоверия и взаимной слежки, распространившаяся и на фронт», — вспоминал в этой связи поэт Д.Самойлов¹⁷. И тем не менее, как свидетельствуют фронтовики, разговоры на фронте были весьма откровенными, даже невзирая на присутствие представителей СМЕРШа и прочих «наблюдателей».

Правда, политические сюжеты, как правило, оставались за рамками этих разговоров. О чем же все-таки говорили? — «Ругали начальство, как всегда. Почему нет самолетов, почему не хватает снарядов и вообще откуда весь бардак? Но была какая-то терпеливость и понимание, что нет-нет, но наверное, будет»¹⁸. Как солдаты отзывались о Сталине, о руководстве страны? — «Да никак. Боялись? Нет, солдаты перед лицом смерти были как на исповеди, ничего не боялись. Сталину и высшему руководству мы тогда верили больше, чем своим командирам»¹⁹.

Процесс «стихийной десталинизации», начатый войной, не сомкнулся в сознании большинства воевавших с именем Сталина, а потолок критики, как правило, упирался в дивизионное начальство, редко поднимаясь выше и, как исключение, переходя от персональных оценок к политическим обобщениям. Поэтому делать вывод о том, что война открыла глаза народу на сущность режима, было бы исторически неверным. Сама по себе война не изменила в целом отношение к режиму: кто раньше считал его справедливым, еще больше (особенно после победы) уверился в его правоте. у кого и раньше не было иллюзий — их не прибавилось. Психологический

эффект войны, как представляется, заключался в другом. Война пробудила в человеке способность вариативно мыслить, критически оценивать ситуацию, а не принимать все сущее как единственную данность. Именно эта способность представляла потенциальную опасность для режима, который был рассчитан в сущности на субъекта, мыслящего в ограниченных пределах дозволенного. С войны же пришел иной человек, который на многое смотрел другими глазами, видел то, чего раньше не замечал, и сомневался в том, что еще не так давно считал само собой разумеющимся. Процесс психологической переориентации личности ускорился на последнем этапе войны, когда советский солдат перешагнул границу своей страны и соприкоснулся с другой культурой — политической, духовной, экономической. В результате с войны вернулся человек, обладающий опытом и знанием сравнения — что уже немало.

«Контраст между уровнем жизни в Европе и у нас, контраст, с которым столкнулись миллионы воевавших людей, был нравственным и психологическим ударом», — вспоминал К.Симонов²⁰. В его пьесе «Под каштанами Праги», написанной в 1945 году по «горячим» впечатлениям, есть одна сцена, в которой чешка говорит русскому полковнику: «Вы не должны любить Европу. Вас должны раздражать эти особняки, эти виллы, эти дома с железными крышами. Вы ведь отрицаете это?» На что следует ответ собеседника: «Отрицать можно идеи, отрицать железную крышу нельзя. Коль она железная, так она железная»²¹. Принятие этой «железной» истины, несмотря на всю ее очевидность, требовало огромной работы: психологический шок должен был постепенно смениться новым видением жизни, в основе которого лежат не идеологические шоры, а реальные факты. В таком мировосприятии любая ситуация получает шанс на вариативность, а значит она в какой-то степени становится зависимой от индивидуального выбора.

Вместе с осознанием вариативности бытия и ценности личного выбора война привнесла в мирную жизнь и другое начало, обусловленное особенностями армейского быта: привычку к командованию и подчинению, строгую дисциплину, безусловную силу приказа. «И еще одно плохое пришло с фронта, — напишет об этом фронтовой корреспондент писатель В.Овечкин, — приказал и все, и наплевать, что думают о тебе подчиненные»²². На закрепление этой традиции работали государственные структуры и политические институты, поэтому после войны именно для ее развития создавалась атмосфера «наибольшего благопритствования». Однако и дух свободы, рожденный войной, не мог в этой атмосфере просто раствориться, исчезнуть бесследно: невозможность такого рода простого исхода создавала определенный противовес попыткам властей вернуться к довоенному порядку вещей без каких-либо изменений.

Подобно тому, как с войны пришел другой человек, пройдя свой путь обретений и потерь, из войны вышло и другое общество — тоже со своими обретениями и потерями. Последних было, конечно, больше.

Последствия войны можно оценивать по-разному. Потери тоже можно измерять в разных категориях. Чрезвычайная государственная комиссия,

занятая исчислением материального ущерба, нанесенного Советскому Союзу в ходе военных действий и в результате расходов на оборону, приступила к своей работе еще задолго до окончания войны. После Победы были обнародованы первые цифры: количество разрушенных городов и сел, промышленных предприятий и железнодорожных мостов, потери в выплавке чугуна и стали, размеры сокращения автомобильного парка и поголовья скота. Однако нигде не сообщалось о количестве погибших и пропавших без вести (если не считать обнародованную Сталиным в 1946 г. цифру в 7 миллионов человек).

Историки и демографы всерьез занялись изучением этого вопроса только через полвека после начала войны. Несовершенство статистической базы, неполнота данных о рождаемости и смертности населения, величине военных потерь, разность методик, которыми пользовались ученые, стали причиной дискуссий и больших расхождений в подсчетах²³. Однако большинство специалистов все же склонялось к цифре 26,5–27 млн человек, учитывающей потери как в армии, так и среди гражданского населения. В общем объеме потерь 76%, т.е. около 20 млн человек, приходилось на мужчин, из них больше других пострадали мужчины, родившиеся в 1901–1931 гг. — наиболее дееспособная часть мужского населения²⁴. Уже одно это обстоятельство свидетельствовало о том, что послевоенное общество ожидают серьезные демографические проблемы.

В 1940 г. в Советском Союзе на 100,3 млн женщин приходилось 92,3 млн мужчин. Источником дисбаланса в данном случае выступали старшие возрастные группы, начиная с 60-ти лет. В 1946 г. на 96,2 млн женщин приходилось 74,4 млн мужчин, и в отличие от предвоенного времени превышение численности женщин над численностью мужчин началось уже с поколения 20–24-летних. В 1940 г. на 37,6 млн женщин, находившихся в возрасте от 20 до 44-х лет, приходилось 34,8 млн мужчин той же возрастной группы. К 1946 году число женщин в возрасте 20–44-х лет почти не изменилось (37,7 млн человек), однако сверстников-мужчин стало меньше более, чем на 10 млн человек²⁵. Такова была общая демографическая ситуация. В деревне она складывалась еще более неблагоприятно: если в 1940 г. соотношение женщин и мужчин в колхозах было примерно 1,1:1, то в 1945 г. — 2,7:1²⁶.

Американский журналист Джон Шторм побывал в 1946 г. в нескольких русских колхозах. Масштаб разрушений и человеческих потерь поразил его воображение. В одной деревне под Сталинградом его встретил председатель колхоза — молодой человек лет двадцати, инвалид войны, без руки. В колхозе тогда работало 136 человек, в том числе 116 женщин. Из этой деревни ушли в армию с 1940 по 1945 год 146 мужчин, 40 погибли, а вернулись обратно лишь 15 человек, из них 10 — без руки или ноги²⁷. Встречались деревни, куда после войны не вернулся ни один мужчина.

Послевоенное советское общество было преимущественно женским обществом. Это создавало серьезные проблемы — не только демографические, но и психологические, перерастая в проблему личной неустроенно-

сти, женского одиночества. Послевоенная детская «безотцовщина» и порождаемые ею детская беспризорность и детская преступность — родом из того же источника. И тем не менее, несмотря на все лишения и потери, именно благодаря женскому началу послевоенное общество оказалось удивительно жизнеспособным. Оставшись без мужей и не имея надежды в будущем создать семью, в очень тяжелых материальных условиях послевоенного времени женщины все-таки продолжали рожать детей: в 1946 г. в стране родилось 752 тыс. детей у матерей, не состоящих в официальном браке, в 1947 г. — 747 тыс., в 1948 г. — 665 тыс., в 1949 г. — 985 тыс., в 1950 г. — 944 тыс., в 1951 г. — 930 тыс., в 1952 г. — 849 тыс. детей²⁸.

Особая проблема — дети войны — наименее социально защищенная часть населения. Во время войны дети страдали наряду со взрослыми, а часто больше, чем взрослые: они умирали при бомбежках, от голода и болезней, их насильно вывозили за пределы страны. За годы войны существенно снизилась рождаемость населения, в результате к 1946 году детей в возрасте до 14 лет в Советском Союзе проживало 53 млн человек — на 14 миллионов меньше, чем в довоенном 1940 году²⁹. Многие подростки во время войны вынуждены были пойти на производство, чтобы заменить ушедших на фронт взрослых рабочих и обеспечить себе и своей семье средства к существованию. Подростки работали наравне со взрослыми, иногда по 10–12 часов в день. Тяжелый труд и постоянное недоедание не могли не сказаться на здоровье молодого поколения.

Еще в 1936 г. по решению ЦК ВЛКСМ была проведена выборочная проверка состояния здоровья подростков, занятых на работе в промышленности и занимающихся в школах ФЗО. Данные обследования показали, что «с каждым годом здоровье подростков все более укрепляется»³⁰. Так, в Москве из 26286 подростков, прошедших медосмотр, больными было признано только 3,1%³¹.

Статистика 1944 г. зафиксировала уже иную картину. Тогда в 15 областях России тоже было проведено медицинское обследование подростков, аналогичное предвоенному. В Москве больные подростки составили 28,4% от общего количества прошедших медосмотр, в Ленинграде — 29,3%, в Горьком — 33,1%, в Иваново — 40,9%³².

В июне 1945 г. ЦК ВКП(б) организовал инспекторскую проверку ряда промышленных предприятий Горьковской области с целью изучения условий труда и состояния здоровья работающих подростков. Комиссия пришла к неутешительным выводам. «На большинстве проверяемых предприятий, — говорилось в отчете комиссии, — нормальных жизненных условий подросткам создано не было, что привело к большой заболеваемости среди них и отставанию в физическом развитии»³³. На заводе имени Молотова был проведен медицинский осмотр 1070 подростков. Осмотр выявил 379 человек (35%) больных юношей и девушек: из них 64 человека страдали желудочно-кишечными заболеваниями, 51 — болезнями кожи и чесоткой, 6 — туберкулезом легких, 4 — дистрофией. Из 670 юношей 15–17 лет,

прошедших медицинский осмотр, имели отставание в физическом развитии на один-два года в росте — 340 человек (50,6%), в весе — 413 человек (61,6%). Большинство подростков страдали малокровием³⁴.

Другим своеобразным наследием войны стала детская беспризорность и безнадзорность. Дети, торгующие на рынках, вокзалах и просто на улицах городов, стали обычным явлением. Во втором полугодии 1945 г. только в Москве органами милиции было задержано 27,7 тысяч безнадзорных детей, из них большинство (почти 70%) — за нарушение правил пользования транспортом и за торговлю³⁵.

Гораздо больше безнадзорных детей оставалось вне внимания правоохранительных органов. Документ, подготовленный в Прокуратуре СССР по итогам проверки Москвы, зафиксировал такую картину: «...Колоссальное количество детей продолжает быть “на улице”... Центральные районы столицы являются более пораженными детской безнадзорностью, нежели другие... На Центральном рынке ежедневно значительное количество детей 13–15 лет, преимущественно девочки, торгуют дрожжами, конфетами... Мелькают подростки-мальчики лет 15–16 и иной раз и лет 10–11. У самого входа на рынок, на улице они скупают пачками папиросы (для продажи поштучно). Тут же рядом ходят дети и предлагают по спекулятивным ценам билеты в цирк. (...)

Мальчуган лет 14 предлагает поштучно папиросы, он плохо одет и обут. Сказал, что продажей папирос занимается уже давно, этим кормится. Работает в ночную смену в переплетной мастерской, а днем — на рынке. Отец погиб на фронте, мать зарабатывает мало. Он заявил, что никто ему не запрещает торговать, милиция не мешает»³⁶.

Психологами отмечено, что дети войны рано взрослеют, что они по своему мироощущению всегда старше своих сверстников, выросших в мирные годы. Подобное быстрое взросление не проходит бесследно не только для здоровья молодого поколения — оно неизбежно связано с психологическими издержками. Особенно тяжело детскую психику травмируют потеря близких, пережитый страх перед смертью, вынужденное сиротство. В России выросло целое поколение детей без отцов, детей без дома в полноценном смысле этого слова. Они выросли в неполной семье или вообще вне семьи, которую заменили школа, детский дом или просто городской двор. Послевоенный двор — особый мир со своими нормами поведения и формами социального контроля. Двор во многом сформировал психологию целого поколения, с детства научил жить по неписаным законам дворового братства: не случайно уже во взрослой жизни соседские связи часто играли для человека даже большую роль, чем связи родственные. Это были люди «команды». презирующие индивидуализм, но — парадокс, — именно в их среде возникло не так уж мало ярких индивидуальностей.

Общество, вышедшее из войны, отличается от общества в «нормальном» состоянии не только по своей демографической структуре, но и по социальному составу. Его облик определяют уже не традиционные категории населения (например, городские и сельские жители, рабочие про-

мышленности и государственные служащие, молодежь и пенсионеры и т.д.), но социумы, рожденные военным временем. В этом смысле лицом послевоенного общества был «человек в гимнастерке», были фронтовики.

2. Новый социум: фронтовики

К концу войны армия Советского Союза насчитывала 11 миллионов человек³⁷. Согласно закону о демобилизации 23 июня 1945 г. из армии началось увольнение военнослужащих 13 старших возрастов, а в 1948 г. процесс демобилизации в основном завершился. Всего из армии было демобилизовано 8,5 миллионов человек³⁸.

Проблема перехода от войны к миру — и в экономическом, и в социальном, и в психологическом плане — так или иначе стояла перед всем обществом, перед каждым человеком. Но, пожалуй, в наибольшей степени она затрагивала интересы тех, кто был совершенно оторван от мирной жизни, кто четыре года жил как бы в другом измерении, т.е. интересы фронтовиков. Тяжесть потерь, материальные лишения, переживаемые за малым исключением всеми, для фронтовиков усугублялись дополнительными трудностями психологического характера, связанными с переключением на новые задачи мирного обустройства. Поэтому демобилизация, о которой так мечталось на фронте, для многих обратилась серьезной проблемой. Прежде всего для самых молодых (1923–1927 годов рождения), т.е. тех, кто ушел на фронт со школьной скамьи, не успев получить профессии, обрести устойчивый жизненный статус. Их единственной профессией стала война, единственным умением — способность держать оружие и воевать. Кроме того, это поколение больше других пострадало численно, особенно в первый военный год. Вообще война до известной степени размывала возрастные границы, и несколько поколений, заполняя свои человеческие потери, соединились фактически в одно — «поколение победителей», создав таким образом новый социум, объединенный общностью проблем, настроений, желаний, стремлений. Конечно, эта общность была относительной (на войне тоже не было и не могло быть абсолютного единства воевавших), но дух фронтового братства, принесенный с войны, еще долго существовал как важный фактор, влияющий на всю послевоенную атмосферу.

Большинство демобилизованных фронтовиков почти сразу после возвращения устраивались на работу. Так, по данным 40 обкомов партии на январь 1946 г. из 2,7 миллионов демобилизованных приступили к работе 2,1 млн человек, т.е. 71,1%. Из общего числа трудоустроенных фронтовиков более половины (55%) работали в колхозах и совхозах³⁹. Вместе с тем данные о трудоустройстве фронтовиков по отдельным регионам существенно различались. В Иркутской области, например, в январе 1946 г. не работало более половины всех вернувшихся трудоспособных фронтовиков, в городе Тюмени — 59%, в Астраханской области — 64%⁴⁰. Причины соз-

давшейся ситуации были разными. Иногда демобилизованных не принимали на работу по специальности или предлагали низкую, не соответствующую их квалификации заработную плату. Так, из 47 фронтовиков, вернувшихся после демобилизации на завод «Красный химик» во Владимирской области, только 16 человек получили работу по специальности, остальные же были направлены на заготовку дров⁴¹. Аналогичные данные поступали и из других областей.

Наряду с работой, другой первоочередной проблемой для вернувшихся из армии людей была проблема жилья — особенно острая в тех областях, которые более других пострадали от военных действий. В этих районах многие семьи демобилизованных вынуждены были проживать в землянках и других плохо приспособленных для жилья помещениях. Однако в таких условиях жили не только демобилизованные, а преодоление бытовой неустроенности — это только одна из составляющих стратегии выживания в послевоенном обществе.

Война, казалось, исчерпала последний ресурс человеческих возможностей. Советская армия — единственная из всех участвовавших в войне — не практиковала отпуска военнослужащим (за исключением краткосрочных отпусков по ранению). Чешский историк Б.Шнайдер обратил внимание на то, что людские потери в советской армии могли бы быть меньшими, не будь этой постоянной психологической перегрузки. «Солдаты Красной Армии все время находились в страшном психологическом напряжении, которое не имело прецедентов в истории войн, — пишет Б.Шнайдер. — Усталость и психическое истощение перешагнули все мыслимые границы»⁴². Эта усталость дала о себе знать уже после войны. Фронтовики с удивлением отмечали, что на войне, постоянно находясь между жизнью и смертью, люди почти не болели «мирными» болезнями. Но вот кончилась война — и болезни немедленно заявили о себе: запас прочности иссяк. «Люди непризывного возраста как-то сразу почувствовали, как они устали, — поделится своими наблюдениями И.Эренбург, — пока шла война — держались, а только спало напряжение — многие слегли: инфаркты, гипертония; зачернели некрологи (...) Солдаты вернулись в города, разбитые бомбами, в сожженные деревни. Хотелось отдохнуть, а жизнь не позволяла»⁴³.

Далеко не все вернулись с фронта здоровыми людьми. У нас есть, хотя и не вполне точная, статистика военных потерь, но до сих пор неизвестны цифры умерших от ран и болезней уже после войны. В конце войны среди демобилизованных из армии по состоянию здоровья было два миллиона инвалидов, среди них — около 450 тыс. человек с ампутированной рукой или ногой и около 350 тыс. с диагнозом остеомиелита (воспаление костного мозга)⁴⁴. Именно инвалиды более, чем другие бывшие фронтовики, нуждались не только в хирургическом или терапевтическом лечении, но и в специальной психологической поддержке. Однако к концу войны только треть интернатов для инвалидов имела врача, не говоря уже о полноценном медицинском обслуживании⁴⁵.

Гораздо более сложным, чем для других демобилизованных, для инвалидов становился поиск работы. Даже спустя два-три года после оконча-

ния войны значительная часть инвалидов оставалась нетрудоустроенной, несмотря на решения правительства, обязывающие местные органы власти обеспечивать работой в первую очередь демобилизованных и инвалидов. «Имеют место многочисленные факты незаконных отказов руководителей предприятий и учреждений в приеме на работу инвалидов Отечественной войны и незаконного их увольнения», — к такому выводу пришел Генеральный прокурор СССР Г. Сафонов, ознакомившись с результатами проверки исполнения законов, касающихся прав инвалидов⁴⁶. Так, в Москве в составе кооперации инвалидов в 1948 г. только 19% являлись инвалидами войны, в артели «Труд инвалидов» Октябрьского района столицы среди 575 человек работающих инвалиды войны составляли 25%⁴⁷.

Хуже других решались проблемы трудоустройства людей, потерявших зрение. Слепых инвалидов войны в Российской Федерации на 1 января 1947 г. было учтено немногим более 13 тысяч человек, из них работала только треть — 4,3 тысячи чел.⁴⁸ В послевоенные годы вообще заметно сократилось применение труда незрячих людей в промышленности, несмотря на то, что их число значительно пополнилось за счет инвалидов войны. Так, в легкой промышленности Российской Федерации в 1938 г. было занято 1634 инвалида по зрению, в 1947 г. — только 150 человек, на предприятиях местной промышленности — соответственно 3493 и 752 человека, даже в кооперации инвалидов количество занятых слепых сократилось с 4119 до 3894 человек⁴⁹.

Без дополнительного заработка, только на одну пенсию по инвалидности прожить было очень трудно, почти невозможно: нищенство калек — на базарах, привокзальных площадях — стало характерной приметой послевоенного времени. По установленному порядку инвалиды обязаны были один раз в год проходить медицинское переосвидетельствование — для подтверждения инвалидности, причем этой процедуре подвергались даже те, кто потерял на фронте руку или ногу («как будто они могли отрасти», — грустно шутили фронтовики). Большинство инвалидов, оказавшись таким образом на обочине жизни, были еще молодыми людьми: для них осознание своей «ненужности», невостребованности в этой новой послевоенной жизни, ради которой они жертвовали собой, проходило особенно болезненно. Душевная травма, пережитая ими, часто имела даже более глубокие последствия, чем травма физическая.

И настоящая трагедия ждала в мирной жизни женщин-инвалидов войны. В ноябре 1945 г. в секретариат К. Ворошилова пришло письмо от одной участницы Отечественной войны, которая на нескольких страницах описала свою судьбу и судьбу других таких же девушек, ушедших в армию добровольно и потерявших на войне не только здоровье, но и надежду на будущую счастливую («по-женски») жизнь.

«Дорогой Климент Ефремович! Я прошу Вас уделить немного времени мне и моим подругам — бывшим фронтовикам, а сейчас инвалидам Отечественной войны.

Большинство из нас пошло на фронт добровольно еще в начале войны. Трудно было в то время на фронте. Отступали очень быстро. Много было паники. Ползли настойчивые слухи, что конец уже наступил, что Красная Армия разбита. Но наши девушки верили в то, что нас нельзя победить, а в то время это было самое главное. Ни на что не обращая внимания, они делали свое дело. Большинство тогда работали санитарками и сестрами.

(...) Около деревни Порожки передовой хирургический отряд получил от командира записку: «Нас обошли, через 10 минут у вас будут немцы — уходите». Что было делать? У нас было около 30 человек тяжело раненых, которые не могли двигаться. Бросить их на истязание немцам мы не могли. Врач ушел, говоря, что он еще нужен армии как специалист. Мы остались (...)

В феврале месяце 1943 г. я уехала учиться в офицерский полк (...) Когда я вернулась на фронт, обстановка изменилась. Шли большие наступательные бои... Женщин стало на фронте больше. Меня неприятно поразило то, что среди них были и такие, которые прилично «устроились», занимались нарядами, сплетнями, флиртом. (...) В штабе артиллерии армии не нашлось такого человека, который бы не удивился моему желанию пойти командовать огневым противотанковым взводом. Все меня уговаривали, убеждали: «Что Вам надо? Орденов? Вы их и здесь сможете получить за каждую операцию... Хорошо, если Вас убьют, а если искалечат? Кому Вы тогда будете нужны? И кому нужен Ваш патриотизм?»

Все были еще больше того удивлены, когда я добилась этого назначения и пошла командовать в истребительный противотанковый дивизион. Так я прошла Польшу и вступила на немецкую землю. (...) Я была тяжело контужена и потеряла зрение (...)

Выписали меня из госпиталя инвалидом второй группы. (...) Положенного мне инвалидного пайка я добилась с большим трудом. Вернее, паяк я не могу до сих пор получить, я добилась только разрешения, чтобы мне его выдали, но продуктов в магазине нет. (...) С большим трудом я добилась получения паспорта, с большим трудом я выхлопотала направление к профессору-специалисту. Но он посмотрел на меня, на мою справку о ранении и написал: «Вторая группа — на год». А как лечится, что делать, чтобы я скорее поправилась, я не смогла от него добиться, так как он очень спешил и пропускал за 30 минут 25 человек. Да разве обо всем напишешь? И везде, куда бы и по какому вопросу я ни обратилась, всего приходится добиваться с боем.

(...) Я говорила со многими женщинами-инвалидами Отечественной войны. Положение их везде одинаково. (...) Я думаю, что к женщинам-инвалидам должен быть особый подход. Они все отдали, защищая Родину. Большинство из нас по состоянию своего здоровья и мечтать не может о семейной жизни, о том, чтобы стать матерью, что основное в жизни женщины. Нехорошо, если девушки, которые героически боролись на протяжении всей войны на передовой наравне с мужчинами, раскаиваются в своих замечательных поступках, жалеют о своем чрезмерном патриотизме (...) Этот вопрос я поднимаю сейчас потому, что война окончена, настало время заботиться о людях, и в первую очередь о тех, кто больше всего пострадал. (...) Ведь дело не в одной мне, а во всех женщинах, которые отдали все Родине. Мне одной ничего не нужно (...)»⁵⁰

Такова была судьба одних. Другие бывшие фронтовики, напротив, смогли получить хорошую работу, престижную должность, поступить в вуз или продолжить прерванную во время войны учебу. Обретение разного социального статуса, несмотря на всю естественность и закономерность этого процесса, все же вносило известную разность интересов в бывшую когда-то единой фронтовую общность. Шел процесс, который М.Гефтер определил как «разлом поколения победителей»⁵¹, причем процесс отнюдь не стихийный, а целенаправленно управляемый сверху. Что, конечно, не было случайностью.

Фронтовиков, вернувшихся с войны, иногда называют потенциальными «неодекабристами», проводя исторические аналогии с событиями в России после войны 1812 года, связанными с восстанием декабристов 1825 г.⁵² Потенциал этот, как известно, не был реализован — во всяком случае напрямую — в первые послевоенные годы, будучи задавлен господствующим режимом. При этом почти никогда не возникает вопрос: а были ли фронтовики вообще способны реализовать себя как активную силу общественных перемен именно в первые годы после окончания войны? Вопрос этот представляется весьма серьезным; не только в смысле «измерения» запаса прочности потенциала свободы, но и с точки зрения установления момента времени, когда возможные прогрессивные перемены могли бы опереться на достаточно широкую общественную поддержку. Если продолжить аналогию с декабристами, то здесь момент времени несет ключевую нагрузку: восстание декабристов отделяет от окончания войны 1812 года расстояние более чем в десять лет. И не случайно. Война сама по себе не формирует политических позиций и тем более не создает организационных форм для развития политической деятельности — хотя бы потому, что у войны вообще другие задачи. Война влияет больше на изменение основ духовной жизни, дает импульс к перестройке мышления, т.е. создает нравственно-психологический задел для будущей деятельности. Вопрос о том, как он будет реализован, уже зависит от конкретных условий послевоенных лет. Однако следует признать очевидным, что первые годы после окончания войны — не самое благоприятное время для воплощения идей, так или иначе направленных против существующей власти. Невозможность такого рода открытого столкновения можно объяснить действием следующих факторов.

Во-первых, сам характер войны — отечественной, освободительной, справедливой — предполагает единство общества (и народа, и власти) в решении общей национальной задачи — противостояния врагу; поэтому и победа в такой войне воспринимается как общая победа. Спаянная единым интересом, единой задачей выживания общность народ—власть начинает раскалываться лишь постепенно, по мере налаживания мирной жизни, формирования комплекса обманутых надежд «снизу» и обозначения первых признаков кризиса во властных структурах.

Во-вторых, необходимо учитывать фактор психологического перенапряжения людей, четыре года проведенных в окопах и нуждающихся в психоло-

гической разгрузке, в освобождении от экстремальности последних лет. Люди, уставшие разрушать, естественно стремились к созиданию, к миру. Мир на тот момент был высшей ценностью, исключаяющей насилие в какой бы то ни было форме. «Великая бездомность миллионов людей, именуемая войной, надоедает», — писал домой с фронта писатель Э.Казакевич, подчеркивая, что война «надоедает не опасностью и риском, а именно этой бездомностью своей»⁵³. Выступая в мае 1945 г. перед коллегами-писателями, В.Кетлинская призывала во всей сложности судеб и отношений, созданных войной, видеть «не только гордость победителя, но и большое горе пострадавшего, много пережившего народа»⁵⁴.

После войны неизбежно наступает период «залечивания ран» — и физических, и душевных — сложный, болезненный период возвращения к мирной жизни, в которой даже обычные бытовые проблемы, например проблема дома, подчас становятся в разряд неразрешимых. Проблема дома не только в смысле жилья, а прежде всего как проблема жизни, семьи (для многих за годы войны утраченной), становится главной проблемой послевоенного бытия. Ведущей психологической установкой на тот момент для фронтовиков была задача приспособиться к этой жизни, вписаться в нее, научиться жить по-новому. «Всем как-то хотелось наладить свою жизнь, — вспоминал В.Кондратьев. — Ведь надо же было жить. Кто-то женился. Кто-то вступил в партию... Надо было приспособливаться к этой жизни. Других вариантов мы не знали»⁵⁵. Возможно, у кого-то и были варианты, но для большинства фронтовиков проблема включенности в мирную жизнь имела на тот момент времени исключительно положительную заданность: обстоятельства принимались такими, какие они есть, как данность, в которой предстояло жить.

В-третьих. Восприятие окружающего порядка вещей как данности, формирующее в целом лояльное отношение к режиму, само по себе не означало, что всеми фронтовиками без исключения этот порядок вещей рассматривался как идеальный, или во всяком случае справедливый. И практика предвоенных лет, и опыт войны, и наблюдения во время заграничного похода заставляли размышлять, ставя под сомнение если не справедливость режима как такового, то его отдельных проявлений. Однако между фактом неудовлетворенности внутренним строем жизни и действием, направленным на изменение этого строя, не всегда существует прямая связь. Для установления такой связи необходимо промежуточное звено, содержащее программную конкретизацию будущих действий: замысел (что имеется в виду получить в результате перемен) и механизмы осуществления этого замысла (как, каким способом могут быть достигнуты первоначально заявленные цели). Этого промежуточного, по сути решающего, программного звена как раз и не хватало. «Мы многое не принимали в системе, но не могли даже представить какой-либо другой», — такое, на первый взгляд, неожиданное признание сделал В.Кондратьев⁵⁶. В нем — отражение характерного противоречия послевоенных лет, раскалывающего сознание людей ощущением несправедливости происходящего и безысходно-

стью попыток этот порядок изменить, поскольку он воспринимался как неизменяемая данность, не зависящая от собственной воли, собственных стремлений и желаний.

Все названные факторы позволяют подтвердить вывод о невозможности в первые годы после победы открытого противостояния народа и власти. Такова была особенность момента. Вместе с тем процесс вызревания политической оппозиции внутри страны имел и свою потенциальную динамику. Это значит, что у него была перспектива, и вполне возможно, что именно фронтовики (конечно, далеко не все, а либерально настроенная часть) могли стать потенциальной опорой и одной из главных движущих сил будущего реформационного процесса. Последнему, как правило, всегда предшествует эмоционально-критический этап, характеризующийся брожением умов и консолидацией активных политических сил. Начало этом процессу положила война. После войны он продолжался, хотя развитие его шло как бы исподволь, заслоненное другими задачами, и получило довольно специфические формы выражения.

Главным образом специфика эта обуславливалась особенностями каналов общения фронтовиков, которые и после войны продолжали тянуться друг к другу, связанные невидимыми нитями военной судьбы и общими нелегкими послевоенными проблемами. Жизнь в общих бараках и коммунальных квартирах, типичная для многих, была малопригодной средой для такого рода общения. Поэтому оно проходило, как правило, вне дома — либо в студенческих общежитиях (вернулись с фронта в вузы бывшие студенты, фронтовики пополнили ряды послевоенных абитуриентов), либо — что было гораздо чаще и, пожалуй, типичнее — в открывшихся после войны небольших кафе, закусочных, пивных (в народе их называли «голубыми дунаями»). Именно последние стали теми островками общения, благодаря которым возник совершенно особый феномен послевоенных лет — «шалманная демократия».

«О, сколько открыла этих щелей, забегаловок, павильонов, шалманов, всех этих “голубых дунаев” разоренная, полунищая страна, чтобы утешить и согреть вернувшихся солдат, чтобы дать им тепло вольного вечернего общения, чтобы помочь им выговориться, отмякнуть душой, поглядеть не спеша в глаза друг другу, осознать, что пришел уже казавшийся недостижимым мир и покой. В немислимых клинообразных щелях меж облупленными домами, на пустырях, среди бараков, заборов, на прибрежных лужайках выросли эти вечерние прибежища, и тут же народная молва, позабыв о невнятном учетном номере, присвоила каждому заведению точное и несмыслимое название, какого не сыщешь ни в одном справочнике,» — эта небольшая зарисовка из повести В.Смирнова «Заулки» дает возможность понять, что «голубые дунаи» в жизни людей, вернувшихся с войны, были одновременно и бытом и чем-то другим, стоящим над бытом⁵⁷.

Разъединенные житейскими проблемами, они вновь были вместе там, где царила фронтовая ностальгия. И чем безвыходнее и обыденнее становился послевоенный быт, тем острее и очевиднее отпечатывались в созна-

нии фронтовиков ценности войны, особенно те из них, что были связаны с явлением личностного свойства, когда человек был «до необходимости необходим». Мирная жизнь строилась уже на иных принципах: солдат, который на войне испытал чувство «словно ты один в своих руках судьбу России держишь», после войны вынужден был с горечью признать: «есть я, нету меня, все по-обычному течет»⁵⁸. Прежние ценности существовали только в узком дружеском кругу, да еще на маленьких островках «голубых дунаев». «9 мая 1950 года, — пометил в своем дневнике Э.Казакевич. — День победы... Я зашел в пивную. Два инвалида и слесарь-водопроводчик... пили пиво и вспоминали войну. Один плакал, потом сказал: Если будет война, я опять пойду...»⁵⁹ Т.Лещенко-Сухомлина (исполнительница русских романсов) наблюдала похожую сцену: двое молодых людей, оба фронтовики, оказались с ней за одним столиком в кафе, и один из них в порыве откровенности сказал: «Мы стали как деревянные болванчики — нас давно отучили мыслить самостоятельно: живем по команде сверху. Думали, после войны будет легче дышать. Нет, еще крепче окружили нас»⁶⁰.

Фронтная ностальгия задавала тон общению в «голубых дунаях», где откровенность разговоров и чувств была привычной, даже несмотря на присутствие соглядатаев. Там общение по-прежнему строилось по законам войны, а открытость, с которой люди делились пережитым, контрастировала с совершенно противоположными процессами, заполнявшими атмосферу внешнюю. Как бы ни относиться к самому факту существования «голубых дунаев», но они, в силу обстоятельств, стали последним прибежищем фронтового духа свободы — при всех неизбежных издержках этой специфической среды. Другие каналы были просто перекрыты; и не вина фронтовиков, что вместо свободы истинной им предоставили свободу поговорить за кружкой пива, да и ту свободу в скором времени отобрали, поставив последнюю точку в растянувшейся на годы кампании по целенаправленному уничтожению потенциала Победы.

Началась эта кампания фактически на другой день после победы, которую сразу же постаралась «поделить». В первом же послепобедном редакционном (читай: установочном) материале «Правды» распределение ролей выглядело следующим образом: «Победа не пришла сама собой. Она одержана самоотверженностью, героизмом, воинским мастерством Красной Армии и всего советского народа. Ее организовала наша непобедимая большевистская партия, партия Ленина—Сталина, к ней привел нас великий Сталин... Да здравствует наша великая сталинская Победа! (выделено мной. — Е.З.)»⁶¹. Итак, победа была названа одновременно «нашей» и «сталинской», но смысл подтекста был очевиден: «нашей» победа стала только потому, что она изначально была «сталинской». В том же номере «Правды» к разделу «Вести из страны» победа характеризовалась как «день, предсказанный товарищем Сталиным»⁶².

В Обращении к народу самого Сталина акценты были расставлены несколько иначе. Вождь обращался к «соотечественникам и соотечественницам», отдавая должное народу-победителю: «...Великие жертвы, принесен-

ные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом»⁶³. В Обращении не было ни слова сказано о партии и ее роли в организации победы. Сталин просто исключил это промежуточное звено, между собой и народом.

24 мая Сталин произнес свой знаменитый тост «за здоровье русского народа», в котором назвал русский народ «руководящей силой Советского Союза среди всех народов нашей страны», причем говоря о «руководящем народе», он вновь не обмолвился о «руководящей партии»⁶⁴. Спустя месяц, 25 июня, на приеме в Кремле в честь участников парада Победы в сталинской интерпретации появился новый нюанс — положение о «винтиках». Несмотря на то, что этот тост часто цитируется, выхваченный из общего контекста публикации, он представляет ограниченное поле для анализа. Между тем контекст в данном случае не менее важен, чем содержание тоста. Сталин выступил в заключительной части приема — после того, как отзвучали здравицы в честь военачальников, организаторов науки, руководителей промышленности. Его речь как бы выбилась из общего ключа: Сталин предложил тост «за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают “винтиками” великого государственного механизма, но без которых все мы — маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим (...). Это — люди, которые держат нас, как основание держит вершину»⁶⁵. Таким образом Сталин несколько скорректировал свой прежний тезис о единстве вождя и народа, построив отношения между ними на принципе «вершины» и «основания», одновременно понизив статус «руководящего и великого народа» до народа — «винтика». Тост заключал в себе и другой смысл: в нем Сталин не только устанавливал принцип иерархической общности между вождем и народом, но и одновременно противопоставлял «простых людей» — «начальникам», сохранив за собой положение верховного арбитра, центра, где сходятся нити управления и массами, и руководителями.

Еще до того, как вынесенная из войны система жесткого противостояния *мы—они* начнет менять субъекты отношений, Сталин осознанно или подсознательно пытался направить этот процесс в нужное ему русло. Он вычленил себя из общности *мы*, оставаясь за рамками всей конструкции, сохраняя за собой право управления процессом размежевания, в том числе и право определения «наших» и «не наших», «своих» и «врагов». Фактически это был возврат к довоенной системе властных отношений, восстанавливающей абсолютную власть вождя и игнорирующей заслуги истинного творца военной победы.

Вспоминая свои ощущения тех первых послевоенных лет, А.Черняев, фронтовик, тогда студент Московского университета, пишет: «Атмосфера не только в университете, но и во всей Москве отнюдь не способствовала выделению фронтовиков в особую, почитаемую категорию. Потом только стало понятно, что это и политика. Политика нивелировки общества, где

почет, слава, официальное признание — только тем, на кого укажет партия. Сталину не нужна была “суверенная” и гордая энергия “поколения комбатов” (...). Их надо было поставить в один ряд с прочими, а если и выдвигать, то “по партийной линии”, тогда они вынуждены будут играть по установленным правилам. Претензии стать носителями “нового декабризма” были быстро рассеяны в скучной и озабоченной повседнежке»⁶⁶.

Превращение «поколения победителей» в обычных, управляемых граждан действительно было целью государственной политики, главный смысл которой заключался в том, чтобы не допустить какой-либо консолидации фронтовиков. В мае 1945 г. председатель Совинформбюро А. Лозовский обратился к В. Молотову с предложением создать два объединения ветеранов войны — Совет Маршалов (под председательством Сталина) и Общество Героев Советского Союза (это звание носили тогда 9,5 тысяч человек). «Имея в виду, что среди Героев Советского Союза имеются люди разной культуры, разных национальностей, представители всех народов Советского Союза, — писал Лозовский, — было бы желательно *сохранить как-то связь между ними* через общественную организацию» (выделено мной. — Е.З.)⁶⁷. Это предложение не было принято, хотя речь шла об общественной (официально контролируемой) организации. Тем более власть не могла допустить какого-либо неформального, а значит, и неконтролируемого, объединения фронтовиков.

9 мая 1945 г. была учреждена медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной 1941–1945 гг.» На медали — сталинский профиль и слова «Наше дело правое». С. Щепачев написал стихи, посвященные Победе: «Тебя мы в лицо увидали, / был путь суров и велик. / На бронзовых наших медалях / Твой сталинский профиль отлит»⁶⁸.

Так формировался новый лик Победы — со «сталинским профилем». Начиная с победного выпуска 1946 г. «Правда» в этот день, 9 мая, выходила с большим портретом Сталина. Так было в 1947, 1948, 1949 и 1950 годах. С 1951 г. победные материалы появлялись уже без привычного портрета официально канонизированного символа победы, а 9 мая 1953 г. слова «День Победы» и «Победа» исчезли из газетных «шапок» и были упомянуты только в опубликованном здесь же традиционном приказе Министра обороны. Как будто вместе с уходом «вождя» Победа потеряла свой смысл и даже право на память. По крайней мере, в действиях пропаганды прочитывался именно такой контекст. Другое дело, что у Победы была живая память ее непосредственных носителей — не парадная, но подлинная — с привкусом горечи от несбывшихся надежд и нечаянных прозрений.

3. «Война окончена — теперь можно по домам!»: репатриированные, эвакуированные, мобилизованные

Характерной особенностью послевоенного общества является высокая мобильность населения. Разъединенные войной семьи, попавшие на чужбину люди, эвакуированные вглубь страны рабочие — многие из них с на-

ступлением мира стремились вернуться в родные места, в свои старые дома (у кого они сохранились) и в свои семьи. Основные потоки мигрантов в первые послевоенные годы состояли из демобилизованных, репатриированных, эвакуированных и мобилизованных на работу в военной промышленности. Далеко не всегда желания людей совпадали с намерениями властей, и происходило это по разным причинам. Иногда запрет на возвращение домой оправдывался «государственной необходимостью» — так было в случае с эвакуированными и мобилизованными рабочими. Что касается репатриированных, то для этой категории советских граждан ограничения были связаны главным образом с мотивами политическими.

Власти вообще подозрительно относились к каждому, кто побывал за пределами СССР, и это подозрение усиливалось в отношении лиц, которые на какое-то время вообще вышли из-под контроля советской идеологической машины. К последним относились советские граждане, побывавшие в плену или оккупации, а также вывезенные из страны в качестве «остарбайтеров».

Чего же опасались власти? Достаточно распространенную точку зрения на этот счет выразил на пленуме Воронежского обкома ВКП(б) в июне 1945 г. секретарь обкома по пропаганде Соболев. Он сказал: «Некоторые товарищи в агитационной и пропагандистской работе допускают такую ошибку: чрезмерное преувеличение западной культуры и соответственно недооценку нашей советской культуры (...). На эту сторону дела необходимо обратить тем большее внимание, что *буржуазное влияние сейчас будет проникать к нам во все возрастающих размерах (репатриированные, возвращающиеся с фронта бойцы, побывавшие в западных странах и т.д.)*»⁶⁹.

«Следует иметь в виду, — как бы продолжал эту мысль участник другого пленума, Брянского обкома, тоже секретарь по пропаганде, Черняховский, — что многие из демобилизованных были на территории буржуазных государств, видели капиталистическое хозяйство, буржуазную культуру и демократию и что отдельные из них, особенно политически слабо подготовленные, за время пребывания на территории буржуазных государств поддались буржуазному и мелкобуржуазному влиянию и будут проводить враждебную нам агитацию, восхвалять капиталистическую систему хозяйства, культуру и демократию»⁷⁰. Некоторые участники этих первых послевоенных пленумов считали, что подобные утверждения не вполне справедливы по отношению к демобилизованным воинам, но в своих сомнениях относительно политической благонадежности репатриантов практически все были единодушны.

О судьбе репатриантов за последние годы было написано немало⁷¹. Выводы историков о количестве репатриированных советских граждан несколько расходятся, как расходятся эти данные и в документах Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации: на 1 февраля 1946 г. таких граждан числилось 5 229 160 человек, на 1 марта того же года — 5 352 754 чел.⁷² Для приема репатриированных в пограничных областях создавались проверочно-фильтрационные пункты, на которых и решалась

дальнейшая судьба возвращающихся на родину людей. Эти пункты были мало приспособлены для жизни и, обнесенные со всех сторон колючей проволокой, скорее напоминали лагерь. «В Германии жили за колючей проволокой, приехали на родину — и вновь попали за колючку», — высказывали обиду репатриированные⁷³.

За время прохождения проверки репатриированные могли общаться только с представителями органов НКВД, НКГБ и СМЕРШа, которые часто открыто демонстрировали свое отношение к подопечным как к «неполноценным» гражданам. Случаи грубого обращения и насилий над репатриантами практически не расследовались. Подобное поведение официальных лиц соответствующим образом сказывалось на настроениях репатриантов. «Я не чувствую за собой вины перед Родиной, — делился один из них, — но я не уверен, что ко мне не будут применены репрессии. Здесь на пункте к нам относятся как к лагерникам, все мы находимся под стражей. Куда меня отправят — не знаю»⁷⁴.

Непроясненность гражданского статуса и неизвестность дальнейшей судьбы рождали среди репатриантов вопросы и сомнения: «Будем ли мы иметь право голоса?»; «Правда ли, что мы будем работать под конвоем?»; «Доверят ли мне прежний участок работы?»; «Правда ли, что нас будут ставить на самую тяжелую и низкооплачиваемую работу?»; «Будем ли мы получать заработную плату?»; «Восстановят ли меня в колхозе?»; «Будут ли репатриированных принимать в учебные заведения?»⁷⁵.

Даже после получения разрешения следовать дальше — на прежнее место жительства или в другую местность — проблемы для них не кончались: пассажирские поезда были переполнены, и часть репатриантов садилась в хоперы угольных составов или «путешествовала» другим аналогичным способом. Проводники нередко пускали репатриированных в вагоны, только получив от них определенную плату (деньгами, но чаще вещами, которые те с собою везли). После прибытия на место их ожидала новая проверка, теперь уже на областных приемно-распределительных пунктах.

Естественно, что основная часть репатриантов стремилась вернуться на прежнее место жительства, но органы репатриации далеко не всегда шли навстречу пожеланиям людей. Например, в Сталинградской области Отдел хозяйственного устройства эвакуанселения при областном исполкоме всех репатриированных отправлял в Медведицкий район. До войны в этом районе жили немцы, высланные в 1941 г., и репатрианты рассматривали его как место ссылки. По дороге многие разбежались и до района доезжала примерно треть.

Несмотря на заявления пропаганды, что «основная масса советских людей, находившихся в немецком рабстве, осталась верной советской родине»⁷⁶, отношение к репатриантам, особенно со стороны местных властей, было скорее негативным и почти всегда подозрительным. «Мы им тут контрреволюцию разводить не даем, сразу всех мобилизуем и отправляем на плоты, на сплав леса», — делился методами своей работы с репатриантами один районный начальник⁷⁷. Местные власти старались придержи-

вать средства, специально выделяемые для помощи репатриантам («давать-то им жалко — не стоят они этого»), органы ЗАГС не регистрировали детей репатрианток, рожденных вне родины («они не наши дети»)⁷⁸.

Репатрианты, особенно женщины, много рассказывали о своем пребывании за границей. И если официальная пропаганда рисовала жизнь этих людей на чужой земле как подневольное рабство, то их собственные рассказы часто противоречили этой привычной версии. Конечно, речь не шла о тех, кто побывал в плену, в концлагере и чей собственный горький опыт не шел ни в какое сравнение даже с тем, что предлагала советская пропаганда. Но были и другие истории, возможно, не типичные, но оттого и особенно запоминающиеся для слушателей.

Например, вернувшиеся в Смоленскую область две репатриантки рассказывали: «В Германии мы жили в несколько раз лучше, чем здесь. Крестьяне живут в Германии хорошо, одеваются так же, как и в городе, разницы между городом и деревней нет»⁷⁹. Или другая история, рассказанная уже в Калужской области: «Германия и ее порядки произвели на нас очень хорошее впечатление. Дом самого обыкновенного крестьянина хорошо обустроен: электрическое освещение, отопление, красивая мебель. У нас такие дома редко встречаются, только у наиболее интеллигентных людей. Немцы слишком культурны. Работать у помещика было нетрудно, и питание было очень хорошее»⁸⁰.

Вот такого рода информации, поступающей от репатриантов, и опасались власти, считая ее «восхвалением западного образа жизни». «Восхвалением» могла даже считаться фраза, вроде следующей, сказанной одной колхозницей: «Зачем Гитлер шел за нашими дерюгами, когда у них в Германии всего полно?»⁸¹ И тем не менее, чтобы не допустить распространения такой информации, власти не могли пойти на полную изоляцию репатриантов, хотя именно такое стремление демонстрировали отдельные чиновники, особенно на местах. Следуя этой логике, тогда пришлось бы, помимо репатриантов, изолировать и всех других носителей информации о жизни на Западе. А это была не больше не меньше, как вся демобилизованная армия.

Случаи коллаборационизма в годы войны действительно имели место, но, обвиняя всех оставшихся на оккупированной территории и попавших в плен как потенциальных коллаборантов, власти явно перестраховывались. После войны все эти люди носили незримое клеймо «неполноценных» советских граждан. В анкетах, обязательных при поступлении на работу или в высшее учебное заведение, появился специальный пункт о пребывании в плену или оккупации. У человека, отвечающего на этот вопрос анкеты утвердительно, практически не было шансов обрести в дальнейшем престижную профессию или учиться в вузе. Исключения, конечно, были, но они лишь подтверждали правило.

Вместе с окончанием войны началось движение за возвращение домой в среде эвакуированных и мобилизованных рабочих. Уже с середины мая 1945 г. в ЦК ВКП(б) регулярно поступали сообщения из обкомов, что рабочие самовольно покидают предприятия «по мотивам окончания войны».

«Поступающие за последние дни мая месяца сигналы с отдельных предприятий оборонной промышленности, — докладывал Ростовский обком ВКП(б), — свидетельствуют, что отдельные мобилизованные в период войны рабочие ошибочно считают свою работу на предприятиях, шахтах, стройках уже законченной, делают прогулы, настаивают на освобождении от работы, а некоторые встают на путь дезертирства»⁸². Новосибирский обком партии, например, специально обсуждал вопрос «О настроениях грядущих в связи с окончанием войны».

«Вы требовали хорошо работать для помощи фронту, — объясняли свою позицию рабочие, — сейчас же война окончилась, а вы опять требуете напряженной работы». Мастер цеха комбината № 179 Новосибирска, выпускавшего снаряды, на вопрос начальника цеха, почему был сорван производственный график, спокойно ответил: «Раньше я мобилизовывал свой коллектив на освобождение нашей земли, а теперь Германия разбита и нечего портить металл на снаряды»⁸³.

Дезертирство с предприятий мобилизованных рабочих превратилось в массовое явление. Так, на Таганрогском заводе им. Сталина в июле 1945 г. имелось 92 случая дезертирства, в августе — 225, по комбинату «Ростов-уголь» — соответственно 919 и 1510 случаев⁸⁴. С мая по август в 2,5 раза увеличились случаи дезертирства на заводах Горьковской области⁸⁵, о таком же положении дел на предприятиях сообщали обкомы Сибири, Поволжья, Краснодарского края. Рабочих не пугали даже меры наказания за нарушение трудовой дисциплины, тем более, что 7 июля 1945 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии в связи с победой над Германией, который был расценен как некая гарантия от слишком сурового штрафа за самовольный уход с предприятия. Кроме того, этот указ воспринимался как еще одно подтверждение, что период войны закончился и пора жить по законам мирного времени. Сдвиг в массовом сознании, обозначивший переход от войны к миру, произошел быстрее, чем к такому переходу оказались готовы государственные структуры и сама власть. Власть и на центральном, и на местном уровне оказалась неготовой к столь резкой смене настроений и к такому нажиму со стороны людей, апеллирующих к ней в стремлении отстоять свои права. В местные административные органы, но чаще — в наркоматы, ЦК ВКП(б), Президиум Верховного Совета СССР шли письма, коллективные и индивидуальные, с одной просьбой — разрешить вернуться в родные места.

Во второй половине 1945 г. резко увеличился поток писем-обращений в Приемную председателя Президиума Верховного Совета СССР. В итоговом докладе о работе Приемной делался такой вывод: «После окончания войны довольно характерно стало (...), когда в письмах и ходатайствах все настойчивее ставятся вопросы об удовлетворении самых разнообразных просьб и нужд трудящихся. (...) Авторы этих писем при этом, как правило ссылаются на то, что *раз война уже кончилась, то все их многочисленные нужды могут быть удовлетворены сразу же полностью или частично*» (выделено мной. — Е.З.)⁸⁶. Канцелярией Приемной в 1945 г. было зарегистрирова-

но 208 225 письменных обращений, тогда как в 1944 г. таких обращений было 156 145, а в 1940 г. — только 86 890⁸⁷. Четверть этих обращений касалась так называемых трудовых вопросов, среди которых на первом месте находились проблемы рабочих, эвакуированных вместе со своими заводами.

Группа рабочих свердловского завода «Электросталь», эвакуированных из Харькова, обратилась в Президиум Верховного Совета с таким письмом: «Мы считаем, что наступило время, когда мы, семьи которых находятся в Харькове, сможем вернуться в Харьков. Наши семьи эвакуироваться с нами не могли. Все время, больше трех с половиной лет, жили и живем, как солдаты на войне, т.е. ничего нет, кроме чемодана и вещевого мешка. Естественно, все наши устремления после войны — вернуться к семьям». Другие писали еще короче: «Мы, шахтеры Донбасса, эвакуированы в 1941–1942 гг., самоотверженно трудились во время войны. Сейчас война кончилась, отпустите нас к своим детям»⁸⁸.

Большинство писем были все-таки индивидуальными. «Проработал на заводе им. Ильича свыше 20 лет, — писал кадровый рабочий А.К.Козлов. — Наш завод эвакуировали на Урал, где и работаю до настоящего времени. Дайте возможность дожить свои годы в своей семье до смерти, больше этого я у Вас ничего не прошу (...)». Или просто, как рабочий Ф.Ф.Кошелев: «(...) разрешите мне вернуться на родину. Очень я устал, живя в одиночестве»⁸⁹.

Поток писем эвакуированных, индивидуальных и коллективных, продолжал расти в течение всего 1945 г. и несколько сократился в ноябре-декабре: в июне таких писем в Президиум Верховного Совета поступило 2 371, в июле — 3 563, в августе — 5 175, в сентябре — 5 309, в октябре — 5 524, в ноябре — 4 192, в декабре — 3 680⁹⁰.

Администрация предприятий и местные власти порой весьма болезненно и неадекватно реагировали на подобную активность рабочих. Так, Чкаловский горком партии на своем заседании специально обсуждал коллективное письмо рабочих завода «Автозапчасть», под которым стояло 39 подписей. Рабочие жаловались на плохие условия труда, бытовую неустроенность и на невнимание к их нуждам со стороны администрации. В своем решении по поводу этого письма горком обвинил его авторов в том, что они встали на «антипартийный путь», а факты, изложенные в письме, были названы «клеветническими утверждениями на партийные, советские органы, а также на население г. Чкалова»⁹¹.

Условия жизни рабочих эвакуированных предприятий на протяжении всей войны оставались очень тяжелыми, но в военное время с ними мирились как с неизбежностью. После того, как война закончилась, отношение людей к бытовому неустройству резко изменилось. Плохие условия жизни стали одной из причин недовольства и волнений рабочих на заводах Урала и Сибири, производственные коллективы которых состояли в основном из эвакуированных. Комиссия ЦК ВКП(б), изучившая в сентябре-октябре 1945 г. положение на ряде оборонных заводов, сделала, например, такое заключение по танковому заводу в городе Омске: «Проверкой установле-

но, что настойчивые требования рабочих возвращения на прежнее место жительства вызываются тяжелыми жилищными условиями, неудовлетворительным снабжением одеждой и обувью и продуктами питания. (...) Дома и общежития совершенно не благоустроены и не приспособлены к зимним сибирским условиям. (...) Рабочие и их семьи испытывают исключительно острую нужду в одежде, обуви и белье. За 1945 г. на одного работающего в среднем выдано готовых швейных изделий — 0,38 штуки и обуви — 0,7 штук. Некоторые рабочие обносились до того, что не могут показаться в общественном месте»⁹².

Рабочие протестовали против подобных условий жизни: отказывались работать более 8 часов в день, выражали открытое недовольство администрацией предприятия, требовали немедленного возвращения на прежнее место жительства (большинство рабочих были эвакуированы в Омск с предприятий Ленинграда, Ворошиловграда и других городов). Аналогичная ситуация наблюдалась и на других заводах Урала и Сибири, даже там, где положение было относительно благополучным⁹³. Как, например, на заводе им. Кирова в Челябинске (ЧТЗ).

Этот завод, директором которого был И.М. Зальцман, выпускал тяжелые танки ИС-2, ИС-3. Я.Е. Гольдштейн, много лет проработавший на этом заводе, впоследствии вспоминал, что Зальцман «постоянно заботился, чтобы его работникам в тех тяжелейших условиях было хоть немного лучше, при этом проявлял большую изобретательность. Так, например, создал на базе скромной дачи Енукидзе санаторий на красивейшем озере Урала — Увильды (это в войну-то!). Построил дачные поселки-пансионаты (...). Он даже распорядился организовать мастерскую по производству валенок и обул ими треть работавших на заводе, прежде всего эвакуированных, чем буквально спас их здоровье и жизнь в те морозные зимы. (...) Премировал он не только одним-двумя окладами, но и особо ценными для эвакуированных вещами: пальто, отрезами на костюм и платье, продовольственными наборами, которые завозили прямо на квартиру»⁹⁴.

Летом 1945 г. на заводе сложилась критическая ситуация: рабочие стали требовать разрешения вернуться домой. Тогда на ЧТЗ работали более 6 тысяч ленинградцев, 4,5 тысячи харьковчан, 2 тысячи сталинградцев, 11 тысяч мобилизованных из армии и около 4 тысяч выпускников ремесленных училищ. Настроены вернуться в родные места были около 30 тысяч рабочих, а всего на заводе работали 40 тысяч⁹⁵. Естественно, администрация не могла допустить такого массового оттока рабочих с завода. В течение августа в цехах проводились собрания, на которых выступал директор и объяснял, убеждал, говорил с людьми. Зальцман признавал стремление рабочих вернуться домой законным и обещал, что оно будет выполнено, но не сразу, а постепенно. И почти всегда ему удавалось переломить настроение аудитории, даже если она сначала встречала его свистом и топотом⁹⁶.

Тем не менее, настроения в пользу реэвакуации были такими массовыми, что это потребовало принятия специальных запретительных мер: руко-

водители соответствующих наркоматов издали распоряжения, запрещающие рабочим покидать свои предприятия под угрозой судебной ответственности. Однако даже репрессивные меры не остановили тогда стихийную реэвакуацию. В августе 1945 г. Военной цензурой наркомата госбезопасности было зарегистрировано 135 писем омских рабочих, адресованных родным и знакомым, в которых высказывались жалобы по поводу создавшегося критического положения.

«Условия жизни на заводе жуткие, — говорилось в одном из этих писем, — люди бегут с завода пачками, особенно ленинградцы. За последнее время убежало около 400 человек. Приказ наркома Малышева: всех беженцев направлять снова в Омск и судить их. Ждем, что будет дальше»⁹⁷. Встречались письма, авторы которых были настроены более решительно: «Рабочие все свои силы отдали на разгром врага и хотели вернуться в родные края, к своим родным, в свои квартиры. А теперь вышло так, что нас обманули: вывезли из Ленинграда и хотят оставить в Сибири. Если только так получится, тогда все мы, рабочие, должны сказать, что наше правительство предало нас и наш труд. Пусть они подумают, с каким настроением остались рабочие»⁹⁸.

На нескольких оборонных заводах Урала и Сибири в течение июля — сентября 1945 г. были отмечены волнения рабочих. Ситуация обострилась настолько, что 4 августа 1945 г. секретариат ЦК ВКП(б) специально рассматривал этот вопрос и принял постановление по трем заводам, где положение рабочих было наиболее удручающим, обязав администрацию заводов и наркоматы принять срочные меры по удовлетворению законных претензий рабочих (за исключением разрешения на возвращение домой)⁹⁹.

Одновременно принимались решения, призванные закрепить рабочих в восточных районах страны. 25 августа 1946 г. Совет Министров СССР издал постановление «О мероприятиях по улучшению материально-бытовых условий рабочих, инженерно-технических работников и служащих предприятий, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке». Однако меры, предусмотренные этим постановлением, очень медленно проводились в жизнь, программа строительства жилья, т.е. проблема номер один для этих регионов, фактически срывалась, что регулярно фиксировали проверки официальных органов¹⁰⁰.

В 1947 г. ЦК ВКП(б) провел проверку угольных шахт Кемеровской, Сталинской, Карагандинской, Тульской, Ростовской, Челябинской областей. Проверкой было установлено, например, что на большинстве шахт Кузбасса и Донбасса условия труда по-прежнему оставались приближенными к военным. Последствия войны сказались и на кадровом обеспечении шахт, число кадровых рабочих-угольщиков составляло 20–25% от общего числа шахтеров, остальные пришли в забой во время войны и после¹⁰¹. Дезертирство продолжало оставаться хронической проблемой. Так, в 1947 г. в Кемеровской области самовольно покинули шахты 29 тыс. рабочих¹⁰².

На шахтах Кузбасса создалось крайне тяжелое положение с обеспечением рабочих жильем. На шахте имени Сталина, например, более 350 рабочих даже спустя два года после окончания войны продолжали жить в землянках, а на шахте имени Кирова в землянках размером 40 кв. метров находилось по 10–12 семей (т.е. на одного человека приходилось меньше 1 кв. метра площади, которую и жильем назвать было нельзя)¹⁰³.

С аналогичными проблемами сталкивалась администрация предприятий черной металлургии: только за 11 месяцев 1947 г. на них прибыло 163 тыс. человек, а выбыло 155 тыс., из них самовольно — около 30% рабочих¹⁰⁴. Среди «дезертиров» было много эвакуированных. «Была война, нас держали на привязи, рабочий не имел возможности уволиться, — высказывал общее недовольство один из них. — Теперь пора бы уже дать свободу, чтобы рабочий имел возможность работать там, где ему хочется»¹⁰⁵.

Дезертирство с предприятий превращалось в своеобразную форму протеста людей, которые не желали мириться с нормами военного быта в условиях наступившего мира. Другое дело, что многие руководители все еще продолжали жить и управлять в соответствии с законами военного времени. Министр угольной промышленности западных районов СССР А.Засядько докладывал секретарю ЦК А.Кузнецову: «Детальное ознакомление с постановкой дела бытового устройства рабочих и инженерно-технических работников со всей очевидностью показало, что у хозяйственных, партийных и профсоюзных организаций вопросы быта в их работе являются вопросами второстепенными»¹⁰⁶. И далее нарком пояснял: «За годы войны эти руководители привыкли работать с такими контингентами, как военнопленные, репатриированные, интернированные, окруженцы, заключенные, мобилизованные, и, не замечая происшедших огромных изменений в составе рабочих в связи с резким сокращением разных спецконтингентов, отменной мобилизаций, продолжают относиться к рабочему так, как они относились к людям, работавшим под конвоем»¹⁰⁷.

Постановлением Совета Министров СССР от 7 марта 1947 г. было прекращено применение одного из «военных» указов — от 26 декабря 1941 г.¹⁰⁸, предусматривающего ответственность за самовольный уход с предприятий, в целом ряде отраслей промышленности и на всех предприятиях и стройках Москвы и Ленинграда. Самовольный уход с работы стал квалифицироваться по Указу от 26 июня 1940 г., предусматривавшему более «мягкие» меры ответственности (вместо 5–8 лет 2–4 месяца)¹⁰⁹. Тем не менее только в течение 1948 г. за самовольный уход с работы по Указу 1941 г. было осуждено 24,6 тыс. человек, а число осужденных за ту же провинность по Указу 1940 г. возросло с 215,7 тыс. в 1947 г. до 250 тыс. — в 1948 г.¹¹⁰ До мая 1948 г. сохранялось военное положение на железнодорожном и водном транспорте, где действовали особые судебные органы. Сохранение этих атрибутов военного времени, наличие которых и в годы войны не всегда было оправданным, в условиях перехода к миру становилось одним из источников роста критических настроений. 31 мая 1948 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Указ от 26 декабря 1941 г. был признан

утратившим силу, однако законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за самовольный уход с работы, прогулы и опоздания, продолжало действовать до 1956 г.

4. «Опьянение победой»: послевоенные настроения

С чего начинались послевоенные годы? С Победы. С пафоса восстановления. С огромных потерь и лишений. Все так. Но прежде всего они начинались с надежды. Ожиданием перемен была пропитана вся послевоенная атмосфера. Этим ожиданием жила страна, жил мир. Россия обрела статус державы-победительницы, мировой державы. После длительного раскола на враждующие лагеря мир на какой-то момент почувствовал возможность обретения единства и взаимопонимания. Правда, этот момент был непродолжительным, и недавние союзники быстро разбрелись по разные стороны «железного занавеса», обнаружив слишком много претензий друг к другу, чтобы быть понятыми. Так было. Однако в мае 1945-го еще казалось, что все может повернуться иначе.

Факт военной победы поднял на небывалую высоту не только международный престиж Советского Союза, но и авторитет режима внутри страны. «Опьяненные победой, зазнавшиеся, — писал в этой связи писатель, фронтовик Ф.Абрамов, — мы решили, что наша система идеальная, (...) и не только не стали улучшать ее, а наоборот, стали еще больше догматизировать»¹¹¹. Русский философ Г.Федотов, размышляя о влиянии роста авторитета Сталина на развитие внутривластных процессов, тоже приходил к малоутешительному выводу: «Наши предки, общаясь с иностранцами, должны были краснеть за свое самодержавие и свое крепостное право. Если бы они встретили повсеместно такое же рабское отношение к русскому царю, какое проявляли к Сталину Европа и Америка, им не пришлось бы в голову задуматься над недостатками в своем Доме»¹¹².

Поговорка «победителей не судят!» — не оправдание, но повод для раздумий. Как у Виктора Некрасова: «Увы! Мы простили Сталину все! Коллективизацию, тридцать седьмые годы, расправу с соратниками, первые дни поражения. И он, конечно же, понял теперь всю силу народа, поверившего в его гений, понял, что нельзя его больше обманывать, что только суровой правдой в глаза можно все объединить, что к потокам крови прошлого, не военного, а довоенного, возврата нет. И мы, интеллигентные мальчишки, ставшие солдатами, поверили в этот миф и с чистой душой, открытым сердцем вступили в партию Ленина—Сталина»¹¹³.

О метаморфозах сознания в связи с Победой писал и будущий диссидент, а тогда кадровый военный офицер Петр Григоренко: «Сомнения, стучавшиеся в душу накануне войны, исчезли. Сталин был снова для меня “великий непогрешимый вождь” и “гениальный полководец”. Ошибки, глупости и преступления каким-то чудом испарились, либо оказались “гениальным прозрением”. (...) Но таково обаяние победы и славословия вождю, что эту чушь принимаешь за откровение. (...) Все, что говорилось о

Сталине, о партии, о стране, воспринималось мною как истина в первой инстанции. (...) Меня не могло смутить ничто. В стране голодают? Так это же естественно — страна вынесла на своих плечах такую войну, перенесла невиданную разруху. Советских военнопленных эшелонами гонят в лагерь? А как же иначе, если они предали родину в тяжелый час? (...) В общем, никаких туч на моем политическом горизонте не просматривалось. Я с надеждой и оптимизмом смотрел в свое послевоенное будущее»¹¹⁴.

Май 1945 года — пик авторитета Сталина, имя которого в сознании большинства современников не только сливалось с Победой, но и сам он воспринимался как чуть ли не носитель божественного промысла. Военный корреспондент А.Авдеенко вспоминал, как он пришел на парад Победы вместе с маленьким сыном: «Беру сына на руки, поднимаю. Мавзолей в десяти метрах или чуть больше. Трибуна и все, кто на ней, как на ладони. Видишь? — Ага. Под дождем стоит. Старенький. Не промокнет? — Закаленная сталь не боится дождя. — Значит, стальной человек? Потому и называется Сталин? — Человек обыкновенный. Воля стальная. — Папа, почему он не радуется, он на кого-то рассердился? — На Бога, наверное. Не послал нам хорошую погоду. — А почему Сталин не приказал Богу сделать нам хорошую погоду?..»¹¹⁵

Сталин-человек к тому моменту уже настолько растворился в имидже вождя, что остался по сути одни этот имидж — живой идол. Массовое сознание, наделившее идола — как и положено — мистической силой, одновременно освятило все, что с этим идиолом идентифицировалось — будь то авторитет системы или авторитет идеи, на которой держалась система. Такова была противоречивая роль Победы, которая принесла с собой дух свободы, но наряду с этим создала психологические механизмы, блокирующие дальнейшее развитие этого духа, механизмы, которые стали консерваторами позитивных общественных процессов, зародившихся в особой духовной атмосфере военных лет. Эйфория победы, как оказалось, — не самый благоприятный настрой для того, чтобы говорить о проблемах. А это мешает конструктивному анализу ситуации, хотя и не сводит шансы подобного анализа вовсе к нулю.

Будь иначе, вряд ли тот же Г.Федотов, представляя себе все сложности либеральной трансформации советского режима, все-таки написал в 1945 г.: «Сейчас нет мучительнее вопроса, чем вопрос о свободе в России. Не в том, конечно, смысле, существует ли она в СССР, — об этом могут задумываться только иностранцы, и то слишком невежественные. Но в том, возможно ли ее возрождение там после победоносной войны, мы думаем все сейчас — и искренние демократы, и полуфашистские попутчики»¹¹⁶. Задаваясь вопросом «возможно ли?», ни Федотов, ни другие трезвомыслящие умы внутри страны и за ее пределами, не давали на него однозначного ответа и не представляли себе путь демократических изменений в СССР в виде одномоментного поворота. Просто они расценивали послевоенную ситуацию как шанс для развития подобного поворота, хотя и считали его небольшим.

Демократические традиции во внутренней жизни страны были очень слабы. Политические структуры и способ организации духовной жизни тяготели к авторитарным формам и не были восприимчивы к разного рода новациям. Но война, открывшая окно в мир, дала возможность учиться на опыте демократических государств Европы и Америки. Не случайно М.Гефтер, имея ввиду процессы эволюции сознания людей на войне, писал: «Да, это наше — русское, российское, советское, но это еще и Мир, вошедший в нас тогда...»¹¹⁷ Война расширила пределы сознания, а вместе с тем и зону «субъективного всемогущества», в которой человек был потенциально готов реализовать себя. Весной сорок пятого «люди не без основания считали себя гигантами», — делился своими ощущениями Э.Казакевич¹¹⁸.

С этим настроем фронтовики вошли в мирную жизнь, оставив, как им тогда казалось, за порогом войны самое страшное и тяжелое. Однако действительность оказалась сложнее — совсем не такой, какой она виделась из окопа. «В армии мы часто говорили о том, что будет после войны, — вспоминал журналист Б.Галин, — как мы будем жить на другой день после победы, — и чем ближе было окончание войны, тем больше мы об этом думали, и многое нам рисовалось в радужном свете. Мы ни всегда представляли себе размер разрушений, масштабы работ, которые придется провести, чтобы залечить, нанесенные немцами раны»¹¹⁹. «Жизнь после войны казалась праздником, для начала которого нужно было только одно — последний выстрел», — как бы продолжал эту мысль К.Симонов¹²⁰. Иных представлений трудно было ждать от людей, четыре года находившихся под психологическим прессом чрезвычайной военной обстановки, сплошь и рядом состоящей из нестандартных ситуаций. Вполне понятно, что «нормальная» жизнь, где можно «просто жить», не подвергаясь ежеминутной опасности, в военное время виделась как подарок судьбы. Война в сознание людей — фронтовиков и тех, кто находился в тылу, — привнесла переоценку и довоенного периода, до известной степени идеализировав его. Испытав на себе лишения военных лет, люди, часто подсознательно, скорректировали и память о прошедшем мирном времени, сохранив хорошее и забыв о плохом. Желание вернуть утраченное подсказывало самый простой ответ на вопрос «как жить после войны?» — «как до войны».

«Жизнь-праздник», «жизнь-сказка» — с помощью этого образа в массовом сознании моделировалась и особая концепция послевоенной жизни — без противоречий, без напряжения, стимулом развития которой был фактически только один фактор — надежда. И такая жизнь существовала — но только в кино и книгах. Интересный факт: за время войны и в первые послевоенные годы в библиотеках отмечался рост спроса на литературу приключенческого жанра и даже сказки¹²¹. С одной стороны, подобный интерес объяснялся изменением возрастного состава работающих и пользующихся библиотеками: за время войны на производство пришли подростки (на отдельных предприятиях они составляли от 50 до 70% занятых). После войны читательскую аудиторию библиотеки приключений дополни-

ли молодые фронтовики, процесс интеллектуального роста которых преврала война и которые в силу этого после фронта вернулись к юношескому кругу чтения. Но есть и другая сторона этого вопроса: рост интереса к такого рода литературе и кинематографу был своеобразной реакцией отторжения той жестокой реальности, которую несла с собой война. Нужна была компенсация психологическим перегрузкам. Поэтому еще на войне можно было наблюдать, свидетельствует, например, фронтовик М.Абдулин, «страшную жажду всего, что не связано с войной. Нравился немудрящий фильм с танцами и весельем, приезд артистов на фронт, юмор»¹²². Жажда мира, подкрепленная верой, что жизнь после войны быстро будет меняться к лучшему, сохранилась на протяжении первых послевоенных лет.

Для человека послевоенного общества вообще характерно в своем сознании отторгать мысли и поступки, связанные с экстремальным поведением. Отторжение экстремальности — одна из черт человеческой психологии, в условиях перенапряжения действующая как механизм самосохранения. Неудивительно, каким успехом в послевоенные годы пользовались разные формы отвлечения от реальности, и самая доступная из них — кино. Современники до сих пор вспоминают популярные в послевоенные годы «трофейные» киноленты: «Девушка моей мечты», «Индийская гробница», «Тарзан». Из отечественных фильмов первый ряд популярности, несомненно, занимала комедия «Кубанские казаки». Фильм рассказывал о жизни послевоенной деревни — радостной, веселой, полной изобилия. Ничего подобного в действительности, конечно, не было, за что впоследствии фильм подвергался самой резкой и справедливой критике. Но критика не учитывала одного обстоятельства: у этого фильма-сказки была своя правда, передающая дух того времени. Журналист Т.Архангельская вспоминает интервью с одной из участниц съемок фильма; та рассказывала, как голодны были эти нарядные парни и девушки, на экране весело рассматривавшие муляжи фруктов, изобилие из папье-маше, а потом добавила: «Мы верили, что так и будет и что всего много будет — (...) чего захочешь. И нам так нужно было, чтобы все было нарядно и чтобы песни пели»¹²³.

Надежда на лучшее и питаемый ею оптимизм задавали ударный ритм началу послевоенной жизни, создавая особую — послевоенную — общественную атмосферу. «Все мое поколение, за исключением разве некоторых, переживало трудности, — вспоминал то время известный строитель В.П.Сериков. — Но духом не падали. Главное — война была позади. Была радость труда, победы, дух соревнования»¹²⁴. Эмоциональный подъем народа, стремление приблизить своим трудом по-настоящему мирную жизнь позволили довольно быстро решить основные задачи восстановления. Однако этот настрой, несмотря на его огромную созидательную силу, нес в себе и тенденцию иного рода: психологическая установка на относительно безболезненный переход к миру («самое тяжелое — позади!»), восприятие этого процесса как в общем непротиворечивого, чем дальше, тем больше

вступали в конфликт с реальной действительностью, которая не спешила превращаться в «жизнь-сказку».

Примечания

1. Подробнее об идеологической подготовке к войне см.: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник статей. М., 1995; *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997.
2. *Симонов К.* Письма о войне. 1945–1979 гг. М., 1990. С. 78.
3. *Алексеев С.* Не потерять бы... Размышления о настоящем, к которым примешаны грусть об утратах прошлого и тревога за наше будущее // Советская культура. 1990.13 декабря.
4. *Войтоловский Л.* Очерки коллективной психологии. Ч. 1. Пг., 1924. С. 49.
5. *Тард Г.* Общественное мнение и толпа. М., 1902. С. 160.
6. *Гейфтер М.* В предчувствии прошлого // Век XX и мир. 1990. № 9. С. 34.
7. Там же.
8. Шел солдат... // Комсомольская правда. 1990. 26 апреля.
9. *Кондратьев В.* Парадоксы фронтовой ностальгии // Литературная газета. 1990. 5 мая. С. 9.
10. Там же.
11. *Астафьев В.* Высота войны // Литературная газета. 1991. 19 июня. С. 1.
12. Цит. по: *Кондратьев В.* Парадоксы фронтовой ностальгии // Литературная газета. 1990. 5 мая. С. 9.
13. *Симонов К.* Письма о войне. 1943–1979 гг. С. 80–81.
14. *Гейфтер М.* «Сталин умер вчера...» // Иного не дано. М., 1988. С. 305.
15. *Гейфтер М.* От анти-Сталина к не-Сталину: непройденный путь // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 501.
16. Украденная победа // Комсомольская правда. 1990. 5 мая.
17. *Самойлов Д.* Памятные записки. М., 1995. С. 210.
18. Интервью с В.Кондратьевым. Личный архив автора.
19. Война, которую не знали. Из дневника, прокомментированного самим автором 45 лет спустя // Советская культура. 1990. 5 мая.
20. *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В.Сталине // Знамя. 1988. № 3. С. 48.
21. Там же.
22. *Овечкин В.В.* Статьи, дневники, письма. М., 1972. С. 203.
23. Даже полученные в распоряжение историков ранее секретные материалы о демографическом составе населения в период и после войны не прояснили ситуацию в полной мере. Показатели рождаемости и смертности населения, содержащиеся в документах различных ведомств (например, Центрального статистического управления СССР и Министерства здравоохранения) часто не только не совпадают, но и противоречат друг другу. Подробнее об этом см.: *Попов В.П.* Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой отечественной войны // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 76–79.
24. Население Советского Союза. 1922–1991 гг. М., 1993. С. 77.
25. Там же. С. 121–134.
26. *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой отечественной войны. М., 1963. С. 318.
27. *Strohm J.* «Just Tell the Truth». The Uncensored Story of the Common People Live behind the Russian Iron Curtain. New-York, London, 1947. P. 26–27
28. *Попов В.П.* Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой отечественной войны // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 91.
29. Население Советского Союза. 1922–1991 гг. С. 53, 70.

30. Докладная записка «О предварительных итогах медицинского осмотра подростков в 1936 г.» Август 1936 г. // ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1182. Л. 113.
31. Там же. Л. 113–114.
32. Докладная записка «О состоянии здоровья подростков и молодых рабочих и организация их медицинского обслуживания». 26 июля 1945 г. // ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 384. Л. 65.
33. Докладная записка уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Горьковской области «О неудовлетворительном культурно-бытовом обслуживании и производственных условиях рабочих-подростков на ряде предприятий Горьковской области». 11 июня 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 103. Л. 77.
34. Там же.
35. Справка Прокуратуры СССР о состоянии детской безнадзорности и работе по борьбе с нею в г. Москве. 2 марта 1946 г. // ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2322. Л. 17.
36. Там же. Л. 18.
37. История СССР с древнейших времен. Т. 11. С. 53.
38. Там же. С. 56.
39. Информация Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) о выполнении постановления ЦК ВКП(б) от 25 августа 1945 г. «О работе местных партийных организаций и советских органов по устройству демобилизованных из действующей армии». 11 марта 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 145. Л. 193.
40. Там же. Л. 194.
41. Там же.
42. Шнайдер Б. Неизвестная война // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 110
43. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Собр. соч. в 9 т. Т. 9. С. 459.
44. Докладная записка заведующего отделом Управления кадров ЦК ВКП(б) Петрова «О необходимости перестройки дела лечебной помощи инвалидам Отечественной войны». 25 апреля 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 511. Л. 107.
45. Там же. Л. 108.
46. Докладная записка Генерального прокурора СССР Г.Сафонова Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.Швернику. 29 октября 1948 г. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 588. Л. 37.
47. Там же. Л. 38.
48. Докладная записка Управления кадров ЦК ВКП(б) «О неудовлетворительном выполнении решений правительства по обслуживанию слепых». 26 мая 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 795. Л. 111.
49. Там же. Л. 110.
50. Письмо А.Анисимовой К.Ворошилову. 27 октября 1945 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 54. Д. 26. Л. 224–228.
51. Гефтер М. «Сталин умер вчера...» // Иного не дано. М., 1988. С. 305.
52. При всей разности конкретно-исторических условий обе войны — и война 1812 года и Великая отечественная война 1941–1945 гг. — имели во многом сходные социально-психологические последствия (пробуждение «духа свободы», надежды народа на лучшую жизнь в качестве «награды» за победу, зарождение прогрессивных политических идей в среде интеллигенции и др.). Можно отметить также относительное тождество между настроениями крестьянства в пользу отмены крепостного права, активизировавшимся после войны 1812 года, и надеждами крестьян 1945-го на роспуск колхозов, в том и другом случае направленных против жесткой государственной зависимости и внеэкономического принуждения.
Обе войны послужили импульсом для переоценки политических ценностей в умах представителей социальных групп, находящихся у власти: постепенно в этой среде оформляются охранительное и реформистское крыло. Последнее отличает общая направленность стержневой идеи — движение от абсолютной власти монарха («вождя») к власти, ограниченной влиянием демократических институтов — в той или иной степени.
53. Казакевич Э.Г. Слушая время. Дневники, записные книжки, письма. М., 1990. С. 259.

54. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 737. Л. 86.
55. Интервью с В.Л.Кондратьевым. Личный архив автора.
56. *Кондратьев В.* Не только о своем поколении // Коммунист. 1990. № 7. С. 115.
57. *Смирнов В.* Заулки. Повесть // Роман-газета. 1989. № 3–4. С. 8.
58. Цит. по: *Кондратьев В.* Парадоксы фронтовой ностальгии // Литературная газета. 1990. 9 мая. С. 9.
59. *Казакевич Э.Г.* Указ. соч. С. 28.
60. *Лещенко-Сухомлина Т.* Долгое будущее. Дневник // Согласие. 1991. № 2. С. 187.
61. Правда. 1945. 9 мая.
62. Там же.
63. Там же. 10 мая.
64. Там же. 25 мая.
65. Там же. 27 июня.
66. *Черняев А.С.* Моя жизнь и мое время. М., 1995. С. 200.
67. Письмо А.Лозовского В.Молотову. 18 мая 1945 г. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 103. Л. 179.
68. Правда. 1947. 9 мая.
69. Информационная сводка Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б). 13 июля 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 649. Л. 136.
70. Там же.
71. *Полян П.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М., 1996; *Земсков В.И.* К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 26–41; *Шевяков А.А.* Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 195–222.
72. *Шевяков А.А.* Указ. соч. С. 210–211; *Полян П.* Указ. соч. С. 391.
73. Информационный материал, подготовленный Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О ходе репатриации, об устройстве на работу репатриированных советских граждан и об организации политической работы с ними». 26 июля 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 533. Л. 11.
74. Там же. Л. 17.
75. Там же. Л. 18.
76. Там же. Л. 17.
77. Там же. Л. 22.
78. Там же. Л. 15–16.
79. Там же. Л. 19.
80. Там же.
81. Там же.
82. Информационная сводка Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 28 мая 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 649. Л. 35.
83. Там же. Л. 35–36.
84. Информационная сводка Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 5 октября 1945 г. // Там же. Д. 650. Л. 75.
85. Там же.
86. Доклад о работе Приемной Председателя Верховного Совета СССР за 1945 год. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 579. Л. 6.
87. Там же. Л. 42.
88. Там же. Л. 65.
89. Там же. Л. 67.
90. Там же. Л. 63.
91. Информационная сводка Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 18 августа 1945 г. // Там же. Ф. 17. Оп. 88. Д. 649. Л. 212.

92. Докладная записка заведующего отделом Управления кадров ЦК ВКП(б) Бородина о положении дел на танковом заводе в городе Омске. 18 сентября 1945 г. // Там же. Оп. 117. Д. 530. Л. 37–38.
93. *Аксютин Ю.* Почему Сталин дальнейшему сотрудничеству с союзниками после победы предпочел конфронтацию с ними. Некоторые социально-психологические аспекты возникновения холодной войны // *Холодная война. Новые подходы, новые документы.* М., 1995. С. 52–53.
94. *Гольдштейн Я.Е.* Откровенно говоря... Воспоминания, размышления. Челябинск, 1995. С. 136–137.
95. Информационная сводка Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 5 сентября 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 650. Л. 7.
96. Там же. Л. 6–9.
97. Выдержки из писем рабочих заводов г. Омска, задержанных Военной цензурой НКГБ СССР. 19 сентября 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 530. Л. 54.
98. Там же. Л. 57.
99. Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по улучшению массово-политической работы и материально-бытового обслуживания рабочих заводов № 22, 174 и 179». 4 августа 1945 г. // Там же. Л. 11–12.
100. См., например: Записка прокурора РСФСР А.Волина «О неудовлетворительном выполнении на предприятиях черной и цветной металлургии и угольной промышленности постановлений правительства об улучшении материальных и бытовых условий предприятий, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке». 24 мая 1947 г. // Там же. Д. 793. Л. 20–24.
101. Информация Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О недостатках массово-политической работы среди шахтеров». Февраль 1948 г. // Там же. Оп. 125. Д. 596. Л. 42.
102. Там же. Л. 45.
103. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) о положении на шахтах Кузбасса. 11 ноября 1947 г. // Там же. Оп. 122. Д. 220. Л. 215–216.
104. Информация Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О состоянии массово-политической и культурно-просветительской работы среди рабочих и служащих черной металлургии». Февраль 1948 г. // Там же. Оп. 125. Д. 596. Л. 56.
105. Информация Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О политических настроениях трудящихся в городах Челябинской области». Сентябрь 1947 г. // Там же. Д. 518. Л. 10.
106. Докладная записка министра угольной промышленности западных районов СССР А.Засядько секретарю ЦК ВКП(б) А.Кузнецову. 8 декабря 1947 г. // Там же. Оп. 122. Д. 220. Л. 211.
107. Там же.
108. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих военной промышленности за самовольный уход с предприятий» предусматривал наказание лишением свободы сроком от 5 до 8 лет.
109. *Земсков В.Н.* Черные дыры истории // *Радуга.* 1990. № 6. С. 47.
110. Там же.
111. *Абрамов Ф. А.* люди ждут, ждут перемен. Из дневниковых и рабочих записей // *Известия.* 1990. 3 февраля.
112. *Федотов Г.* Россия и свобода // *Знамя.* 1989. № 12. С. 214.
113. *Некрасов В.* Трагедия моего поколения. «В окопах Сталинграда»: до и после // *Литературная газета.* 1990. 12 сентября. С. 15.
114. *Григоренко Петро.* В подполье можно встретить только крыс... М., 1997. С. 288–289.
115. Цит. по: *Дневники весты не разрешалось...* // *Советская культура.* 1990. 25 апреля.
116. *Федотов Г.* Указ. соч. С. 198.
117. *Гефтер М.* «Сталин умер вчера...» // *Иного не дано.* С. 305.

118. *Казакевич Э.* Указ соч. С. 316.
119. *Галин В.* В одном населенном пункте: рассказ пропагандиста // *Новый мир.* 1947. № 11. С. 162–163.
120. *Симонов К.М.* Собр. соч. в 6 т. Т. 3. М., 1967. С. 124.
121. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 737. Л. 86–87.
122. Цит. по: Шел солдат... // *Комсомольская правда.* 1990. 28 апреля.
123. Цит. по: *Мальцев Е.* Не изменяя себе // *Литературная газета.* 1987. 18 февраля. С. 8.
124. *Сериков В.* Договор по совести // *Роман-газета.* 1986. № 7. С. 9.

СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ

1. Послевоенная повседневность

Война не спешила отходить в прошлое. И хотя давно отгремел салют Победы и Совинформбюро больше не приносило известий о ходе военных действий, она еще долго напоминала о себе — запоздавшей «похоронкой», хлебной карточкой. Деревней — без мужчин, развалинами — в городах. Шинелями и гимнастерками, заменившими гражданскую одежду. Когда прошла эйфория победы, люди остались один на один со своими проблемами, вполне житейскими, обыденными, но оттого не менее сложными. Вопросами дня становились: Где достать хлеба? Где найти жилье? Во что одеться? Решение этих вопросов превращалось в стратегию выживания, все остальное отодвигалось на второй план.

Война лишила людей дома, жилья. Например, в сельских районах Смоленской области до войны было 288 555 домов, из них разрушенными оказались 130 000, в Псковской области из 107 092 домов разрушено было 76 090, в Орловской — из 240 000 домов пришло в негодность 100 590. В сентябре 1945 г., перед наступлением холодов многие крестьянские семьи, потерявшие свои дома, вынуждены были жить в землянках: в Смоленской области таких семей насчитывалось 14 930, в Псковской области — 18 594, в Орловской — 14 000¹.

Острой оставалась жилищная проблема и для горожан, особенно в областях, подвергшихся в годы войны оккупации и наиболее сильно пострадавших от военных действий. Спустя два года после окончания войны в городе Великие Луки, например, более 800 семей еще проживали в землянках, а городе Новгороде из 29 тыс. городского населения 9 тыс. ютились во временных бараках, подвалах, землянках². Положение с жильем в стране улучшалось крайне медленно. В качестве иллюстрации можно привести данные 1956 г., когда прошло 11 лет после окончания войны: специальной проверкой, проведенной в 85 городах, 13 рабочих поселках и 144 сельских районах Брянской, Великолукской, Калининской, Калужской, Новгородской, Орловской, Псковской и других областях, подвергшихся во время войны оккупации или находившихся в прифронтовой зоне, было установлено, что 1844 семьи проживали в землянках и полужемлянках (из них 1440 семей в сельской местности), в развалинах зданий продолжали жить 1512 семей, в сырых и темных подвалах и полуподвалах — 3130 семей, в других непригодных для жилья помещениях (сараях, банях, кухнях, на чердаках, в железнодорожных вагонах и др.) — 32555 семей³.

Возвращались в родные города эвакуированные — и обнаруживали, что их квартиры заняты другими людьми: начинались конфликты, хождения по инстанциям, вплоть до Приемной председателя Президиума Верховного Совета СССР. Всего за 1945 г. Приемной было зарегистрировано 10 148 обращений граждан по жилищному вопросу, из них 45,2% составляли жалобы от прежних владельцев квартир, чье жилье оказалось занятым⁴. В 1946 г. число письменных обращений по жилищным вопросам увеличилось до 13340⁵ и только в 1947 г. резко уменьшилось — до 4 875 обращений⁶. Со второй половины 1946 г. снизилось и число заявлений на возвращение прежней жилплощади. Этот вопрос утратил свою актуальность, поскольку за прошедшее время установился некий статус-кво: либо прежним владельцам квартир удалось вернуть свое жилье, либо эти квартиры обрели новых хозяев, у которых, как правило, тоже были аргументы в пользу своих прав на данную «жилплощадь» (которая и в том, и в другом случае продолжала оставаться государственной). Это, конечно, не значит, что жилищный вопрос потерял остроту: он останется таковым вплоть до конца 50-х гг., когда в стране начнется массовое жилищное строительство. Тогда же он просто перешел на рутинный уровень, превратился в бытовую проблему, пополнив реестр «временных трудностей».

Послевоенная повседневность запомнилась современникам в серо-зеленом цвете: на улицах городов то и дело мелькали гимнастерки, шинели и другая одежда, в которой угадывались те же перешитые гимнастерки и шинели. Танкистский шлем и офицерская планшетка стали предметом мечтаний тысяч мальчишек, а люди в ватниках и видавших виды сапогах даже для столицы были нормальным явлением. Порванные башмаки немедленно превращались в почти неразрешимую проблему, а иногда и целую трагедию. Покупка отреза на платье или нового пальто для большинства людей была событием. Не хватало домашней утвари: кастрюль, чайников, ложек — все это как-то порастерялось за время войны. Из таких мелочей складывался послевоенный быт, и то, что люди всерьез обратились к этим «мелочам», означало одно: страна все-таки выходит из войны.

Промышленность, работавшая на войну, начинала поворачиваться лицом к человеку. Городские власти принимали меры по устройству жизни и быта горожан. Например, по решению пленума московского городского комитета партии в июле 1945 г. целый ряд оборонных предприятий столицы получил специальное задание по выпуску ширпотреба для населения: газовых плит, металлических кроватей, радиоприемников, радиол, мясорубок, детских велосипедов, разной посуды⁷. В повседневную жизнь москвичей, и прежде всего москвичек, должны были вернуться уже почти забытые ткани: фая, корд, армюр, кашемир, майя. Не были обойдены вниманием и предприятия, выпускающие обувь, директоров и партторгов которых московский комитет партии обязал наладить производство и расширить выпуск столь необходимой продукции⁸.

Вместе с тем потребительский рынок насыщался очень медленно, действовала система нормированного распределения товаров через предпри-

ятия (ОРСы) по ордерам, но и получить заветный ордер подчас было нелегко. Не имея возможности решить свои проблемы на месте, люди обращались за помощью в самые высокие инстанции. Как это сделал, например, бывший фронтовик Алексей Тарасов из Москвы, написавший в феврале 1946 г. письмо В.М.Молотову. Он рассказал свою историю:

«(...) В декабре 1945 г. я возвратился домой по демобилизации из рядов Красной Армии (...) Семейю застал в ужасном положении. Жена и трое моих детей проживали в умывальнике (8-метровой комнате с кафельным полом, с сырыми стенами и потолком). Ни у жены, ни у детей не было ни одежды, ни обуви. То, что я получил в качестве денежной компенсации — 3500 руб. — я немедленно израсходовал, чтобы купить какую-нибудь обувь и одежду детям и жене. Детей определили в детские ясли (а раньше им было не в чем туда ходить), старшая дочка стала учиться, жена стала работать. Но что я мог по коммерческой цене приобрести на 3500 рублей?! У жены до сих пор нет пальто, старшая дочка ходит в рваной юбчонке (но в школе она пока сидит в пальто, т.е. не раздеваясь).

И вот я обратился за помощью в РВК [райвоенкомат]. Мне сказали: «Демобилизованные помощь получают по месту своей работы». Тогда я написал заявление в фабрично-заводской комитет, чтобы мне выдали ордер на приобретение жене пальто и дочери платья. Через месяц мне выдали ордер ... на дамские галоши. Это же просто издевка!

И вот вчера дочка получила билет в театр в честь 28-ой годовщины Красной Армии. И она пришла домой со слезами: «В чем я пойду в театр?! У меня нет ни платья, ни юбки». И я, офицер, должен был, чтобы скрыть от дочери свои слезы, уйти на весь вечер из дома. Настроение прескверное. Ведь я не прошу подаяния, не прошу никаких денежных пособий. Ведь я прошу, чтобы мне выдали ордер на приобретение промтоваров в государственном магазине за собственные деньги (...)

До войны я жил хорошо (как тогда жили хорошо все наши советские люди). Во время войны с оружием в руках защищал родину. Жена с детьми была эвакуирована из Москвы, четыре года скиталась с детьми среди чужих людей. Все, что у нее было, проела с детьми. Вернулась в Москву, как нищая. А здесь, в Москве из квартиры вынесли и продали всю нашу мебель, все оставшиеся вещи. Теперь я сплю на стульях, подстилая свою шинель. Ни от кого не добьешься толку, никто не хочет оказать помощь (...) О себе я не беспокоюсь. Но мне жалко семью, жалко детей. Неужели я не завоевал им право на жизнь?»⁹

Молотов тогда отдал распоряжение наркому торговли А.В.Любимову оказать помощь Тарасову и его семье. Пример сам по себе показательный: бытовые вопросы, казалось бы, мелочи, решались на самом высоком уровне. Если выделение демобилизованному ордеру на приобретение одежды потребовало договоренности заместителя председателя правительства с наркомом торговли, стоит ли удивляться, что обычный человек давно перелел для себя эти проблемы из разряда мелочей в первоочередные. В ис-

тории, рассказанной автором письма, нет ничего экстраординарного, она скорее типична, кроме, пожалуй, конечного результата. Письма, вроде этого, адресованные вождям, приходили тысячами, сотни из них брались на контроль (т.е. рассылались для проверки или исполнения) и лишь единицы достаивались прямого ответа. Таков был принцип работы системы, создающий иллюзию четко работающего механизма обратной связи, а на деле доказывающий недееспособность низовых, а по сути основных, элементов этой системы.

Власть — на всех уровнях — продолжала относиться к вопросам организации быта и улучшения условий жизни людей как к вопросам второстепенным. Поэтому на собраниях, на лекциях и просто между собой люди задавали один и тот же вопрос: «Почему не видно улучшения бытового положения в связи с окончанием войны?»¹⁰ С мест шли тревожные сигналы:

«Учителя Ивановской неполной средней школы Чебулинского района за последнее время так обносились, что им стыдно в такой одежде появляться в школу» (Кемеровская область)¹¹;

«Учитель Востоковской семилетки т. Ерофеев, проработавший учителем 35 лет, в школу ходит в лаптях и оборванном пальто. В Белебеевском районе заведующая Знаменским родильным домом не имеет ни одного платья, пальто надевает на голое тело и ходит в лаптях» (Башкирская АССР)¹²;

«На заводе № 720 (Москва) в цехе № 15 за истекший год молодые рабочие никаких промтоваров не получили, а среди них есть и такие, у которых нет ни обуви, ни нательного белья»¹³.

Молодые рабочие из Пензы жаловались: «Мы уже два года не ходим в кино. До того оборвались, что стыдно на люди показываться. Все, что есть на нас, в том мы и работаем, и спим»¹⁴. А секретари ряда обкомов Сибири обратились в ЦК ВКП(б) с беспрецедентной просьбой: разрешить им не проводить 7 ноября 1946 года демонстрацию трудящихся, мотивируя свою просьбу тем, что «население недостаточно обеспечено одеждой»¹⁵.

На восстановительных работах в Орловской области была занята группа молодежи — выпускников школ ФЗО. Когда наступили холода, ребята обратились с просьбой к начальнику ОРСа выдать им валенки, на что тот ответил: «Я 20 лет в лаптях ходил, а вы хотите в такие годы получить валенки. Доживите до моих лет, может, у вас по две пары будет»¹⁶. Видя такое отношение к себе, молодые рабочие отказались поставить свои подписи под письмом Сталину в связи с пятилетием системы трудовых резервов. Свой отказ они мотивировали следующим образом: «Что вы даете нам подписывать письмо, где говорится о заботе о нас, о наших хороших материально-бытовых условиях. Наверное, товарищ Сталин вас спрашивает, как живет молодежь, а вы хотите его обмануть, да не сами, а нашими подписями. Не будем мы письма подписывать. Может, это заставит вас подумать о нас, а, может, и товарищ Сталин узнает об этом — пусть попадет кому следует»¹⁷. Подобные отказы воспринимались как ЧП, на стройке

срочно было создано комсомольское собрание, приехали представители райкома партии. Ребятам обещали, что уже к 7 ноября 1945 г. они получат новую одежду и обувь. Тогда письмо подписали 102 человека. Но прошел ноябрь, потом еще несколько месяцев, а ребята ничего из обещанного так и не получили.

Проблему обеспечения населения одеждой частично удавалось решать и за счет гуманитарной помощи, поступающей главным образом из США и Великобритании. В этом деле тоже не обходилось без злоупотреблений со стороны местной администрации. В июле 1946 г. Комиссия партийного контроля расследовала факты неправильного распределения вещей, полученных в порядке гуманитарной помощи из США, среди работников Урало-Сибирского округа железных дорог и Свердловской железной дороги. По распоряжению Министерства путей сообщения эти вещи предназначались для работников основных железнодорожных профессий и прежде всего для тех, кто работал на открытом воздухе. Но руководство округа и дороги решило дело по-своему.

По распоряжению начальника Урало-Сибирского округа железных дорог Егорова лучшие вещи были отобраны для распределения среди сотрудников аппарата управления, были даже определены специальные «нормы» выдачи вещей в зависимости от ранга конкретного чиновника. Сам начальник округа получил 33 вещи, его заместитель — 27, другим руководящим работникам досталось не менее 20 вещей, среди которых были новые пальто, пальто, обувь. До рабочих дошло уже только то, что осталось от начальства¹⁸.

На Свердловской железной дороге наблюдалась такая же картина. Руководство дороги после получения ящиков с иностранными подарками немедленно приступило к распределению вещей среди «своих». Причем делалось это в открытую: на глазах у железнодорожников руководящие работники вместе с женами и домочадцами приходили на склад, где хранились вещи, и отбирали то, что понравилось. Брали новые вещи, а недостащу заполняли старыми, явно незаграничного производства. После такого отбора подарки, наконец, дошли до рабочих. Один железнодорожник, проработавший на транспорте почти 20 лет и имевший семью из 8 человек, получил одно рваное пальто. Другому выдали детское пальто, хотя детей у него не было. Третий получил соломенную шляпу и старую рубашку. А кому-то досталась майка в комплекте с чехлом от чемодана¹⁹. Железнодорожники написали жалобу, по этой жалобе и была организована проверка КПК. Вопрос о злоупотреблениях руководства железной дороги разбирался на бюро Свердловского обкома партии. Часть вещей железнодорожникам вернули, но о том, понесли ли наказание чиновники, обком партии в ЦК не сообщил.

Трудности жизни — неизбежные после столь разрушительной войны — воспринимались большинством населения с пониманием, как своего рода «норма» послевоенного бытия. Однако далеко не все проблемы, доставшиеся в наследство от войны, вписывались в категорию «нормальных».

Это обстоятельство вынуждены были признать уполномоченные ЦК ВКП(б) после ознакомления с условиями жизни населения в различных регионах страны. В декабре 1945 года группа Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) провела такое инспектирование предприятий угольной промышленности Щекинского района Тульской области (Центральный район России). Результаты обследования оказались весьма неутешительными. Условия жизни рабочих были признаны «очень тяжелыми»: особенно плохо жили репатриированные и мобилизованные рабочие. Многие из них не имели нательного белья, а если оно было, то ветхое и грязное. Рабочие месяцами не получали мыла, в общежитиях была большая теснота, рабочие спали на деревянных топчанах или двухъярусных нарах (за эти топчаны администрация вычитала 48 рублей из ежемесячного заработка рабочих, что составляло его десятую часть). Рабочие получали в день 1200 граммов хлеба, однако, несмотря на достаточность нормы, хлеб был плохого качества: не хватало масла и поэтому хлебные формы смазывали нефтепродуктами²⁰.

О проблемах продовольственного снабжения рабочих говорили многочисленные сигналы с мест. Группы рабочих из Пензы и Кузнецка обращались с письмами к В.М.Молотову, М.И.Калинину, А.И.Микояну, в которых содержались жалобы на тяжелые материально-бытовые условия, отсутствие большинства необходимых продуктов и товаров²¹. По этим письмам из Москвы выезжала бригада Наркомата торговли, признавшая по результатам проверки жалобы рабочих обоснованными²². В Нижнем Ломове Пензенской области рабочие завода № 255 выступали против задержки хлебных карточек, а рабочие фанерного завода и спичечной фабрики жаловались на длительные задержки заработной платы²³.

На плохое питание жаловались рабочие из Челябинска и Новосибирска, Куйбышева и Горького, Свердловска и Курска. Об этом они писали в своих письмах: «Война кончилась, а питание не улучшается, как кормили водой — так и кормят» (Магнитогорский металлургический комбинат); «Кормить стали хуже, чем в войну — миска баланды да две ложки каши овсяной, и это за сутки взрослому человеку» (Миасский автозавод)²⁴. Нормы питания в июле-августе 1945 г. на многих предприятиях действительно снизились, так что претензии рабочих были вполне обоснованными. Что касается реакции на них администрации предприятий, то она иногда была весьма своеобразной. Так, директор одного завода в ответ на просьбы рабочих улучшить питание бросил им такую фразу: «Вы — не советские люди. Советские люди много не едят»²⁵.

Не менее сложно, а подчас и просто трагично складывалась повседневная жизнь в деревне. Колхозы обезлюдели, все их наличное население в целом по стране (с учетом возвратившихся по демобилизации) к концу 1945 года уменьшилось на 15% по сравнению с 1940 годом, а число трудоспособных — на 32,5%²⁶. Особенно заметно сократилось количество трудоспособных мужчин (от 16,9 миллиона в 1940 году их к началу 1946 года осталось 6,5 миллиона)²⁷. За годы войны сократились посевные площади,

что не могло не сказаться на уровне урожайности. Продуктивность колхозного земледелия снижалась в результате ухудшения обработки земли, падения культуры агротехники. Не редкость были колхозы, не имеющие ни одной лошади. Основную часть трудоспособного населения деревни составляли женщины — именно им пришлось выполнять все тяжелые полевые работы (руководящие должности — от председателя колхозов до счетовода или бригадира — после войны занимали, как правило, мужчины). Колхозное производство к концу войны находилось в критическом состоянии, крестьянские семьи кормились почти исключительно за счет своих личных подворий. И все-таки первые послевоенные годы крестьяне еще жили надеждой на лучшее. Это и помогало выжить.

2. «Закончится война — колхозы распустят»: ожидания крестьянства и государственная политика

После войны все ждали перемен, это ожидание было буквально «разлитое» в обществе, оно помогало людям выжить и надеяться, что скоро наступит новая, лучшая жизнь. Не каждый мог представить себе в деталях эту новую жизнь — жизнь без войны, но в общей палитре надежд и не вполне оформленных желаний были ясно различимы ожидания и претензии отдельных социальных групп. Если говорить в этой связи о настроениях крестьянства, то для него надежды на перемены к лучшему аккумулировались в одном и главном вопросе: что будет после войны с колхозами?

Организованная формально на принципах «добровольности», за годы войны колхозная система окончательно превратилась в зону подневольного труда — тяжелого и почти неоплачиваемого. В 1942 г. было принято специальное постановление, увеличившее для колхозников обязательный минимум трудодней (т.е. была увеличена норма обязательного минимума работ в колхозе, который должен был выполнить каждый колхозник)²⁸. Те колхозники, которые без уважительных причин не выполнили установленного минимума, привлекались к судебной ответственности и приговаривались к исправительно-трудовым работам в тех же колхозах на срок до шести месяцев, с удержанием 25% заработка в пользу колхоза. Введенные первоначально на период войны, эти решения продолжали действовать и после окончания военных действий. Более того, постановлением правительства от 31 мая 1947 г. практика военных лет, установившая повышенный минимум трудодней и судебную ответственность за его невыполнение, была сохранена и на последующие годы²⁹. Однако главная проблема колхозного труда состояла даже не в его интенсивности, а в том, что из года в год он все более обесценивался, его оплата становилась формальной. В 1946 г. после неурожая, а также вследствие принудительного изъятия хлеба в виде хлебозаготовок во многих колхозах крестьяне за свой труд в общественном хозяйстве (оплата по трудодням) вообще ничего не получили. В целом по СССР в 1946 г. 75,8% колхозов выдавали на трудодень меньше 1 кг зерна, а 7,7% — вообще не производили оплату зерном. В

Российской Федерации колхозов, оставивших без хлеба своих колхозников было 13,2%, а в некоторых областях России, например Орловской, Курской, Тамбовской, колхозов, не выдавших колхозникам зерна по трудодням, было от 50 до 70%³⁰. Расчет с колхозниками по зерну в этом первом послевоенном году был хуже, чем в военном 1943 г. — самом тяжелом для сельского хозяйства. Крестьяне теряли какую бы то ни было заинтересованность в колхозном труде, что соответствующим образом сказывалось на их трудовых показателях. В 1946 году всего по Союзу ССР не выработали обязательного минимума трудодней 18,4% общего количества трудоспособных колхозников, в тех областях, где ситуация с оплатой труда складывалась наиболее неблагоприятно, соответственно была выше доля подобных «нарушителей»: в Орловской области — 31,1%, Курской — 29,2%, Тамбовской — 45,8%³¹.

Настроения колхозников нашли отражение в письмах — откровенных от безысходности, пронизанных чувством обреченности, а иногда и просто злых. Приведем отдельные выдержки из писем, написанных крестьянами Ставропольского края в июне 1946 года: «...Работаем в колхозе, как у помещика, потому что на работу гонят, а не кормят и за работу не платят. А для приманки дают в день по чайной ложке баланды, 50 гр хлеба и то не всегда, а в неделю два-три раза, чтобы дышали и не подошли...»; «...настроение паническое. Начали косовицу — все ломается. Это все благодаря Козлову (председателю колхоза. — Е.З.), который всю зиму прострелял зайцев, а инвентарь не подготовил. Сейчас много мужчин вместо того, чтобы наладить работу, все разлаживают. Косят вручную женщины, а мужчины просто разложились...»; «...я плачу каждый день: хлеба нет, а на работу гонят. Председатель колхоза прямо издевается надо мной, кричит — иди, работай, а то выкинем из колхоза, а сами хлеба не дают. Как работать, и так уже еле ноги тяну»³².

Колхозная система находилась в глубоком кризисе, и многие люди, прикрепленные к колхозному тяглу, предпочли бы наиболее радикальный выход из этого кризиса — роспуск колхозов. Анализ настроений деревни в последний военный год, а также первые послевоенные годы, убеждает, что настроения в пользу отмены колхозов или их радикальной перестройки не только подогревали надежды решительных противников колхозной системы как таковой, но и порождали иллюзии возможных перемен у вполне лояльных и даже верных режиму людей.

«Слухи о ликвидации колхозов... сейчас широко распространяются среди колхозников», — докладывал в июле 1945 г. один из инспекторов ЦК ВКП(б), выезжавший с проверкой в Курскую область³³. Аналогичные сигналы поступали в различные партийные и государственные инстанции из других регионов и областей страны. Члены колхоза «Искра» Псковского района спрашивали прибывшего в колхоз районного ответственного работника: «Скоро ли распустят колхозы? Если бы не было колхозов, мы жили бы лучше и государству приносили бы больше пользы»³⁴. «Все ждут, что распустят армию по домам, — колхозы отменят», — такие разговоры

встречались в Пензенской области³⁵. Колхозники ряда колхозов Псковской области отказались подписать традиционное письмо Сталину³⁶, мотивируя свой отказ следующим образом: «Это письмо имеет скрытый смысл, так как товарищ Сталин просил народ оставить колхозы еще на семь лет, а местные руководители обязались не распускать колхозы и теперь собирают подписи колхозников. Если письмо будет подписано, то колхозы не распустят»³⁷. Часть колхозников действительно верила в то, что инициатива ликвидации колхозной системы исходит от самой верховной власти, непосредственно от Сталина. Кто-то рассказывал, что в Москве создана специальная комиссия по роспуску колхозов, другие же уверяли, что указ о ликвидации колхозов уже подписан, но еще не обнародован³⁸.

Однако, если судить по информации о настроениях деревни в 1945 году, которая в обобщенном виде поступала в ЦК ВКП(б), большинство крестьян по отношению к верховной власти было настроено более скептически, не верило, что Сталин по собственной инициативе откажется от колхозов. Такое возможно только при вмешательстве извне — убеждали друг друга колхозники, и в роли «третьей силы», которая «заставит» Сталина распустить колхозы, обычно назывались недавние союзники СССР по антигитлеровской коалиции — США и Великобритания. Мысли на этот счет, высказанные в Псковской и Курской, Воронежской и Ростовской областях, на западных хуторах или в далеких сибирских деревнях были удивительно схожими. Слухи распространялись быстро — один фантастичнее другого. «В Америке, говорят, уже решили распустить все колхозы в СССР, Молотов поэтому и покинул конференцию в Сан-Франциско», — рассуждали колхозники Воронежской области³⁹. «Колхозы будут распущены в соответствии с требованиями Черчилля и Трумена», — как будто бы в тон им говорили крестьяне Ставрополя⁴⁰. «На конференции в Сан-Франциско товарищу Молотову предложили отказаться от большевиков и от колхозов. От колхозов товарищ Молотов отказался, а от большевиков не захотел отказываться, поэтому Америка объявила России войну», — эти слухи были отмечены уже в Псковской области⁴¹. Информатор из Курской области докладывал наверх, что среди колхозников ходят разговоры следующего содержания: «Англия и Америка предъявили нашему правительству ультиматум — или распустите колхозы, или пойдем на Россию войной; что в Сан-Франциско Молотов сначала было отказался ликвидировать колхозы, а потом вернулся и согласился; что американцы будут провезать с самолета (?!), верно ли, что колхозы распущены (...)»⁴²

Подобные слухи и разговоры в официальных документах назывались не иначе как «провокационные» или «враждебные». Помимо слухов, имеющих хождение в народе, информаторы отмечали наличие так называемых «нездоровых» настроений и у части колхозных руководителей. Так, председатель колхоза «Верный путь» Псковской области Петрова в беседе с одним из районных работников высказала такую мысль: «Теперь, когда мы победили и война окончилась, по-видимому, колхозы будут распущены, так они свою роль сыграли»⁴³. Правда, далеко не все председатели колхо-

зов были настроены столь радикально, некоторые из них выражались более осторожно. «Надо колхозы как-то перестраивать, а то обеднели совсем, — рассуждал, например, председатель колхоза «Победитель» из Бурят-Монгольской АССР И.П.Иванов. — Вот дали бы колхозу самостоятельно вести хозяйство, не вмешивались во внутреннюю их жизнь, не давали бы никаких планов, а обязали бы сдать государству необходимое количество продукции, и мы сдали бы ее. А как сдали бы — это наше дело. Мы стали бы обрабатывать земли меньше, но лучше — и тогда сами были бы с хлебом и город завалили бы продуктами»⁴⁴. Необходимо освободить крестьянина от диктата государства, оградить его от произвола властей — эта мысль была общей как для тех, кто не верил в какие бы то ни было позитивные возможности колхозной системы, так и для тех, кто еще надеялся на возможность ее трансформации.

Находились у колхозной системы и не менее горячие защитники, которые считали, что «колхозы — единственный в мире правильный путь развития сельского хозяйства»⁴⁵. Но и они признавали, что колхозы нуждаются в существенной перестройке. Капитан И.И.Тафинцев из Казани предложил, например, целую программу реорганизации колхозной жизни. Перечислив все недостатки современных колхозов — чрезмерная бедность, плохая организация труда, отсутствие заинтересованности у колхозников, — он нарисовал картину новой, зажиточной жизни... Правда, в отдельно взятом колхозе, который должен был стать своего рода «опытным хозяйством». Председатель в этом образцовом колхозе, по мысли капитана, должен быть полноправным хозяином, подотчетным только обкому партии, а принципы организации труда напоминали бы армейские порядки: «рота» — бригада, «взвод» — звено, «комбат» — председатель колхоза. И хотя Тафинцев оговаривался, что при этом речь не идет о «слепом переносе армейских порядков в гражданскую жизнь», но тут же, противореча себе, писал, что «армия должна быть образцом для всех сторон и явлений нашей административно-хозяйственной жизни»⁴⁶.

В подробных планах колхозной усадьбы, начерченных на оборотной стороне немецкой военной карты, капитан до мелочей расписал жизнь и быт колхозника: «дома должны быть, как правило, двух-четырёхкомнатные, с хорошей мебелировкой, внутри выкрашены масляной краской или оклеены обоями. (...) В мебелировке каждого дома обязательно должны быть: кровать двуспальная, кровать односпальная, 5–8 стульев, 2–3 стола, диван, часы стенные или будильник настольный, трюмо, гардероб, шкаф для посуды, ковер или половики. Полы должны быть обязательно крашеными, на окнах — шторы и занавески, в каждой комнате — электрический свет»⁴⁷. Продемонстрированный набор обязательных благ показывает, что пребывание в Германии не прошло для капитана бесследно. Расходы на строительство этого островка благополучной колхозной жизни, как считал инициатор проекта, должны были составить 8–10 миллионов рублей, которые он рассчитывал получить в виде долговременной ссуды.

Другие сторонники улучшения колхозной жизни в своих претензиях были не столь категоричны. Одни, например, предлагали увеличить приусадебное хозяйство колхозника и уменьшить налоги, другие ратовали за гарантированную оплату труда — хотя бы «в порядке эксперимента»⁴⁸.

Вместе с тем встречались среди колхозников люди, которые уже не удовлетворялись надеждами на улучшение своего положения и готовы были действовать более решительно. Такие призывали своих односельчан не ждать подарков сверху, а самим оставлять колхозы, как бы «подталкивая» власти принять решение о ликвидации колхозной системы. «Вы не работайте в колхозе, вам же за это никакой оплаты не будет, — агитировал, например, бригадир колхоза им. Ленина в Прибайкалье Ф. Ястребов. — Лучше идите на свои огородные усадьбы, сажайте свои огородные культуры, остальные, на вас смотря, тоже бросят работу. А коммунисты ничего с нами сделать не смогут, распустят колхоз»⁴⁹. Колхозник А. Федоров из колхоза «Ударник» (Бурят-Монголия) рассуждал примерно так же: «Жизнь в колхозе дошла до такого положения, что дальше идти некуда. Мы находимся на краю гибели (...) Надо выходить из колхоза. Давайте, бросайте работу — пойдете куда-нибудь»⁵⁰. Такого рода разговоры и призывы властями рассматривались как «антисоветская агитация», а люди, выступавшие с подобными взглядами и открыто их выражающие, привлекались к судебной ответственности.

Столкнувшись с проявлениями антиколхозных настроений после войны, власти пытались анализировать причины их возникновения. Поскольку эти настроения оценивались как безусловно враждебные, то причины их распространения объяснялись прежде всего «происками врагов», т.е. они рассматривались как результат чужого влияния. В качестве потенциальных носителей чужого влияния с точки зрения властей выступали вернувшиеся в деревню фронтовики. В одной из докладных записок воздействие фронтовиков на умонастроения односельчан характеризовалось следующим образом: «Немало товарищей побывало в Румынии, Венгрии, Австрии и в Прибалтике, они видели там хуторскую систему, индивидуальное хозяйство, но не все оказались достаточно политически грамотными, чтобы разобраться и дать правильную оценку нашей действительности и действительности капиталистической. В результате они иногда ведут среди колхозников разговоры в нежелательном для нас направлении»⁵¹.

Другим каналом проникновения антиколхозных настроений в крестьянскую среду считались репатриированные советские граждане, которые, подобно фронтовикам, успели познакомиться с иными порядками организации сельской жизни и труда. Одна из репатрианток, вернувшись на родину из Литвы, рассказывала своим соседям: «Все крестьяне в Литве живут хорошо, самые бедные имеют по три-четыре головы рогатого скота, по две лошади. Колхозов там нет. Отношение немцев было хорошее и нас не трогали»⁵². «В Литве нет колхозов, крестьяне сами себе хозяева, — рассказывала другая женщина. — Сейчас вот приехали домой и опять придется мучиться, работать только на колхозы»⁵³. Подобные же мысли иногда вы-

сказывали и некоторые жители оккупированных в период войны областей, главным образом западных. Однако рассказам о зажиточной жизни «при немцах» далеко не всегда верили, тем более, что у многих людей, переживших немецкую оккупацию, остались совершенно иные воспоминания. Разоренная войной российская деревня была вообще не самой благодарной почвой для распространения каких-либо положительных отзывов о немецких порядках. Не случайно, наверное, среди крестьян Пензенской области ходил нелепый, но весьма показательный слух о том, что сама «колхозная система была введена по указанию немцев для того, чтобы развалить хозяйство и ослабить Россию с целью завоевания»⁵⁴.

Называя в качестве распространителей антиколхозных настроений репатриантов, людей, побывавших в немецкой оккупации, и даже фронтовики, местные информаторы старательно обходили главную причину недовольства крестьянства колхозной жизнью: положение самих колхозов и условия труда в них. Нельзя сказать, что об этом умалчивалось — напротив, информаторы довольно подробно описывали критическую ситуацию с оплатой труда в колхозах, бедственное состояние техники, падение трудовой дисциплины. Однако в итоге получалось, что между этими фактами и ростом антиколхозных настроений как будто не существует прямой связи, и отказ крестьян бесплатно работать на государство охотнее объяснялся ссылками на политическую несознательность или влиянием враждебной идеологии. В отличие от крестьян, которые какое-то время после окончания войны еще сохраняли иллюзии возможных перемен их участи, информаторы ЦК, по-видимому, представляли себе, что руководство страны не собирается отступать от своих прежних принципов в проведении политики по отношению к деревне. Скоро в этом смогли убедиться и сами крестьяне.

В неблагоприятном для сельского хозяйства 1946 г., еще до кампании по хлебозаготовкам, правительство приняло решение о повышении налогов на крестьянское личное хозяйство⁵⁵. «...Жить стало “лучше”, — немедленно отреагировали на это решение крестьяне. — Колхозники бьются, как рыба об лед. Налоги в этом году требуют вдвое больше, чем в прошлом»⁵⁶. «Кончилась война, думали, что жить будем легче, а оказывается еще труднее — налоги наложили в двойном размере»; «...облагают налогами..., жизни нет никакой», — сообщали колхозники в письмах к родным⁵⁷. Однако это было не последнее повышение налогов за послевоенные годы: ежегодно пересматривались нормы доходности крестьянских хозяйств и дважды — в 1948 и 1952 гг. увеличивался главный налог с крестьян — сельскохозяйственный. Если в 1940 г. крестьяне и единоличники выплатили государству в форме сельскохозяйственного налога 2,4 млрд руб., то в 1952 г. — 8,7 млрд руб. Хозяйство среднего колхозника, имевшего 1 корову, 2 овцы, 1 свинью, 0,15 га посевов картофеля и 0,05 га посевов овощей, облагалось сельхозналогом в размере 100 руб. в 1940 г. и 1116 руб. — в 1952 г.⁵⁸ Не имея возможности рассчитаться с государством по налогам, крестьяне вырубали садовые деревья, забивали скот.

«В колхозе нет жизни», — эта мысль звучала рефреном в крестьянских письмах, постоянно присутствовала в разговорах между односельчанами, доходила до ушей наблюдателей и осведомителей. Впрочем, положение дел в деревне не являлось для властей секретом: об этом крестьяне регулярно информировали вышестоящие инстанции в своих жалобах и других письменных обращениях. Только в Совет по делам колхозов при Совете Министров СССР за 1947—1950 гг. поступило 92795 жалоб от колхозников и было принято 3305 так называемых «ходоков», т.е. людей, которые добились личного приема у государственных чиновников⁵⁹. Жалобы касались главным образом вопросов налогообложения и государственных поставок, рассматривалось из них обычно не более половины, удовлетворялись — единицы⁶⁰.

Государственная политика по отношению к деревне первых послевоенных лет убедила крестьянство в том, что надежды на ликвидацию колхозов или хотя бы облегчение налогового бремени оказались очередной иллюзией. Вместе с осознанием этого факта соответствующим образом изменился настрой деревни: уже не надеясь на то, что в сельской жизни могут произойти какие-либо положительные перемены, многие крестьяне видели только один выход из положения — бежать из колхоза. Часть крестьян после выхода из колхоза становилась единоличниками. Так, в Челябинской области число единоличных хозяйств только за один год — с 1947 по 1948 — увеличилось с 1078 до 1907 дворов, т.е. на 70%⁶¹. Как об определенной тенденции говорилось о случаях самовольного ухода колхозников из колхозов в Новосибирской области⁶². Одна из колхозниц на колхозном собрании прямо заявила: «Что хотите, то и делайте, а из колхоза я уйду»⁶³. «Работай — не работай в колхозе, все равно зажиточной жизни не добьешься», — так рассуждали люди и уходили в города, на стройки — туда, где можно было прокормить себя и семью⁶⁴. Мощным ускорителем процесса бегства из деревни стал голод 1946–1947 годов. Однако миграция сельского населения в города продолжалась и в последующие годы. Так, только за 1949–1953 годы количество трудоспособных колхозников в колхозах (в довоенных границах СССР) уменьшилось на 3,3 млн человек⁶⁵.

Большинство тех, кто остался в колхозе, с трудом сводили концы с концами. Колхозники старались выработать необходимый минимум трудодней, чтобы не попасть под суд, а в дальнейшем не особенно утруждали себя работой на общественных полях или фермах. Многие не выработывали и обязательного минимума трудодней: казалось, что даже угроза суда не могла заставить крестьян трудиться даром. Поэтому, когда ситуация «тихого саботажа» в колхозах стала вполне очевидной для властей, наверху немедленно были приняты дополнительные меры по ужесточению системы государственного принуждения. 2 июня 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Указ предоставлял право местному руководству решать вопрос о выселении в отдаленные края,

главным образом в Сибирь, практически любого человека — не только колхозника, но и единоличника. Решение о выселении принималось на колхозных собраниях и сельских сходах, в качестве своего рода профилактической меры применялось предупреждение. В памяти крестьян проведение в жизнь этого указа осталось как «второе раскулачивание». «Теперь начнут выселять подряд, как было в 30-х годах. Кто не выполнит план — того и в ссылку», — делилась со своими односельчанами колхозница из колхоза «Лучший путь» Новосибирской области⁶⁶. «Указ слишком жестко карает, — говорила другая (колхоз им. 9 января той же области). — Это такая же репрессия, как и в 30-х годах, когда кулаков выселяли»⁶⁷.

Усиление карательных санкций со стороны государства у части крестьян вызывало чувство недоумения и протеста: «Неправильно все это, что не дают держать личное хозяйство, а кто не хочет работать в колхозе, [того] выселяют. Зачем заставлять его жить в колхозе, если он не желает? — задавался вопросом колхозник Лукинов из колхоза «Лучший путь» Новосибирской области и приводил вполне убедительные аргументы. — Ведь на принуждении далеко не уедешь, а в колхозе с голоду люди мрут, как же им не бежать из колхозов»⁶⁸. Подобное отношение к указу о выселении было неединичным: не случайно во многих колхозах собрания по обсуждению указа прошли не так, как задумывало местное и тем более вышестоящее начальство (колхозники при голосовании воздерживались или даже голосовали против выселения односельчан, заменяли выселение предупреждением). Встречались, правда, случаи обратного порядка, когда собрание превращалось в сведение личных счетов и поиски «козлов отпущения».

Колхозным руководителям указ дал в руки новую «дубину», с помощью которой власти надеялись загнать крестьян обратно в колхозы. «Как хорошо поступило правительство, издав такой указ, — так рассуждал бригадир одного из подмосковных колхозов. — Придя сегодня утром на работу, я был удивлен, как много моих людей вышло на работу, за которыми я раньше ходил по нескольку раз и считал, что они отбились от рук»⁶⁹. Похожая ситуация наблюдалась и в других колхозах. Едва узнав о том, что в соседнем колхозе прошло собрание по выселению колхозников, которые недостаточно активно посвящали себя общественному труду, люди, опасаясь попасть в «черный список», немедленно выходили на работу. Секретарь Ярославского обкома партии докладывал: «...Собрание прошло в колхозе “Большие пустошки”, а в соседнем колхозе “Высоково” на другой день, когда бригадир пошел в 3 часа 30 мин. утра давать наряд колхозникам, то их никого не оказалось дома, все уже были на сенокосе»⁷⁰. Стремясь избежать репрессий, на колхозную работу выходили даже не вполне трудоспособные инвалиды и подростки. В ряде колхозов местное руководство оказалось просто неподготовленным к такой активности со стороны своих колхозников, в результате многих из них даже не смогли обеспечить работой⁷¹. Местные власти рапортовали наверх о «небывалом подъеме трудовой активности» колхозников, не очень, похоже, задумываясь о причинах, а главное эффективности столь своеобразного «энтузиазма». Готовясь

к проведению колхозных собраний, местные руководители иногда явно перегибали палку: не надеясь, вероятно, на собственные силы, приглашали на собрания районное начальство и даже работников МВД. Это порождало среди колхозников разного рода толки и слухи, вроде таких: «Сегодня будет особенное какое-то собрание. Говорят, арестуют 15 человек, а 20 человек исключат из колхоза»⁷². И уже почти как народная примета звучало убеждение: «Раз приехало много начальников на машинах — значит что-то случится»⁷³. Приметы, как им и положено, сбывались. Всего за три месяца проведения в жизнь указа о выселении из родных деревень на спецпоселение было изгнано в целом по стране 23 тыс. крестьян, из них по России — 12 тысяч⁷⁴. Власти добились от колхозников послушания, по крайней мере видимого послушания и лояльности. Однако далеко не все из них расстались с убеждением, что «рано или поздно, а колхозы распадутся — никакая палкой не удержишь в них людей»⁷⁵.

Главное, репрессивные меры не улучшили и не могли улучшить ситуацию в деревне. Ольга Берггольц, приехавшая в мае 1949 г. в одну Новгородскую деревню, наблюдала, как проходила там посевная кампания. Она записала в своем дневнике: «Первый день моих наблюдений принес только лишнее доказательство к тому же: полное нежелание государства считаться с человеком, полное подчинение, раскатывание его собой (...). Весенний сев, таким образом, превращается в отбывание тягчайшей, почти каторжной повинности: государство нажимает на сроки и площадь, а пахать нечем — нет лошадей (14 штук на колхоз в 240 дворов) и два в общем трактора. И вот бабы *вручную*, мотыгами и заступами, поднимают землю под пшеницу, не говоря уже об огородах. (...) Вчера видела своими глазами, как на женщинах пашут. Репинские бурлаки — детский сон»⁷⁶.

Председателем этого колхоза была женщина, главный принцип которой заключался в следующем: нельзя крестьянина «вооружать» паспортом. И вот она, картина послевоенной колхозной жизни: «Баба умирает в сохе, не вооруженная паспортом»⁷⁷.

3. Голодные годы: настроения населения в связи с продовольственным кризисом и голодом 1946–1947 гг.

Продовольственный кризис относится к числу проблем, с которыми в той или иной степени пришлось столкнуться населению почти всех воевавших стран. В Советском Союзе — в России, Молдавии, на Украине — люди пережили не просто продовольственные трудности, но настоящее бедствие — голод. Первые признаки ухудшения ситуации на продовольственном рынке появились летом 1946 года: засуха, охватившая ряд регионов Центральной России, Среднего и Нижнего Поволжья, а также Украину и Молдавию, поставила под угрозу судьбу урожая в этих областях. В Сибири, напротив, в том году ожидался хороший урожай зерновых культур, который мог бы в известной степени компенсировать потери от засухи в Европейской части России. Однако в период уборочной кампании в

Сибири, а также Казахстане, центральных и северных районах начались проливные дожди. Из-за климатических условий, а также вследствие общей изношенности машинного парка колхозов и совхозов большую часть урожая в этих районах пришлось убирать вручную. В результате валовой сбор зерна в 1946 году составил 39,6 млн т, что было на 7,7 млн т меньше, чем в 1945 году и в 2,4 раза меньше, чем в предвоенном 1940 году⁷⁸. Однако, не потери урожая стали главной причиной голода. «Относительно 1945 г., — считает, например, В.Ф.Зима, — сокращение валового сбора было в рамках допустимого и не давало никаких оснований для чрезвычайщины в проведении заготовительной кампании»⁷⁹.

Власти, стремясь не допустить сокращения государственного резерва хлеба, пошли по старому, апробированному еще в 20-е годы пути — организации дополнительных хлебозаготовок, когда колхозы и совхозы в порядке обязательной разверстки уже после выполнения плана сдачи хлеба государству получили так называемую надбавку к плану. В результате дополнительных хлебозаготовок большинство колхозов и совхозов вынуждены были отдать хлеб, предназначенный для крестьян и распределяемый в форме натуроплаты. Изымая этот хлеб, государство ставило деревню на грань голода.

Продовольственные трудности ожидали также и жителей городов. Горожане, а также частично население сельской местности (за исключением колхозников) во время войны были переведены на систему нормированного снабжения, т.е. получали продукты по карточкам. Всего в 1945 году карточной системой было охвачено 80,6 млн человек⁸⁰. Существовали рабочие карточки первой и второй категории, а также специальные карточки для служащих, детей и иждивенцев. Нормы отпуска продуктов по карточкам, а также цены на эти продукты были строго фиксированными (например, дневная норма отпуска хлеба по рабочей карточке первой категории составляла 800 гр., а по карточке второй категории — 600 гр. Нормы для служащих, иждивенцев и детей были еще ниже). Цены на продукты, распределяемые по карточкам — их называли пайковыми ценами — были существенно ниже цен на те же продукты, приобретаемые на рынке или в специальных коммерческих магазинах. Так, пайковая цена ржаного хлеба — основного продукта питания для большинства населения России во время войны и в первые послевоенные годы — в разных регионах России летом 1946 г. колебалась от 75 копеек до 1 рубля 15 копеек за 1 кг, тогда как его коммерческая цена составляла от 8 до 10 рублей за килограмм⁸¹.

В сентябре 1946 года Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) начали так называемую кампанию за экономию хлеба, первым шагом которой стало решение о повышении пайковых цен. Постановление по этому вопросу было принято Политбюро 6 сентября 1946 г., а несколько дней спустя оно было направлено под грифом «не для печати» для ознакомления в партийные организации. «Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б), — говорилось в этом документе, — учитывают трудности повышения пайковых цен и понимают, что здесь потребуются жертвы со стороны рабочих, служащих и

крестьян ради общего дела. Нужно иметь в виду, что без серьезных жертв невозможно ликвидировать тяжелое наследие войны»⁸². В целях своего рода компенсации потерь населения одновременно с повышением пайковых цен предполагалось снизить коммерческие цены на продукты питания. Однако, если пайковые цены выросли в целом в 2,5–3 раза (по разным группам продуктов), то коммерческие цены были снижены не так существенно — в среднем на 10–20%⁸³. Не могло рассматриваться в качестве достаточной меры компенсации и решение об установлении системы надбавок к заработной плате категориям населения с низким и средним уровнем доходов: получающим до 300 руб. в месяц была установлена надбавка 110 руб., до 500 руб. — 100 руб., до 900 руб. — 80 руб. в месяц. Надбавку в 60 руб. получили неработающие пенсионеры и 80 руб. — студенты⁸⁴.

Новые цены предполагалось ввести с 16 сентября, а 10–14 сентября информация об этом была доведена до сведения партийного и советского актива. Этот слой всегда рассматривался властями как наиболее «сознательный», лояльный, поэтому его реакция могла служить своего рода пробным камнем, позволяющим прогнозировать настроение и поведение остального населения. Как свидетельствуют материалы, поступившие в ЦК ВКП(б) от партийных организаций, обсуждение постановления о предстоящем повышении пайковых цен прошло относительно спокойно, хотя и не обошлось без недоуменных вопросов. Больше всего вопросов вызвало то место документа, где говорилось о необходимости новых жертв во имя преодоления послевоенных трудностей. «Расшифруйте слово “жертвы”, — просил один из участников партактива в Москве, — в чем это выражается? Смерть, грязь, нищета и т.д., или, может быть, не так страшен черт, как мы его представляем?» «Какой приблизительно срок этих жертв и лишений могут нести трудящиеся нашей страны?» — как будто вдогонку первому звучал другой вопрос. «Как жить дальше? — недоумевал третий. — Жертвы и жертвы. Поймите, если сейчас на семью в три человека требуется 600–700 рублей, чтобы выбрать продукты (т.е. выкупить продукты по карточкам. — *Е.З.*), то ведь это еще не все. Мыла правительство не дает, жиров нет, выдают заменители, керосина нет. Все обносились до крайности. Зарботка едва хватает на паек, где брать деньги на квартиру, одежду, мыло?»⁸⁵

Высказывались сомнения в целесообразности и оправданности решения продовольственного кризиса за счет населения. «Наш завод на многие миллионы рублей выбросил моторов, — рассуждал участник партактива. — И таких заводов, очевидно, немало. Правительство приняло на себя эти миллиардные убытки, а вот разрыв в ценах принять не может. Это почему-то должно лечь на плечи рабочих»⁸⁶. Предлагались и свои «рецепты» решения продовольственной проблемы, например, путем повторения опыта новой экономической политики 20-х годов⁸⁷. Однако более распространенным, чем воспоминания о нэпе, было заимствованное из того же арсенала 20-х годов предложение об организации новой «перекачки» средств. Достаточно характерным было следующее высказывание: «Война породила

большой процент населения (работники торговых организаций, крестьянство многих районов), которые накопили в период войны большие средства. Почему бы их не выкачать на нужды страны?»⁸⁸ Если нелицеприятное мнение о торговых работниках имело под собой реальное основание (карточная система и отсутствие свободной торговли при скудости товарных запасов действительно порождали большие злоупотребления в торговой сфере), то аналогичные суждения по отношению к крестьянству в данном случае являлись следствием определенных стереотипов и элементарной неинформированности о положении деревни. Последнее, правда, было скорее исключением, чем правилом, поэтому вполне закономерно звучал вопрос: «Какие меры принимаются к улучшению работы колхозов? Из-за плохой организации дела и отсутствия опытных кадров многие колхозы убыточны, сами не имеют хлеба из года в год и многие из них нищенствуют»⁸⁹.

Информация о настроениях партийного актива в связи с предстоящим повышением пайковых цен обобщалась и изучалась в ЦК ВКП(б): на основе отчетов обкомов была составлена сводка, включающая 61 вопрос, заданный на партактивах. Специальная сводка, состоящая из 33 наиболее типичных вопросов, была представлена Сталину. Большинство вопросов, включенных в итоговую сводку, носили конкретный характер и касались уточнения отдельных положений постановления Совета Министров и ЦК ВКП(б). Участники партактивов интересовались, на какой срок установлены новые цены, будут ли повышены цены на товары, не отраженные в постановлении; как отразится повышение цен на стоимость обедов в столовых и т.п.⁹⁰ Партийных активистов, естественно, волновал вопрос о том, как следует организовывать разъяснительную работу среди населения, обосновывая необходимость столь непопулярной меры, как повышение цен. Согласно официальной версии главными причинами ухудшения ситуации на продовольственном рынке объявлялись засуха и неурожай. И это было понятно. Недоумение вызывало другое обстоятельство: в условиях нехватки собственных продовольственных ресурсов советское правительство оказывало продовольственную помощь другим странам, тогда как от своих граждан требовались новые жертвы. Только в течение 1946–1947 гг. во Францию, Болгарию, Румынию, Польшу, Чехословакию, Югославию и другие страны из Советского Союза было отправлено 2,5 млн т зерна⁹¹. Такое положение требовало объяснений и рождало вопросы: «Как понимать — хлеб продаем за границу и повышаем цены на хлеб?»; «Как отвечать рабочим, если спросят: почему помогаем хлебом Франции, Польше и Финляндии, а сами повышаем цены на хлеб?»⁹² И на такие вопросы действительно пришлось отвечать — причем даже раньше, чем предполагали наверху.

Решение о повышении пайковых цен готовилось втайне от основной массы населения страны, однако слухи об этом просочились в народ еще накануне опубликования официального постановления. Информация такого рода поступала от участников партактивов, которые вряд ли отказа-

лись от обсуждения столь волнующего всех вопроса хотя бы в кругу семьи. Каналами утечки информации о предстоящей реформе цен служили и типографии, где печатались прейскуранты с новыми ценами. Во всяком случае, 12 и 13 сентября в крупных городах, прежде всего в Москве и Ленинграде, эти слухи стали главным предметом разговоров. Особенно эмоционально реагировали женщины, работающие на промышленных предприятиях. «Если цены повысят, да не прибавят зарплату, то с голоду подохнем», — говорила работница московской швейной фабрики. Подобные чувства могли бы разделить с ней многие: «Мне сейчас жить невмоготу, а когда повысят цены — хоть давись»; «От повышения цен страдают больше всего многосемейные. Я прихожу в ужас от мысли, как жить дальше? То хоть хлеба досыта ели, а теперь, когда хлеб станет в три раза дороже, просто хоть ложись и помирай»⁹³.

Некоторые до конца не верили, что слухи о повышении цен в столь сложной для большинства народа экономической ситуации могут быть правдой. «Не может быть повышения цен на нормированные продукты, ибо это не будет соответствовать политике советского правительства, — так аргументировал свою позицию один из сомневающихся. — Повышение цен является скандалом на весь мир. Это будет неожиданным ударом для нашего народа»⁹⁴. Другие были настроены менее оптимистично и пытались по-своему объяснить, почему правительство все-таки решилось на такой шаг. Говорили о неурожаях, о сложной внутренней ситуации, о последствиях недавней войны. Однако главная причина новых «жертв» виделась все-таки в другом: «Если наше правительство решит повысить цены на продукты питания, то это будет означать прежде всего то, что советское государство находится в опасности. Ему грозит новая война»⁹⁵. Подобное объяснение встречалось не только в рабочей среде, но было распространено среди всех слоев населения. Приведем некоторые высказывания на этот счет среди жителей Москвы: «Я убежден, что повышение цен связано не с недостатком хлеба в стране, а с необходимостью создания резервов в связи с напряженной обстановкой. Англия и Америка грозят нам войной»; «Бедна не только в том, что все будет дорого и недоступно рабочему, а главное в том, что это является верным признаком скорой войны»⁹⁶. По мере нарастания продовольственных трудностей слухи о новой войне становились массовыми.

Несосведомленность населения о действительных намерениях властей рождала не только разного рода слухи и домыслы, но и провоцировала поведение, которое властям было трудно контролировать. 14 сентября секретарь ЦК ВКП(б) Н.С.Патоличев сообщал А.А.Жданову: «Следует особо отметить, что во многих городах, в том числе в Москве, Ленинграде, населению известно о повышении пайковых цен в ближайшее время. В магазинах в связи с этим скопились очереди, население пытается выбрать продукты за сентябрь, а коммунисты недостаточно осведомлены для того, чтобы провести нужную разъяснительную работу среди населения, в связи с чем было бы целесообразно и необходимо опубликовать постановление

об изменении цен не позднее 15 сентября, т.е. завтра»⁹⁷. Решение о повышении цен было опубликовано 16 сентября, в форме короткой информации «В Совете Министров СССР». В нем ничего не говорилось ни о «жертвах», ни о сложностях в связи с засухой и неурожаем, а само повышение цен было представлено как мероприятие, проводимое в целях подготовки условий для отмены карточной системы в 1947 году⁹⁸. Согласно официальным сообщениям, основная масса населения страны встретила известие о повышении цен «с пониманием». Если судить по характерным высказываниям на этот счет, «понимание» народа основывалось даже не столько на осознании реальных причин реформы пайковых цен, сколько на вере и убеждении, что «партия и товарищ Сталин не желают зла народу»⁹⁹. «Раз постановление подписал товарищ Сталин, — говорил один ленинградец, — мы верим, что это единственный, самый правильный путь. Другого пути нет»¹⁰⁰. Судить о степени распространенности подобных суждений довольно трудно, поскольку высказывались они, как правило, в официальной обстановке, на собраниях и, возможно, были заранее подготовлены. Однако есть сведения, что сходные мнения звучали и в частных разговорах. «Тяжело будет для многих.., — разговаривали между собой рабочие химкомбината города Воскресенска, — но ведь не может быть, чтобы это без вела товарища Сталина делалось. Значит, так надо, значит, другого выхода нет»¹⁰¹.

Вместе с тем убеждение в том, что «другого выхода не было» не являлось всеобщим. Напротив, высказывались мнения, в том числе и публично, что «правительство идет по неправильному пути»¹⁰². И, конечно, гораздо более откровенными были разговоры на улицах и особенно в очередях за хлебом. В магазине при заводе № 620 в Москве 16 сентября собралось 15–20 человек покупателей. Одна женщина пожаловалась: «Чем я теперь буду жить? Один муж работает, детей девять человек. Будем воровать». — «Ну что ж, в тюрьму посадят», — ответила ей другая. В разговор вмешался мужчина: «Говорите, в тюрьму посадят, вот и хорошо, там будут кормить бесплатно»¹⁰³.

Во многих магазинах уже 16 и 17 сентября не все желающие смогли купить хлеб по новым ценам. В связи с этим, например, несколько рабочих вагоностроительного завода города Омска вообще отказались выйти на работу¹⁰⁴. Большие перебои с продажей хлеба наблюдались и в коммерческих магазинах. Однако главные продовольственные трудности были еще впереди.

Часть рабочих надеялась решить проблемы, возникшие в связи с повышением цен, путем увеличения норм выработки и соответственного повышения зарплаты. На рабочих собраниях высказывалось много претензий в адрес администрации предприятий, которая, как казалось, не может должным образом организовать труд рабочих: ликвидировать простои, обеспечить необходимыми материалами и т.п. Так в роли «стрелочника», ответственного за все и вся, по существующей традиции оказалось местное (точнее, ближнее) «начальство» — итог вполне закономерный, если придержи-

ваться убеждения, что «партия и товарищ Сталин не желают зла народу». Рабочие, конечно, не были информированы о том, что специальным постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) всем министерствам и ведомствам, а также руководителям всех предприятий и учреждений было запрещено какое бы то ни было, прямое или косвенное, повышение установленных окладов и ставок заработной платы¹⁰⁵.

Спустя 10 дней после повышения пайковых цен, 27 сентября 1946 г. правительство и Центральный Комитет партии приняли новое совместное постановление — «Об экономии в расходовании хлеба», которое вызвало даже больший общественный резонанс, особенно в плане выражения настроений недовольства, чем предыдущее решение. В соответствии с этим постановлением с 1 октября 1946 г. предусматривалось существенное сокращение контингента населения, находящегося на нормированном снабжении. Прежде всего пострадали жители сельской местности: рабочие и служащие совхозов, подсобных хозяйств и МТС, предприятий местной промышленности и другие категории. Всего в сельской местности было снято с пайкового снабжения хлебом 23 млн человек. В городах та же участь постигла еще 3,5 млн человек, главным образом неработающих взрослых иждивенцев. Госплану СССР было поручено к 30 октября представить предложения о дальнейшем сокращении контингента населения, снабжаемого пайковым хлебом. Кроме того, было принято решение сократить в октябре коммерческую торговлю хлебом на 70 тыс. т¹⁰⁶. В действительности торговля хлебом в коммерческих магазинах сократилась с 75 тыс. т (в муке) в сентябре до 35 тыс. т в ноябре¹⁰⁷. Одновременно ухудшалось качество выпекаемого хлеба: с 1 ноября 1946 г. была официально установлена норма примеси овса, ячменя кукурузы при хлебопечении до 40%, а для Москвы и Ленинграда — до 25%¹⁰⁸. Все эти перемены не замедлили сказаться на настроениях населения.

В отличие от общего повышения цен на пайковый хлеб 16 сентября новая инициатива властей, существенно подорвавшая жизненный уровень многих семей, если судить по массовой реакции, уже не находила разумных оправданий. Высказывалось даже предположение, что «о всех безобразиях, которые творятся в стране, товарищ Сталин не знает»¹⁰⁹. Или еще более категоричное мнение: «Это делают вредители. Хозяин (Сталин. — Е.З.) отдыхает в Сочи, вот они и мудрят»¹¹⁰. И снова все замыкалось на фигуре вождя. В Ленинграде, например, распространялись слухи о том, что «группа рабочих ездила в Москву к товарищу Сталину, рассказала ему, как тяжело жить народу, и товарищ Сталин написал: снизить цены на хлеб до 1 рубля 75 копеек за килограмм»¹¹¹. Имя Сталина в рабочей среде по-прежнему оставалось вне критики, во всяком случае, информаторы ЦК ВКП(б) о такого рода критике умалчивают. Критические выступления, если они только не касались местного начальства, носили, как правило, безадресный характер и претензии высказывались в отношении неких третьих лиц, хотя в третьем лице выступала несомненно власть (власти). Показательны следующие мнения и вопросы: «Не могут сказать нам правды»,

«почему они с нами не посоветовались?»; «когда были выборы в Верховный Совет, то нам обещали снижение цен и отмену карточной системы; выборы закончились (...), а они карточной системы не отменили, снизили норму хлеба и цены повысили»¹¹².

После снятия с пайкового снабжения иждивенцев наблюдался приток рабочей силы на предприятия городов, где рабочие продолжали получать свою карточку. Промышленные предприятия Ленинграда, например, приняли в октябре 1946 г. в два раза больше рабочих, чем в сентябре. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других промышленных центрах России¹¹³. Некоторые предприятия вынуждены были отказывать в приеме на работу всем желающим, мотивируя свой отказ нехваткой хлебных карточек. Администрация заводов Казани по той же причине стала сокращать численность имеющихся рабочих, однако, часть рабочих даже после увольнения продолжала приходить на работу, заявляя: «Нам идти все равно некуда»¹¹⁴. На селе, среди рабочих совхозов, МТС, местной промышленности, т.е. тех категорий, которые были сняты с пайкового снабжения, наблюдался обратный процесс: они покидали свои рабочие места, пытались устроиться на работу в городе. Местные власти на селе пребывали в растерянности, с 1 октября они вынуждены были заниматься только одним вопросом: распределять хлебные карточки и рассматривать многочисленные жалобы населения, снятого с пайкового снабжения¹¹⁵. Все эти шаги — сначала принудительные хлебозаготовки, оставившие деревню без хлеба, затем сокращение категорий населения, получающих гарантированный минимум продовольствия, уменьшение объемов продажи хлеба и упорное нежелание властей расконсервировать государственный резерв при обострившемся кризисе снабжения — можно сказать, «подготовили» голодную зиму 1946–1947 годов.

Точных данных о количестве жертв послевоенного голода не существует. Сам факт голода тщательно скрывался советскими властями, медицинская статистика была несовершенна, а частично и сфальсифицирована (например, не всегда фиксировался диагноз дистрофии в качестве причины высокой заболеваемости и смертности населения в 1946–1947 гг.) Историк В.Ф.Зима, которому принадлежит первое и наиболее обстоятельное исследование происхождения и последствий голода 1946–1947 гг. в СССР, полагает, что в целом по Союзу ССР в послевоенные годы голодало около 100 млн человек, а всего с 1946 по 1948 год от голода и связанных с ним болезней погибло около 2 млн человек¹¹⁶. В России жертвами голода стали не менее полумиллиона человек¹¹⁷.

Голод охватил прежде всего сельские районы, колхозы, где колхозники не получили заработанный ими хлеб. Первые тревожные сигналы из разных регионов России стали поступать уже в декабре 1946 — январе 1947 года. В официальных документах они именовались информацией о «продовольственных затруднениях» (слово «голод» не употреблялось), а на деле выглядели следующим образом: Калужский обком партии информировал ЦК ВКП(б) о том, что «часть семей колхозников... в районах области не

имеет хлеба, картофеля и вынуждена питаться суррогатами и нищенствовать»¹¹⁸. А далее следовали конкретные примеры: «(...) Колхозница Царева Евдокия, муж которой погиб на фронте, имеющая троих детей, заработала 300 трудодней, а хлеба не получила. В хозяйстве ее нет никакого скота, хлеб и картофель весь съеден. На почве недоедания сама и дети болеют. (...) В сельскохозяйственной артели «Красная звезда» семьи Кульковой Екатерины, Ледовой Евлокии, Говоровой Марии, Сергеевой Екатерины (...) не имеют продуктов питания и живут только нищенством. (...) Тракторист Минаев заработал 493 кг хлеба, а получил только 31 кг, из-за систематического недоедания он заболел. (...) Некоторые колхозники, не имея продуктов питания, продают скот и на эти деньги покупают картофель»¹¹⁹.

Однако голодала не только деревня. Инспекторы ЦК ВКП(б), выезжавшие с проверкой положения дел на промышленных предприятиях некоторых городов, в целом ряде случаев также приходили к неутешительным выводам. «На предприятиях города Мариуполя Сталинской области за последнее время значительно возросло число рабочих больных дистрофией, — говорилось в одной из докладных записок, направленных в ЦК ВКП(б). — По заключению врачей на 1 марта с.г. (1947) по пяти заводам города Мариуполя зарегистрировано 3789 случаев заболеваний дистрофией. (...) Проверкой на месте установлено, что рост заболеваемости дистрофией в значительной мере вызван тем, что Министерство торговли СССР на протяжении пяти месяцев систематически уменьшает лимиты предприятиям на выдачу хлеба и продуктов»¹²⁰.

Атмосферу тех голодных месяцев лучше всего передают письма людей, на долю которых пришлось столь тяжелые испытания. В ноябре и декабре 1946 года в результате негласного контроля корреспонденции Министерством государственной безопасности СССР только по двум областям России — Воронежской и Сталинградской — было зарегистрировано несколько тысяч таких писем (по Воронежской области — 4616 писем, по Сталинградской — 3275). «Надвигающийся голод страшит, моральное состояние подавленное, — писала М.С.Ефремова из Воронежской области. — Дети наши живут зверской жизнью — вечно злы и голодны. От плохого питания Женя стал отекать, больше всего отекает лицо, очень слабый. Голод ребята переносят терпеливо, если нечего поесть, что бывает очень часто, молчат, не терзают мою душу напрасными просьбами»¹²¹. Другое письмо было направлено из города Калач Воронежской области: «...Живем мы в кошмарных условиях. Есть нам совсем нечего, питаемся только желудями, а от этой пищи мы едва таскаем ноги. В этом году умрем от голода»¹²². Письма, отправленные из Сталинграда и сел Сталинградской области, по своему настрою мало отличались от воронежских: «Хлеба нет и не знаем, как пережить голод. Хлеба никому не дают. Народ начинает опухать. В нашем колхозе и в соседнем хлеба совсем не дали — дело плохо»; «Я продал все, чтобы спасти жизнь. Больше продавать нечего, остается одно: или умереть, или решиться на что-то другое — иначе гибель. Мне не страшна тюрьма, ибо там я могу получить кусок хлеба»¹²³.

«Чтобы выжить — надо воровать», — эта мысль проскальзывала в письмах, высказывалась в очередях за хлебом, буквально витала в воздухе. Подобные слова говорились чаще всего «в сердцах», и скрывались за ними скорее чувство безысходности и обида, нежели реальные намерения. Но голод тем не менее действительно толкал людей на преступления. По неполным данным, осенью 1946 г. за хищение хлеба в СССР было осуждено 53369 человек, из них 36670 человек (74,3%) приговорены к лишению свободы¹²⁴. Среди общего числа осужденных (по всем видам преступлений) в 1946–1947 годах около 50% составляли женщины с малолетними детьми, которые должны были следовать за своими матерями¹²⁵. Всплеск так называемой «женской преступности» в эти годы был прямым следствием голода, так же, как и рост преступлений, совершенных детьми и подростками. Часто наказание — от 5 до 8 лет заключения в исправительно-трудовом лагере — совершенно не соответствовало степени содеянного (такой срок можно было, например, получить за кражу нескольких картофелин с колхозного поля или одного килограмма муки). Министр юстиции РСФСР И. Басавин признавался, что в судебной практике тех лет имели место «многочисленные случаи вынесения необоснованных обвинительных приговоров»¹²⁶.

Ситуация на потребительском рынке медленно изменялась к лучшему. Население, по-прежнему не имея информации о планах властей, строило новые догадки и питалось новыми слухами. Летом 1947 года в Москве, например, широкое распространение получили слухи о новом повышении пайковых цен, высказывалось предположение, что это произойдет 15 июня. В магазинах немедленно образовались большие очереди, а в сберегательных кассах начался отлив вкладов¹²⁷. В течение 1947, 1948 и даже в начале 50-х годов во многих городах России наблюдались периодические перебои в снабжении торговой сети хлебом и другими продуктами первой необходимости. Так, весной 1948 г. большие проблемы в торговле хлебом были отмечены в Новосибирске. Ряд магазинов города в течение нескольких дней вообще не торговали хлебом, в результате образовались огромные очереди — до 700–800 человек. При таком скоплении народа неизбежно возникали эксцессы: очевидцы рассказывали, что некоторые люди забирались на крыши магазинов, прыгали оттуда на головы собравшихся и таким образом пробирались к прилавку¹²⁸. В других городах для наведения порядка в очередях приходилось прибегать к помощи милиции. Продовольственный кризис не был, таким образом, до конца разрешен и после 1947 года, когда была отменена карточная система и проведена денежная реформа.

4. Люди и деньги: политика государства в области финансов и поведение населения

Одним из первых следствий войны стало расстройство финансовой системы. Инфляционные процессы, усугубляемые критической ситуацией на потребительском рынке, расширение зоны натурального обмена свиде-

тельствовали о прогрессирующем обесценивании рубля и ставили под угрозу срыва программу восстановления экономики. Наряду с инфляцией на состоянии государственной казны сказывалось и постепенное сокращение источников денежных поступлений от населения: с окончанием войны был отменен военный налог, сократилось перечисление компенсации за неиспользованные рабочими и служащими отпуска в качестве специальных вкладов в сберкассы, прекратилось добровольное поступление средств в фонд Красной Армии.

Первой попыткой как-то поправить финансовое положение страны стал государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР, выпущенный в мае 1946 года. Общая сумма займа составляла 20 млрд рублей, разместить его предполагалось следующим образом: 12,5 млрд рублей среди городского населения и 5,5 млрд руб. — среди сельского¹²⁹. В письме наркома финансов СССР А.Г.Зверева, направленном в марте 1946 года наркомам финансов союзных и автономных республик, заведующим краевыми и областными финотделами специально отмечалось: «Стремясь к завершению размещения займа в короткий срок, не следует, однако, проявлять излишнюю торопливость в этом деле. (...) Быстрые темпы размещения займа должны в полной мере сочетаться с высоким уровнем массово-разъяснительной и организационной работы по займу»¹³⁰. Однако несмотря на предупредительные рекомендации, на местах, как это не раз бывало при проведении крупных государственных акций, часто брала верх линия на форсирование подписки на заем.

Психология перегиба давала свои очередные рецидивы: правилом становились случаи вызова работников «для беседы» в парткомы и завкомы, после чего оформлялась «добровольная» подписка на заем в размере месячной, а иногда — и двухмесячной зарплаты. С теми, кто отказывался от подписки на заем вообще или подписывался на меньшую, чем предлагали, сумму (а таких среди «отказников» было большинство), ответственные за размещение займа партийные и советские активисты работали индивидуально и где уговорами, а где и угрозами, как правило, добивались 100%-й подписки. Среди мотивов отказа преобладали материальные: низкая зарплата, наличие большой семьи и др. Высказывались сомнения в целесообразности займов у населения и предложения поискать другие источники получения дополнительных средств. При этом традиционно назывались категории населения, которые, как казалось, получают «слишком много». «Стоило бы не дать сталинских премий двум лауреатам, — рассуждал, например, один рабочий, — и всему нашему цеху не надо было бы подписываться на заем»¹³¹.

Отказ от подписки на заем иногда обосновывался ссылкой на окончание войны. Так, перед началом подписной кампании на одном из зданий Челябинска появилась листовка такого содержания: «Нас заставляют подписываться на заем. Нас кормят пятилетками. Правительство это объясняло трудностями войны. Теперь она кончилась. Когда кончится собачья жизнь?»¹³²

Отказы не имели сколько-нибудь массового характера. Как правило, люди с пониманием относились к призыву государственных органов отдать часть своих средств на восстановление народного хозяйства страны. Что касается инцидентов, то они, в первую очередь, объяснялись не «неосознанностью» отдельных граждан, а провоцировались поведением местных ответственных работников, которые использовали различные методы принуждения: не выплачивали зарплату до тех пор, пока не выполнен план по подписке на заем, угрожали увольнением с работы и даже судом, проводили собрания, где «прорабатывали» неактивных членов подписной кампании и т.д. Протестуя против подобных злоупотреблений, люди жаловались в центральные органы власти, обращались с письмами в газеты. Например, за несколько дней после начала подписной кампании 1951 г. только редакция «Правды» получила более 100 писем-жалоб. Одно из них, анонимное, пришло из Ленинграда: «Сейчас по всему СССР проводится подписка на Государственный займ развития народного хозяйства СССР, но как проводится эта подписка? Это позор и срам для руководителей Ленинграда. 6 мая в автопарке Ленинграда 20 человек шоферов не выпустили только потому, что они не подписывались на предложенную им сумму. 20 автобусов простояли, а пассажиры из-за этого вынуждены были стоять часами, ожидая прибытия автобусов. На Московском заводе г. Ленинграда сотруднику Швецову М.Ф. заявили: «Если ты не подпишешься на ту сумму, которую мы тебе предлагаем, мы тебя вышлем на 101-й километр»¹³³.

И такие случаи были неединичны. Секретарь парторганизации колхоза им. Кирова в Новгородской области, когда проводил подписку, «убеждал» колхозников таким образом: «Кто не подпишется на займ, тот враг советской власти, таких будут высылать в Сибирь»¹³⁴. Начальник цеха одного из заводов в городе Уфа, выступая на рабочем собрании, заявил, что все, подписавшиеся на сумму меньше, чем месячный заработок, заодно «с поджигателями войны Трумэн и Макартуром»¹³⁵. В Красноярской МТС Саратовской области рабочий комитет принял решение отдать под суд двоих не подписавшихся на заем комбайнеров, отнять у одного из них половину земли, выделенную под огород, и исключить их из членов профсоюза. У других комбайнеров этой же МТС под страхом суда добились обязательства подписаться на заем в двукратном размере, т.е. на двухмесячный заработок¹³⁶.

Конечно, подобные методы работы не прибавляли авторитета ни администрации предприятий, ни кампании подписки в целом. Но главное, займы не могли решить долгосрочной задачи восстановления финансовой системы, хотя и позволили сосредоточить в руках государства часть средств, направленных впоследствии на реконструкцию.

Следующим шагом в налаживании нормального денежного обращения должна была стать денежная реформа. У этой реформы, проведенной в 1947 году, была сложная судьба: типично экономическая акция проводилась с серьезным политическим подтекстом, в результате чего пропагандистские цели заслоняли собой подчас экономическую целесообразность.

Изначально денежная реформа была поставлена в зависимость от другой акции — отмены карточной системы. Отмена карточек, превратившихся в своеобразный символ военных лет, должна была, по мнению советских руководителей, продемонстрировать силу и выносливость советской экономики. А для этого необходимо было провести акцию отмены раньше, чем в других странах, вынужденных во время войны тоже прибегнуть к нормированному снабжению населения (к числу таких стран принадлежали Англия, Франция, Италия, Австрия). Первоначально отмена карточек планировалась на 1946 год, и только продовольственный кризис осени того же года отодвинул реализацию этого решения. Вместе с тем не вполне справедливым будет объяснять поспешность, с которой была проведена отмена карточек, только издержками пропаганды.

На форсировании этого мероприятия сказались не только позиция руководства, заботящегося о своем престиже в глазах мировой общественности, но и определенный прессинг снизу, подталкивающий центр к подобному решению. В обыденном сознании война и карточки оказались слиты таким тесным образом, что сохранение карточек рассматривалось как чуть ли не главная причина продовольственных трудностей военных лет. Случаи разного рода злоупотреблений, неизбежные при нормированной распределительной системе, только усиливали эти настроения. Идея отмены карточек в народе приобрела еще большую популярность после повышения в 1946 году пайковых цен. Достаточно типичны были высказывания такого рода, относящиеся к лету—осени 1947 г.: «Самым наболевшим вопросом является вопрос с продовольствием. Всюду слышатся разговоры: когда же отменят карточную систему или хотя бы откроют коммерческую торговлю хлебом и крупой?»; «Отмены карточек на хлеб ожидают все рабочие и служащие. Это общее настроение. А когда будет хлеб, тогда снизятся цены и на другие продукты на рынке»¹³⁷. Многие рабочие выражали надежду на отмену карточек уже к концу 1947 года¹³⁸.

Однако взгляд на отмену карточной системы как на абсолютную панацею не был всеобщим: как свидетельствуют разговоры в рабочей среде, многие не надеялись на способность торговых организаций противостоять спекуляции и высказывались поэтому за сохранение карточек хотя бы в обозримом будущем, при одновременном увеличении норм выдачи хлеба. «Сейчас тяжело с хлебом, недостает, — приводил свои аргументы забойщик шахты из Челябинской области Ковалев. — А если отменят карточки, то может быть еще хуже. Спекулянты будут делать свое дело и мы можем остаться без хлеба»¹³⁹.

У идеи отмены карточной системы, как видно, были сторонники, были и противники (хотя последние обсуждали не идею в принципе, а только сроки ее воплощения), но сам факт отмены карточек в конце 1947 года ни для кого не был неожиданным. Действительную растерянность большинства людей вызвал сопутствующий этой акции фактор — денежная реформа.

Реформа, вспоминал А.Г.Зверев, готовилась в обстановке строгой секретности под личным контролем Сталина¹⁴⁰. Задуманная как антиинфля-

ционная мера, она на практике свелась к рестрикционному мероприятию, т.е. изъятию у населения так называемых «лишних» денег, прежде всего наличных. Считалось, что в результате реформы пострадают спекулянты, а трудящиеся останутся в выигрыше. Что же произошло на деле?

В действительности тайна информации о реформе была довольно быстро нарушена. «На местах, — вспоминал Зверев, — после получения специального пакета с документами о денежной реформе, на котором стоял гриф “Вскрыть только по получении особого указания”, у отдельных местных сотрудников любопытство перетянуло служебный долг. Пакеты были вскрыты раньше времени»¹⁴¹. Были и другие способы получения информации о предстоящем обмене денег. Например, в Москве 28 ноября столичный комитет ВКП(б) проводил совещание секретарей районных комитетов и председателей райисполкомов. На этом заседании обсуждалось два вопроса: «открытый» (о переходе к торговле без карточек) и «закрытый» (информация Финансового управления Москвы). По второму вопросу собравшимся сообщили, что существует постановление Совета Министров СССР от 25 ноября 1947 г., содержание которого разглашению не подлежит. Однако во исполнение этого постановления партийным и советским органам Москвы следует провести «организационно-подготовительную работу», которая заключалась в следующем: открыть в разных районах столицы к определенному сроку (о котором будет сообщено дополнительно) 1160 выплатных пунктов¹⁴². Дальнейшее превращалось в «секрет полишинеля». И хотя секретарь Московского комитета партии Г.М.Попов сделал специальное предупреждение для присутствовавших на совещании об исключительной секретности полученной информации, вряд ли можно считать случайным то обстоятельство, что дата проведения совещания совпала с началом паники в московских сберкассах.

В Москве до конца ноября 1947 г. в сберкассы ежедневно поступало 7–8 миллионов рублей и примерно столько же выплачивалось вкладчикам. Таким образом баланс сохранялся. Но уже 28 ноября объем денежных операций (сумма поступлений и выплат) увеличился в три раза, 29 ноября — в семь раз, а 30-го — уже в десять¹⁴³. Слухи о реформе просочились и в народ. Началась предреформенная лихорадка.

28 и 29 ноября наблюдался массовый наплыв покупателей в столичные магазины, торгующие промтоварами. Особенно быстро расходились дорогостоящие товары, которые раньше пользовались ограниченным спросом. Например, в трех мебельных комиссионных магазинах имелись гарнитуры мебели стоимостью 30, 50, 60 и 101 тыс. рублей. Гарнитуры за 30, 50 и 60 тыс. рублей к 29 ноября были уже проданы, а на гарнитур в 101 тыс. рублей, который не могли продать в течение трех лет, имелись уже четыре покупателя. С прилавков исчезли меха и меховые изделия, золото, серебро, драгоценности. 2 декабря из 12 ювелирных магазинов Москвы работали только три, остальные закрылись под предлогом «учета». Когда разбирали особо ценные товары, в ход пошло все, что можно было купить. В Петровском пассаже в магазине узбекской промкооперации распродали

все тубетейки, несмотря на то, что до этого спрос на них отсутствовал совершенно¹⁴⁴. Крупные универмаги вывесили на своих дверях таблички «закрыто на ремонт» и «переучет товаров».

«Уже несколько дней народу на улицах тьма, — описывает это время В. Кондратьев, — все магазины и коммерческие, и комиссионные, и промтоварные — облеплены очередями. Позавчера на бывшей Никольской в магазине “Оптика” брали нарасхват бинокли. Прекрасные цейсовские бинокли — мечта всех средних командиров на фронте — покупали теперь какие-то бабенки, мужички, и брали не один-два — десятками, по сто рубликов за штуку. Уже неделю, как в сберкассах толкотня, кто вносил деньги, кто брал, не известно же никому, чем обернется реформа и как лучше... Ну, а вечером рестораны коммерческие штурмовались с боя, крики, брань, чуть ли не потасовки у дверей. (...) Конечно, по вечерним улицам Москвы бродили не только те, кому деньги потратить надо. Других (...) подхватывала какая-то тревожная и в то же время праздничная волна — все гуляют, ну и интересно пойти посмотреть. А кто-то просто последние сотни-две решил спустить, потому как начнется новая жизнь, с новыми деньгами и без карточек, чего уж старые деньги беречь»¹⁴⁵. И такая картина наблюдалась не только в Москве, все крупные города так или иначе пережили предреформенный ажиотаж¹⁴⁶.

В Ленинграде накануне реформы ходили такие слухи: 1) с 15 декабря будут отменены хлебные карточки и установлены средние цены между коммерческими и пайковыми; высказывалось также предположение, что норма отпуска товаров в одни руки будет ограничена; 2) с 15 по 30 декабря будет проведена денежная реформа, один новый рубль будет равен двум старым, при этом будет меняться не более двух окладов на каждого человека; 3) кроме того курсировали слухи, что деньги вовсе будут аннулированы без какого-либо обмена¹⁴⁷. В этих слухах, распространяемых в частных разговорах и переписке, присутствовали как фантазии и домыслы, вызванные отсутствием нормальной информации, так и довольно точные сведения. Например, о сроках проведения реформы.

Реформа была проведена в ночь с 14 на 15 декабря 1947 г. Накануне, 13 декабря в газете «Известия» появилось постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». В течение недели гражданам предстояло обменять свои наличные деньги из расчета 10:1 (10 руб. старого образца на 1 руб. нового). Вклады в сбербанках обменивались по такому курсу до 3 тыс. рублей, а далее действовала система постепенного «обесценивания» старого рубля по отношению к новому.

С 14 декабря сберкассам было запрещено принимать вклады от населения. Однако, запрет нередко нарушался, причем в качестве нарушителей выступали прежде всего люди, облеченные властью. Управление по проверке партийных органов ЦК ВКП(б), проанализировав данные о ходе денежной реформы по ряду республик, краев и областей, пришло к неутешительному выводу: «Некоторые руководящие работники местных пар-

тийных, советских и особенно финансовых органов вместо того, чтобы оберегать интересы государства (...) сами встали на путь жульничества и беззастенчивого обмана государства, используя проведение денежной реформы в своих корыстных целях»¹⁴⁸.

Злоупотребления проявились в самых разнообразных формах. Часть ответственных работников по договоренности с банковскими служащими сдавали деньги в сберкассы 14 или даже 15 декабря, а оформляли их «задним числом», т.е. 12 или 13 декабря. Кроме этой, наиболее распространенной, использовались и другие «хитрости»: сдача личных денег через кассы торгующих организаций под видом выручки, досрочное погашение старыми деньгами подписки на государственный заем и разных ссуд, приобретение на старые деньги большого количества почтовых и профсоюзных марок, которые не подлежали переоценке, и т.п.¹⁴⁹

Например, в городе Кременчуге с разрешения первого секретаря горкома партии у сотрудников аппарата горкома 15 декабря были собраны 30 тыс. рублей и обменены через текущий счет промартели в госбанке как выручка от продажи товаров. Практиковался прием вкладов через подставных лиц, разукрупнение вкладов и оформление их на родственников. Всего было сделано незаконных вкладов по Краснодарскому краю на сумму 6,3 тыс. рублей, по Чкаловской области — 3,2 тыс. рублей, по Сталинградской области — 2,6 тыс. рублей. Всего по 40 республикам, краям и областям, по неполным данным, в нарушении закона о проведении денежной реформы были уличены 145 секретарей райкомов и горкомов партии¹⁵⁰. Однако, в ходе проверки обнаружилось, что проштрафившиеся партийные работники значительно реже привлекаются к ответственности, нежели замеченные в тех же злоупотреблениях работники советских учреждений и финансовых органов. Если последние часто попадали на скамью подсудимых, то санкции в отношении руководящих партийных работников, как правило, ограничивались выговорами. В Калуге, например, в феврале 1948 г. проходил судебный процесс, на котором в качестве обвиняемых выступали заведующий областным финансовым отделом, заведующие областной и городской сберкассой и бухгалтер сберкассы. Все они были приговорены к большим (от 20 до 10 лет) срокам лишения свободы. Вместе с тем никто из высокопоставленных лиц области, под прикрытием которых совершались злоупотребления, к уголовной ответственности привлечен не был. Подобный избирательный подход вызывал недоумение у населения, и итоги процесса еще долго были предметом городских пересудов¹⁵¹.

Организуя судебные процессы над нарушителями закона о денежной реформе, власти столкнулись с неоднозначной реакцией людей. Сам факт, что «жулики и воры» (так в народе называли погревших руки на обмене денег) оказались за решеткой, вызывал естественное одобрение и работал на авторитет власти, которая в данном случае выступала в роли защитницы интересов «простых людей». Но в то же время сама власть, в лице ее отдельных представителей, отнюдь не выглядела «чистой», а прямое укрытельство от ответственности партийных чиновников вызывало обосно-

ванное подозрение, что все вновь ограничилось наказанием «козлов отпущения». Тем не менее наказание виновных помогло несколько притупить чувство разочарования от итогов реформы, которая не оправдала (да и не могла оправдать) всех связанных с ней надежд.

15 декабря 1947 г. на прилавках магазинов крупных, прежде всего столичных, городов появилось почти что довоенное изобилие. Люди приходили туда просто, как на «экскурсию» — посмотреть, прицениться, прикинуть, что купить. К бескарточной торговле магазины готовились заблаговременно. Чтобы обеспечить успех реформы на показательных площадках Москвы и Ленинграда, Совет Министров СССР 29 ноября 1947 г. принял постановление о создании в этих городах неснижаемых запасов товаров. Согласно этому постановлению, только в Москву планировалось завезти из других районов и хранить до начала реформы: 500 тонн мыла, 2000 тонн сахара, 10000 тонн мяса, 300 тонн колбасы, 65 тонн муки и других продовольственных товаров¹⁵².

Уже в течение первого дня торговли без карточек определилась группа товаров повышенного спроса. В столице в этой группе лидировали сахар, крупа, растительное масло¹⁵³. В промтоварных магазинах лучше всего раскупалась резиновая обувь, особенно галоши. Продажа галош составила главную выручку по всем крупным московским универсам. Один Московорецкий универсам продал за день 1500 пар галош (для сравнения: кожаной обуви — только 120 пар)¹⁵⁴. В некоторых районах Москвы срочно ввели «лимит» на галоши. Продавцы предлагали уменьшить спрос за счет повышения цен на резиновую обувь. Опасались большого наплыва покупателей из деревни: в этом случае московская торговля могла не справиться со своей ролью показного изобилия.

Вопреки массовым ожиданиям цены на многие потребительские товары, в том числе на одежду, обувь, трикотажные изделия значительно увеличивались по сравнению с пайковыми¹⁵⁵. Цены на продовольственные товары были в целом выше довоенных и, за исключением необходимого минимума, недоступными для большинства населения (их покупали только по «особому случаю»).

Несмотря на то, что реформа сократила объем наличных денег у населения, с ее помощью так и не удалось ликвидировать диспропорцию между спросом и предложением. Если в Москве и Ленинграде удавалось поддерживать необходимый уровень товарных запасов, то в других городах и регионах положение на потребительском рынке складывалось просто критическое. Причем в разряд дефицитных товаров попадал прежде всего хлеб. В результате на местах стихийно начала восстанавливаться нормированная система снабжения — в виде карточек, заборных книжек, специальных пропусков.

Подобное положение вещей не могло не тревожить людей. В одной из публикаций, подготовленных Ю.Аксеновым и А.Улюкаевым, приводятся документальные свидетельства — письма рабочих и служащих в Центральный Комитет ВКП(б), газету «Правда», из которых можно составить пред-

ставление о реальном состоянии дел по ряду областей и городов страны после отмены карточной системы: «В очередях у хлебных магазинов происходит ужасная картина, установили “десятки”, выделили бригадиров и наблюдателей у входа. Рабочий получает на 3–4 суток 2 кг хлеба. Ежедневно происходит мордобитие. Все это создаст ужасное положение рабочих» (г. Семипалатинск); «В городе Спасске исключительно плохое снабжение хлебом. Чтобы получить хлеб, надо отстоять в очереди с утра и до следующего утра. Я инвалид войны, ввиду своего здоровья не могу лезть в давку, и потому я и моя семья из 5 человек вот уже 10 дней не видим хлеба» (Рязанская область)¹⁵⁶.

Вместе с тем, несмотря на издержки, реформа 1947 г. способствовала стабилизации финансовой ситуации. Что же касается восприятия ее результатов на уровне массового сознания, то здесь сыграл свою роль фактор завышенных надежд, когда многим казалось, что вместе с отменой карточек «всего будет много» и наступит новая жизнь. Поскольку реально никакая реформа не могла отвечать этим ожиданиям, а власти не позаботились о проведении необходимой разъяснительной кампании (причем до реформы), массовое сознание отреагировало на итоги реформы чувством разочарования. Кроме того, обмен денег 1947 г., когда часть населения потеряла свои сбережения, породил комплекс недоверия населения к денежным реформам вообще, который определял его поведение при всех последующих мероприятиях подобного рода.

Совершенно иную эмоциональную реакцию вызывали послевоенные снижения цен. Вообще ценовая политика в условиях нерыночной экономики является мощным рычагом в руках государства, позволяющим не только решать чисто экономические проблемы (например, регулировать спрос и предложение), но и манипулировать общественным мнением. Реакция всегда предсказуема: повышение цен вызывает немедленное разочарование и недовольство, в то время как снижение цен всегда встречается с одобрением. Не случайно снижения цен стоят в первом ряду популистских мер, которые использует власть для поддержания своего авторитета и формирования в обществе комплекса положительных эмоций.

Сталинские снижения цен пережили свое время, их эмоциональное воздействие на современников оказалось настолько глубоким, что до сих пор значительная часть людей старшего поколения ссылаются на эти снижения как на главный аргумент, являющийся, с их точки зрения, доказательством заботы Сталина о благе народа. Расчеты специалистов, показывающие, что с экономической точки зрения все эти снижения цен оказались несостоятельными¹⁵⁷, не принимаются во внимание. Их отторжение, точно так же, как защита своей позиции, происходит исключительно на эмоциональном уровне, что лишний раз подтверждает направленность сталинской политики снижения цен, которая была в первую очередь идеологическим, а не экономическим предприятием.

Снижения цен на продовольственные и промышленные товары массового спроса начались еще в 1946 г., с 1948 г. они превратились в ежегод-

ное мероприятие и стали обязательными (последнее снижение цен проводилось в 1954 г.). В своей речи перед избирателями 9 февраля 1946 г. Сталин пообещал, что жизнь народа после войны будет скоро меняться к лучшему. И, как бы в подтверждение его слов, уже 26 февраля было объявлено о первом послевоенном снижении цен. «Не было такого случая, чтобы слова товарища Сталина не выполнялись, — такова была первая, довольно типичная реакция. — Иосиф Виссарионович сказал, что цены будут снижены и в ближайшее время будет отменена карточная система, значит, так это и будет. Большое ему спасибо от нас, рабочих (г. Горький, автозавод им. Молотова)»¹⁵⁸. «У товарища Сталина слово не расходится с делом», — эта мысль звучала и на официальных собраниях, и в частных разговорах. Вот, например, как обсуждали эту тему некоторые москвичи: «Цены снижены по-сталински — большой размах, солидная фирма»; «Ходил я в чайную только чайку попить, а теперь и с булочкой можно»; «Ну, слава богу, теперь можно и курочку завести, а к Рождеству и свинью откормить»¹⁵⁹.

Первое снижение цен коснулось магазинов коммерческой сети, выручка которых уже в первый же день торговли по новым ценам заметно увеличилась. Открылось более 600 новых коммерческих магазинов, практически во всех из них наблюдался большой наплыв покупателей. По информации из 14 городов продажа отдельных наименований товаров 26 февраля 1946 г. составила: крупы 23,5 тонн (до снижения цен в среднем за день продавалось 2,1 тонны), муки пшеничной — 60,5 тонн (до снижения — 10,6 тонн), сахара соответственно 12,3 и 5,6 тонн, папирос — 1759 и 471 тысяча штук¹⁶⁰.

Самым большим спросом пользовался хлеб. Его продажа по тем же 14 городам 26 февраля составила почти 134 тонны, тогда как за первую половину февраля в среднем за день продавалось 46 тонн. В некоторых городах у магазинов, торгующих хлебом, выстроились огромные — по 300–500 человек — очереди. В Чите, например, образовалась такая большая очередь, что покупатели брали магазин буквально штурмом и чуть ли не разнесли его. В Калуге в первые два дня торговли по сниженным ценам около коммерческих магазинов уже с 4–5 часов утра собирались большие очереди. Когда магазины открывались, толпа вламывалась туда, в результате чего были сломаны прилавки и выбиты окна, а также пострадали несколько человек¹⁶¹. Аналогичные сигналы шли из Воронежа, Омска, Саратова, других городов. Хлеба для торговли не хватало. В некоторых городах люди не смогли получить хлеб даже по карточкам, поскольку не было сделано необходимых запасов.

В июле 1946 г. были снижены цены на товары промышленной группы — одежду, обувь, галантерею. Большим спросом у покупателей пользовались чулки, носки, обувь (до 400 руб.) и особенно нитки, цена которых снизилась с 20 до 6 руб. за катушку. Однако, даже и по сниженным ценам товары в коммерческих магазинах для многих оставались все еще недоступными. В те дни можно было слышать и такие разговоры: «Хоть цены

снизили, но это не для нас»; «Все равно еще дорого. Разве нам купить за такую цену? Это не по нашим деньгам»¹⁶². Но даже для тех, кто не мог позволить себе новую покупку, эти снижения цен давали надежду: «Через полгода, не раньше, надо ждать нового снижения цен. Тогда жизнь будет лучше»; «Вот снизят цены еще раз, тогда можно будет и платье купить»¹⁶³.

Продовольственный кризис осени 1946 г., начавшийся голод поколебали эти надежды, но уже после отмены карточек они вновь заявили о себе. И снова, как бы в подтверждение надежд на лучшую жизнь, начались новые снижения цен. Как правило, о снижении цен население оповещалось заранее. В магазинах появлялись красочные объявления и плакаты, приглашающие покупателей на распродажу, которая оформлялась как праздник. На предприятиях проводились митинги, на которых трудящиеся благодарили партию и правительство. При этом в действительности цены снижались незначительно — на несколько процентов, но пропагандистский эффект от мероприятия был всегда гораздо большим. Приходилось встречаться и со скептическим отношением к подобным «праздникам». «Из-за такого небольшого снижения цен не нужно поднимать столько шума, — рассуждал, например, один ленинградец после очередного снижения 1949 г. — Это снижение цен имеет лишь агитационный характер»¹⁶⁴. Но такие высказывания были единичны. Большинство современников жаждали праздника, пусть маленького, но праздника. И они его получали — в виде ежегодного снижения цен. С политической точки зрения это был беспроигрышный ход.

В то же время, несмотря на приоритет политических целей, решения о снижении цен, как и любая мера, вторгающаяся в сферу хозяйственной жизни, не могли остаться без экономических последствий. Снижение цен естественно привело к увеличению спроса, причем в первую очередь на те группы товаров, которых оно коснулось в наибольшей степени, т.е. в основном на промышленную группу. Так, согласно данным обследования, проведенного в 40 крупнейших городах страны, в марте 1949 года после снижения цен среднесуточная продажа мяса увеличилась в среднем на 13%, масла сливочного и сала — почти на 30%, тогда как по некоторым промышленным товарам этот прирост распределился следующим образом: продажа патефонов в марте по сравнению с февралем выросла в 4,5 раза, во столько же раз увеличилась продажа велосипедов и в 2 раза часов¹⁶⁵.

Рост спроса всегда рождал сомнения: хватит ли товаров для продажи по новым ценам?¹⁶⁶ Поскольку же снижения цен мало затрагивали товары первой необходимости, естественно возникали вопросы: «почему недостаточно снижены цены на хлеб, муку, растительное масло?»; «почему не снижены цены на сахар, мыло, керосин?»¹⁶⁷

Можно спорить о том, насколько эти претензии обоснованы — в каждом конкретном случае, но, сформулированные в виде вопросов, требования людей представляют интерес с другой стороны: они показывают, как политика, рассчитанная на обретение имиджа «заботы о благе народа», начинает работать во вред сама себе. В людях постепенно формируется при-

выкание к такого рода «благоденствиям» («маленьким праздникам»), растет комплекс иждивенчества, а по мере удовлетворения первейших потребностей растут и запросы. Поскольку акции снижения цен спускались сверху и конкретный человек долей своего труда, напрямую никак не был с ней связан (может быть, только ограничен в своих претензиях уровнем зарплаты) ему в сущности было безразлично — из какого источника эта акция обеспечивалась. Сам же источник — государственная казна — реагировала на эту акцию болезненно, потому что именно она меньше всего напоминала рог изобилия. Приняв волевое решение о регулярном снижении цен, власти затянули себя в ловушку: угроза прогрессирующей инфляции стала реальностью. По логике вещей надо было бы отказаться от этой практики, но тогда мог пострадать престиж государственной власти. Решение продолжало сохранять силу по инерции, а люди — по той же инерции продолжали каждый год ждать нового снижения цен.

5. Послевоенная преступность: мифы и реальность

Помимо разрухи война оставила еще одно своеобразное «наследство» — рост уголовной преступности. Эта проблема особенно остро воспринималась жителями городов и промышленных центров. Если судить по письмам, которые люди направляли в центральные и местные органы власти, редакции газет, борьба с преступностью и бандитизмом после войны во многих городах превратилась в проблему выживания. Рабочие города Саратова писали в «Правду» осенью 1945 г.: «С наступлением осеннего периода Саратов терроризирован грабителями и убийцами. Раздевание на улице, срывание с рук часов стало обычным явлением. (...) Жизнь города замирает с наступлением темноты. Жители отвыкли ходить по тротуарам и пользуются мостовыми, озираясь на каждого встречного»¹⁶⁸. «Не проходит дня, чтобы в Саратове кого-нибудь не убили или не ограбили, — это уже выдержка из другого письма. — И это происходит в самом центре города и зачастую днем. (...) Дело дошло до того, что в театр и кино стали ходить лишь те, кто рядом живет. Театр (имени) Карла Маркса, расположенный на окраине, вечерами пустует»¹⁶⁹.

Рабочие подмосковного города Подольска делились сходными проблемами: «Хулиганствующие бандиты, воры останавливают мирных тружеников... не только по вечерам, но и избивают, раздевают, грабят среди белого дня — и не только в глухих переулках, но и на центральных улицах (...) и даже около зданий горкома и горсовета. После работы рабочие собираются по несколько человек, чтобы безопаснее было идти домой. Поэтому так сильно понизилась посещаемость собраний, на которых рабочие бояться оставаться, рискуя при возвращении домой быть раздетым. Да и дома стало жить небезопасно, так как грабежи сильно участились и в домах днем и ночью»¹⁷⁰.

Небезопасно было ходить по улицам, небезопасно ездить в пригородных поездах, где действовали специальные шайки преступников. Люди не

только опасались оставаться после работы на собрания или другие мероприятия, но и с работы старались уходить еще засветло — чтобы избежать риска ограбления¹⁷¹. Такое поведение было связано не только с реальным состоянием преступности, но и в известной степени оно провоцировалось распространением разного рода слухов и домыслов — причем не только в разговорах, но и в самодельных листовках, в которых сообщалось о якобы совершенных налетах и убийствах¹⁷².

В Москве люди шептались о «Черной кошке» — неуловимой банде, действовавшей с особой жестокостью и безнаказанностью. Говорили, что банда на месте преступления обязательно оставляет свой знак — черного кота. Московские коты злополучного окраса, и раньше не особенно жалюемые в народе, превратились в касту преследуемых. Позднее братья Вайнеры на сюжет «Черной кошки» и ее разоблачения напишут роман «Эра милосердия», а настоящую славу этому делу спустя 30 лет принесет фильм «Место встречи изменить нельзя», снятый режиссером Станиславом Говорухиным. После демонстрации фильма в Москве на заборах и в подъездах домов то здесь, то там стали появляться изображения черной кошки: дети охотно включились в новую игру, даже не подозревая о том, что тогда, в 1945-ом тоже не обошлось без детской шалости.

Группы безнадзорных подростков занимались тем, что подбрасывали москвичам — шутки ради и чтобы «попугать» — записки, в которых предупреждалось о предстоящем налете «Черной кошки» (о том, что такая банда существует, в Москве ходили слухи еще во время войны). Непокойная жизнь послевоенного города, плохая информированность жителей о реальном положении дел порождали не только слухи, но и веру в действительное существование мощной преступной банды. Этим обстоятельством, так же как и образом «Черной кошки», стали пользоваться настоящие уголовники. 14 декабря 1945 г. была совершена квартирная кража со взломом на улице Усачева. На месте кражи преступники оставили записку: «Взяла Черная кошка». По этому делу МУРом была задержана группа из пяти человек. Спустя три дня, 17 декабря, шайка грабителей, называвших себя «Черной кошкой из Харькова», совершила вооруженный грабеж. По этому делу было задержано четыре человека. В течение 1945–1946 гг. отмечались и другие случаи использования преступного образа для устрашения населения¹⁷³.

Существовали и вполне реальные крупные преступные группы. До марта 1946 г. наводила страх на ленинградцев банда, который руководил некто Глаз. В распоряжении банды находилось не только огнестрельное оружие, но и две автомашины, а также различные бланки, удостоверения, форменная одежда. На счету у этой преступной группы, в которую входило 30 человек, было около 20 вооруженных ограблений. На месте преступления банда не оставляла ни одного свидетеля¹⁷⁴.

Уголовная статистика послевоенных лет была неполной и противоречивой и часто фиксировала все виды преступлений, отнесенных советским законодательством к категории уголовно наказуемых. Поэтому вместе с

настоящими бандитами и грабителями учитывались люди, совершившие мелкие проступки, а также привлеченные к уголовной ответственности, например, за прогулы и опоздания на работу. Более точную картину о состоянии уголовной преступности в стране могут дать данные учета по отдельным видам преступлений. Так, в 1944 г. органами МВД СССР было зарегистрировано 7131 убийство, в 1945 г. — 7969, в 1946 г. — 10218. Более, чем в 2 раза по сравнению с 1944 г., в 1946 г. выросло количество разбоев — с 13357 до 29368¹⁷⁵. Если учитывать данные по уголовной преступности в целом, то в 1946 г. МВД СССР было зарегистрировано 546275 уголовных преступлений, в 1947 г. — 453165¹⁷⁶. До войны, в 1940 г., всего было зарегистрировано 1253947 уголовных преступлений¹⁷⁷.

Даже если принять во внимание несовершенство учета количества уголовных преступлений, обращает на себя внимание то обстоятельство, что уровень послевоенной преступности был в целом по стране не только не выше, но и значительно ниже довоенного. Однако субъективная реакция на состояние криминогенной ситуации после войны была более острой, чем ее следовало ожидать, если руководствоваться только количественными показателями преступности. Как уже отмечалось выше, страхи людей перед «криминальным элементом» вырастали не столько на почве хорошей информированности о реальном положении дел, сколько, напротив, происходили от неинформированности и во многом питались слухами. Не менее важно учитывать, что люди опасались не просто быть ограбленными в результате разбойного нападения или кражи — они боялись потерять последнее. Бедность была причиной подобных страхов — точно также, как она становилась и причиной преступлений. Это, конечно, не значит, что проблема преступности после войны существовала только в воображении людей — власти тоже воспринимали ее как одну из самых серьезных, причем на протяжении по крайней мере двух послевоенных лет¹⁷⁸.

Общие тенденции развития послевоенной преступности подтверждают и данные по отдельным городам. Так, в Москве в 1940 г. было зарегистрировано 65 997 уголовных преступлений, в 1945 г. — 16 418, в 1946 г. — 20 785, после чего число преступлений начинает снижаться. Наиболее высокий уровень преступности в столице за послевоенные годы наблюдался в 1946 г., но даже тогда он был ниже по сравнению с довоенным периодом. Для сравнения приведем данные по отдельным видам преступлений, совершенных в Москве: было зарегистрировано убийств в 1940 г. — 291, а в 1946 г. — 110, краж — соответственно 44 763 и 13 296, случаев мошенничества — 2085 и 994. Единственный вид преступлений, по которому в послевоенные годы был отмечен значительный рост — это вооруженные ограбления: в 1940 г. их было зарегистрировано по Москве 26, а в 1946 г. — уже 103 (в 1947 и 1948 гг. — по 175)¹⁷⁹. И эта особенность — непосредственное следствие войны.

Война делает оружие общедоступным, его приобретение перестает быть проблемой. Кроме того, война снимает психологический барьер на пути применения оружия: насилие и ожесточение становятся нормой, а «чело-

век с ружьем», не нашедшей своего места в послевоенной жизни, превращается в источник социальной опасности. С этой проблемой так или иначе столкнулись все воевавшие страны, послевоенная преступность стала своеобразной «материализацией» чувства ожесточения, которое несет с собой любая война. В Германии, например, судебные органы отмечали как типичное и распространенное явление вспышку насилия и жестокости, причинами которых были не только корыстные интересы, но и часто неосознанная ненависть, паранойя. Росло число преступлений против собственности, причем этот вид преступности заметно «помолодел»: по сравнению с предвоенным временем преступность среди молодежи в западных зонах Германии увеличилась в три раза (данные 1947 г.)¹⁸⁰.

В Советском Союзе правоохранительные органы в качестве нового явления для послевоенного времени отмечали рост «непрофессиональной» преступности. Например, из 5 тысяч человек, привлеченных к уголовной ответственности (за кражи, разбой и другие тяжкие преступления) по Москве только за июль—август 1946 г. 79% составили лица, ранее не судимые, из них 71% — люди в возрасте до 25 лет¹⁸¹.

Большую обеспокоенность как у властей, так и у населения вызывал рост преступлений, совершенных военнослужащими. В сентябре 1945 г. группой военных, приехавших на грузовой машине, было совершено вооруженное ограбление тока с хлебом в Саратовской области¹⁸². В Тамбовской области действовала преступная группа, в состав которой входили военнослужащие. На счету у этой группы было несколько убийств и вооруженных грабежей¹⁸³.

В Свердловской области за 10 месяцев 1945 г. за разные преступления было арестовано 265 военнослужащих, из них 116 человек — за вооруженный грабеж¹⁸⁴. Отмечалось, что «в некоторых случаях военнослужащие на почве совместной преступной деятельности устанавливают связи с уголовным элементом, снабжают его оружием и объединяются в преступные группы»¹⁸⁵. Подобными преступными группами только в городе Нижнем Тагиле и окрестностях в сентябре—октябре 1945 г. было совершено около 30 вооруженных грабежей¹⁸⁶.

«За последнее время в ряде городов Хабаровского края значительно усилились хулиганские, а в ряде случаев бандитские проявления со стороны военнослужащих, — шел сигнал с Дальнего Востока. — Возвращающиеся части из Манчжурии ведут себя крайне развязно, пьянствуют, занимаются хулиганством, бесцельной стрельбой, а в ряде случаев явным бандитизмом. (...) В городе Благовещенске в ночное время опасно ходить из-за систематической бесцельной стрельбы»¹⁸⁷. С аналогичной ситуацией органы охраны правопорядка столкнулись и в других городах. Властям пришлось принимать срочные меры по изъятию имеющегося оружия, в первую очередь трофейного.

Уголовная статистика зафиксировала улучшение криминогенной ситуации в стране в 1948 г.: именно с этого времени уровень преступности начинает снижаться. По Москве, например, число уголовных преступлений в

1948 г. уменьшилось в два раза по сравнению с 1947 г. Примерно такое же снижение наблюдалось и в целом по стране.

Но послевоенные страхи надолго оставили о себе память в массовом сознании. Это подтверждает и реакция населения на обнародование указов об отмене смертной казни в 1947 г. С одной стороны, высказывалась уверенность, что «смертная казнь отменена в связи с тем, что советское правительство верит в свой народ, победивший врага в Отечественной войне»¹⁸⁸. Но здесь же можно было услышать и сомнения, мол, не рано ли правительство пошло на такой шаг, и предлагалось оставить эту меру для «бандитов и изменников родины»¹⁸⁹.

Иногда люди рассматривали смертную казнь как наиболее эффективное средство борьбы с преступностью, выдвигая аргументы, вроде следующего: «если бы расстреляли в городе человек десять грабителей, меньше было бы грабежей». А группа колхозников из Вологодской области, например, спокойно рассуждала о том, что «отмена смертной казни увеличит число преступлений, так как тюремное заключение даже на 20–25 лет не может заменить по своей значимости смертную казнь»¹⁹⁰.

При обсуждении этой проблемы никогда не вставал вопрос о таких понятиях, как презумпция невиновности, защита прав личности, судебная ошибка и т.п. Советское общество не знало таких понятий. Власти тоже не мыслили подобными категориями. И дело здесь не просто в обоюдном ожесточении, а в особой организации мышления, где все и вся традиционно делится на «своих» и «врагов». Преступник (даже потенциальный, не осужденный судом) воспринимался как тот же враг, а значит, его действия и намерения оценивались уже по другой шкале ценностей. Люди, побывавшие в тюрьме, уже попадали в категорию неполноценных граждан, независимо от того, по какой «статье» они были осуждены.

Не случайно «простой обыватель» оценивал человека, отбывшего срок, как носителя потенциальной угрозы своему благополучию. В массовом сознании послевоенная преступность рассматривалась, например, и как следствие амнистии 1945 г. По этой амнистии, объявленной 7 июля 1945 г. в связи с победой над Германией, было освобождено от наказания свыше 730 тыс. человек¹⁹¹. От наказания освобождались осужденные к лишению свободы на срок не свыше трех лет, в том числе за самовольный уход с предприятий, военнослужащие, осужденные за ряд воинских преступлений (неисполнение приказа, самовольная отлучка, уклонения от мобилизации и др.). Под амнистию не попадали уголовники-рецидивисты. Поэтому амнистия 1945 г. никак не может рассматриваться как сколько-нибудь серьезная причина роста послевоенной преступности, на восприятие ее именно в таком качестве скорее повлияли распространенные стереотипы, подводящие всех, кто побывал в местах заключения, под категорию «преступник» (а значит, потенциальный вор, жулик, грабитель и т.д.).

Вместе с тем надо отметить, что взаимоотношения между «нормальным» обществом и уголовным миром были более сложными, чем просто взаимное отторжение. Скорее это было сосуществование двух миров, жи-

вущих каждый по своим законам. Воровской мир был более закрыт, чем мир обывательский, эта тайна делала его по-своему интересным и привлекательным, особенно для подростков и молодежи. «Образ “урки” вызывал не только страх, но и особое чувство уважения, — делится своими детскими впечатлениями музыкант Алексей Козлов. — (...) В дворовой жизни среди мальчишек среднего возраста считался модным этакий симбиоз урки и приклатненного матросика»¹⁹². Брюки «клевш», тельняшка, кепка с обрванным козырьком, татуировка и имитация металлической фикса — с помощью этих довольно несложных ухищрений мальчишки стремились создать себе независимый, как им казалось, образ. Популярны были и блатные песни — своеобразный гибрид тюремного фольклора и городского романса. Законопослушные граждане и «блатные» жили часто бок о бок, в одном дворе, но вору «своих» (т.е. соседей), как правило не трогали. Поэтому негативные эмоции адресовались больше всего «чужакам», заезжим «гастролерам». Столь амбивалентное отношение к уголовному миру питалось еще и страхом обычного человека перед «зоной» и одновременно восприятием ее как некоей неизбежной обыденности.

Примечания

1. Информационная сводка Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 11 сентября 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Он. 88. Д. 650. Л. 21–22.
2. Докладная записка «О ходе восстановления жилищно-коммунального хозяйства в городах, разрушенных немецкими захватчиками». 12 июня 1947 г. // Там же. Оп. 122. Д. 220. Л. 170.
3. Докладная записка министра государственного контроля РСФСР А.Дедова о положении с жильем в ряде областей республики. 27 октября 1956 г. // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 32. Д. 39. Л. 127.
4. Доклад о работе Приемной Председателя Президиума Верховного Совета СССР за 1945 г. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 579. Л. 54–57, 129.
5. Доклад о работе Приемной Председателя Президиума Верховного Совета СССР за 1946 г. // Там же. Д. 583. Л. 57–59.
6. Доклад о работе Приемной Председателя Президиума Верховного Совета СССР за 1947 г. // Там же. Д. 587. Л. 50–51.
7. Стенограмма пленума МГК ВКП(б). Июль 1945 г. // ЦАОДМ (Центральный архив общественных движений г. Москвы). Ф. 4. Оп. 20. Д. 2. Л. 19–20.
8. Там же. Л. 21.
9. Письмо А.И. Гарасова В.М. Молотову. 20 февраля 1946 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 181. Л. 301–302.
10. Информационная сводка Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 28 ноября 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 651. Л. 2.
11. Там же.
12. Там же. Л. 4.
13. Докладная записка Отдела рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ «О состоянии материально-бытовых условий молодых рабочих на предприятиях наркомата минометного вооружения». 12 мая 1945 г. // ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 371. Л. 68.
14. Там же.
15. Информация Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) о подготовке к празднованию 29-ой годовщины Октябрьской революции. Ноябрь 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 421. Л. 102.

16. Информационная сводка Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 19 января 1946 г. // Там же. Оп. 88. Д. 692. Л. 193–194.
17. Там же. Л. 194.
18. Докладная записка уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Свердловской области И.Сифурова «О нарушении постановления правительства Союза ССР о порядке распределения заграничных носильных вещей-подарков руководством Урало-Сибирского Округа железных дорог и Свердловской железной дороги». 15 июля 1946 г. // Там же. Оп. 117. Д. 635. Л. 109–110.
19. Там же. Л. 113–114.
20. Информация Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О материально-бытовом положении рабочих угольной промышленности Тульской области». Январь 1946 г. // Там же. Оп. 125. Д. 421. Л. 2–3.
21. Информация Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) о положении дел в Пензенской области в связи с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР. Январь 1946 г. // Там же. Д. 420. Л. 40.
22. Там же.
23. Там же.
24. Информационная сводка Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 28 ноября 1945 г. // Там же. Оп. 88. Д. 651. Л. 2–3.
25. Там же.
26. *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 годах. М., 1972. С. 21.
27. Там же.
28. Имеется в виду постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». Согласно этому постановлению обязательный минимум трудодней был повышен до 150 трудодней в хлопковых районах, до 100 — в северных районах нечерноземной полосы и до 120 трудодней в остальных районах СССР (ранее обязательный минимум трудодней составлял соответственно 100, 60 и 80 трудодней). Тогда же был введен обязательный минимум трудодней для подростков в возрасте от 12 до 16 лет в размере 50 трудодней.
29. Подробнее об этом: *Попов В.П.* Российская деревня после войны. (июнь 1945 — март 1953). Сборник документов. М., 1993. С. 153, 159–166.
30. *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992. С. 137; *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 44.
31. *Попов В.П.* Российская деревня после войны. С. 160–161.
32. Выдержки из писем колхозников Ставропольского края, заперженных Военной цензурой и пунктами политического контроля МГБ СССР. 20 июля 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 547. Л. 14–15.
33. Докладная записка инструктора Сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП(б) «Об обстановке в колхозах и необходимости оживления партийно-массовой и культурной работы в деревне». 18 июля 1945 г. // Там же. Оп. 117. Д. 527. Л. 90.
34. Информация Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) «О некоторых политических настроениях деревни». 3 июля 1945 г. // Там же. Оп. 122. Д. 122. Л. 28.
35. Там же.
36. Имеется в виду письмо с обязательствами по досрочному выполнению плана сдачи хлеба государству, адресованное Сталину. Такие письма-обязательства или письма-рапорты являлись одной из форм пропагандистской работы, тексты писем составлялись и утверждались партийными органами, после чего в колхозах собиралось необходимое количество подписей. Аналогичные письма-обязательства по выполнению производственных заданий распространялись и на промышленных предприятиях.
37. Информация Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) «О некоторых политических настроениях деревни». Л. 27.
38. Там же. Л. 27, 29.

39. Там же. Л. 29.
40. Там же.
41. Там же. Л. 28.
42. Докладная записка инструктора Сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП(б) «Об обстановке в колхозах и необходимости оживления партийно-массовой и культурной работы в деревне». Л. 92.
43. Информация Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) «О некоторых политических настроениях деревни». Л. 28.
44. Докладная записка Наркомата государственной безопасности Бурят-Монгольской АССР «О финансово-хозяйственном состоянии колхозов Бурят-Монгольской АССР». 10 июля 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 528. Л. 120.
45. См., например: Письмо капитана И.И.Тафинцева М.И. Калинину. Декабрь 1945 г // Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1124. Л. 2.
46. Там же. Л. 9–10.
47. Там же. Л. 32.
48. Письма подобного содержания в 1945–1946 гг. в большом количестве приходили, например, на имя А.А.Андреева, наркома земледелия СССР, а с 1946 г. председателя Совета по делам колхозов при Совете Министров СССР. См., например: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 1. Л. 97, 103 и другие.
49. Докладная записка Наркомата государственной безопасности Бурят-Монгольской АССР «О финансово-хозяйственном состоянии колхозов Бурят-Монгольской АССР». 10 июля 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 528. Л. 121.
50. Там же.
51. Докладная записка инструктора Сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП(б) «Об обстановке в колхозах и необходимости оживления партийно-массовой и культурной работы в деревне». Л. 94.
52. Информация Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О ходе репатриации, об устройстве на работу репатриированных советских граждан и об организации политической работы с ними». 26 июля 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 533. Л. 20.
53. Там же.
54. Информация Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) «О некоторых политических настроениях в деревне». Л. 28.
55. Размер налога с крестьянских хозяйств определялся на основании так называемой нормы доходности — с каждой головы скота и с каждой сотой гектара приусадебной земли. Нормы доходности устанавливались произвольно и далеко не всегда соответствовали реальному доходу крестьянской семьи. Колхозники платили налоги в натуральной (т.е. продуктами сельского хозяйства) и денежной форме. Летом 1946 г. Совет Министров СССР издал постановление, согласно которому повышались средние нормы доходности крестьянских хозяйств. (подробнее об этом: *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 45–46).
56. Выдержки из писем колхозников Пензенской и Рязанской областей, задержанных Военной цензурой МГБ СССР. 25 июня 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 547. Л. 6.
57. Там же. Л. 5.
58. Доклад Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР «О недостатках в сельском хозяйстве и мерах по улучшению дел в колхозах и совхозах». Июль 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 20. Л. 12.
59. *Полов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953). Сборник документов. М., 1993. С. 64.
60. В.Ф.Зима проанализировал письма и жалобы, которые приходили от крестьян в приемную Президиума Верховного Совета СССР. Ему удалось обнаружить не более десятка просьб по налогообложению и госпоставкам, которые после разбора были удовлетворены президиумом, почти каждое дело завершалось «обоснованным» отказом (*Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов. С. 199).
61. *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 180.

62. Информация Новосибирского обкома ВКП(б) «О политических настроениях населения Новосибирской области». 16 марта 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 306. Л. 17.
63. Там же.
64. Там же.
65. Доклад Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР «О недостатках в сельском хозяйстве и мерах по улучшению дел в колхозах и совхозах». Л. 9.
66. Информация Новосибирского обкома ВКП(б) о политических настроениях колхозников в связи с проведением в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. 21 июня 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 306. Л. 35.
67. Там же. Л. 36.
68. Там же.
69. Информация Московского Комитета ВКП(б) об общих собраниях колхозников, посвященных проведению в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. Июль 1948 г. // Там же. Д. 315. Л. 4.
70. Информация Ярославского обкома ВКП(б) о ходе реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. // Там же. Л. 97.
71. Информация такого рода поступала из Новосибирской, Челябинской, Московской, Костромской и других областей // Там же. Оп. 122. Д. 306. 315.
72. Информация Новосибирского обкома ВКП(б) о собраниях колхозников по проведению в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. 18 июня 1948 г. // Там же. Д. 314. Л. 138.
73. Там же.
74. *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 188.
75. Информация Новосибирского обкома ВКП(б) о политических настроениях колхозников в связи с проведением в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. Л. 36.
76. *Берггольц О.* Из дневников (май, октябрь 1949 г.) // Знамя. 1991. № 3. С. 162.
77. Там же. С. 163.
78. Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971. С. 152.
79. *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 20.
80. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 6. М., 1965. С. 411–412.
81. Сообщение Совета Министров СССР и Центрального Комитета ВКП(б). Протокол № 54 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 6 сентября 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1061. Л. 12–13.
82. Там же. Л. 16.
83. Там же. Л. 12–13.
84. В Совете Министров СССР. // Правда. 1946. 16 сентября.
85. Политическая информация о проведенных мероприятиях и политических настроениях среди трудящихся г. Москвы и области в связи с постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 6 сентября 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 524. Л. 8–11.
86. Там же. Л. 9.
87. Там же. Л. 11.
88. Там же. Л. 10.
89. Там же. Л. 9.
90. Сводка вопросов, задаваемых на собраниях городских партийных активов в связи с Сообщением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) об увеличении пайковых цен на продукты питания и снижении коммерческих цен на продукты и промышленные товары. 16 сентября 1946 г. // Там же. Л. 28–31.
91. *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 149.
92. Сводка вопросов, задаваемых на собраниях городских партийных активов... // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 524. Л. 31.
93. Докладная записка Московского городского комитета ВКП(б) «Политические настроения среди трудящихся города Москвы». Сентябрь 1946 г. // Там же. Л. 12.

94. Там же. Л. 11.
95. Там же. Л. 12–13.
96. Там же. Л. 13–14.
97. Докладная записка Н.С.Патоличева А.А.Жданову «О городских собраниях партийных активов по разъяснению Сообщения Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о повышении пайковых цен». 14 сентября 1946 г. // Там же. Л. 26.
98. В Совете Министров СССР // Правда. 1946. 16 сентября.
99. Докладная записка Н.С.Патоличева И.В.Сталину «О собраниях рабочих и служащих на предприятиях и в учреждениях по разъяснению Сообщения Совета Министров СССР об изменении цен на продукты питания и промышленные товары». 21 сентября 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 524. Л. 56.
100. Там же. Л. 57.
101. Информация ВЦСПС «Высказывания рабочих и служащих по поводу изменения пен». 20 сентября 1946 г. // Там же. Л. 62.
102. Докладная записка Н.С.Патоличева И.В.Сталину «О собраниях рабочих и служащих...» // Там же. Л. 57.
103. Там же.
104. Там же. Л. 52.
105. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О запрещении повышения заработной платы и норм продовольственного и промтоварного снабжения». 16 сентября 1946 г. // Там же. Оп. 3. Д. 1062. Л. 11.
106. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «Об экономии в расходовании хлеба». 27 сентября 1946 г. // Там же. Л. 21–23.
107. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О дополнительных мерах по экономии в расходовании хлеба и усилении контроля за работой Министерства торговли и его органов». 18 октября 1946 г. // Там же. Л. 41.
108. Там же.
109. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «О настроениях и высказываниях населения в связи с постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «Об экономии в расходовании хлеба». 2 октября 1946 г. // Там же. Оп. 122. Д. 188. Л. 9.
110. Там же. Л. 11.
111. Там же. Л. 10.
112. Там же. Л. 9–12.
113. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «О некоторых вопросах в работе промышленных предприятий, совхозов и МТС в связи с проведением в жизнь постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «Об экономии в расходовании хлеба». 29 октября 1946 г. // Там же. Л. 22–23.
114. Там же. Л. 24.
115. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «О настроениях и высказываниях населения в связи с проведением в жизнь постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «Об экономии в расходовании хлеба». 4 октября 1946 г. // Там же. Л. 17.
116. Зима В.Ф. Указ. соч. С. 11.
117. Там же. С. 168.
118. Докладная записка «О продовольственных затруднениях в некоторых районах Калужской области». 31 января 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 220. Л. 58.
119. Там же. Л. 58–59.
120. Информация о положении дел на предприятиях г. Мариуполя. 1947 г. // Там же. Л. 119.
121. Выдержки из писем, исходящих от населения Воронежской и Сталинградской областей (приложение к докладной записке Л.П.Берия). 31 декабря 1946 г. // РГАНИ. Ф. 89. Перечень 57. Д. 20. Л. 9.
122. Там же. Л. 10.
123. Там же. Л. 12.

124. *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 99.
125. Там же. С. 116.
126. *Попов В.П.* Государственный террор в советской России. 1923—1953 гг. // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 27.
127. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б). 12 июня 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 17.
128. Информация Новосибирского обкома ВКП(б) о политических настроениях населения Новосибирской области. 16 марта 1948 г. // Там же. Д. 306. Л. 19.
129. Письмо наркома финансов СССР А.Г.Зверева наркомам финансов союзных и автономных республик «О выпуске Государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР». Марг 1946 г. // Там же. Оп. 125. Д. 424. Л. 10.
130. Там же.
131. Информационная сводка Челябинского обкома ВКП(б). 11 мая 1946 г. // Там же. Оп. 88. Д. 805. Л. 5.
132. Там же. Л. 4.
133. Сводка писем, поступивших в редакцию газеты «Правда» о подписке на Государственный займ развития народного хозяйства СССР. Май 1951 г. // Там же. Оп. 131. Д. 198. Л. 42.
134. Там же. Л. 44.
135. Там же. Л. 46.
136. Сводка писем, поступивших в газету «Труд», в связи с проведением подписки на Государственный займ развития народного хозяйства СССР. 24 мая 1951 г. // Там же. Л. 51.
137. Информация Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О политических настроениях трудящихся Челябинской области». Сентябрь 1947 г. // Там же. Д. 518. Л. 7.
138. Там же. Д. 518. Л. 7; Д. 425. Л. 3.
139. Там же. Д. 517. Л. 7.
140. *Зверев А.Г.* Записки министра. М., 1973. С. 273.
141. Там же. С. 235.
142. Стенограмма совещания в МГК ВКП(б). 28 ноября 1947 г. // ЦАДОМ. Ф. 4. Оп. 22. Д. 172. Л. 17.
143. *Аксенов Ю., Улюкаев А.* О простых решениях непростых проблем // Коммунист. 1990. № 6. С. 82.
144. Денежная реформа 1947 г.: реакция населения. По документам из «Особых папок» Сталина // Отечественная история. 1997. № 6. С. 136—137.
145. Кондратьев В. Красные ворота. Повесть. М., 1988. С. 146.
146. Денежная реформа 1947 года: реакция населения. С. 138.
147. Там же.
148. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «О непартийных и антигосударственных действиях некоторых руководящих работников местных партийных, советских и финансовых органов при проведении денежной реформы». Февраль 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 899. Л. 206.
149. Там же. Л. 206—207.
150. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «Об антигосударственных действиях руководящих работников при проведении денежной реформы». 30 марта 1948 г. // Там же. Д. 900. Л. 177.
151. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «О непартийных и антигосударственных действиях некоторых руководящих работников местных партийных, советских и финансовых органов при проведении денежной реформы». Февраль 1948 г. // Там же. Д. 899. Л. 209.
152. *Аксенов Ю., Улюкаев А.* Указ. соч. С. 84.
153. Стенограмма совещания в МГК ВКП(б). 16 декабря 1947 г. // ЦАДОМ. Ф. 4. Оп. 22. Д. 172. Л. 35.

154. Там же.
155. *Аксенов Ю., Улюкаев А.* Указ. соч. С. 83.
156. *Улюкаев А., Аксенов Ю.* Легенды об одной реформе // Неделя. 1990. № 19. С. 16.
157. См., например: *Лацис О.* Сказки нашего времени. // Известия. 1988. 15 апреля; *Он же.* Долгая жизнь сказок. // Там же. 18 июня.
158. Информационная сводка «О коммерческой торговле хлебом и другими продуктами питания по сниженным ценам». 8 марта 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 694. Л. 54.
159. Там же.
160. Там же. Л. 55.
161. Там же. Л. 56.
162. Информационная сводка Челябинского обкома ВКП(б). 5 июля 1946 г. // Там же. Д. 805. Л. 58.
163. Там же.
164. Информация Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) об откликах трулящихся на снижение розничных цен. Март 1949 г. // Там же. Оп. 132. Д. 114. Л. 27.
165. Там же. Л. 28.
166. Там же. Л. 27.
167. Там же.
168. Сводка писем, поступивших в газету «Правда», о бандитизме, воровстве и хулиганстве. 17 ноября 1945 г. // Там же. Оп. 122. Д. 118. Л. 92.
169. Там же. Л. 92–93.
170. Там же. Л. 93.
171. Докладная записка уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Владимирской области Школьников «О неудовлетворительной работе органов милиции, суда и прокуратуры Владимирской области в борьбе с хулиганством, кражами, грабежами и другими преступлениями». 12 декабря 1945 г. // Там же. Д. 103. Л. 217.
172. Там же.
173. Московская милиция. М., 1991. С. 26.
174. *Иванов В.А.* «Скорпионы»: коррупция в послевоенном Ленинграде // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 239.
175. Сведения о состоянии преступности за 1944–1957 гг. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 347.
176. Докладная записка министра внутренних дел СССР С.Круглова о состоянии уголовной преступности в СССР за 1947 г. 4 февраля 1948 г. // Там же. Д. 199. Л. 184.
177. Там же.
178. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «О фактах увеличения преступности и хулиганства». 10 февраля 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 1–6.
179. Сведения о состоянии уголовной преступности в г. Москве с 1939 по 1954 гг. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 418. Л. 25–26.
180. *Huttenberger P.* Deutschland unter Englischer Besatzungsherrschaft. Gesellschaftliche Prozesse // Britische Besatzung in Deutschland. London, 1992. S. 64.
181. Докладная записка министра внутренних дел СССР о состоянии уголовной преступности по Москве в III квартале 1946 г. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 260–261.
182. Спецсообщение о вооруженном ограблении тока с хлебом колхоза им. Шевченко Терновского района Саратовской области. Октябрь 1945 г. // Там же. Д. 104. Л. 9.
183. Сводка поступивших в НКВД СССР донесений местных органов о наиболее серьезных уголовных преступлениях, совершенных в сентябре 1945 г. 13 октября 1945 г. // Там же. Л. 53.
184. Докладная записка начальника УКВД по Свердловской области «Об уголовных преступлениях некоторых военнослужащих воинских частей, дислоцированных на территории Свердловской области». Ноябрь 1945 г. // Там же. Д. 105. Л. 133.

185. Там же.
186. Там же.
187. Телеграмма начальника УКВД Хабаровского края. 23 октября 1945 г. // Там же. Д. 104. Л. 119.
188. Информационная справка о настроениях населения в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР об отмене смертной казни. 12 июня 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 21.
189. Там же.
190. Там же.
191. Докладная записка Л.П.Берия о выполнении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией». 24 октября 1945 г. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 104. Л. 122.
192. *Козлов А.* «Козел на саксе» — и так всю жизнь... М., 1998. С. 5б.

ИЛЛЮЗИИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ

1. Оживление религиозности: народ, церковь, власть

В сфере государственной идеологии во время войны начали происходить, на первый взгляд, странные, но вполне объяснимые перемены. Пропагандистская машина, еще недавно потратившая столько энергии на разоблачение «проклятого прошлого» дореволюционной России, как будто стала работать в совершенно противоположном направлении. Советский режим, чья идеология строилась во многом на принципе противопоставления старого мира — того, что существовал до 1917 года, и мира нового — вдруг сделал ставку на Традицию. Этот поворот угадывался во внешней атрибутике (возвращении офицерских погон, чествовании русских полководцев и учреждении новых орденов, напоминающих о славе русского оружия), смещении акцентов в трактовке отдельных страниц и фигур русской истории (в частности, выделялась роль таких личностей, как Иван Грозный и Петр I).

Поворот этот начался еще до войны, в середине 30-х гг., но война сделала его особенно очевидным. Апелляция к патриотическим чувствам народа явно потеснила прежние призывы в духе «пролетарского интернационализма», а в своем выступлении по случаю Дня Победы Сталин обращался уже не просто к советским гражданам и даже не к «товарищам», а к «соотечественникам» и «соотечественницам».

В ряду этих весьма примечательных перемен стоит отметить и изменение политики государства по отношению к Русской православной церкви¹. Во время войны священнослужители в своих проповедях поддерживали верующих, укрепляли дух армии, оказывали большую материальную помощь: организовывали пожертвования в фонд Красной Армии, помогали сиротам и семьям погибших. Это послужило одной из причин либерализации политики государства в вопросах религии: церковь в данном случае рассматривалась как фактор, укрепляющий мобилизационные возможности общества в его противостоянии врагу.

Сталин сделал шаг по пути сближения с церковью, хотя либерализация религиозной политики отнюдь не означала ослабления контроля государства за церковной деятельностью. В качестве контрольного органа, которому отводилась роль посредника в отношениях между государством и церковью, в 1943 г. при правительстве был создан Совет по делам Русской православной церкви (его возглавил полковник госбезопасности Г.Г.Карпов). Уже в конце войны Сталин санкционировал проведение в Москве Поместного Собора. Деятельность Собора, открывшегося 31 января 1945 г.,

довольно широко освещалась на страницах печати: газета «Правда» 5 февраля 1945 г. опубликовала не только сообщение о Соборе, но и ряд его материалов (речь Председателя Совета по делам Русской православной церкви Г.Г.Карпова, Обращение Поместного Собора к Правительству СССР, биографическую справку о вновь избранном Патриархе Московском и всея Руси Алексии).

В своем выступлении на Поместном Соборе Г.Г.Карпов отметил особые заслуги Русской православной церкви, которая «в дни тяжелых испытаний (...) не прерывала своей связи с народом. жила его нуждами, чаяниями, надеждами и вносила свою лепту в общенародное дело»². О прошлых гонениях на церковь и верующих представитель правительства не сказал ни слова. Напротив, получалось, что Октябрьская революция «освободила Русскую православную церковь от тех пут, которые сковывали и стесняли ее внутрицерковную деятельность»³.

Не упоминали о прошлых обидах и церковные иерархи. «Вознося Господу Богу благодарение за великие победы наших доблестных воинов и за изгнание врага из наших пределов, — говорилось в Обращении Поместного Собора к правительству, — Собор усердно молит Господа о даровании нашей дорогой Родине и союзным с нами странам скорейшей окончательной победы над фашизмом и об умножении сил, здоровья и лет жизни нашему любимому Вождю Советского Государства и Верховному Главнокомандующему нашего славного воинства Иосифу Виссарионовичу Сталину»⁴.

В 1945–1946 гг. Совет по делам Русской православной церкви санкционировал открытие 290 молитвенных зданий⁵, а специальным постановлением правительства от 26 августа 1945 г. было узаконено существование на территории СССР 100 православных монастырей, ликвидированных в 30-е годы, а во время войны восстановленных и заселенных прежними обитателями⁶. Тогда же постановлением Совнаркома патриархии, епархиальным управлениям, приходским общинам было предоставлено ограниченное право юридического лица (им разрешалось открывать финансовые счета, иметь свои предприятия, заключать сделки и т.д.)⁷. Все эти послабления не коснулись других религиозных конфессий и были направлены только на поддержку Русской православной церкви.

Изменение политики государства по отношению к религии было продиктовано не только стремлением властей использовать церковь как дополнительную мобилизационную силу в сложный военный период. Другой причиной, вынудившей власти несколько смягчить свою прежнюю позицию, стало стихийное оживление религиозного движения и религиозных настроений в народе. В годы войны процесс этот стал массовым, что вполне объяснимо: часто люди находили в вере необходимую точку опоры, утраченную вместе с потерей близких, семьи, дома. Обретенная или возрожденная вера давала людям если не надежду, то утешение.

Победа в войне усилила эти настроения. Так случилось, что майские предпобедные дни совпали с православным праздником Пасхи, который в

1945 г. отмечался в воскресенье 6 мая. Михаил Пришвин увидел в этом совпадении некий символ, записав в дневнике свои ощущения: «Мы были около церкви Ивана Воина в тесной толпе, выходящей далеко за церковную ограду по улице. (...) Вот бы иностранцу посмотреть, как молятся русские и чему радуются! Когда из церкви послышалось “Христос Воскресе!” и весь народ подхватил, — это была радость! И какой тоже порядок! (...) Нет, не только одним холодным расчетом была создана победа: корни победы надо искать здесь, в этой радости сомкнутых дыханий. Знаю, что не Христос вел людей на войну, и радости от войны никому не было, но опять-таки не один расчет и внешний порядок определяли победу. И когда теперь всякий простолюдин, введенный собеседником в раздумье о жизни, говорит: — Нет, что-то есть! — это “нет” он обращает к безбожникам и к себе самому, не веровавшему в победу. А это “что-то” есть Бог (...)» (выделено мной. — Е.З.)⁸.

Рост религиозных настроений продолжался и в послевоенные годы, в ряде регионов страны наблюдалась даже некоторая активизация церковной жизни по сравнению с военным временем. Так, в Покровском соборе г. Куйбышева было совершено церковных браков в 1940 г. — 139, в 1944 г. — 403, в 1945 г. — 867 и в первом полугодии 1946 г. — 1258⁹. Увеличивалось число посещений церкви, причем не только женщинами, но и мужчинами — особенно в возрасте 20–40 лет, т.е. теми, кто прошел войну¹⁰. Под отдельными ходатайствами об открытии церковей стояло до трех тысяч подписей верующих¹¹.

«Из разговоров с приходящими ходатаями нетрудно убедиться, что они и пославшие их руководствуются действительно настоящим религиозным чувством, — писал в Совет по делам Русской православной церкви его уполномоченный по Кировской области Новилов. — Нередко можно видеть 60-летнего колхозника, истинного землероба—трудолюбивого, в полном смысле этого слова, со слезами на глазах излагающего свою просьбу. Желание открыть церковь у них большое, и они готовы пойти для этого на какие угодно жертвы и труд»¹². Например, в селе Никулята этой же области председатель райсовета предложил верующим самим освободить здание церкви от хранившегося там зерна — и люди, собравшись ради такого дела из окрестных деревень, за два дня перетаскали на себе 200 тонн зерна.

Когда одного ходатая спросили, где он и пославшие его найдут деньги на ремонт церкви, крестьянин ответил, что он продаст свою корову и пожертвует деньги на восстановление храма¹³. Ремонт церковных зданий прихожане часто осуществляли собственными силами, принося из дома строительные материалы — доски, железо, стекло, краску.

Уполномоченные Совета в своих отчетах отмечали факты, когда в роли ходатаев об открытии храмов выступали молодые люди, чаще всего демобилизованные фронтовики. Эта категория ходатайствующих отличалась «чрезмерной требовательностью» и была особенно настойчивой в отстаивании своих позиций. Не меньшую настойчивость проявляли и женщины. Свою потребность в открытии храма они объясняли тем, что «потеряли на фронте своих детей, не знают, где и как они похоронены, и что в связи с этим им негде, кроме как в церкви, облегчить свое горе»¹⁴.

В случае отказа удовлетворить ходатайство или чиновницей волокиты верующие выражали недовольство. Так, крестьяне Щелковского района Московской области после того, как вопрос об открытии церкви в их деревне долго не решался, на приеме у уполномоченного заявили следующее: «У нас в стране только пишут и говорят о свободной религии, а на самом деле ее нет. Если нам не отстоите церковь, то мы бросим работать в колхозе»¹⁵. Другие предупреждали, что будут обращаться с жалобой в иностранное посольство, чтобы «раскрыть всю правду» о свободе религии в СССР¹⁶.

Уполномоченные на местах в течение 1945–1946 гг., как правило, старались не чинить препятствий открытию церквей, поскольку заметили довольно простую закономерность: «Там, где желание верующих об открытии церкви удовлетворено, они искренне одобряют действия власти в этом направлении и благодарны ей. И, наоборот, отказ в разрешении, естественно, создает неудовлетворенное состояние, а, следовательно, и почву к недовольству»¹⁷.

Всплеск религиозности во время войны и в послевоенные годы означал не только оживление церковной жизни — вместе с ней произошло известное возрождение мистицизма и суеверий, веры в юродивых и прорицателей. Среди народа, особенно в сельской местности, распространялись так называемые святые письма, разного рода пророчества — о пришествии «сатаны», скором конце света и т.п. Иногда такие пророчества попадали на вполне подготовленную почву. Так, в одном селе на Ставрополье распространился слух о том, что в «ближайшие дни Земля должна столкнуться с кометой и настанет конец света». Этот слух вызвал настоящую панику: сначала старики, а за ними и молодые бросили работу, разошлись по домам и стали готовиться к смерти (мыться, одевать чистое белье, а некоторые зажгли лампы, легли в передний угол и сложили на груди руки)¹⁸.

Особый разговор о юродивых. В Новгородской области был известен, например, юродивый по имени Иван Железный. Ходил он из села в село, опутанный колючей проволокой (отсюда — «Железный») и говорил «странные» речи: о скором роспуске колхозов, о восстановлении единоличных хозяйств, о грядущей войне с Англией и Америкой. Отговаривал колхозников ходить на выборы: «Вы голосуйте, только как бы хуже вам от этого не было. Вот когда не будет колхозов, тогда можно будет и выбирать»¹⁹. По традиции на Руси власти к юродивым относились снисходительно: им было позволительно говорить то, за что других строго наказывали. Поэтому по той же традиции правдолюбцы часто рядились под «юродивых». В советских условиях это не работало, и «юродивые», если они выступали с подобными речами, немедленно попадали в поле зрения НКГБ. Не избежал этой участи и Иван Железный.

Значение религии и веры всегда возрастает в трудные, критические годы, а таких в послевоенное время было немало. В 1946 году, например, когда началась засуха, в ряде регионов священниками — часто по просьбе крестьян — были организованы молебны о дожде. В Пензенской области,

где уже в мае и июне погибла часть посевов, такие молебны были проведены в 20 районах²⁰. Причем, в отдельных случаях местные власти в лице председателей райисполкомов давали официальные разрешения на проведение молебнов, а иногда выступали в качестве их инициаторов и участников. 16 июня 1946 г. в Бессоновской райисполком Пензенской области явился священник с просьбой разрешить провести молебен о дожде. В тот же день обряд прошел на берегу реки Суры, а потом на полях колхоза им. Горького, в нем приняли участие около 600 человек²¹. В селе Лопатино Чаадаевского района той же области 12 июня после службы в церкви был организован крестный ход на поля колхоза, в котором участвовало до 400 человек²². Сообщения о проведенных молебнах поступали и из других областей, которые постигла засуха.

Не везде местные власти отнеслись к этому лояльно, поэтому не обошлось и без эксцессов. В Воронежской области, например, во время проведения молебна о дожде представители МВД пытались арестовать проповедника, что вызвало противодействие со стороны верующих²³. Подобные действия партийными органами квалифицировались как «неправильные» так же, как и другие факты вмешательства местных властей в процесс отправления религиозных служб или проявления произвола по отношению к верующим²⁴.

Озабоченность со стороны ЦК ВКП(б) вызывали и случаи обратного порядка, когда местное партийное и советское руководство работало в тесном контакте с представителями церкви. В Москву поступала информация о том, что местные органы власти используют священников для проведения различных хозяйственных и политических кампаний — организации хлебопоставок, подписки на государственный заем и даже агитации во время выборов в Верховный Совет. Правление колхоза «Пролетарий» Ставропольского края обратилось, например, с просьбой к местному священнику повлиять в своей проповеди на колхозников, чтобы они лучше работали²⁵. В одном из сельских советов Курской области плохо шло распространение государственного займа; решили пригласить священника, который за короткий срок организовал распространение займа, выполнив задание по сельсовету на 100%²⁶. Председатель другого сельсовета, из Днепропетровской области признавался: «Я работал со священником в контакте. Бывало, я ему говорил, чтобы он повлиял на верующих о необходимости поднятия трудовой дисциплины, своевременного выхода на работу, бережного отношения к колхозному имуществу, — во время проповеди он об этом напоминал, и трудовая дисциплина значительно улучшилась»²⁷.

В Красногвардейском районе Ростовской области у председателя сельсовета и местного священника сложились такие отношения. Вызывает председатель священника и говорит ему: «Вот что, батюшка, помоги провести заем». Батюшка в ответ: «Хорошо, у меня тоже из центра на этот счет есть директива». Председатель просит: «Вот, батюшка, еще что, ты уговори колхозников, чтобы на Пасху работать вышли, ведь сев надо кон-

чить». А батюшка отвечает: «Вот на этот счет я такой директивы из центра не получал»²⁸.

В ряде районов местные руководители обращались к священникам и религиозным общинам с просьбами об оказании помощи семьям военнослужащих, инвалидам войны и детям-сиротам²⁹. Такого рода действия также не вызывали одобрения у высоких идеологических инстанций.

Поворот в государственной политике по отношению к церкви для многих местных руководителей и рядовых коммунистов был настолько неожиданным, что не все из них смогли вовремя, а главное, правильно сориентироваться. «Отдельные коммунисты путаются в вопросе об отношении нашей партии к религии и даже высказывают мнение об изменении партий своего отношения к религии», — делился своими наблюдениями секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б) по пропаганде Воронцов³⁰. «Как мы должны вести себя? — спрашивали друг друга после сообщения о проведении Поместного Собора Русской православной церкви коммунисты на заводе «Машиностроитель» в Москве. — Раньше нас учили тому, что религия — опиум народа, а сейчас само правительство идет навстречу священнослужителям»³¹. Встречались среди коммунистов и такие крайние мнения: «Теперь можно коммунистам беспрепятственно ходить в церковь, молиться Богу, крестить детей и венчаться»³².

Более определенно и, несомненно, в соответствии с истинным положением вещей высказался, например, секретарь Курского обкома ВКП(б) Доронин: «В нашей стране церковь отделена от государства, поэтому наши стратегические цели неизменны, изменились лишь тактические приемы, соблюдается известный контакт с церковью для мобилизации народа на разрешение главной задачи — разгрома гитлеризма. В остальном ничего не изменилось»³³.

В народе по поводу новой политики ходили различные слухи и толки. «Вот видите, даже товарищ Сталин признался, что без церкви нельзя победить врага», — рассуждал один инвалид войны³⁴. А другие высказывались на этот счет более определенно: «Как начали говорить о Боге — так и успехи лучше пошли на фронте»; «Красная Армия стала побеждать с тех пор, как большевики поддерживают церковь»³⁵. Как свидетельствовали сводки о настроениях населения, внимание государства к проблемам церкви было встречено в основном с пониманием и одобрением. Люди открыто стали говорить о том, о чем раньше предпочитали молчать. Можно было, например, услышать рассуждения такого рода: «Религия вносит в народ облагораживающее чувство, смягчает жестокие нравы, облегчает тяжелые муки и переживания. Поэтому надо уважать ее и пастырей, несущих свет и облегчение в жизни»³⁶. В адрес правительства и непосредственно на имя Сталина поступали письма от верующих следующего содержания: «Помолившись в день освящения храма, открытого по Вашему соизволению, свидетельствуем Вам, всеми обожаемый Иосиф Виссарионович, нашу глубочайшую признательность и искреннюю сердечную благодарность и беззаветную Вам преданность»³⁷. Вынужденный обстоятельствами воен-

ного времени привлечь на свою сторону церковь, правящий режим сумел использовать и эту возможность для укрепления своего влияния и авторитета в народе, который было пошатнулось в результате военных неудач первого периода войны.

Однако были среди соотечественников и такие, кто воспринял все эти метаморфозы с большой долей скепсиса. «Советская власть от чего ушла к тому и пришла», — высказывался рабочий одного из московских заводов. — Боролась с чинами и привилегиями, а теперь вновь ввела солдат, офицеров и генералов. (...) Загоняла духовенство в подполье, а когда союзники нажали — бьет отбой»³⁸. Вообще мнение о том, что Сталин пошел на соглашение с церковью не по доброй воле, а под нажимом союзников, было довольно распространенным в народе. Приведем некоторые высказывания на этот счет: «Наше отношение к духовенству диктуется требованиями союзников — Америкой и Англией»; «Двадцать восемь лет не говорили о попах, а тут заговорили, когда мы стали союзниками Англии — это наверняка уступка им»; «Англия и Америка повернут нас на старый лад. Ну как же понимать этот вопрос, когда даже газеты стали печатать о попах?»³⁹

В связи с переменами в религиозной политике в партийные органы поступало много вопросов — как от коммунистов, так и от беспартийных. Люди интересовались, будет ли разрешен колокольный звон в церквях, и когда начнут восстанавливаться церкви и монастыри. Коммунистов больше волновали другие вопросы: будут ли в соответствии с новыми веяниями внесены изменения в Конституцию и программу партии, останутся ли в силе прежние оценки религии как реакционной силы и «опиума народа», будут ли издаваться произведения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, направленные против религии?⁴⁰

Поскольку никаких официальных разъяснений на этот счет не поступало, то население по-прежнему довольствовалось слухами и делало собственные умозаключения. Существовало, например, мнение, что теперь во всех школах будет введено преподавание Закона божьего⁴¹, а студенты Московского университета всерьез обсуждали идею о возможности организации в МГУ богословского факультета⁴². Скептики продолжали настаивать, что послабление в отношении религии — мера вынужденная и переходящая, а после войны все изменится, вернется на «круги своя». И оказались правы.

Поворот назад в религиозной политике государства произошел не сразу, некоторое время после окончания войны лояльное отношение к церкви со стороны властей еще сохранялось, однако больше по инерции. Уже спустя год-два стало очевидно, что правящий режим вовсе не намерен отказываться от основных постулатов своей идеологии, в которой не было места какому бы то ни было инакомыслию, так же как и от своей монополии на владение умонастроениями граждан.

Прежде всего власти пошли по пути ограничения сфер влияния духовенства: если за 1945–1946 гг. Совет по делам Русской православной церк-

ви разрешил открыть 290 молитвенных зданий, то за 1947–1948 гг. — только 49⁴³. С 1948 по 1950 гг. в стране был закрыт 31 православный монастырь⁴⁴. Начиная с марта 1948 г. ни одно ходатайство верующих об открытии церкви не было удовлетворено.

В сентябре 1950 г. Карпов докладывал Сталину, что «тот религиозный подъем, который по ряду причин, в том числе по психологическим причинам, был в годы Отечественной войны, стал с 1947 г. спадать, и год от года заметнее»⁴⁵. Не в последнюю очередь это было связано и с политикой ограничения религиозной деятельности, которая стала целенаправленно проводиться Советом по делам Русской православной церкви со второй половины 1948 г. Эти меры не сразу принесли отдачу, и еще в 1948 г. и начале 1949 г. активность верующих оставалась высокой.

В 1948 г., например, широко отмечались пасхальные торжества. В Москве у Патриаршего собора была 10-тысячная очередь с куличами и пасхами, у Новодевичьего монастыря собралось до 4 тысяч человек, в Иоанно-Предтеченской церкви на Красной Пресне — до 5 тысяч. По всем московским храмам верующих, пришедших для освящения куличей и пасх, было в 2–3 раза больше, чем в предыдущем году. На пасхальных ночных службах церкви были переполнены, и многие верующие стояли вокруг храмов. Так, по 34 храмам Москвы на службах в ночь с 1-го на 2-е мая при максимальной вместимости церковей 120 тыс. человек в часы наибольшего скопления наблюдалось до 300 тысяч⁴⁶. Так же активно отмечалась Пасха и в других русских городах⁴⁷. Совет по делам Русской православной церкви объяснял такую необычно высокую активность верующих совпадением Пасхи с первомайскими праздниками.

Однако уже следующие большие православные праздники — Рождество и Крещение, отмечавшиеся соответственно 7 и 19 января 1949 г., показали, что дело не в совпадении церковных и светских ритуалов. Праздник Крещения пришелся вообще на рабочий день (среду), но несмотря на это практически повсеместно отмечалось большое скопление народа, в особенности при водосвятии⁴⁸.

В церквях выстроились очереди за «святой водой». За 18 и 19 января только в Патриаршем соборе Москвы было разобрано несколько тысяч ведер⁴⁹. В тех местах, где были разрешены крестные ходы на воду, имело место даже массовое купание в реках.

В городе Воронеже в крестном ходе на реку Воронеж 19 января приняли участие до 15 тыс. человек. После освящения воды в реке купалось 55 человек, из них 8 подростков в возрасте от 11 до 15 лет, 32 женщины от 18 до 40 лет и 15 молодых мужчин⁵⁰. Вообще, в отличие от праздников Пасхи и Рождества, в водосвятии молодежь принимала довольно заметное участие, что объясняется прежде всего необычностью самого обряда купания зимой в реке. Обряд этот даже не является строго православным, а восходит скорее к языческой традиции. Во многих местах купание проходило уже без участия священников, после того, как был совершен обряд водосвятия.

В Саратове к крестному ходу в день Крещения местные власти стали готовиться заблаговременно. Сотрудники службы «ОСВОД», например, опасаясь за состояние льда на Волге, поставили в опасных местах предупредительные вехи и по заказу священнослужителей сделали прорубь в безопасном месте и крест из льда. Крестный ход из церкви во главе с епископом Саратовским Борисом прибыл на реку в час дня, водосвятие было проведено за 20 минут. После этого епископ и представители духовенства ушли, а часть участников крестного хода бросилась к реке. Наряд милиции не смог сдержать напора желающих — и началось массовое купание, которое продолжалось до 5 часов вечера, т.е. до темноты. «Всего купалось 470–500 человек, в том числе два милиционера. Жертв не было», — сообщалось в отчете Совета по делам Русской православной церкви⁵¹.

Этот случай получил широкую огласку. Противники либерализации религиозной политики стремились использовать его как повод для возобновления гонений на церковь. 5 февраля министр госбезопасности В.С.Абакумов докладывал о саратовском купании секретарю ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкову и предлагал разобраться с виновными. В «Правде» появился фельетон «Саратовская купель», а отдел пропаганды и агитации ЦК во главе с Д.Т.Шепиловым подготовил специальное постановление «О массовом совершении религиозного обряда в день церковного праздника “крещение” в городе Саратове»⁵².

Постановление это не было принято, но без оргвыводов не обошлось. Вопрос о крестном ходе рассматривался на бюро Саратовского горкома партии. Были сняты с работы и получили выговоры ряд должностных лиц, в том числе начальник местной милиции и начальник «ОСВОДА», епископ Борис получил новое назначение — в Чкалов⁵³. Начиная с 1949 г. были запрещены все крестные ходы, кроме пасхальных, а также прекращены службы вне храмов.

Церковные иерархи еще какое-то время надеялись, что речь идет не о принципиальном повороте в политике, а лишь о ликвидации последствий «саратовского инцидента». Патриарх Алексей добивался личной аудиенции у Сталина, чтобы дать необходимые объяснения. Приема он так и не дождался. Информаторы МГБ сообщали, будто патриарх в узком кругу говорил о «неведении» Сталина и «произволе» местных властей, не разрешающих открывать новые храмы. Но в тех же разговорах в связи с начавшимися притеснениями церкви у патриарха проскальзывала и другая мысль: «Видимо, начинается для нас новая эра»⁵⁴. По Москве даже ходили слухи, что патриарх находится под домашним арестом⁵⁵.

Одновременно усиливалась антирелигиозная пропаганда. В сфере идеологии в это время полным ходом шел процесс «закручивания гаек», и наступление на церковь было только одним из проявлений новой крупномасштабной кампании борьбы с инакомыслием в советском обществе.

2. «Все на выборы!»: советская демократия в восприятии современников

Первым значительным политическим событием в жизни страны после окончания войны стали состоявшиеся в феврале 1946 г. выборы в Верховный Совет СССР. Подготовка к выборам широко освещалась в советской печати, газетные репортажи демонстрировали «морально-политическое единство» советского общества и «нерушимость блока коммунистов и беспартийных». Во всех избирательных округах шло обсуждение кандидатов в депутаты — обсуждение формальное и скорее ритуальное, поскольку эти выборы, как и довоенные, носили безальтернативный характер: по каждому избирательному округу выдвигался только один кандидат. На официальных собраниях люди, как и следовало ожидать, в своих выступлениях высказывали одобрение политике партии и в основном поддерживали выдвинутых кандидатов. Подобные собрания шли по заранее отработанному сценарию, и высказанные на них мнения и суждения вряд ли можно рассматривать как адекватное отражение политических настроений населения. Это, конечно, не значит, что выступавшие на тех собраниях были сплошь неискренни: сама атмосфера выборов, прошедших как всенародный праздник, доказала, что власти пользуются не мнимым, а действительным доверием народа. В день выборов на оборотной стороне избирательных бюллетеней можно было прочесть здравницы в адрес коммунистической партии, Сталина, других советских руководителей. Даже если допустить, что часть этих надписей была «организована», то стиль и орфография других свидетельствуют об их подлинности. Другое дело, что положительные высказывания не отражали всего спектра общественных настроений. Критические мнения не публиковались, но они существовали и «отслеживались» наблюдателями от партийных организаций и информаторами органов госбезопасности.

В январе 1946 г. глава Наркомата внутренних дел С.Круглов докладывал в ЦК ВКП(б) о так называемых «антисоветских и хулиганских проявлениях в период подготовки к выборам в Верховный Совет Союза ССР»⁵⁶. К числу подобных проявлений относились: распространение листовок «антисоветского содержания» (конкретное содержание листовок при этом не раскрывалось), уничтожение агитационных плакатов и портретов руководителей страны, дебоши на избирательных участках и во время предвыборных собраний. Приведем несколько типичных сообщений:

«20 декабря 1945 г. в Москве, около дома № 18 по Кривому переулку, на тротуаре и во дворе дома были обнаружены разбросанными 22 листовки антисоветского содержания. Арестован автор листовок Иванников Г.М., 1907 года рождения, демобилизованный из Красной армии, нигде не работал (...). Ведется следствие.

9 января на станции Волга Некоузского района Ярославской области при входе в помещение избирательного участка № 134 были обнаружены изрезанными два плаката, посвященные выборам в Верховный Совет. Виновные в этом преступлении — Максимова и Волченкова — арестованы.

Инвалид Отечественной войны Туленков И.Ф. на проходившем предвыборном собрании в деревне Безминцево Ростовского района Ярославской области (...) заявил: «Нам предлагают кандидатами людей, которых мы не знаем, смотрите, чтобы нам не выбрать таких, которые окажутся врагами народа вроде Зимина (бывший секретарь Ярославского обкома ВКП(б), арестован в 1938 г.), будьте осторожны, а то выберем опять такое правительство, которое снова навяжет нам войну». Туленков арестован»⁵⁷.

Помимо НКВД за настроениями населения в связи с подготовкой и проведением выборов активно наблюдали партийные органы. Выборы 1946 г. были первой крупной политической кампанией послевоенных лет, во время которой проводилось систематическое отслеживание общественного мнения. Главными информаторами для ЦК ВКП(б) в данном случае выступали областные комитеты партии, которые, начиная с октября 1945 г. ежедневно, в порядке телефонного опроса, докладывали о ходе предвыборной кампании. Эти данные обобщались в секторе информации Оргинструкторского отдела ЦК и в виде сводок доводились до сведения руководства (прежде всего секретарей ЦК).

Отношение населения к выборам, а в связи с ними и к другим проблемам жизни страны, отражали вопросы, задаваемые во время встреч агитаторов с избирателями, на предвыборных собраниях, лекциях. Что касается вопросов, непосредственно относящихся к теме выборов и, в более широком плане, сущности советской политической системы вообще, они могут быть систематизированы по следующим тематическим группам: 1) о соблюдении положений и норм Конституции СССР; 2) о содержании избирательного закона с точки зрения его соответствия принципам демократии; 3) о критериях отбора кандидатов в депутаты, о праве голосовать и быть избранным.

Первая группа вопросов (о соблюдении норм Конституции) была самой немногочисленной и была обусловлена, главным образом, практикой нарушения конституционных прав граждан в период войны: ограничение передвижения, потеря права на жилище, ограничение права на образование и т.д. Наиболее типичными в этой группе были такие вопросы: почему рабочим не разрешается переходить с одного предприятия на другое? почему люди не могут вернуть себе после войны свое имущество и жилище (потерянное, например, в результате эвакуации)? почему в Конституции записано, что обучение в школах бесплатное, а на самом деле в старших классах за образование надо платить (плата за обучение в старших классах была введена еще в 1940 г.)? как соблюдается в СССР тайна переписки в связи с сохранением военной цензуры?⁵⁸ Окончание войны люди воспринимали как определенный рубеж, после которого конституционные нормы должны быть восстановлены.

С этих же позиций — конца войны и начала нового этапа в жизни страны — рассматривались и вопросы, связанные с особенностями функционирования советской политической системы. Люди прежде всего выражали сомнение, что предложенная система выборов соответствует принци-

пам демократии и положениям Конституции. Согласно Конституции СССР правом выдвижения кандидатов в депутаты в Верховный Совет обладали партийные организации, профсоюзы, кооперативы, организации молодежи, культурные общества. Формально каждая из этих организаций могла предложить свой список кандидатов в депутаты, в действительности же существовал только один список — от так называемого блока коммунистов и беспартийных. Естественно, в этой связи возникали вопросы. В большинстве из них рефреном звучало сопоставление советской демократии с демократией западной — от нейтрального вопроса «какая разница между избирательной системой СССР и избирательной системой других стран (США, Англии)?» до вполне категоричного уже не вопроса, а утверждения: «За границей действительная демократия, (...) у нас же выборы недемократические»⁵⁹. Главным аргументом подобных утверждений служил факт безальтернативных выборов и однопартийная система.

Вызывал сомнения в демократичности процедуры выборов порядок выдвижения кандидатов, когда все кандидатуры на выдвижение были уже утверждены ЦК ВКП(б) и никакой самостоятельности на этот счет не допускалось. «Какие же это свободные выборы, — удивлялись люди абсурдности ситуации, — если после того, когда ЦК утвердит кандидатов в депутаты, мы их выдвигаем и голосуем?»⁶⁰

Инструкция, разъясняющая порядок выдвижения, была секретной и доводилась только до сведения партийного актива. Поэтому на местах иногда возникали недоразумения. Так, в станице Бескорбной Краснодарского края односельчане выдвинули кандидатом в депутаты — в порядке собственной инициативы — своего земляка, Героя Советского Союза П.М.Куренного. Как выяснилось позднее, ни партийные, ни советские власти района ничего не знали об этой инициативе⁶¹. И такие факты были не единичны. Особой популярностью при незапланированных выдвижениях, как и в приведенном случае, пользовались герои войны, и фигурой номер один среди них был маршал Г.К.Жуков.

Другие кандидаты в депутаты, напротив, вызвали вопросы о целесообразности их выдвижения. Предыдущие выборы в Верховный Совет СССР проводились в 1937 г., в последствии многие из избранных тогда депутатов были репрессированы. Поэтому избиратели в разных районах задавали один и тот же вопрос: «Не может ли получиться так, что в Верховный Совет опять, как в 1937 г., попадут враги народа?»⁶² В этом же ряду стоял вопрос о подотчетности выбранных депутатов избирателям, о функционировании механизма обратной связи (избиратели порой годами не видели депутатов, за которых они голосовали). Люди хотели иметь более четкие критерии отбора кандидатов в депутаты, а таких критериев не было, кроме того, что кандидат выдвигался по списку, одобренному ЦК ВКП(б). Поскольку выборы 1937 г., проходившие по сходной схеме, не гарантировали «правильности» выбора, то и состоятельность предстоящего тоже вызвала сомнения.

Ряд вопросов возникал в связи с избирательными правами лиц, чей гражданский статус был не до конца ясен. К ним относились репатрианты, спецпереселенцы, люди, побывавшие в плену и оккупации, а также священнослужители⁶³.

Гораздо более категоричными, чем в вопросах, люди были в своих непосредственных суждениях и эмоциях, особенно в частных разговорах. Наблюдателями от партийных органов отмечалось наличие у населения «нездоровых настроений, выражающихся в хождении вредных слухов, в недовольстве отдельных лиц политикой партии и советской власти»⁶⁴. Вопреки официальной пропаганде, подчеркивающей демократический характер выборов, люди справедливо видели за этой вывеской очередную фикцию и между собой говорили об этом: «Государство напрасно тратит средства на выборы, все равно оно проведет тех, кого захочет»⁶⁵; «Все равно по-нашему не будет, они что напишут, за то и голосуют»⁶⁶; «Предстоящие выборы нам ничего не дадут, вот если бы они проводились, как в других странах, то это было бы другое дело»⁶⁷; «В избирательный бюллетень включают только одну кандидатуру, это нарушение демократии, так как при желании голосовать за другого все равно будет избран указанный в бюллетене»⁶⁸.

В народе по поводу выборов распространялись разные слухи и домыслы. По правилам агитаторы перед выборами должны были проверить наличие избирателей по спискам, составленным местными органами власти. Такова была обычная формальность, однако даже на этой почве рождались фантазии. В Воронеже, например, ходили разговоры: списки избирателей проверяются для того, чтобы выявить неработающих для последующей отправки на работу в колхозы. Люди закрывали свои квартиры и уходили из дома, чтобы при визите агитаторов не попасть в избирательные списки⁶⁹. Подобные действия представителями власти расценивались как противоправные и преследовались в административном порядке. В высказываниях людей прочитывается прямое осуждение такого рода «палочной» демократии: «Выборы проводятся неверно, дается один кандидат на выборный район, а избирательный бюллетень контролируется каким-то особым способом. В случае нежелания голосовать за определенного кандидата (его фамилию) зачеркнуть нельзя — это будет известно НКВД, и отправят куда следует»⁷⁰; «У нас нет никакой свободы слова, если я сегодня что-нибудь скажу о недостатках в работе советских органов, то меня завтра же посадят в тюрьму»⁷¹. Иногда избиратели интересовались, не будут ли составляться на граждан, уклоняющихся от голосования «черных списков» и какому они будут подвергаться наказанию?»⁷²

В процессе формирования общественного мнения вокруг выборов большая роль отводилась агитаторам — людям, непосредственно работавшим с населением. От них требовалось не просто знание законов, но в буквальном смысле искусство доказывать недоказуемое. В то же время среди агитаторов сплошь и рядом встречались люди не только мало информированные, но и просто необразованные. Один из агитаторов на вопрос о том,

почему выборы называются прямыми, объяснил: «Это значит, что взял бюллетень и идешь к урне, никуда не сворачивая». У его коллеги была на этот счет другая версия: «Прямыми выборы у нас называются потому, что мы выбираем сверху вниз»⁷³.

Встречались и другие курьезы в разъяснительной работе агитаторов. Кто-то из них объяснял принцип равного голосования как равенство прав между мужчинами и женщинами, а кто-то находил и весьма своеобразную трактовку принципа тайного голосования: «...У нас много врагов, чтобы скрыть свои голоса от врагов, установлено тайное голосование»⁷⁴. Агитаторы с подобным уровнем подготовки, конечно, не прибавляли авторитета избирательной кампании.

Избирательный закон вызывал критику и со стороны тех, кто являлся искренним сторонником власти. В подтверждение можно привести одно письмо, направленное Сталину после выборов 1946 г. Его автор, — старый коммунист (с 1917 г.) А.Губанов, писал: «...В среде избирателей, сознательно относящихся к процессу выборов (я уже не говорю о злопыхателях) возникают разные кривотолки о подмене выборов обязательным голосованием, о лишении населения избирательных прав, о нарушении сталинской Конституции, об искажении советской демократии и т.д. и т.д. Причем эти разговоры происходят не только в каждом избирательном округе Москвы, но и по всему нашему необъятному Советскому Союзу. Вы, конечно, не слышите их в Кремле, потому что не соприкасаетесь непосредственно с широкими массами рядового населения, а те привилегированные люди, с которыми Вам приходится встречаться, по-видимому, предпочитают или расхваливать искаженный порядок выборов, или сознательно замалчивают дефекты этого искаженного порядка, чтобы не навлечь на себя подозрений в «крамоле», нелояльности, оппозиции и пр.»⁷⁵

Губанов писал о нарушении Конституции СССР (выдвижении одного списка кандидатов вместо нескольких) и предлагал — в целях сохранения авторитета партии и власти — уже на выборах в Верховные Советы союзных и автономных республик 1947 г. исправить допущенную ошибку. Автор письма считал, что при любом количестве списков интересы коммунистической партии и ее кандидатов не пострадают: «Если у нас могли быть опасения при проведении первых выборов 1937–1938 гг. в том, что при наличии нескольких списков могут быть забаллотированы кандидаты—коммунисты и пройдут в большинстве беспартийные, то разве мы еще и тогда не могли провести коммунистов во всех списках, предусмотренных Конституцией? Конечно, могли! Тем более теперь, после героической победы над врагом, одержанной под руководством партии Ленина—Сталина (...), мы можем свободно без всяких опасений проводить в любых списках кандидатов—коммунистов и заслуживающих доверия беспартийных»⁷⁶. По мнению Губанова, было бы целесообразно отсрочить проведение выборов 1947 г. на один-два месяца и немедленно подготовить хотя бы еще один список кандидатов в депутаты, чтобы обеспечить фактические, а не формальные выборы.

Новые выборы состоялись в назначенное время, в феврале 1947 г., и по прежней схеме. Таким образом, проблема не была снята и отношение к выборам как к формальному акту сохранилось. «Голосовать не буду, у нас не демократия, а одна шумиха, — возмущалась, например, работница трамвайного парка из Ленинграда, — голосуют не за того, кого хочешь, а за того, кого предлагают». «Что это за выборы? — как бы вторил ей другой ленинградец. — Мы уже выбираем 20 лет, а толку от этого мало, крутом нищета и только»⁷⁷.

Настроения недовольства, проявившиеся в период подготовки к выборам 1947 г., не только отражали неприятие недемократического характера процедуры выборов, но и были результатом общего ухудшения условий жизни, обусловленного продовольственным кризисом 1946–1947 гг. Люди решали для себя проблему выживания, и именно эта проблема как первоочередная влияла на обостренное восприятие факта ущемления демократии, а не наоборот. Во всяком случае, так было на уровне массовых настроений.

Аналогичную картину зафиксировали предвыборные настроения 1946 г. Довольно часто люди высказывали сомнения в целесообразности и своевременности проведения выборов, на которые затрачивались большие средства, в то время как тысячи соотечественников находились на грани голода: «О неубранном на полях хлебе не заботятся, а уже начали «звонить» о перевыборах правительства. Пользы от этого никому нет»; «Чем заниматься бездельем, они лучше накормили бы народ, а выборами не накормишь»; «Выбирают-то они хорошо, а вот хлеба в колхозах не дают»⁷⁸.

В условиях существования системы жесткого социального контроля способом выживания становилась аполитичность или показная (ритуальная) политическая активность. Власти следили за тем, чтобы население активно участвовало в различных политических кампаниях: выборах, обсуждениях партийных и правительственных решений (после того, как они уже были приняты), преследовании инакомыслящих. Все эти мероприятия должны были проходить под лозунгом «всенародного одобрения». В действительности вопросы политики всерьез интересовали лишь небольшую часть населения, остальных же занимали более простые и насущные проблемы: где достать хлеба, во что одеть детей, где взять деньги, чтобы заплатить налог и т.д.?

Сводки вопросов, заданных аудиторией во время обсуждения очередного партийно-правительственного постановления, доказывают, что многие из них совсем не касались предмета обсуждения, а снова и снова возвращались к нуждам текущего бытия. Например, сводные данные о наиболее часто встречающихся вопросах, заданных людьми во время кампании по подготовке к выборам 1946 г. зафиксировали такую картину: непосредственно по теме выборов в сводку было включено 5 вопросов, остальные 49 касались проблем снабжения продовольствием, одеждой, работы коммунальных служб, эвакуации и демобилизации⁷⁹. Сходную тенденцию демонстрируют и сводки вопросов предвыборной кампании 1947 г.: так, обоб-

шающая сводка по наиболее типичным вопросам включала 14 вопросов по теме выборов, тогда как 34 вопроса затрагивали проблему продовольственных затруднений и вообще ситуацию на потребительском рынке, 18 вопросов касались работы коммунальных служб и городского хозяйства⁸⁰.

Еще одной особенностью публично выраженных политических интересов основной массы населения можно считать повышенное внимание к вопросам внешней политики по сравнению с проблемами внутренними. Обычно в сводках две трети занимали вопросы, касающиеся международного положения, ситуации в отдельных странах и внешнеполитических инициатив советского руководства. И только одна треть вопросов посвящалась положению внутри страны. Создается впечатление, что у советских граждан не было других проблем, кроме как беспокоиться о развитии ситуации в Греции или Китае, рассуждать об агрессивных планах капиталистического мира и сочувствовать народно-освободительным движениям. На самом деле все было гораздо сложнее. Интерес к проблемам международной жизни во многом объяснялся желанием получить доказательства невозможности нового военного конфликта. Отсюда — особый ракурс вопросов: о реальности агрессивных намерений других стран, способности советской дипломатии отстаивать интересы мира, устойчивости советского блока (который рассматривался в качестве гаранта мира).

Другой причиной повышенного интереса к вопросам внешней политики была невозможность открыто обсуждать внутренние проблемы. Всегда существовал круг запретных тем, касаться которых было небезопасно: нельзя было, например, упоминать о голоде (допускалось лишь обсуждение «продовольственных затруднений»), критиковать верховную власть (это могло быть расценено как «антисоветская агитация»), даже вопрос о прожиточном минимуме в СССР считался «провокационным». По той же категории проходили вопросы сравнительного плана, например, где выше уровень жизни — в России или США?

О чем же можно было спрашивать? Обычно к таковым относились вопросы местного значения (например, когда будут ликвидированы перебои с хлебом в городе, или когда будет восстановлен транспорт и начнут работать бани?). Допускались вопросы, касающиеся внутренней политики, но нейтральные (например, когда будет отменена карточная система?).

Между властью и народом как будто существовал негласный договор, который, впрочем, время от времени нарушался, о чем свидетельствует появление «провокационных» вопросов и «враждебных» высказываний.

Прогрессирующая аполитичность общества нашла свое отражение в процессе субъективного отчуждения от властей, в представлениях о власти как некоей абстрактной силе (психологическая конструкция *они*). «Кому нужно, тот пусть и выбирает (...), а нам и так все это надоело, выберут и без нас»; «Выбирать я не собираюсь и не буду. Я от этой власти ничего хорошего не видел. Коммунисты сами себя назначили — пусть они и выбирают»⁸¹, — такого рода суждения далеко не всегда высказывались публич-

но, но они присутствовали в спектре общественных мнений и влияли, если не на поступки, то на умонастроения окружающих.

Несмотря на известную абстрактность восприятия власти в массовом сознании, она тем не менее имела четко выраженную двухуровневую структуру и делилась на власть верховную и власть местную. Местная власть в лице директоров предприятий, председателей колхозов, руководителей местных советских и партийных органов становилась главным объектом критики со стороны населения: в своих бедах народ по традиции винил прежде всего ближнее «начальство». Точно также местное руководство всегда находилось под критическим прицелом центральной власти. Фокус критики народа и верховной власти в данном случае совпадал, что, естественно, рождало иллюзию совпадения их интересов. Эта иллюзия поддерживала жизнеспособность всей системы и веру в непогрешимость верховной власти, которую олицетворял Сталин. Не случайно непопулярные решения властей (например, повышение пайковых цен или отсрочка отмены карточной системы) либо объяснялись населением как результат «неведения» Сталина («Сталин об этом ничего не знает»), либо оправдывались как «неизбежное зло», которое нужно пережить («если решение принял товарищ Сталин, значит, другого пути не было»). Довольно примечательным можно считать и следующее высказывание: «Сейчас жить тяжело. Все обжираются, наедают животы, сидят и только Сталина обманывают»⁸².

Представления о неких «темных силах», которые «обманывают Сталина» не только указывали на устойчивость образа врага в народном сознании, но и демонстрировали субъективное восприятие единства народа и вождя. Выведение Сталина за скобки критики спасло не просто его имя, но и сам режим, этим именем одушевленный. Такова была реальность: для миллионов современников Сталин выступал в роли последней надежды, самой надежной опоры. Казалось, не будь Сталина, жизнь рухнула бы. И чем сложнее становилась ситуация внутри страны, тем больше в народном сознании укреплялась вера в особую роль вождя. Беспокойство о здоровье Сталина, которому в 1949 г. исполнилось 70 лет, постоянно присутствовало в вопросах, задаваемых людьми на лекциях, беседах, собраниях.

Почтительное отношение к Сталину, между тем, являлось не только фактом личных убеждений и личного выбора. Оно культивировалось всей советской идеологией и контролировалось соответствующими органами. Карались не только мнения и поступки, так или иначе направленные против вождя, но и действия, которые такой цели вовсе не преследовали. Многие люди пострадали тогда «по недоразумению»: в «контрреволюционной деятельности» мог быть обвинен редактор газеты, допустивший обычную опечатку, или школьник, объектом шалости которого стал портрет вождя. Во время проведения партийного собрания на текстильном комбинате города Иваново (Московской области) докладчик в своем выступлении сделал одну оговорку. Он сказал: «Товарищ Сталин является организатором»

ром немецкого фашизма и японского милитаризма», пропустив слово «разгрома». Тогда все обошлось почти благополучно: за «антипартийное выражение по адресу вождя нашей партии товарища Сталина И.В.» допустивший ошибку докладчик получил только выговор по партийной линии⁸³. Однако сам случай показателен, поскольку хорошо характеризует атмосферу времени, когда не только действительная критика, но и просто казусы, воспринимались властью как факторы, угрожающие ее стабильности. Высказывать открыто свою точку зрения, если она противоречила официально принятой, было рискованно — причем в ряде случаев не только для карьеры, но и для жизни. Тем не менее подобные мнения — пусть и единичные — все же существовали, а официальные и добровольные доносчики докладывали о них соответствующим инстанциям.

В критических высказываниях дилемма *мы—они* разрешалась следующим образом: «Чего можно ждать хорошего, когда начальство и коммунисты все себе грабят? Поэтому и жить нам так трудно»⁸⁴; «Тогда жить будем хорошо, когда не будет этих правителей, они разорили всю Россию»⁸⁵; «Живут хорошо только те, кто работает в магазинах, да верхушка правительства»⁸⁶. Кто-то обвинял во всех бедах советский строй: «Порядков не будет до тех пор, пока будет советская власть»⁸⁷. В деревне проблема виделась несколько по-иному: «Если бы не было проклятых колхозов, то наша жизнь была бы много лучше. При советской власти живется хорошо только коммунистам»⁸⁸. «Мне кажется, что там, где нет нашего правительства, нет колхозов, люди живут полной чашей, там всего много и все дешево. Где же появляются советская власть и колхозы, там все пропадает, все делается дорогим (...)\», — эта мысль могла бы закончить импровизированный обмен мнениями⁸⁹. В подобных высказываниях власть уже не безлика — она имеет конкретных носителей, которые в свою очередь не ограничиваются кругом местного начальства. В качестве объектов критики здесь выступают «правительство» («правители»), «советская власть» (как система, т.е. на всех уровнях), «коммунисты».

Отношение населения к коммунистам как к носителям власти представляет собой важный момент в развитии массовых политических настроений послевоенных лет. Если среди населения деревни в период войны и сразу после ее окончания самыми популярными были слухи о роспуске колхозов, то в качестве «сопутствующего» этому ходили разговоры о роспуске после войны и партии коммунистов — причем не только среди сельского населения⁹⁰. Часто в массовых представлениях ликвидация колхозной системы и роспуск коммунистической партии виделись как два взаимосвязанных мероприятия, которые должны были состояться чуть ли не одновременно. Чтобы понять подобное отношение к коммунистам, необходимо представить себе положение партии в первые послевоенные годы.

3. «Орден меченосцев?»: положение в партии и настроения коммунистов

Перед войной партия насчитывала в своих рядах немногим более 4 млн человек, а к концу войны — уже более 6 миллионов⁹¹. Подобная статистика создавала иллюзию, будто бы партия вышла из войны не только без потерь, но и значительно выросла численно. Однако за показателями роста скрывалась несколько иная картина. С начала войны прием в ВКП(б) приобрел беспрецедентные темпы, а всего с 1941 по 1945 гг. в партию вступили почти 9 миллионов человек⁹². С учетом 4 миллионов коммунистов довоенного призыва получалось, что компартия за годы войны потеряла в целом более половины своего состава — 7 млн человек, т.е. военные потери превысили численность партии в 1945 г.

Форсированный рост ВКП(б) в военные годы был обусловлен в первую очередь мобилизационной программой Сталина, призванной обеспечить концентрацию всех сил и возможностей на задаче выживания. «Коммунисты, вперед!» — не просто лозунг военного времени, а повседневная практика, позволяющая командирам решать боевые задачи, руководствуясь принципами партийного призыва. В отличие от воинского или дисциплинарного устава эти принципы осуществлялись на основе добровольности, а случаи вступления в партию из эгоистических, карьерных соображений на фронте были все-таки исключением. Другое дело — в тылу или после окончания войны. Здесь необходимо сделать принципиальную оговорку: и после войны люди вступали в партию коммунистов, руководствуясь самыми лучшими побуждениями, не желая для себя ни лишних благ, ни привилегий.

Вместе с тем принадлежность к партии действительно открывала возможность получения подобных привилегий: члену партии было значительно легче, чем беспартийному, продвинуться по служебной лестнице (на руководящие должности, как правило, назначали исключительно коммунистов), для руководящих партийных работников существовала особая система снабжения («пайки») и социального обеспечения (медицинское обслуживание, организация отдыха, обеспечение квартирами и дачами и т.д.). Большинству рядовых коммунистов вся эта система привилегий была просто недоступна и в этом смысле они мало чем отличались от таких же простых своих соотечественников. Однако для тех членов партии, которые смогли закрепиться во властных структурах — независимо от уровня служебной иерархии — принадлежность к власти создавала условия и возможности не только для получения своей доли социальных привилегий и льгот, но и для разного рода служебных нарушений и злоупотреблений. Поэтому случаи вступления в партию из своекорыстных побуждений как до войны, так и после были не так уж и редки. Наличие в партии коррумпированной прослойки подрывало авторитет этой организации, а вместе с ней и авторитет власти как таковой, поскольку в массовом сознании коммунисты выступали в качестве носителей власти. Партия чем дальше, тем

меньше соответствовала придуманному для нее Сталиным образу «ордена мечаосцев».

Верховная власть пыталась бороться с коррупцией в партии; до войны эту функцию выполняли периодические чистки партии, а после того, как в 1939 г. чистки были официально отменены, от нежелательных членов партийные организации стали избавляться путем исключений из ВКП(б).

Как свидетельствует статистика мотивов и причин исключений из партии за послевоенный период, с 1945 по 1953 годы, наибольшее число коммунистов лишилось своих партийных билетов за должностные преступления, коррупцию, хищения, так называемое «морально-бытовое разложение», пьянство и хулиганство. За первых два послевоенных года — с 1 июля 1945 по 1 июля 1947 г. — исключенные по этим причинам составили 37,8% от общего количества исключенных из ВКП(б) за этот период⁹³. На втором месте в статистике исключенных находились коммунисты, побывавшие на оккупированной территории во время войны (29,2% от общего количества исключенных из партии). За нарушение партийной и трудовой дисциплины были исключены из партии 9,3% всех исключенных в этот период; за срыв хозяйственно-политических кампаний, нарушение законности, очковтирательство, а также как «не оправдавшие звание коммуниста» — 4,7%. Обращает на себя внимание тот факт, что политические обвинения были предъявлены тогда меньшинству исключенных: за измену родине исключены из партии 0,5% всего количества исключенных; за антисоветскую агитацию, связь с чуждыми элементами, сокрытие социального происхождения — 1,6%.

В мае 1946 г. ЦК ВКП(б) организовал выборочную проверку решений бюро областных и краевых комитетов партии, а также ЦК компартий союзных республик, разбирающих проступки и злоупотребления со стороны районных ответственных работников (т.е. представителей местных органов власти). В результате проверки было установлено, что с 1 июля 1945 г. по 1 мая 1946 г. по 90 областям, краям и республикам СССР, по неполным данным, к партийной ответственности было привлечено 4080 районных работников. Среди них — 1256 партийных работников (в том числе 1062 секретаря райкомов), 1156 работников районных исполнительных комитетов советов, 728 сотрудников правоохранительных органов (МГБ, МВД, суда и прокуратуры) и 940 хозяйственных работников⁹⁴. Из 4080 районных работников, получивших взыскания по партийной линии, 1158 были впоследствии сняты с должности, из них 978 человек исключены из партии. В качестве наиболее распространенных проступков, послуживших причиной для наложения партийных взысканий и исключений из партии, назывались следующие: 1) нарушение советских законов, извращение директив партии и правительства (получившие взыскания по этой причине составили 71,2% от всех проштрафившихся районных работников); 2) пьянство и бытовое разложение (14,5%); 3) самоснабжение, незаконные поборы в колхозах (9,2%); 4) обман государства, очковтирательство (5,1%).

Интересно проследить зависимость между служебным положением ответственных лиц и характером злоупотреблений и нарушений, за которые были получены взыскания. Так, партийные и советские работники чаще других районных руководителей получали взыскания за «нарушение советских законов и извращение директив партии и правительства»: на их долю приходилось соответственно 31,1% и 29,8% от всех получивших взыскания по этой линии. «Многие районные работники чинят произвол в отношении крестьян, допускают голое администрирование при проведении сельскохозяйственных кампаний, запугивают колхозников, штрафуют их, производят у них обыски и т.д. В отдельных колхозах (...) представители районных организаций допускали избиения колхозников, причем подобные безобразия в ряде случаев не пресекаются партийными органами и органами прокуратуры», — свидетельствовал итоговый документ, подготовленный в ЦК ВКП(б)⁹⁵.

За самоснабжение и незаконные поборы в колхозах чаще других привлекались к партийной ответственности работники районных исполнительных комитетов местных советов (они составили 35,4% от всех получивших взыскания по этой линии) и хозяйственные работники (29%), т.е. лица, служебное положение которых предоставляло больше возможностей для подобных злоупотреблений. По этой же причине на долю хозяйственников и работников райисполкомов приходилось больше всего взысканий по причине обмана государства и очковтирательства (соответственно 36,8% и 29,2%). Что касается пьянства и так называемого «морально-бытового разложения», под которым часто понималось все то же пьянство, эти проступки — если судить по статистике взысканий — больше других совершали сотрудники МГБ, МВД, суда и прокуратуры: на их долю пришлось 36,7% от всех районных работников, получивших партийные взыскания по этой линии.

Разумеется, подобная статистика была относительной, т.е. она не всегда отражала реальное содержание правонарушений, допускаемых представителями местных органов власти. Иногда последние выступали в роли «козлов отпущения», отвечающих не столько за собственные проступки, сколько за просчеты общей политики. Так, указание ЦК ВКП(б) о недопущении администрирования по отношению к рядовым колхозникам, для местных руководителей часто превращалось в благое пожелание, поскольку в своей практической работе они должны были действовать прежде всего в соответствии с другим указанием ЦК относительно выполнения государственного плана, обязательств по хлебозаготовкам, уплаты сельскохозяйственного налога и других повинностей. В случае невыполнения обязательств перед государством секретарь райкома подлежал партийному взысканию почти в обязательном порядке, тогда как информация об администрировании с его стороны ради выполнения очередной директивы ЦК не всегда доходила до вышестоящих инстанций, а если и доходила, то последние не всегда спешили выступать с карательными санкциями. Поэтому произвол местных работников становился обычным явлением.

Факты злоупотребления служебным положением со стороны некоторых ответственных работников и местных руководителей, их грубое обращение с людьми, стремление жить с «размахом» в то время, как другие еле-еле сводили концы с концами — все это не могло не вызывать недовольства окружающих. Чтобы недовольство поведением отдельных представителей власти не переросло в недовольство властью как таковой, вышестоящее руководство время от времени применяло штрафные санкции по отношению к лицам, вызывающим общественное раздражение. Это был один из способов снятия социальной напряженности и нейтрализации общественного недовольства, который активно использовался режимом для блокирования нежелательного социального поведения.

В то же время верховная власть была обеспокоена не только фактами «разложения» партийного чиновничества, но и распространением среди коммунистов известного вольномыслия: иллюзии либерализации и вынесенный из войны дух свободы оказались «заразительны» и для членов партии, которые были просто частью общества. Речь не шла о формировании подобия внутрипартийной фронды, просто появлялись люди, позволяющие себе нарушать общепринятые нормы корпоративной морали (на языке идеологии это означало идти против «линии партии»). Причем, в роли нарушителей часто выступали вполне правоверные коммунисты, даже порой не осознающие факт своего отступничества.

В январе 1948 г. на Новосибирском авиационном заводе им. Чкалова проходила обычная партийная конференция. На этой конференции выступил парторг одного из цехов Рылов и произнес, как потом выяснилось, «крамольную» речь. Заявил же он следующее: «Тот, кто общается с рабочими, с низовыми работниками и прислушивается к ним, тот может услышать разговоры, когда люди даже шлют проклятия, потому что нет хлеба, нет того, другого. Все говорят, что в этом виноваты ЦК партии и другие. Спрашивается, кто же дал право руководителям и лично парткому распустить наших руководителей завода, за счет которых многие непонимающие рабочие без всякого умысла с такими излияниями относятся к руководителям партии, к товарищу Сталину, когда на деле доказаны великие заслуги товарища Сталина перед народом»⁹⁶.

Выступавший вовсе не хотел обвинить в чем-либо верховную власть, даже напротив, стремился подчеркнуть «великие заслуги товарища Сталина перед всем народом», однако, упоминание в контексте ответственности за послевоенные трудности «ЦК партии и других», немедленно вызвало среди присутствующих ответную реакцию. После выступления Рылова в президиум конференции стали поступать записки от делегатов, которые спешили откреститься от прозвучавших подозрений в адрес ЦК и требовали наказать «клеветника». Пришлось Рылову выступать еще раз и оправдываться, что он высказывал не свое мнение, а передавал содержание услышанных им разговоров между рабочими. «Безусловно, я считаю, что часть людей, которые говорили такие слова, являются враждебными», — подытожил незадачливый оратор. Объяснение, однако, не помогло: Рыло-

ва лишили делегатского мандата, а парторганизации цеха было предложено обсудить его поведение на специальном собрании.

На этом собрании Рылов выступал уже по сути с политическим заявлением и одновременно покаянной речью: «Я хотел сказать, что среди здорового коллектива рабочих и служащих на заводе есть враждебные элементы, которые высказываются против наших руководителей партии и правительства. (...) Моя вина в том, что я не принял меры к людям, от которых это слышал. (...) Я не мог оценить своего выступления, но после того, как стало ясно, что я оклеветал рабочий класс, мне было очень неприятно...»⁹⁷ Партийное собрание освободило его от обязанностей секретаря парторганизации, о дальнейших оргвыводах ничего неизвестно.

Этот пример наглядно демонстрирует, как действовал механизм «выкручивния рук», который являлся одной из составляющих формирования настроений, соответствующих корпоративной (внутрипартийной) морали. Несмотря на постоянные призывы к развитию критики и самокритики, потолок этой критики всегда был четко обозначен, вожди были неподсудны — по крайней мере до тех пор, пока Сталин был заинтересован в их неподсудности. На самом высоком уровне решение — казнить или миловать — могло исходить только от него. Рядовым членам партии оставалось только принять предложенные правила игры. Впрочем, и внутри этих, довольно жестких правил, существовало пространство для самовыражения. Это со всей очевидностью продемонстрировало обсуждение коммунистами материалов XIX съезда партии.

Вопрос о созыве очередного съезда в партийных массах активно обсуждался все послевоенные годы. Последний съезд партии, восемнадцатый, проводился в 1939 г. Во время войны вопросов о следующем партийном съезде, по понятным причинам, не возникало, но уже с 1945 г. они постоянно присутствуют в сводках вопросов, задаваемых аудиторией партийных собраний и более широкой публикой.

В оттягивании очередного съезда часть коммунистов видела нарушение принципов партийной демократии и обращалась с соответствующими претензиями в свои партийные комитеты. Но партийное руководство на местах не могло дать никаких разъяснений на этот счет. XIX съезд партии состоялся только в октябре 1952 г. (т.е. спустя 13 лет после предыдущего). Но даже после того, как было официально объявлено о сроках созыва съезда, коммунисты продолжали интересоваться, чем был вызван столь большой перерыв. С этим вопросом обращались не только в местные парторганизации, но и в центральные газеты, в ЦК ВКП(б). Писали Сталину.

«Откровенно пишу, — такими словами начиналось одно из писем, адресованных Сталину. — ...Примите мой поклон, мои извинения за причиненное Вам беспокойство и отнятое драгоценное время. От всего сердца, от всей моей жизни желаю Вам, дорогой и любимый вождь народов всего мира, здоровья и бесконечно долгих лет жизни»⁹⁸. А вслед за этой необходимой преамбулой главное: «...Прошу дать ответ на вопрос: почему так

долго не созывался XIX съезд ВКП(б)? Если допущена несущественная ошибка, то в ней надо признаться, хотя бы вскользь. Безусловно, в годы Отечественной войны не было необходимости собирать съезд партии. После окончания войны очередной съезд партии собирается с большим опозданием (...) и этим самым нарушена демократичность. (...) Вы, члены и кандидаты ЦК должны были объяснить рядовым членам партии, (...) что XIX съезд ВКП(б) переносится на неопределенный период потому-то и потому-то. Тем самым не было бы места «не могу знать» и «не знаю» и не распространялись бы никому не нужные, кроме как врагам народа, вредные слухи, будто съезд этот последний при товарище Сталине, что он стареет и т.п.»⁹⁹

Автор письма предлагал и свой вариант объяснений: сначала война, потом «занимались усиленно, не покладая рук, залечиванием ран, реорганизацией промышленности и т.д.». Обращает на себя внимание даже не содержание этих объяснений, а признание того, что, в той или иной форме, они должны были прозвучать от лица высшей партийной власти. Но для чего? — Чтобы «хотя бы внешне, по форме, такое оттягивание очередного съезда не выглядело как нарушение Устава ВКП(б), как нарушение демократии»¹⁰⁰. Подобная мысль — о сохранении ритуальной стороны партийной демократии — свойственна не только этому письму: рядовые коммунисты требовали от верхов соблюдения принятых правил игры, т.е. порядка, называемого (не по сути, но по традиции) внутрипартийной демократией.

Вопрос о демократии в партии был одним из самых популярных в ходе предсъездовских обсуждений. Не случайно в центре дискуссии оказался тогда проект нового устава партии, тот документ, который регламентирует поведение каждого коммуниста. Главный смысл изменений, которые ЦК предлагал внести (и которые действительно были внесены) в устав, заключался в усилении контроля партийных органов над рядовыми членами партии: если, например, раньше коммунист «имел право», то теперь он «был обязан» сообщать о всех недостатках в работе любых лиц, а сокрытие правды объявлялось «преступлением перед партией»¹⁰¹.

Устав фактически узаконивал доносительство как норму партийной жизни, и это вызывало у части коммунистов естественный протест. Чтобы не допустить массового распространения доносительства, коммунисты предлагали, например, предусмотреть ответственность за необоснованную критику и прямую клевету. Было предложение внести в устав пункт такого содержания: «...Каждый коммунист несет ответственность за необъективную тенденциозную критику, за извращение лозунга самокритики и превращение его в орудие травли партийных организаций»¹⁰². С этим предложением перекликалось и другое: «...Подчеркнуть строгую ответственность каждого члена и кандидата партии за клевету. Клеветников следует исключать из партии, как людей, наносящих огромный вред партии и народу»¹⁰³.

Но встречались и совершенно противоположные суждения. Один из участников обсуждения предлагал, например, дополнить пункт устава о

критике и самокритике следующим положением: «Каждый член партии обязан сообщать в любой форме, устной или письменной, о всех недостатках и злоупотреблениях, (...) вплоть до ЦК партии. Тот, кто уклоняется от этих обязанностей, (...) должен строго наказываться»¹⁰⁴. Некоторые потенциальные доносчики шли еще дальше, требуя для себя гарантий: «Члены и кандидаты партии, сообщающие вышестоящим парторганам о недостатках, *не могут впоследствии преследоваться, даже если поданное ими заявление подтвердилось только частично, не полностью* (выделено мной. — Е.З.)»¹⁰⁵.

Одни требовали запретить коммунистам выступать с анонимными обращениями («анонимное письмо — это не метод и не стиль честного человека»¹⁰⁶), другие, напротив, полагали, что «фамилия критикующего остается для критикуемого в тайне, а разглашение фамилии критикующего наказывается в партийном порядке»¹⁰⁷.

Мнения участников дискуссии разделились: часть из них выступала за расширение прав коммунистов, за развитие внутрипартийных свобод, другая же часть ратовала за усиление контроля и регламентирования поведения каждого члена партии. Последние иногда договаривались и до введения строгого регламента личной жизни коммуниста. Предлагалось дополнить партийный устав, например, таким пунктом: «Член партии обязан постоянно проявлять самообладание и самодисциплину в личной жизни, во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, максимальную серьезность и ответственность в деле строительства подлинно социалистической семьи»¹⁰⁸. «Человек, ведущий безалаберный образ жизни, — читаем уже другое письмо, — подобен безродному космополиту. Сегодня ему не дорога своя семья, а завтра ему будет не дорога родина. Человек, который не верен своей семье, которым руководят похотливые, животные чувства, а не долг перед своей семьей, может завтра забыть свой долг и перед родиной. (...) Устав должен обязывать коммуниста держать себя в определенных рамках и в семье, и в быту»¹⁰⁹.

Личная жизнь коммуниста никогда не была абсолютно свободна от партийного влияния. Партийные собрания разбирали случаи супружеской неверности, пьянства и другие бытовые проблемы. Даже выбор спутницы (или спутника) жизни человек часто делал с учетом идеологического момента («не рекомендовалось» заключать брак с человеком, «неблагополучным» с точки зрения происхождения, имеющим родственников за границей, позднее «нежелательным» для коммунистов стал считаться брачный союз с лицом еврейской национальности). Но это была обычная практика, а не регламентированная норма партийной жизни. Введение подобного регламента вызывало протест даже у тех, кто был не прочь позаботиться о нравственной чистоте партийных рядов. Однако предпочитал делать это не столь грубо и прямолинейно.

Популярной среди участников обсуждения подготовительных материалов к съезду была идея чистки партии, причем в качестве формы чистки чаще всего предлагался обмен партийных документов: годы террора не

прошли бесследно, и, понимая необходимость избавить партию от коррупционеров и просто недобросовестных людей, коммунисты выбирали все-таки менее болезненные формы «самоочищения».

Любопытно, что ни в одной из итоговых сводок замечаний и предложений по уставу и другим материалам, не встречается сведений об обсуждении проблемы однопартийности и ее неизбежных изъянов. «Болезненные», как их тогда называли, явления в жизни партии рассматривались массой коммунистов как результат «перерождения» отдельных деятелей партии. «не оправдавших» возложенного на них доверия. То, что партия, монопольно находящаяся у власти, неизбежно и постоянно будет встречаться с фактом «перерождения» своих членов, основной партийной массой, по-видимому, даже не приходило в голову. Само понятие многопартийности воспринималось на этом уровне как нечто чуждое, «буржуазное», «не наше».

Принцип однопартийности закреплялся постоянным присутствием фигуры вождя. Сталин олицетворял собой коммунистическую партию. Любая другая гипотетическая партия неизбежно воспринималась бы как не-сталинская, а значит, чужая, враждебная, потому что «не» в советском массовом сознании почти всегда было синонимом «анти». Не случайно целый ряд коммунистов предлагал закрепить сталинскую принадлежность коммунистической партии в ее названии (включить в название партии слово «сталинская» относится к числу наиболее часто встречавшихся предложений).

Точно так же, как и рядовые коммунисты, воспринимали проблему коррупции в партии и партийные идеологи. Так, после выявления многочисленных фактов злоупотреблений во время проведения обмена денег в 1947 г., Управление по проверке партийных органов ЦК ВКП(б), прокомментировало их следующим образом: «Проведение денежной реформы показало, что некоторая часть руководящих партийных и советских работников оказалась политически и морально неустойчивой, а отдельные коммунисты скатились в болото мелкобуржуазного перерожденчества»¹¹⁰. Подобное совпадение оценок рядовых коммунистов и ответственных партийных работников свидетельствовало о наличии устойчивых стереотипов в сознании этой части общества, что же касается самих этих стереотипов, то именно они не в последнюю очередь создавали иллюзию единства партии.

4. Война и мир: внешняя политика глазами народа

Помимо недовольства отдельными представителями власти для массовых политических настроений 40-х — начала 50-х гг. характерно наличие конкретных претензий и критика некоторых политических решений. Если судить по вопросам, которые чаще других звучали на лекциях и беседах — на предприятиях, в колхозах, в государственных учреждениях — много сомнений у населения вызывала такая акция советского правительства, как оказание продовольственной помощи другим странам, которую действи-

тельно было трудно понять, а тем более оправдать в условиях продовольственного кризиса внутри страны. Настроения недовольства политикой помощи зарубежным странам приобрели массовый характер в 1946–1947 гг., в период наибольших затруднений на внутреннем продовольственном рынке и голода.

Вот что говорили по этому поводу жители городов Свердловской области: «Что такое творится у нашего правительства — не поймешь? Хлеб отправляют за границу, а нас морят (голодом), держат на голодном пайке. Все государства будут кормить нашим хлебом, а сами все с голоду пропадем»; «Заключение с Болгарией, Югославией и другими странами договоров на поставку им зерна советским правительством сделано неверно, потому что в первую очередь необходимо накормить хлебом советский народ, а потом поставлять хлеб за границу»; «Эти сообщения (о продовольственной помощи другим странам. — Е.З.) только злят. Сами голодаем, а буржуям отдаем свой хлеб»¹¹¹. Аналогичные настроения были отмечены и в других городах страны¹¹². По этой же причине вызывал вопросы отказ советского руководства от участия в плане Маршалла¹¹³.

Информация, хотя и весьма скудная, о жизни на Западе давала пищу для размышлений. Люди не могли понять, почему страна, больше других пострадавшая от войны, оказывает помощь населению стран — тоже разоренных войной, но все-таки не в такой степени, как их родина. Контраст уровней благосостояния в России и на Западе, особенно сравнение с побежденной Германией, не прибавляли оптимизма. Эти размышления, не находя конструктивного объяснения, чаще всего переключались в область эмоций и нередко провоцировали чувство «попранной справедливости». Отсюда — неудовлетворенность итогами войны и обида на бывших союзников, которые — не без помощи советской пропаганды — превращались в главных виновников не только ухудшения общего международного климата, но и становились ответственными за внутренние трудности. Подчас возникали сомнения, была ли минувшая война доведена «до победного конца», а иногда можно было услышать и следующее: «Плохо сделали, что после взятия Берлина не разгромили “союзников”. Надо было бы спустить их в Ла-Манш. И сейчас Америка не бряцала бы оружием»¹¹⁴.

Столь «простое» решение больших проблем — вполне в духе того времени. Точно так же, как и списывание своих трудностей на происки «враждебного окружения». Долговременная обработка умов приносила свои плоды, направляя народное недовольство в то русло, какое было нужно режиму. Чтобы психология «окруженной крепости» вновь, как в предвоенные годы, заработала и формировала соответствующее общественное мнение и поведение, обстановка холодной войны подходила как нельзя лучше. Общественное мнение было уже соответствующим образом подготовлено к восприятию военной угрозы, поэтому реакция населения на какой-либо сигнал о военной опасности прогнозировалась достаточно легко.

Этим, по-видимому, и воспользовался Сталин в 1946 году, когда решил прокомментировать речь У.Черчилля в Фултоне. Во всей пропагандист-

ской кампании вокруг речи Черчилля именно Сталин сделал последний штрих: назвал выступление своего военного союзника призывом к войне против СССР¹¹⁵. Но случилось это не сразу.

Первое сообщение о речи Черчилля в Фултоне появилось в «Правде» через два дня после этого события — 8 марта, а 11 марта в той же газете было опубликовано подробное изложение выступления британского экс-премьера. Сразу же после этих публикаций в народе начали циркулировать слухи, о которых в ЦК ВКП(б) сообщали местные информаторы. Новосибирский обком партии докладывал, например, о таком факте: секретарь комсомольской организации одного из колхозов области, будучи в районном центре, услышала по радио о речи Черчилля и немедленно передала по телефону в свой колхоз, что Черчилль призывает к войне. В селе поднялась паника¹¹⁶. В городе Шахты Ростовской области распространился слух о том, что «сегодня—завтра начнется война, надо продавать радиоприемники, так как все равно их отберут»¹¹⁷. В городах Суздаль, Судогде, Гусь-Хрустальном Владимирской области ходили слухи, что война, якобы, уже началась, и об этом объявит сессия Верховного Совета СССР¹¹⁸. Панические настроения в связи с угрозой новой войны были отмечены тогда во многих районах СССР. Слухи провоцировали соответствующее поведение: население бросилось в магазины, у прилавков немедленно выросли очереди, а цены на продукты в коммерческой торговле подскочили сразу в два-три раза¹¹⁹.

После того, как население столь однозначно отреагировало на сообщения о речи Черчилля, со своими разъяснениями по этому вопросу выступил Сталин: 14 марта в «Правде» было опубликовано его интервью с корреспондентом газеты. Сталин фактически подтвердил опасения по поводу реальности военной угрозы, но заверил соотечественников, что организаторы похода против Советского Союза «будут биты так же, как были биты в прошлом»¹²⁰. Последующая реакция населения была вполне показательной: вопрос о возможности новой войны активно обсуждался, но панические настроения пошли на убыль. Партийные информаторы докладывали, что после выступления Сталина панические слухи вообще рассеялись, но это было явным преувеличением. Сталин успокоил общественное мнение, но не снял проблему. Впрочем, он и не стремился ее снимать: народу отныне, как и в предвоенные годы, предстояло жить с ощущением военной опасности. А значит, не ждать скорых перемен к лучшему и не надеяться на быстрое наступление «жизни-сказки», о которой так мечталось во время минувшей войны. Пропаганда легко подхватила идею вождя, призывая людей к преодолению «временных трудностей» и требуя новых жертв во имя сохранения мира.

Теперь подготовкой к войне народ объяснял самые разные решения правительства — будь то повышение пайковых цен («перед войной всегда цены повышают») или отмена карточной системы («чтобы народ лучше шел воевать»). Когда в 1946 г. были повышены цены на продукты питания, выдаваемые по карточкам, то люди не просто расценивали это собы-

тие как свидетельство подготовки к новой войне, но иногда домысливали, что война, якобы, уже началась. И такие слухи ходили не только в далеких колхозах, но и в Москве. «Я слышал, — уверял, например, рабочий одного из московских заводов в 1946 г. — что война идет уже в Китае и в Греции, куда вмешались Америка и Англия. Не сегодня—завтра нападут и на Советский Союз»¹²¹. Под этим же углом зрения оценивались и внешнеполитические инициативы советского руководства.

Секретарь ЦК ВКП(б) А.А.Кузнецов докладывал Сталину, что после публикации материалов о совещании представителей ряда компартий (сентябрь 1947 г.) в Польше «при обсуждении материалов совещания (...) высказываются опасения по поводу возможности возникновения в ближайшее время новой мировой войны»¹²². Конкретные вопросы, заданные при обсуждении материалов совещания, звучали следующим образом: «Правительства Америки и Англии всегда выступали против распространения коммунизма. Не приведет ли это объединение компартий к новой войне?»; «Американцы и англичане прекрасно понимают, что совещание созвано по инициативе ЦК ВКП(б). Не может ли это осложнить отношения между СССР и Америкой и ускорить третью мировую войну?»; «Принимает ли наше правительство меры по обеспечению продовольственных запасов на случай войны?»¹²³

Даже кампания по сбору подписей под Стокгольмским воззванием за запрещение атомного оружия в 1950 г. вызвала в народе старые опасения о возможности военного конфликта. В данном случае роль детонатора подобных настроений сыграл фактор совпадения двух событий: распространение Стокгольмского воззвания совпало с началом войны между Северной и Южной Кореей. Обкомы партии докладывали в ЦК о том, что кампанию по сбору подписей сильно осложняют разные слухи и домыслы, которые циркулируют среди населения. Так, на одном из заводов в Бурят-Монголии рабочие рассуждали: «Сейчас у нас по СССР отбирают подписи в защиту мира, но война между СССР и Америкой будет. Америка оккупирует советскую территорию, тогда американцы будут расстреливать всех, кто ставит свои подписи»¹²⁴.

Правда, подобные крайние мнения были все-таки исключением, гораздо более распространенными можно считать общие опасения, что, если где-то поблизости началась война, она вряд ли минует границы СССР. Во Владивостоке летом 1950 г. ходили слухи о том, что на Сахалине и Курильских островах, якобы, уже высадились американские войска¹²⁵. В связи с этим у части населения Сахалина возникли эвакуационные настроения¹²⁶. Из магазинов Приморского края стали исчезать товары первой необходимости (спички, соль, мыло, керосин и др.): население создавало запасы на случай военных действий¹²⁷. Характерно, что подобное поведение было свойственно не только жителям регионов СССР, территориально близких к корейскому театру военных действий. В некоторых районах Подмосковья летом 1950 г. наблюдались большие очереди у продовольственных магазинов. В городе Загорске, например, только за один день

30 июня соли было продано 12200 кг, в то время, как раньше, продавали в среднем в день не более 250 кг; в тот же день мыла было продано 12190 кусков — в 10 раз больше, чем обычно¹²⁸. В городе Владимире продажа соли за последние пять дней июля увеличилась в 8 раз, мыла и спичек — в 4,5 раза¹²⁹. Люди, поступая подобным образом, попадали под влияние общих настроений, общественного мнения; их действия диктовались не столько соображениями целесообразности, сколько инстинктом самосохранения. Тем более, что никаких официальных заявлений, четко проясняющих советскую позицию в корейском вопросе и ситуацию в Корее, первоначально сделано не было. Именно отсутствие полной официальной информации стало причиной возникновения слухов и кривотолков.

Несмотря на официальную позицию нейтралитета Советского Союза в корейском конфликте и тщательно скрываемый факт советской военной помощи Северной Корее, общественное мнение по-своему решало вопрос о том, что на официальном языке именовалось «интернациональной солидарностью». Идея помощи Северной Корее, независимо от позиции верховной власти, родилась снизу: во время собраний чаще всего поступали предложения об организации сбора средств в фонд помощи северо-корейской армии и населению Северной Кореи. Подобные предложения заставляли врасплох партийных организаторов, не имевших на этот счет никаких инструкций¹³⁰.

Слухи о возможности новой войны в первые послевоенные годы распространялись не только среди «простого народа». Даже представители образованных слоев общества, случалось, думали аналогичным образом: им казалось, например, что идеологический поворот 1946–1948 гг., проходивший под знаком борьбы против западного влияния, объясняется перегруппировкой сил перед началом нового противостояния мировых держав¹³¹.

Мысли о возможности нового военного конфликта в сознании людей были тесно связаны с пережитым во время войны прошедшей. Война вообще выстроила своеобразную систему ценностей в советском обществе. Зденек Млынарж, один из лидеров «Пражской весны», в конце 40-х — начале 50-х годов учившийся в Московском университете, вспоминал впоследствии об одной характерной особенности мышления русских, связанной с пережитым во время войны: «Основой всего было убеждение, что ценой огромных жертв, принесенных в годы войны, Советский Союз решил судьбу человечества, а потому все другие государства обязаны относиться к нему с особым уважением. Любую критику Советского Союза эти люди воспринимали как оскорбление памяти погибших. В этом они оказывались заодно с правительством, как бы критически они не относились к властям в других вопросах»¹³².

Героическое восприятие войны стало достоянием общественных умонастроений несколько позднее, сразу же после войны эйфория победы быстро сменилась осознанием величины утрат. Война осталась в памяти народа как величайшее бедствие. Под влиянием опыта пережитого в общественном сознании стал постепенно трансформироваться образ «жизни—

сказки», которая должна была наступить после войны. Желания людей становились все более непритязательными, а мечты военных лет о том, что после войны «всего будет много» и наступит счастливая жизнь, начали приземляться, девальвироваться. Набор благ, составляющий для большинства современников «предел мечтаний» оскудел настолько, что стабильная зарплата, дающая возможность прокормить себя и семью, постоянное жилье (пусть даже комната в коммунальной квартире) уже считались подарком судьбы, настоящим счастьем.

Психологическую подоплеку подобной трансформации представлений о счастье описал еще З.Фрейд: «...под давлением угрожающих людям страданий, их требования счастья становятся более умеренными; так же, как и сам принцип наслаждения трансформируется под влиянием внешнего мира в более скромный принцип реальности, так и человек, когда ему удается избежать несчастья, превозмочь страдания, когда вообще задача уклонения от страдания оттесняет на второй план задачу получения наслаждения»¹³³. Восприятие счастья как отсутствие *не-счастья* формировало у людей, переживших бедствия военного времени, особое отношение к жизни и ее проблемам. Отсюда слова—заклинание — «только бы не было войны» — и «прощение» властям всех непопулярных решений, если они оправдывались стремлением избежать нового военного столкновения.

Это настроение народа активно использовалось властью и работавшей на власть пропагандой: из недавних союзников формировался образ врага, агрессивные намерения которого, якобы, мешают осуществить социальные программы и оказать в полной мере помощь пострадавшему от войны народу. Миф о враждебном окружении дополнялся мифом о наличии «пятой колонны» внутри страны: тогда негативная энергия переключалась на «врагов» внутренних. Иллюзия совместного противостояния внешним и внутренним врагам работала на идею единства народа и власти. Эта иллюзия, даже несмотря на наличие массовых критических настроений, не позволила этим настроениям перерасти в открытый конфликт между народом и властью.

Вместе с тем подобную позицию властей нельзя все же считать исключительно пропагандистским трюком или примером ловкой манипуляции общественными умонастроениями. Психология враждебного окружения была частью советской ментальности, характерной чертой мышления не только народа, но и вождей. Обстановка холодной войны, изменившая международный климат и опрокинувшая надежды на мирное сотрудничество между военными союзниками, активно «работала» на закрепление этой психологии. Гонка вооружений была не блефом, но реальностью, с которой приходилось считаться и соответствующим образом корректировать планы послевоенного восстановления. Не следует забывать и о последствиях психологического шока, который испытал Сталин в момент нападения Германии на СССР: он не мог допустить снова оказаться «не готовым» в случае нового военного конфликта (даже если допустить, что возможность такого конфликта существовала только в его воображении). Это

объясняет, почему советское руководство в своих послевоенных планах уделяло большое значение развитию оборонной промышленности. Советская экономика и после войны была в значительной степени милитаризована. По данным Н.Симонова, занимающегося историей военно-промышленного комплекса СССР, в 1950 г. удельный вес расходов советских военных организаций (по министерствам вооруженных сил, госбезопасности и внутренних дел) в национальном доходе страны составил 14,2%. С учетом бюджетных дотаций министерствам авиационной, оборонной и судостроительной промышленности, а также затрат на создание и развитие атомного проекта получается, что военные расходы отнимали до четверти национального дохода страны¹³⁴. После войны многие военные производства переключились на выпуск мирной, гражданской продукции. В течение 1946–1950 гг. темпы роста военно-промышленной продукции упали не только относительно периода войны, но и довоенного 1940 года¹³⁵. Однако этого оказалось недостаточным, чтобы удовлетворить даже текущие, совсем непротивительные потребности населения, тем более, что в планах советского руководства уже на 1953–1955 гг. предусматривалось новое существенное увеличение расходов на развитие оборонного комплекса¹³⁶.

Включившись в работу международных организаций по обеспечению мира, советское руководство тем не менее было далеко от пацифистской идеологии и скорее использовало влияние этих организаций для укрепления своего международного авторитета, чем заботилось о действительном запрещении атомного оружия, а тем более о всеобщем разоружении. Однако, пропагандистская кампания в защиту мира, развернутая в СССР, не только вводила в заблуждение мировое сообщество, но и дезориентировала собственных граждан. Они, как показала практика, к проблеме мира относились более чем серьезно. И в этом отношении сказывалось не только и даже не столько влияние идеологии, сколько опыт много пережившего и сильно пострадавшего от войны народа.

Пришлось идеологическим инстанциям, прежде всего отделу пропаганды ЦК ВКП(б), вводить кампанию борьбы за мир в строго очерченные идеологические берега. Что же беспокоило партийных идеологов? В сентябре 1952 г. отдел пропаганды ЦК направил секретарю ЦК М.А.Суслову записку, в которой говорилось: «За последнее время в ряде центральных газет и журналов, и особенно в местных газетах допускаются серьезные недостатки и ошибки в освещении вопросов борьбы за мир. Всесторонняя и глубокая пропаганда борьбы за мир (...) нередко подменяется в печати публикацией поверхностных материалов, изобилующих пацифистскими рассуждениями»¹³⁷.

Газеты и журналы слишком много места уделяли изображению белого голубя — символа мира, что, по мнению Агитпропа, не отражало «активного характера кампании за мир». Что требовалось от органов массовой информации? Писать об агрессивных планах империализма, клеймить американских и английских империалистов как «поджигателей войны», призывать советских людей к бдительности. А вместо этого — Голубь ми-

ра. За распространение «пацифистских настроений» досталось не только вполне серьезным изданиям, таким, как газеты «Труд» и «Известия». Под огонь критики попал тогда даже детский журнал «Дружные ребята» — за то, что опубликовал на своих страницах стихотворение Вероники Тушновой «Голубь мира». Безобидное, доброе стихотворение было названо «порочным в своей основе» за излишний, как показалось цензору, сентиментализм¹³⁸.

Не обошли вниманием и редакцию журнала «Крокодил», которая «дошла в этом деле до того, что в номере, посвященном Дню Советской Армии поместила на обложке *безоружного бойца Советской Армии с белым голубком в руках*». Голубь вместо оружия — это действительно могло быть расценено только однозначно — как «потеря бдительности».

Через Агитпроп всем редакторам было дано указание соответствующим образом пересмотреть практику публикации материалов о мире и больше внимания уделять «повышению бдительности в связи с угрозой войны»¹³⁹. «Угроза войны» всегда была сильным козырем в руках советской пропаганды, позволяющим манипулировать общественным мнением, и в случае проявления общественного недовольства всегда главную ответственность списать на «происки империализма». Отдать такой козырь Сталин, конечно, не мог. Иначе пришлось бы отвечать за «временные трудности», за послевоенный террор в стране, за голод 1946–1947 гг., за ущемление прав собственных и иностранных граждан и за многое другое, что уже нельзя было бы списать на «угрозу войны».

Несмотря на предупреждения Агитпропа, публикация «идеологически невыдержанных» материалов продолжалась. Если центральные издания еще удавалось держать под контролем, то местная печать позволяла себе время от времени некоторые вольности. Например, республиканская газета «Марийская правда» 1 января 1953 г. опубликовала рассказ «Вахта мира». Газетный материал, в котором речь шла о трактористах, привлек внимание цензоров следующим пассажем: «...Вася всю дорогу думал о том, как хорошо было бы на лобовом стекле машины изобразить белого голубя — символ мира» или сделать железных голубей к тракторам («в строгом ряду стояли тракторы, готовые к работе, с большими, сверкающими на радиаторах голубями...»)¹⁴⁰. Понятно, что рассказ был раскритикован за то, что «воспитывает читателя в пацифистском духе»¹⁴¹.

Критиковали местную печать и за то, что она в своих материалах на тему мира допускает курьезные публикации, как это сделала, например, калининская областная газета «Пролетарская правда». В одном из октябрьских номеров 1951 г., посвященном сбору подписей под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами, газета поместила интервью со сторожем фермы, который поделился такими воспоминаниями: «Две войны отвоевал я — германскую и гражданскую. С заморскими войсками встречался. Не знаю, что это за нация такая на советскую республику тогда напала: у солдат той нации морда круглая, а глаза маленькие»¹⁴². В записке отдела пропаганды и агитации

ЦК ВКП(б) эта публикация была приведена как пример «безответственного отношения к освещению вопросов борьбы за мир», поскольку в ней «советские люди выглядят безграмотными»¹⁴³.

Другой характерной особенностью кампании в защиту мира было то, что параллельно ей развивалась противоположно направленная идеологическая кампания, призванная оградить советских граждан от западного влияния. Если совместная борьба за мир предполагала расширение международных контактов, то борьба против западного влияния, напротив, требовала их свертывания. Поэтому в международных организациях и на международных форумах Советский Союз представлял узкий круг доверенных лиц, советским же гражданам оставалось бороться за мир исключительно «на своей территории». Любые контакты с Западом не только не поощрялись, но и могли стоить человеку карьеры, а иногда повлечь за собой и более серьезные последствия.

Сокращались даже контролируемые каналы международных контактов. Так, в мае 1950 г. ЦК ВЛКСМ выступил с инициативой о резком уменьшении объема переписки советской молодежи с зарубежными сверстниками, которая осуществлялась через Антифашистский Комитет советской молодежи. Эта переписка возникла во время войны, и поток писем, проходящий через комитет год от года возрастал: в 1947 г. поступило 3 190 писем из-за рубежа, в 1949 — 5 811, а за четыре месяца 1950 г. — 17 000 писем¹⁴⁴. Большая часть этих писем приходила из стран Восточной Европы (так называемых стран народной демократии). Вся полученная корреспонденция в Антифашистском комитете регистрировалась, проходила цензуру, переводилась на русский язык и направлялась в комсомольские организации, которые распределяли ее между комсомольцами. Ответы поступали снова в Антифашистский комитет, где снова цензурировались и переводились на соответствующий язык. Такая переписка растягивалась на несколько месяцев и, естественно, теряла свою актуальность.

Часть зарубежных писем вообще не находила адресата, задержанная по соображениям цензуры. К числу задержанных относилась корреспонденция, авторы которой, по мнению цензоров комитета, «всячески пропагандируют условия жизни в своих странах и проявляют весьма ограниченный интерес к жизни, труду, учебе советской молодежи, (...) ставят в письмах провокационные вопросы, клеветают на Советский Союз, проявляют интерес к вопросам, выходящим за рамки бескорыстной переписки»¹⁴⁵.

Было задержано письмо одного английского студента, который писал о низком уровне жизни в Советском Союзе по сравнению с Англией. Не дошло до адресата письмо американца, который говорил о существовании в СССР «отвратительного полицейского режима». Такая же судьба ждала послание английского студента, интересовавшегося у своего потенциального корреспондента успехами советской науки в области механики волн и термодинамики. К числу «идеологически вредных» было отнесено письмо молодого итальянца, который писал: «Я, как и все итальянцы, христианин, верю в Бога и хожу в церковь. Я верю в Бога потому, что до сих пор,

как мне кажется, он всегда охранял меня». Далее этот итальянец коснулся вопроса о положении женщины в Италии и России: «В Италии женщины имеют те же самые права, что и мужчины. Но здесь (в Италии) женщины несколько в ином духе. Наши женщины более женственны, утонченны, милы. Они выполняют только ту работу, занимаются только теми видами спорта, изучают только те предметы, которые, как я думаю, более свойственны женщинам. Так, например, я никогда не видел женщину—столяра, каменщика или женщину, играющую в футбол или занимающуюся другими мужскими делами. Понимаешь ли ты меня?»¹⁴⁶

Советские юноши и девушки после того, как в стране прошли кампании по борьбе с влиянием Запада и космополитизмом, далеко не всегда охотно шли на такую переписку, опасаясь, что подобные контакты, даже санкционированные, могут повредить их профессиональной карьере. В качестве аргумента против переписки они выдвигали то обстоятельство, что о ней им придется указывать в анкетах и личных делах¹⁴⁷.

Однако другая часть молодежи довольно охотно поддерживала подобные контакты. В этой связи ЦК комсомола был озабочен тем обстоятельством, что после первого обмена письмами, корреспонденты связывались друг с другом, уже минуя Антифашистский комитет, и контроль за перепиской таким образом утрачивался. Секретарь ЦК ВЛКСМ предлагал перекрыть этот неконтролируемый канал, в этом его поддерживала Внешнеполитическая комиссия ЦК ВКП(б). Комиссия пришла к выводу, что «пропагандистская эффективность индивидуальной переписки советской молодежи с границей незначительна по сравнению с возможностями пропаганды условий жизни, труда и учебы советской молодежи через печать, радио, обмен делегациями, кино, литературу и другие формы работы»¹⁴⁸. Добавим: те формы пропагандистской работы, которые были подконтрольны идеологическим инстанциям.

Вопрос о переписке советской и зарубежной молодежи рассматривался на заседании Секретариата ЦК ВКП(б). Секретариат в своем решении признал «неправильной установившуюся практику бесконтрольной индивидуальной переписки» и обязал ЦК ВЛКСМ принять необходимые меры к ее прекращению¹⁴⁹. Отныне индивидуальная переписка разрешалась только «наиболее политически подготовленным работникам комсомольских органов СССР»¹⁵⁰.

Партийные идеологи не случайно столь старательно опекали молодежь. Именно молодежная среда всегда бывает особенно восприимчивой к разным формам вольномыслия.

5. Молодежь и молодежная фронда

Молодежная фронда — явление, знакомое любому обществу. Обостренное стремление к самовыражению, свойственное молодым людям, и отсутствие сколько-нибудь значимого социального опыта, часто толкает молодежь к эпатажу, нарочитой демонстрации своей непохожести на окружаю-

щий «взрослый» мир, а отсюда и его неприятию. Молодежная субкультура легко узнаваема по внешним признакам, неким «опознавательным знакам» — одежде, музыке, особенностям поведения ее носителей. Каждое новое молодое поколение в чем-то непохоже на предыдущее, что дает основание старшим сокрушаться по поводу того, что «молодежь пошла не та», что она исповедует иные ценности, молится иным «богам», а порой и просто отвергает все, что было дорого и составляло смысл жизни «отцов».

Послевоенная советская молодежь во многих отношениях представляет собой особенный социальный феномен. Рубеж войны символически обозначил смену поколений. В лице 17-летних 1945 г. мы имеем самое, пожалуй, уникальное поколение, уникальное в смысле потенциала реализации своих планов. Поколение, в отличие от предшественников, не знающее страха 37-го года и в этом смысле свободное от круговой поруки прошлого. И еще не испытавшее разочарования от краха надежд, как это случилось с его преемниками. Поколение, берущее отсчет своей родословной от «чистых» и, несмотря ни на что, нравственно высоких военных лет. Оно не прошло фронт, хотя генетически и идейно было связано с фронтовиками как следующее звено в эстафете поколений. Четыре военных года отделяли 17-летних 1941 г. от их сверстников 45-го. Это была та самая война, которая в одночасье «состарила» предвоенное поколение: ушедшие на фронт мальчишками возвращались домой умудренными, многое повидавшими и многое осознавшими людьми. Критический запал поколения победителей в силу целого ряда причин остался до конца нереализованным. Но он питал мысли и поступки послевоенной молодежи. У нее, по сравнению с предшественниками, было больше иллюзий, меньше поводов для разочарований, а значит, и больше надежд. И еще немаловажный момент: в глазах тогдашних молодых — тех, кто умел и хотел думать — существующая система не имела ореола «святости», а вместе с тем и презумпции своей единственности разумности. У этого поколения, чье детство пришлось на тяжелые военные годы, по сравнению со сверстниками, выросшими в мирное время, был какой-то особый запас внутренней самостоятельности. И была потребность эту самостоятельность реализовать.

Поэтому первые ростки политического инакомыслия проросли на той почве, где этого правящий режим менее всего мог ожидать — среди молодого поколения, которого, казалось бы, вообще не должны были коснуться «черные тайны» жизни. Александр Солженицын уже об этом писал: «По той самой асфальтовой ленте, по которой ночью сновали «воронки», днем шагает молодое племя, со знаменами и цветами и поет неомраченные песни»¹⁵¹.

«Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!», — с этими словами они входили в жизнь, а далее школа, производство, вуз — все учреждения и институты работали только на закрепление усвоенного с раннего детства чувства благодарности — к Сталину, к партии. То, что не все, конечно, но единицы «молодого племени» вместо пения «неомраченных песен» вдруг оказались в «черных воронках», может показаться нонсенсом,

недоразумением, абсолютным исключением из общего правила. Однако отсутствие массовости явления еще не означает отсутствия самого явления. Во всяком случае, сам феномен сопротивления сталинизму в молодежной среде стоит того, чтобы присмотреться к нему пристальнее. Как и в целом к феномену молодежной фронды, в которой политический спектр был лишь одним из составляющих, причем не самым распространенным.

О том, что к молодежи после войны потребуется особый подход, власти и люди, причастные к идеологическим сферам, начали осознавать еще до того, как война закончилась. Вопрос этот обсуждался на пленуме ЦК ВЛКСМ в январе 1945 г. «...Мы сейчас имеем дело с аудиторией молодой, которая не похожа на нашу довоенную аудиторию», — говорил, например, А.Сурков (в то время главный редактор «Литературной газеты») и далее подробно описал, что же представляла собой эта «другая молодежь»:

«Мы сейчас имеем миллионы молодежи, побывавшей от года до трех лет в немецкой оккупации. Это своеобразная молодежь. (...) Среди этой молодежи у кого из-за духовной нестойкости, у кого из-за идейной бедности какая-то тлетворная капля фашистского яда проникла, и эти капли нужно выживать. Мы будем иметь дело сразу после окончания войны с миллионами молодых людей, которые вырвались из Германии, пробывши там три и больше года на этой, так называемой, фашистской каторге. Это будет молодежь не та, с которой мы имели дело до войны. К этой молодежи потребуется иной подход.

Мы после войны будем иметь несколько миллионов молодых защитников родины, которые вернуться с передового края войны домой и после трех-четырёхлетнего пребывания в неестественных для мирного времени условиях фронта будут опять вступать с строй мирной жизни. Это тоже наложит свой отпечаток и потребует своих особенностей в организации среди молодежи политико-воспитательной работы.

Наконец, сейчас мы имеем несколько миллионов юношей и девушек, которые подростками ушли на производство, которые в связи с военным временем прервали процесс нормального культурного развития. (...) Эти Иваны Ивановичи, которым всего только по 16 лет, а уж он действительно Иван Иванович — они также требуют, да и сейчас требуют, особого подхода к себе»¹⁵².

Действительно, советская пропаганда еще никогда не имела дела с таким большим количеством молодых людей, увидевших жизнь за пределами страны, и располагавшими собственным знанием о западном образе жизни. Не случайно тема борьбы с влиянием Запада становится одной из самых популярных в идеологических кампаниях послевоенных лет. Привыкшие работать без видимых оппонентов, советские идеологические работники опасались не выдержать конкуренции в соревновании с западными средствами массовой информации. Конечно, нигде официально эти опасения не выражались, но, спрятанные за риторическими фразами, они постоянно заявляли о себе. Об опасности влияния буржуазной идеологии на советскую молодежь на упоминавшемся пленуме ЦК ВЛКСМ говорил сек-

ретарь Московского областного и городского комитетов комсомола Н.Красавченко: «...Теперь, когда наша военная и экономическая сила хорошо известна буржуазным странам, они, естественно, усиливают попытки идеологического проникновения в нашу среду, попытки идеологического влияния, в частности, на молодежь. Расширение международных отношений не сужает, а расширяет эти возможности. Заграничные фильмы, всякие журналы вроде “Британского союзника”, различные устные разглашательства иностранцев — все это доходит до молодежи и оказывает на нее влияние»¹⁵³.

Зачисленная в «группу риска», молодежь после войны привлекала к себе повышенное внимание различных идеологических и подчиненных им инстанций — от партийных и комсомольских органов до школьной администрации. В 1946 г. среди выпускников школ г. Челябинска было проведено анкетирование с целью выяснения интересов, жизненных планов, симпатий вчерашних школьников (всего было опрошено 163 человека)¹⁵⁴. Если судить по результатам этого опроса, набор ценностных установок оказался довольно стандартным: молодые люди в большинстве своем отдали предпочтение «должному». Половина юношей и девушек проводили свой досуг за чтением, $\frac{1}{3}$ — занимались спортом, лишь малая часть отметила интерес к музыке, живописи. Любимые писатели — А.М.Горький и Л.Н.Толстой (их назвали $\frac{1}{3}$ опрошенных), далее по рейтингу — А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, М.А.Шолохов, В.В.Маяковский, А.А.Фадеев, Н.А.Островский. Никто не назвал М.М.Зощенко, А.А.Ахматову, С.А.Есенина и других «упаднических» или опальных авторов, не говоря уже о зарубежных писателях. В ответах на вопрос о любимом литературном герое тоже в общем не было неожиданностей: 15% опрошенных назвали Павла Корчагина, после него — Андрея Болконского, Татьяну Ларину, Павла Власова, Наташу Ростову. Правда, некоторые школьники отдали предпочтение героям, которые с точки зрения советской педагогики никак не могли служить примером для подражания, а следовательно, и быть причисленными к категории «любимых героев» (Платон Каратаев, Остап Бендер, Нехлюдов, Печорин).

Педагогов беспокоило другое — «внеплановые» интересы школьников. А среди последних — повышенное, как казалось воспитателям, внимание их подопечных к «личной теме» или, как это было принято тогда называть, вопросам «любви и дружбы». Считалось, что подобный интерес может завести молодежь в сторону от идеалов социализма — в «мир мещанских иллюзий»¹⁵⁵. Но коль этот мир стал запретным, он столь же закономерно стал еще более привлекательным, как был привлекателен всегда — своей неофициальностью, непохожестью на стандартную школьную жизнь, где каждый был прежде всего членом коллектива — и все. Молодежь, как известно, не приемлет штампов, а тем более навязываемых форм жизни. И они создавали свои.

В женской средней школе Челябинска ученицы старших классов создали неофициальный кружок, который назвали «Итальянская республика». В

кружке обсуждали то, о чем не принято было говорить в школе, в основном личные проблемы — те, которые всегда волнуют 15–16-летних девушек. На вопрос о том, что привлекало их в кружок, одна из участниц ответила: «Политикой мы не занимаемся, ею мы не увлекаемся. Газеты читаем редко (...). Мы с удовольствием играли в республику. Это было так увлекательно, что не хотелось уходить из школы»¹⁵⁶. Это была игра, но на языке взрослых подобные «игры» назывались «попыткой создания организации».

Возникновение такого рода «организаций» было расценено как свидетельство неблагополучия в официальных молодежных объединениях, прежде всего в комсомоле. После войны наблюдалось сокращение роста рядов ВЛКСМ в учебных заведениях: в том же Челябинске среди учащихся вузов и техникумов в 1940 году большинство (65%) были комсомольцами, в 1946 г. — только 42%. С одной стороны, сокращение числа комсомольцев в вузах объяснялось последствиями войны (ограничение приема в комсомол во время войны, более зрелый послевоенный состав учащихся). Но было и другое: в ряде учебных заведений комсомольцы первых курсов сами отказывались вставать на комсомольский учет, мотивируя свой отказ тем, что в комсомольской организации «жизнь скучная и неинтересная»¹⁵⁷. В течение трех первых послевоенных лет сокращался прием в комсомол в целом по стране: в 1945 г. в ряды ВЛКСМ вступили 2 435 тыс. юношей и девушек, в 1946 г. — 1 901 тыс., в 1947 г. — 1 724 тыс. человек¹⁵⁸.

Известной нестабильностью отличалось и поведение армейской молодежи, самой, по сути, дисциплинированной группы молодых. После демобилизации армия на 2/3 состояла из молодежи комсомольского возраста (данные сентября 1946 г.). Как отмечалось в письме Главного политического управления, направленном секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Жданову, в армии росло число нарушений, допущенных комсомольцами: с 1945 по 1946 год увеличилось количество членов ВЛКСМ, осужденных военными трибуналами¹⁵⁹.

Особое беспокойство властей вызывали настроения и поведение армейской молодежи, служащей за границей. Комиссии, выезжающие с инспекторскими проверками в Германию, Австрию и другие страны, где находились советские оккупационные войска, приходили к выводу, что «отдельные бойцы... плохо представляют задачи, которые стоят перед войсками Красной Армии, находящимися за рубежом, не понимают политики нашей партии и правительства»¹⁶⁰. Некоторые молодые бойцы высказывались в том духе, что, раз война закончилась, им за границей «больше делать нечего» и пора возвращаться домой. «В нашей стране не хватает рабочих рук, а мы за границей ничего не делаем, — говорил в кругу своих товарищей молодой танкист, служащий в Венгрии. — Учиться ведь мы смогли бы и в своей стране. Наверное, мы находимся в Венгрии потому, что у нас в тылу нечем прокормить столько войск»¹⁶¹.

Много в армии было разговоров о том, как организована жизнь «у нас» и «у них». Писали об этом и в письмах к родным. «Сколько еще лет нам

нужно, чтобы достичь западноевропейского уровня?» — спрашивал в своем письме красноармеец Пономарев и сам же отвечал: «Пожалуй, 1000 лет мало будет. В Бадене есть три кинотеатра и один драматический театр. В кино идут преимущественно австрийские фильмы, в основной массе замечательные фильмы, наши против них кажутся серыми и бесцветными»¹⁶².

Иногда подобные сравнения переключались на проблемы политические. «Вот в Чехословакии, например, там полная демократия, страной управляют четыре партии, а не одна, как у нас», — делился своими наблюдениями один красноармеец. А другой делал более широкие обобщения: «У нас нет той демократии, о которой пишут. Выдвижение кандидатур в депутаты Верховного Совета неправильное. Это не есть выдвижение от масс, ибо кого нам выдвинут, за того мы и голосуем. Много говорят о свободе слова, но настоящей свободы нет. Попробуй сказать что-либо — тебя сразу заберут. А ведь в Англии настоящая свобода — критикуй кого угодно»¹⁶³.

Жизнь за границей, несмотря на разруху все-таки более сытная и обеспеченная, чем на родине, таила в себе массу соблазнов. Армейские политорганы относили эти соблазны тоже на счет «буржуазного влияния». А в армии тем временем распространялись барахольство, пьянство и кутежи, иногда прямой разбой и воровство. «Пьем все подряд, хотя и ругают нас за это, но мы все равно пьем, пока есть водка. Вчера весь мой взвод и вся батарея была пьяна, некого было ставить в наряд», — писал своему товарищу один молодой офицер¹⁶⁴. В Германии была задержана группа молодых военнослужащих, в том числе и комсомольцев, которая занималась грабежом и похитила из полевой конторы Госбанка 1 миллион марок. Аналогичная преступная группа действовала, например, в Болгарии и грабила местное население¹⁶⁵. За «аморальное поведение» только за три месяца 1946 г. (июль-август) партийные комиссии советских групп войск за границей исключили из комсомола 270 человек, что составило 39,5% к общему числу исключенных¹⁶⁶.

Преступность среди молодежи — эта проблема волновала не только армейское командование. В гораздо большей степени она была актуальна на «гражданке». Серьезной проблемой послевоенной жизни оставалась преступность среди несовершеннолетних. Так, по неполным данным в 1945 г. было привлечено к уголовной ответственности (в основном за кражи и хулиганство) в Молотовской области 740 подростков до 16 лет, в Ивановской области — 459, в Горьковской — 183, в Челябинской — 175¹⁶⁷. Среди старших дело обстояло еще серьезнее. Некоторые факты молодежного «криминала» рассматривались даже на уровне ЦК ВКП(б), например, якутский или горьковский случай.

Осенью 1945 г. в Якутске были отмечены неоднократные столкновения между группами учащейся молодежи, которые носили ярко выраженный националистический характер. В обоюдных драках участвовали представители якутской, русской и корейской молодежи. Обычно столкновения заканчивались избиениями с нанесением телесных повреждений. По делу о

беспорядках в Якутске прокуратурой республики было арестовано и привлечено к уголовной ответственности 22 человека¹⁶⁸.

В мае и июне 1949 г. Секретариат ЦК ВКП(б) разбирает дело о массовых драках между молодежью Куйбышевского района города Горького и курсантами Горьковского речного училища. Проверка, организованная по этому факту, пришла к выводу, что хулиганство среди молодежи превратилось для города в серьезную проблему. ЦК ВКП(б) обязал городские власти принять срочные меры для исправления создавшегося положения¹⁶⁹.

Фактами хулиганства и других преступных проявлений в среде молодежи занимались, главным образом, правоохранительные органы. В орбиту интереса идеологических инстанций попадали в первую очередь настроения молодого поколения. И здесь объектом внимания номер один выступало студенчество, которое воспринималось как главный возмутитель спокойствия. И в общем не без оснований.

В 1946 г. на первый курс высших учебных заведений страны было принято всего 205,2 тысячи человек (при плане 195 тыс.). Это был самый большой набор за все годы существования высшей школы¹⁷⁰. Конкурса в вузы практически не было, принимали всех, получивших на экзаменах удовлетворительные оценки. Новым явлением в жизни послевоенного студенчества было пополнение его за счет демобилизованных фронтовиков, всего в 1946 г. студентами стали 41 тыс. бывших фронтовиков¹⁷¹. Заметно изменилось соотношение между мужской и женской частью студенчества: если в 1945 г. на первый курс было принято 23% мужчин в целом по стране, то в 1946 г. — 39%. По некоторым вузам этот процент был еще выше. Так, в высшие учебные заведения, готовивших специалистов для транспорта и связи на первый курс в 1946 г. было принято 75% мужчин, в вузы промышленности и строительства — 63%¹⁷².

Благодаря присутствию фронтовиков студенческая среда заметно повзрослела, но не только в том смысле, что стала старше годами (хотя разница в четыре-пять лет в этом возрасте значительна) — в вузы пришли люди, прошедшие такую школу жизни, которую не довелось испытать их товарищам, только что закончившим школу. Жизненный авторитет фронтовиков был очень высок, но, знающие жизнь, они уступали вчерашним школьникам в знании наук. Поэтому влияние здесь было обоюдным: студенческая жизнь заставляла считаться со своими законами бытия.

«(...) В университете большинство фронтовиков быстро превратились в обыкновенных студентов, — вспоминает свои студенческие годы после фронта Анатолий Черняев. — Не помню, чтобы, например, у меня были порывы претендовать на особый ко мне подход. Наоборот, хотелось скорее отделаться от шинели и гимнастерки. (...) Ордена и планки редко кто на себя нацеплял, даже по праздникам»¹⁷³.

Другой особенностью послевоенной студенческой жизни, считает А. Черняев, было безразличие в студенческой среде к политической жизни: «Конечно, были “активисты”, искавшие постов любого значения и находившие себя в общественной работе. Но в “массе”, в особенности среди

тех, кто ко мне тянулся и с кем я хотел общаться, интереса к такой самодемонстрации не было»¹⁷⁴.

К сходным выводам пришел и Зденек Млынарж, с 1950 г. студент юридического факультета МГУ, и, будучи иностранцем, наблюдавший жизнь советского студенчества как бы со стороны. Среди его знакомых студентов тоже значительную долю составляли фронтовики. «Проблемы политические и идеологические их абсолютно не интересовали. Они жили другим, в совершенно иной системе ценностей и мышления», — вспоминает Млынарж¹⁷⁵. В своих мемуарах он описывает одну весьма показательную сцену, которая дает представление и о способах досуга, и об уровне политизированности тех людей, с которыми он общался.

«Происходившее в комнате общежития, где я жил с шестью бывшими фронтовиками, в политическом плане приобретало символический, ритуальный характер. На стене висел плакат, на котором был изображен Сталин, вычерчивающий на карте СССР где-то в степях Поволжья лесозащитные полосы как зримые контуры коммунистического будущего. Но когда на стол стазила водка, этот плакат поворачивался к стене. На обратной его стороне рукой любителя была нарисована фривольная картинка на мотивы дореволюционного Петрограда. Двери при этом запирались, но зато на несколько часов раскрепощались души, отбрасывалось лицемерие, и люди, несмотря на заплетающийся язык, начинали рассуждать действительно осмысленно»¹⁷⁶.

Советская жизнь — как две стороны той картинки — делилась на ту, что принято было демонстрировать публично и ту, что была для себя и близких людей. Что касается молодежи, то она далеко не всегда утруждала себя даже демонстрацией политической активности и лояльности. Комсомольские комитеты жаловались на нежелание некоторой части студенческой молодежи участвовать в общественной жизни, а ЦК ВЛКСМ принимал специальные меры по борьбе с аполитичностью в молодежной среде.

В качестве показательного объекта для критики ЦК ВЛКСМ избрал ленинградские вузы. При этом сам принцип отбора остается до конца неясным, поскольку аналогичные претензии высказывались время от времени и в адрес других вузов, правда тогда дело не доходило до обобщений. Возможно, в случае с ленинградским студенчеством сыграл свою роль и некий имидж не вполне идеологически благополучного города, который негласно закрепился за Ленинградом.

В город выезжала специальная комиссия ЦК ВЛКСМ, а в июне 1948 г. по результатам ее работы ЦК комсомола принял постановление «О недостатках в работе Ленинградской организации ВЛКСМ по идейно-политическому воспитанию студенческой молодежи». Под огонь критики тогда попали сразу несколько городских вузов: Ленинградский государственный университет, Институт физкультуры им. Лесгафта, Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина, Юридический институт и некоторые другие. «Криминал», как свидетельствует постановление, составили «факты проникновения в среду студенчества чуждых советской идеологии,

враждебных нашей морали настроений аполитичности и безыдейности, а также наличие элементов морального разложения отдельных студентов, в том числе некоторых комсомольцев и комсомольских активистов»¹⁷⁷.

К фактам «морального разложения» были отнесены карточные игры, пьянство в общежитиях, более свободные, чем это предусматривала советская мораль (т.е. не скрепленные брачными узами) отношения между студентками и студентами. С этих же позиций были осуждены девушки из Института физкультуры, которые позволили себе загорать на стадионе в обнаженном виде, а для большего эпатажа публики при этом заявляли, что «им нечего стесняться своего красивого тела»¹⁷⁸.

Аполитичность ленинградских студентов, с точки зрения комиссии, заключалась в недостаточно серьезном отношении к изучению основ марксизма-ленинизма и излишнем увлечении «профессионализмом». Одна студентка искусствоведческого факультета Института им. Репина заявила, что политико-экономические дисциплины вообще имеют для нее второстепенное значение, а главное — это искусство. Столь же неодобрительно отнеслась комиссия из Москвы к позиции студента того же института (кстати, сталинского стипендиата), который не желал заниматься общественной деятельностью, а все свое время посвящал исключительно работе в творческой мастерской. Как прямой результат аполитичного отношения была раскритикована работа студента Криворуцкого, который представил эскиз скульптуры Белинского в обнаженном виде («стремясь таким образом доказать духовную мощь в немощном теле»)¹⁷⁹. Не понравилась комиссии и работа студентки Селуяновой о жизни учащихся ремесленных училищ («эти ремесленники напоминают чеховского Ваньку, а не наших учеников»)¹⁸⁰.

Невнимание студентов к политическим дисциплинам не было исключительно ленинградским феноменом. Аналогичные жалобы комсомольских работников поступали в ЦК ВЛКСМ и из вузов других городов. Эти сигналы обобщались в отчетах, подготовленных отделами ЦК комсомола. «В 3-м Медицинском институте, — говорилось в одном из отчетов, — В Литературном институте и Институте им. Менделеева (г. Москва) некоторые студенты пренебрежительно относятся к лекциям на политические темы. В Литературном институте (...) на лекциях и семинарах основ марксизма-ленинизма студенты занимаются совершенно посторонними делами: пишут стихи, читают литературу и т.д.»¹⁸¹ Нелегко было привлечь студентов и к участию в общественной работе, а также различных внеучебных политических мероприятиях. Чтобы обеспечить «явку», комитетам комсомола приходилось идти на разные ухищрения. Так, в ленинградском Институте кораблестроения была задержана выдача стипендии — до окончания собрания, посвященного теме советского патриотизма. А в общежитии Института советской торговли г. Ленинграда по указанию председателя профкома перед началом общественных мероприятий для обеспечения присутствия на них студентов выключали свет в комнатах. Кроме того, студен-

там, проживающим в этом общежитии, не выдавали пальто в гардеробе, пока не закончится очередное мероприятие¹⁸².

Но самым главным «криминалом» в поведении студенчества считалась даже не аполитичность, а существование в среде студенчества «различных сомнительных группировок»¹⁸³. К такого рода группировкам, например, в Ленинграде были отнесены: «Искатели правды» и «Есенинцы» из госуниверситета и даже группа из Горного института, называвшая себя «Обществом лодырей». Ни одна из названных группировок не носила политического характера, а тем более не ставила перед собой каких-либо политических целей. Они в общем даже и не скрывались и напоминали скорее даже не группы, а неформальные студенческие сообщества (круг друзей).

«Искатели правды», студенты филологического факультета ЛГУ, занимались, например, тем, что собирались узким кругом для обсуждения различных жизненных и литературных проблем, в том числе и весьма острых. Говорили о том, что Ахматова была неправильно подвергнута критике, что советские писатели не могут в своих произведениях открыто высказывать свою точку зрения, так как «над литературой довлеет партия»¹⁸⁴.

К аналогичным выводам пришли и участники литературного кружка из Ростовского госуниверситета, называвшие себя «настоященцами». Они полагали, что советская литература во многом ущербна, поскольку концентрируется на положительном примере и в массе своей является невыразительной и бесцветной¹⁸⁵. Свой литературный кружок создали студенты Свердловского университета, Челябинского педагогического института. Обычно участники подобных кружков не только собирались для обсуждения разных, прежде всего литературных, проблем, но и выпускали свой рукописный альманах.

Это были своеобразные объединения молодежи по интересам, некоторые из них были вообще «беспредметны», т.е. представляли собой некий постоянный круг друзей, собирающихся для совместного проведения досуга. Как, например, студенты механико-математического факультета МГУ, объединившиеся в «Тесное содружество». Когда о существовании «содружества» стало известно комитету комсомола факультета, оно получило статус «тайной организации, занимавшейся антисоветской деятельностью»¹⁸⁶. Кроме того «организация» была квалифицирована как «националистическая», поскольку состояла из студентов-евреев: на пороге был 1949 г., и борьба с космополитизмом набирала свои обороты.

Один из членов «Тесного содружества» А.Х.Лившиц пытался объяснить, что же представляло собой в действительности это объединение. Он писал: «Я никогда не считал и не считаю “тесное содружество” организацией. Отличительной чертой всякой организации, составляющей ее содержание, является целенаправленная деятельность. Единственной задачей “тесного содружества” являлась задача сохранения дружбы по окончании университета. Таким образом, “тесное содружество” было не организацией, а компанией друзей (...). Эпитет “тайная” основывается на том, что на факультете не знали о существовании “организации”. И не могли знать, так как

«организации» не было»¹⁸⁷. Не подтвердились и все другие обвинения в «организованной антисоветской деятельности». Устава у «Тесного содружества» не было (хотя на комсомольском собрании, посвященном этому делу, говорилось о том, что «дух устава чувствовался», однако «дух» это еще не «устав»). «Членские взносы» членов «организации» при ближайшем рассмотрении оказались деньгами, собранными друзьями на подарки друг другу ко дню рождения и приобретение театральные билетов. Тем не менее практически все члены «содружества» были исключены из партии или из комсомола — «за попытку создать группу, противостоящую комсомольской организации, за распространение националистических настроений и слухов»¹⁸⁸.

Подобные факты всегда характеризовались как единичные, не свойственные советской молодежи в целом, однако их появление в послевоенные годы было весьма симптоматично. Они, в частности, свидетельствовали о том, что молодежь, которой была отведена роль опоры режима (послевоенная молодежь — первое поколение, воспитанное от начала до конца сталинской системой), становилась все менее управляемой. Это не значит — оппозиционной. Опросы в молодежной среде показывали: большинство молодых в качестве главного жизненного принципа отмечали желание принести наибольшую пользу родине, честно трудиться на благо отечества¹⁸⁹. В системе ценностей, которую с детства предстояло усвоить молодому поколению, Сталин, Партия, Родина составляли единое целое, неразделимую триаду. Но был опыт войны, который даже несмотря на все последующие усилия идеологии, все-таки отдал главный приоритет патриотическому чувству. И когда со временем «вирус сомнения» зародился в умах молодых, это чувство патриотизма как высшая ценность — если уж не подтолкнула кого-то в ряды борцов, то, во всяком случае, помешала стать циником.

Они начали с малого — с самостоятельного изучения школьных и вузовских программ, вне плана. Не удовлетворяли вузовские учебники — и они брались за изучение курса по монографиям. Не устраивала «рекомендованная» литература — и они обращались к писателям и поэтам, не то чтобы запрещенным, а тем, которых официальное советское литературоведение причисляло к категории «второсортных». В истоках этого стремления лежали отнюдь не политические мотивы. Молодые люди просто собирались в кругу близких товарищей для самостоятельного изучения литературы, философии, истории. Попытка уйти от школьных и вузовских штампов, навязанных оценок и дозволенных суждений перерастала из потребности в способность самостоятельно мыслить, не оглядываясь на привычные рамки «от и до». Естественный процесс познания переключался с вопросов литературы и философии на проблемы современной политики. Сначала все развивалось в легальных формах. Но пошли первые запреты — и заработала система конспирации.

В Челябинском педагогическом институте студенты выступили с инициативой организовать свой литературный альманах «Студент». Идея у ру-

ководства института не встретила понимания и альманах был запрещен. Тогда несколько студентов (О.Л.Плебейский, Г.Л.Сорокин, А.И.Левецкий, Б.Я.Брук) создали подпольный альманах, который назвали «Снежное вино»¹⁹⁰. Эстетическими принципами альманаха стали традиции русского символизма.

«...Для того, чтобы жить, человечество нуждается в опьянении вином романтики, в построении призрачного мира символов, — говорилось в одной из “программных” статей альманаха. — Может быть, вышеуказанное придется не по вкусу “трезвым” практикам—реалистам, усмехающимся при слове “мечта”. Что же! Пусть усмеваются и рюкуют в своей навозной куче, отыскивая в ней жемчужные зерна»¹⁹¹.

В альманахе было много подражательных стихов, но встречались и вполне оригинальные сочинения, в которых, по признанию цензоров, был виден незаурядный талант авторов¹⁹². Внимание следователей привлекли прежде всего стихи с политической подоплекой. Так, антисоветским было признано сочинение Германа Гриндина, который писал:

Укор тебе, железный век,
С неумолимостью жестокой!
Взгляни, как смотрит человек
Глазами горечи стоокой.
Старик, старик, старик седой!
Я твой бы образ в бронзу влил,
Тебя б с протянутой рукой
Как память веку бы поставил!¹⁹³

За «старика с протянутой рукой», в котором поэт увидел символ века, он был обвинен в распространении антисоветских настроений.

Альманах «Снежное вино» ходил по рукам среди студентов пединститута. Авторы специально оставляли в каждом выпуске несколько пустых страниц — для отзывов читателей. Интересно, что среди отзывов звучало немало голосов оппонентов¹⁹⁴. Вот некоторые из них: «К черту вашу романтику! (...) Вы думаете, что уйти от жизни в мечту очень смело. Это не смелость, а непонимание жизни»; «Вы очень красиво пишете о мечте и в то же время признаете, что это обман. Не походите ли Вы на страуса, который прячет голову от страха? Разница лишь в том, что страус думает, что он спрячется, а Вы и этого не думаете»; «Все авторы в альманахе выступают не как романтики в полном смысле этого слова, а как индивидуалисты со своим черствым эгоизмом. Они думали, что мир уже приготовлен для них, остается только пожирать плоды и плевать в потолок, не ведая того, что необходимо самому бороться за хорошую, красивую жизнь... А вы “грюстите”...»¹⁹⁵

Попытки возродить мотивы русского декадентства в то время не могли рассчитывать на сочувствие сколько-нибудь большой аудитории. Люди послевоенного мира еще жили надеждой, еще помнили вкус победы. Тем более трудно было ожидать, что это настроение авторов альманаха поддержит молодежь, которой вообще свойственно оптимистичное восприятие

жизни. Возможно, на общую тональность альманаха сильное воздействие оказали настроения одного из его самых талантливых авторов и инициаторов — Освальда Плебейского, вернувшегося в 1944 г. с фронта инвалидом (ему тогда было 18 лет). Таким как он, изувеченным войной и еще очень молодым людям, порой казалось, что жизнь стремительно проходит мимо, и им в этой новой жизни нет места:

Жизнь-то конь,
За ней с двумя ногами
Только успевайте поспевать.
Ну а я... безногий неудачник,
Мне за вами не успеть, друзья!¹⁹⁶

Однако вовсе не «упаднические настроения», в чем обвиняли авторов альманаха другие студенты, стали главной причиной повышенного внимания к ним со стороны госбезопасности. Поэтический сборник выдержал два выпуска и был подготовлен третий, пока деятельностью студентов не заинтересовались специальные органы. Началось следствие, в ходе которого поэтические опыты студентов получили уже весьма однозначную оценку. «Снежное вино» было квалифицировано как «нелегальное антисоветское общество», члены которого вели «контрреволюционную деятельность», замаскированную с помощью символических приемов¹⁹⁷. Верховный Суд РСФСР приговорил студентов к разным срокам заключения по печально знаменитой 58-ой статье Уголовного Кодекса РСФСР, предусматривающей наказание за «контрреволюционные преступления»: «антисоветскую агитацию», создание «антисоветской организации», «террор», «измена родине»¹⁹⁸.

Если говорить об общих тенденциях в развитии молодежных кружков и групп, то здесь со временем определились два направления. Первое продолжало традицию самообразования — в духе «катакомбной культуры». «Никаких политических задач мы перед собой не ставили, да и политических концепций у нас не было, — вспоминает участник одного из таких «самообразовательных» кружков, впоследствии известный скульптор Э.Неизвестный. — Я не был даже комсомольцем, а один из моих друзей был членом партии. Однако все мы понимали, что самообразовываться надо хорошо и что чтение, скажем Троцкого, или Святого Августина, или Орвелла, или Бердяева наказуемо. Поэтому и нужна была конспирация (...). Еще до Самиздата мы частично доставали, а частично копировали весь круг «веховцев» (...). Кроме того, мы слушали доклады по теософии, по генетике, по тем дисциплинам, которые считались запретными в Советском Союзе. Если бы нас власти спросили — занимаемся ли мы политической, мы вынуждены были бы ответить искренне, что нет (...)»¹⁹⁹.

Другие кружки и группы молодежи, особенно в течение 1948, 1949 гг., приобретали политическую направленность, в их деятельности усиливался политический акцент. Благодаря автобиографической повести А.Жигулина

«Черные камни» стала известна история Коммунистической партии молодежи (КПМ) — молодежной группы, созданной в 1947 г. в Воронеже. В Москве в конце 40-х — начале 50-х гг. действовали аналогичные кружки старшеклассников и студентов: «Армия революции» и Союз борьбы за дело революции (СБДР). Есть информация о работе молодежных кружков в Ленинграде, Челябинске, Свердловске, других городах России.

Что же представляли собой эти группы, которые в следственных материалах квалифицировались как «антисоветские» и даже «террористические»? Начнем с возраста «террористов». Как правило, это были школьники старших классов, студенты, учащиеся техникумов, т.е. в основном молодежь от 16 до 20 лет. Иногда, правда, встречались и моложе. В Челябинске, например, была арестована группа подростков — учащихся 7-го класса, которые занимались тем, что писали, размножали от руки (печатными буквами — только на такую «конспирацию» хватило детской фантазии) и расклеивали на домах листовки с призывами к свержению правительства²⁰⁰.

Обычно кружок или группа были очень немногочисленны — от 3 до 10 человек, редко больше. Исключение составляет воронежская КПМ, которая насчитывала более 50 членов²⁰¹. Уже из названий перечисленных групп ясно, что это были объединения, основанные на марксистской, коммунистической платформе, хотя далеко не каждая группа имела документы, которые с полным основанием можно было бы считать программными. Речь шла скорее об общей ориентации. Самостоятельное изучение работ Маркса, Энгельса, Ленина, теории социализма, с одной стороны, наблюдение за реальной жизнью — с другой, стали главным источником сомнения, побудительным мотивом к действию. «Да, мы были мальчишки 17-18 лет, — вспоминает А.Жигулин. — И были страшные годы — 1946-й, 1947-й. Люди пухли от голода и умирали не только в селах и деревнях, но и в городах, разбитых войною, таких, как Воронеж. Они ходили толпами — опухшие матери с опухшими от голода малыми детьми. Просили милостыню, как водится на великой Руси, Христа ради. Но дать им было нечего: сами голодали. Умиравших довольно быстро увозили. И все внешне было довольно прилично (...). Да, мы пережили тот страшный голод. И отвратительно было в это время читать газетные статьи о счастливой жизни советских людей (...). Вот от чего дрогнули наши сердца. Вот почему захотелось нам, чтобы все были сыты, одеты, чтобы не было лжи, чтобы радостные очерки в газетах совпали с действительностью»²⁰².

Пропаганда контрастировала с реальностью — и молодежь стала искать объяснения этих контрастов в теории. Тогда и возникла идея — «нас обманули!»: сталинский режим на деле означает вовсе не то, за что он себя выдает. Дальнейшие интерпретации этой позиции могли быть различными, но конкретная цель — борьба против режима — «оборотня» — была опять одна, как были общими позитивные принципы — верность социалистическому выбору, демократии, коммунистическим идеалами.

В программе московского Союза борьбы за дело революции существующая в стране ситуация определялась как ничего общего не имеющая с идеями коммунизма, диктатура Сталина — как бонапартистская, внутренняя политика была названа тиранией, внешняя — противостоянием двух империалистических систем. «Общенародная собственность как таковая в СССР отсутствует, — говорилось в программе СБДР, — а есть государственный капитализм, при котором государство в лице правящей верхушки выступает как коллективный эксплуататор»²⁰³. Антисталинскую направленность имела программа Коммунистической партии молодежи (Воронеж), в которой осуждалась практика «обожевления» вождя (понятие «культ личности» появится много позднее)²⁰⁴. Участники аналогичной группы в Челябинске приняли воззвание «Манифест идейной коммунистической молодежи», в котором говорилось о перерождении коммунистической партии в партию буржуазного типа, о бюрократическом перерождении советского правительства, его неспособности руководить страной, об отсутствии демократии в СССР²⁰⁵.

По-разному формулировали молодежные группы свои конечные цели. Для КПМ это было «построение коммунистического общества во всем мире»²⁰⁶. Челябинцы объединились для «борьбы против существующего советского строя». Но это не значит, что они исповедовали насилие, террор как способ достижения поставленной задачи. Напротив, как правило, методы террора отрицались участниками групп в принципе, как безнравственные, в первую очередь, и политически неэффективные. Поэтому их главным методом стал метод разъяснения и убеждения. Члены молодежных групп мечтали о том времени, когда по мере развития движения и по мере «прозрения» людей за ними будет большинство²⁰⁷.

«Мы не ставили целью союза насильственное свержение сталинского строя, — рассказывала одна из участниц СБДР С.Печуро, — а считали первой задачей разъяснение как можно большему количеству людей, что их жестоко обманули, что “это” — хорошо обставленная контрреволюция»²⁰⁸.

Обвинение в предательстве тогда, после войны было, пожалуй, самым страшным. Поэтому идея «предательства интересов революции» и связанное с ней стремление «восстановить справедливость» — это не только конструктивный принцип, позволяющий рассматривать деятельность разрозненных и малочисленных групп как определенное явление, но и своего рода эмоциональный символ, выдвигающий на первый план чувство, а не разум. Могло ли быть иначе — у семнадцатилетних? В тех первых порывах к справедливости, освобождению от окружающей лжи вообще много романтического. Конспиративные встречи, псевдонимы, тайные проверки для вновь принятых членов организаций — наверное, можно было бы все это назвать еще полуйгрой. Если бы не то обстоятельство, что мера наказания была более чем «настоящей», чудовищно несовместимой со степенью содеянного.

Участники московского Союза борьбы за дело революции (СБДР) были приговорены: к высшей мере наказания (расстрелу) 3 человека, к 25 и 10

годам лишения свободы — соответственно 10 и 3 человека. Среди членов Марксистской рабочей партии (Ленинград) были осуждены к высшей мере наказания (3 человека), 25 годам лишения свободы (7 человек), 10 годам лишения свободы (2 человека) и три человека получили по одному году лишения свободы за «недоносительство». Аналогичные приговоры были вынесены в отношении других участников и членов молодежных групп.

Подобные акции власти старались не афишировать. Поэтому для большинства непосвященных судьба участников антисталинских молодежных групп оставалась неизвестной, так же, как и само существование этих групп. Этого нельзя сказать о других представителях нон-конформистского движения в среде советской молодежи, которые были на самом виду. Более того — их сознательно выставляли на публичное обозрение и столь же публичное осуждение. Сделать это было не трудно, поскольку те куда не прятались и даже демонстративно бросались в глаза. Речь идет о стилягах.

Стиляга. Это понятие вошло в общественный лексикон в конце 40-х годов²⁰⁹. Совсем недавно закончилась война. Общество, вышедшее из этой войны, перестроилось на марше, но по-прежнему продолжало жить на «казарменном положении» — с унифицированными правилами, привычками и даже вкусами. И тут обнаружилось, что казарменный режим устраивает далеко не всех, и в этом, казалось бы, монолитном обществе есть люди, которые хотят жить по-своему, иметь свой *стиль жизни* и свое собственное *пространство для самовыражения*. Они не покушались на основы основ, даже позволяли себе быть абсолютно аполитичными (один из принципов «стиля»). «Стиль» нашел свое выражение в молодежной моде и музыкальных пристрастиях.

Комплект «стильной» одежды для молодого человека конца 40-х — начала 50-х годов состоял из нескольких необходимых атрибутов: пиджака с широкими плечами, яркого галстука с экзотическим рисунком («пожар в джунглях»), брюк, зауженных к низу, ботинок с приваренным каучуком («на манной каше»), широкополой шляпы. Все это практически невозможно было купить, надо было «достать» или изготовить самостоятельно (ботинки на толстой подошве были, как правило, исключительно плодом такой самодеятельности). Волосы законами «стиля» предписывалось носить длиннее, чем это было принято у обычных граждан — с набриолиненным «коком» на макушке.

В музыке стиляги поклонялись джазу, на официальном советском языке еще с подачи М. Горького именуемом не иначе как «музыкой толстых». После разгромных постановлений ЦК ВКП(б) о музыке и начатой борьбы с «низкопоклонством» джаз в СССР был запрещен. Но записи джазовых исполнителей все равно ходили по рукам — сначала в виде трофейных грампластинок, позднее в форме «скелетной коллекции», т.е. изготовленных полуплегальным способом записей музыки на рентгеновских снимках (отсюда выражения «джаз на ребрах» или «джаз на костях»).

Одной из главных сфер демонстрации «стиля» были танцевальные вечера, где так же, как и везде в Советском Союзе, действовал режим регламентации. «Это была странная смесь концлагеря с первым балом Наташи Ростовской», — вспоминает свои впечатления от школьных вечеров “законченный стилига”, ставший впоследствии известным джазменом Алексей Козлов. — Танцы, утвержденные районным отделом народного образования — РОНО, были из прошлого века: падекатр, падепатинер, падеграс, краковьяк, мазурка, полонез, полька, вальс. Фокстрот и танго были не то чтобы запрещены, но не рекомендованы. Их разрешали иногда заводить один раз за вечер. И то не всегда... При этом смотрели. Чтобы никаких там попыток танцевать фокстрот “стилем” не было. Как только кто-нибудь из учеников делал что-то не так, в радиорубку срочно подавался знак, пластинку снимали и дальше уже ничего, кроме бальных танцев, не ставили»²¹⁰. Однако, несмотря на все строгости, всегда находилась пара-другая, которая выходила на середину и начинала танцевать «стилем» (или, как говорили сами стилиги, «бацать стилем»). Подобные показательные выступления далеко не всегда сходили с рук: стилиг «прорабатывали» на комсомольских собраниях, а иногда просто исключали из комсомола и из учебных заведений.

Почему непохожий на советский стандарт стиль одежды и особенности поведения некоторых молодых людей вызывали столь неадекватную, на первый взгляд, реакцию официальных организаций? Какую опасность могли представлять стилиги для власти? Очень точно ответил на этот вопрос Виктор Славкин: «Власть сразу и безошибочно уловила угрозу. И увидела она ее в том, что *новизна, которую предлагали стилиги, была не на уровне идей, а на уровне быта*. Стилиги первыми бросили вызов суконному прокисшему сталинскому быту, этому незатейливому сталинскому стилю, для которого само-то слово “стиль” неприменимо. Но в этом бесцветном жиденьком вареве повседневной жизни и заключался один из секретов прочности нашего государства. *Населением в униформе легче руководить, чем людьми в разноцветных пиджаках*» (выделено мной. — Е.З.)²¹¹.

Стилиги не стремились внедриться в устоявшийся порядок вещей и тем более перестроить его, они создавали свой мир, существующий как бы отдельно, закрытый для посторонних и живущий своей собственной жизнью. Они собирались в *своем кругу*, слушали *свою музыку*, разговаривали на *своем языке*. В Москве у них даже было *свое место* — так называемый Бродвей, или просто Брод, участок улицы Горького (ныне Тверской) от Пушкинской площади до Охотного ряда. Прогуляться по Броду — таков был один из главных способов досуга столичных стилиг: форма демонстрации своей принадлежности к особому кругу, место, где поддерживались старые и завязывались новые контакты, шел обмен информацией²¹².

Не каждый мог позволить себе стать стилигой. Для того, чтобы одеваться «стильно», нужны были средства, и немалые. Молодому человеку из средней рабочей семьи такой уровень жизни был просто недоступен. По иронии судьбы стилигами часто становились дети тех, кто по долгу службы

должен был заботиться о воспитании молодежи в соответствии с канонами советской идеологии и морали — дети партийных и советских чиновников. Поэтому в тот начальный период ряды стилияг в значительной степени пополнялись за счет представителей «золотой молодежи». Только в середине 50-х годов состав участников этого течения, как представляется, становится более демократичным²¹³.

Известная элитарность стилияжничества облегчала властям проведение кампании по дискредитации всего нон-конформистского течения в молодежной среде: то, что недоступно большинству, легко представить как *не-наше*, а *не-наше* — значит чуждое, враждебное. Так стилияги попадали в ряды отщепенцев и антиобщественных элементов, становились героями карикатур и фельетонов.

Первый фельетон о стилиягах Д.Беляева вышел с подзаголовком: «типы, уходящие в прошлое». На самом деле появление стилияг и вообще людей, бросающих вызов унифицированному быту, означало новое для советской действительности явление. Стилияги стали носителями молодежной субкультуры, какими впоследствии станут хиппи, а позднее панки. И в этом смысле Россия вполне будет вписываться в развитие мировых социокультурных процессов, хотя в отличие от западного мира эти процессы в нашей стране так и не выйдут до конца из «подполья» вплоть до конца 80-х годов. И не только по вине властей. Общество, воспитанное на лозунге «кто не с нами — тот против нас», тоже слишком медленно расставалось с привычкой к единообразию.

В движении за свой «стиль» в послевоенные годы была еще одна важная составляющая. Назовем ее условно западной, а еще точнее американской ориентацией. Среди стилияг выделились «штатники», т.е. люди, стремящиеся одеваться по американской моде и слушать главным образом американский джаз. С джазом все более или менее понятно, но что касается «американского» стиля в одежде, то с этим было сложнее. И дело здесь не только в принципиальном отсутствии единой «американской», «итальянской», «французской» и какой угодно другой «национальной» моды. Молодые люди, стремящиеся подражать американскому образу жизни, не только никогда не видели Америки, они просто не могли даже представить себе жизнь в этой стране более или менее адекватно: после прекращения выпуска в Советском Союзе журнала «Америка» и ограничения хождения иностранной литературы вообще единственным источником информации о жизни на Западе становились советские масс-медиа. В стране набирала обороты антиамериканская пропаганда, цель которой заключалась в создании как можно более непривлекательного образа США в советском массовом сознании.

Отчасти это удалось. Но одновременно в обществе, и прежде всего в среде молодежи, возникла обратная реакция. Антиреклама американского образа жизни (как это и следовало ожидать) породила интерес к объекту столь пристальной критики. Повинуясь инстинкту противоречия, молодые люди объявили «своим» то, что официальная пропаганда отторгала как

безусловно «чужое». И они придумали «свою» Америку и «своих» американцев, и подражали уже этому выдуманному образу и выдуманному миру. Только в 1957 г. повзрослевшие стилиаги на Московском фестивале молодежи могли впервые увидеть «живых» американцев — других, не похожих не только на героев советских карикатур времен разгара холодной войны, но и на носителей воображаемого «американского» стиля. Пройдет еще несколько лет, пока советские руководители и идеологи перестанут воспринимать западный, главным образом американский, образ жизни как абсолютное зло. И где-то в начале 70-х Василий Аксенов произнесет одну знаменательную фразу: «Двадцать лет им понадобилось, чтобы понять, что кока-кола — это просто лимонад, и ничего больше»²¹⁴.

6. «Надо что-то делать»: ожидания интеллигенции и идеи-одиночки

В массовых политических настроениях первых послевоенных лет отразился широкий спектр общественных чувств, эмоций и ожиданий. Одни принимали ситуацию такой, как она есть, другие — принять не могли и критиковали всех — от конкретных личностей до системы в целом. Но и тех и других объединяло одно — отсутствие конструктивных идей, превращающих ожидания и надежды в программу конкретных действий. Функция генератора идей традиционно отдавалась верховной власти, которая, как многим казалось, после войны должна выступить с программой преобразования страны. Однако не все разделяли позицию «маленького человека», участь которого — ждать команды сверху. Находились люди, готовые шагнуть власти навстречу и поделиться своими идеями, размышлениями, планами. Это только спустя несколько лет стало очевидным, что Сталин вовсе не собирается менять свою политическую стратегию, а сразу после окончания войны интеллектуальная часть общества еще жила иллюзией либерализации. И иногда даже находила подтверждения своим ожиданиям.

В 1946 году закончила работу комиссия по подготовке проекта новой Конституции СССР. В проекте, выдержанном в общем и целом в рамках довоенной политической доктрины, вместе с тем содержался ряд прогрессивных положений — особенно в плане развития прав и свобод личности, демократических начал в общественной жизни. Признавая государственную собственность господствующей формой собственности в СССР, проект Конституции допускал существование мелкого частного хозяйства крестьян и кустарей, «основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда»²¹⁵. В предложениях и откликах на проект Конституции (он был разослан специальным порядком в республики и наркоматы) звучали идеи о необходимости децентрализации экономической жизни, предоставлении больших хозяйственных прав на места и непосредственно наркоматам. Поступали предложения о ликвидации специальных судов военного времени (прежде всего, так называемых «линейных судов» на

транспорте), а также военных трибуналов²¹⁶. И хотя подобные предложения были отнесены редакционной комиссией к категории нецелесообразных (причина: излишняя детализация проекта), их выдвижение можно считать вполне симптоматичным.

Аналогичные по направленности идеи высказывались и в ходе обсуждения проекта Программы ВКП(б), работа над которым завершилась в 1947 году. Эти идеи концентрировались в предложениях по расширению внутрипартийной демократии, освобождению партии от функций хозяйственного управления, разработке принципов ротации кадров и др. Поскольку ни проект Конституции СССР, ни проект Программы ВКП(б) не были опубликованы и обсуждение их велось в относительно узком кругу ответственных работников, появление именно в этой среде достаточно либеральных по тому времени идей свидетельствует о новых настроениях части советских руководителей.

Правда, во многом это были действительно новые люди, пришедшие на свои посты перед войной, во время войны или год-два спустя после победы. Условия военного времени диктовали особую кадровую политику — со ставкой на людей смелых, инициативных и, главное, высокопрофессиональных. Их знания, опыт, способность к риску создавали благоприятную почву для развития и вполне радикальных настроений. И если подобные настроения еще недостаточно фиксируют официальные документы, то материалы частного характера (переписка, разговоры) могут раскрыть немало интересного и необычного.

О чем думали, чем делились между собой люди, волею судьбы ближе других своих соотечественников стоявшие к власти? Что тревожило их мысли — особенно тогда, в первый послевоенный год?

28 декабря 1946 года оперативной техникой министерства госбезопасности был «подслушан» разговор двух генералов — В.Гордова и Ф.Рыбальченко — на квартире одного из них. Перед нами — не просто диалог. Перед нами — смертный приговор. Цена откровения.

Рыбальченко: Вот жизнь настала — ложись и умирай! Не дай бог еще неурожай будет. *Гордов:* А откуда урожай — нужно же посеять для этого. *Рыбальченко:* Озимый хлеб пропал, конечно. Вот Сталин ехал поездом, неужели он в окно не смотрел? Как все жизнью недовольны, прямо все в открытую говорят, в поездах, везде прямо говорят. *Гордов:* Эх! Сейчас все построено на взятках, подхалимстве (...) *Рыбальченко:* Да, все построено на взятках. А посмотрите, что делается кругом, — голод невероятный, все недовольны. «Что газеты — это сплошной обман» — вот так все говорят... Нет самого необходимого. Буквально нищими стали (...) Я вот удивляюсь, неужели Сталин не видит, как люди живут? *Гордов:* Он все видит, все знает. *Рыбальченко:* Или он так запутался, что не знает, как выпутаться?! *Гордов:* За что браться, Филипп? Ну что делать?.. *Рыбальченко:* (...) Надо, по моему, начинать с писанины, бомбардировать хозяина. *Гордов:* Что с писанины — не пропустят же (...) *Рыбальченко:* (...) Нет, мне все-таки кажется, что долго такого положения не просуществует, какой-то порядок будет (...)

Эта политика к чему-нибудь приведет. В колхозах подбирают хлеб под метелку. Ничего не оставляют, даже посевного материала. *Гордов*: Почему интересно, русские катятся по такой плоскости? *Рыбальченко*: Потому что мы развернули такую политику, что никто не хочет работать. Надо прямо сказать, что все колхозники ненавидят Сталина и ждут его конца. *Гордов*: Где же правда? *Рыбальченко*: Думают, Сталин кончится — и колхозы кончатся (...) *Гордов*: Но народ молчит, боится. *Рыбальченко*: И никаких перспектив, полная изоляция. *Гордов*: Никак мы не можем осуществить лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (...) Все пошло насмарку. *Рыбальченко*: Да, не вышло ничего. *Гордов*: Вышло бы, если все это своевременно сделать. Нам нужно было иметь настоящую демократию. *Рыбальченко*: Именно, чистую, настоящую демократию, чтобы постепенно все это сделать. А то все разрушается, все смешалось — земля, лошади, люди (...)»²¹⁷

Суд состоялся только в августе 1950-го. По обвинению в измене Родине, и антисоветской деятельности генералы В.Гордов и Ф.Рыбальченко были расстреляны. Виновными они себя не признали.

Осознание критичности положения, в котором пребывает страна, потребность в действии, направленном на изменение этого положения, сомнения в способности правительства, в том числе и самого Сталина, осуществить необходимые перемены — все это приводило умы в состояние беспокойства, проверяя прежние убеждения на прочность, веру — на истинность. «После победы началось отрезвление, — вспоминает свои ощущения этих лет историк А.Я.Гуревич. — Фашизм был повержен, но в стране происходили такие вещи, которые не вмещались в голову. Постепенно и мне стал делаться очевиден колоссальный разрыв между словами и делами, между действительной природой системы и ее официальной “упаковкой”. Поэтому когда я слышу от людей, которые в те годы были взрослыми, о том, что им “раскрыли глаза” только разоблачения сталинских преступлений на XX съезде КПСС, я пожимаю плечами. Либо эти люди лгут другим и самим себе, либо ими была выбрана позиция страуса, — выход вполне объяснимый в тех условиях, но едва делающий честь их памяти, уму и способности суждения. Иллюзии могли сохраняться у части общества, но тот, кто не хотел быть слепым, не мог не видеть еще и до 1956 года, что наше общество идет “не туда”. В те годы казалось именно так: произошло отклонение от правильного пути»²¹⁸.

Что касается позиции властей относительно возможных перемен, то на основе доступных в настоящее время для исследования документов нет оснований полагать, что в ближайшем окружении Сталина существовали серьезные разногласия по принципиальным вопросам формирования общей политической стратегии. Наверху тогда шла довольно жесткая борьба, но ее содержание определял главным образом фактор личного соперничества, но не политические разногласия. Поэтому любые радикальные, и даже просто либеральные идеи не только не встречали у властей понимания, но и вызывали активное противодействие. А такого рода идеи существовали. Примечательно, что наиболее конструктивные новые идеи, появив-

шиеся в первые послевоенные годы, касались проблем перестройки экономической политики. Центральный Комитет ВКП(б) получил не одно письмо с интересными, подчас новаторскими мыслями на этот счет.

Среди них есть один документ 1946 года — рукопись «Послевоенная отечественная экономика», принадлежащая С.Д.Александру (беспартийному, работавшему бухгалтером на одном из предприятий Московской области). Суть его предложений сводилась к следующему: 1) преобразование государственных предприятий в акционерные или паевые товарищества, в которых держателями акций выступают сами рабочие и служащие, а управляет полномочный выборный совет акционеров; 2) децентрализация снабжения предприятий сырьем и материалами; 3) отмена системы государственных заготовок сельскохозяйственной продукции, предоставление колхозам и совхозам права свободной продажи на рынке; 4) реформа денежной системы с учетом золотого паритета; 5) ликвидация государственной торговли и передача ее функций торговым кооперативам и паевым товариществам²¹⁹.

Идеи С.Д.Александра могли бы найти единомышленников. «Рукописи о послевоенном развитии хозяйства СССР продолжают поступать в наши журналы и исследовательские институты, — констатировалось в одном из докладов, прочитанных в Институте марксизма-ленинизма в феврале 1946 г. — В рукописях делаются предложения ввести конкуренцию между нашими предприятиями, создать акционерные общества в нашей стране, незамедлительно отменить систему госпоставок, развивать частную торговлю, где был бы священным принцип свободных цен, и т.п.»²²⁰ Эти идеи можно рассматривать в качестве основ новой экономической модели, построенной на принципах рынка и частичного разгосударствления экономики, весьма смелой и прогрессивной для того времени. Правда, им так и не суждено было быть реализованными: признанные «вредными», они были просто списаны в «архив».

Подобная участь была уготована всем новым идеям и предложениям — какой бы сферы жизни они ни касались — если эти идеи покушались на главные постулаты сталинской доктрины: государственную собственность, централизованный контроль, недопущение усиления влияния частного интереса и т.д. В октябре 1948 г. председатель Совета колхозов А.А.Андреев получил анонимное письмо, подписанное от имени «группы руководителей колхозов Кировской области». В письме анализировалось бедственное положение, в котором оказалась российская деревня в послевоенные годы, а в заключение предлагалось принять срочные меры по выводу сельского хозяйства из кризиса... Здесь же была предложена конкретная программа действий, которая содержала шесть позиций: «1) Уменьшить хлебопоставки, гарнцевый сбор и натуроплату за работу МТС для северных районов СССР. 2) Повысить уровень жизни колхозников. Оставить колхознику потребное количество хлеба. Заинтересовать производителя хлеба и не оставлять его голодным. 3) Меньше продавать хлеба за границу. Кормить досыта свой народ. Наш народ золотой, терпеливый, он многое перенес, надо

лучше о нем заботиться. 4) Уменьшить налоговое бремя с народа за счет сокращения дорогостоящего административно-управленческого аппарата, что даст дополнительные миллиарды средств государству. За счет сокращения аппарата укрепить низовые советские органы и колхозы полноценными кадрами, сняв с них опеку в виде ненужных уполномоченных. 5) Объявить призыв рабочих в деревню для укрепления колхозов. 6) Укрепить демократизм в стране на деле, а не на словах. Периодически отчитываться перед народом, знать его нужды (...)»²²¹

Эти предложения не выглядят столь радикальными, как идеи по перестройке самой экономической модели, и даже в известном смысле отдают дань прошлому, о чем свидетельствует например, обращение к практике конца 20-х гг. (направление в колхозы рабочих—«25-тысячников»). Но и они представлялись достаточно «крамольными»: не случайно реальная политика в деревне, как показал последующий опыт строилась на прямо противоположных принципах. Что касается перспектив реализации прогрессивных идей, то в данном случае многое зависело от степени их конфронтации с господствующей экономической и идеологической доктриной. Шанс был, но лишь у тех, кто придерживался теории «малых шагов», постепенных изменений. Свобода маневра и здесь была очень ограниченной, но это еще не значит, что она отсутствовала совсем.

Война открыла дверь законам здравого смысла, действие которых стимулировало принятие практических решений. Например, как это было сделано в отношении биологической науки. Как известно, после поражения сторонников академика Н.И.Вавилова и утверждения позиций академика Т.Д.Лысенко в стране было фактически приостановлено развитие генетических исследований. Положение начало меняться лишь к концу войны. Как свидетельствуют архивные изыскания историка В.Д.Есакова²²², именно в этот период положение Лысенко становится все более неустойчивым. «Дело было не только в том, что его брат перешел на сторону оккупантов и после войны остался на Западе, — пишет В.Д.Есаков, — и даже не в том, что к руководству Академией Наук СССР пришел С.И.Вавилов — брат Н.И.Вавилова. Важнейшее значение имело упрочение международного сотрудничества, как закономерное продолжение военного и политического взаимодействия великих держав в рамках антигитлеровской коалиции»²²³. Используя эти объективные обстоятельства, один из последователей Вавилова — академик А.Р.Жебрак, пытался сразу после войны восстановить утраченные позиции генетики. Вероятно, его усилия встретили понимание у руководителей партии, потому что Жебрак был назначен заведующим отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Что же касается Лысенко, то само пребывание его в президиуме Академии Наук в связи с приближением новых выборов находилось под вопросом: внутри президиума АН по отношению к Лысенко сложилась влиятельная оппозиция. Поэтому начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александров вынужден был специально обратиться к В.М.Молотову и Г.М.Маленкову с просьбой дать необходимые указания членам

президиума АН и провести серьезную работу с академиками, чтобы кандидатура Лысенко на выборах получила нужное большинство голосов²²⁴.

Лысенко был избран на новый срок, но его власть в биологической науке потеряла свой абсолют: президиум АН в 1946 году вошел в правительство с предложением об организации нового Института генетики и цитологии (наряду с существовавшим лысенковским Институтом генетики), а в ходе выборов в состав Академии Наук (ноябрь-декабрь 1946 г.) членом-корреспондентом АН СССР был избран сторонник Вавилова Н.П.Дубинин. Постепенно начинало меняться общее настроение ученых-генетиков: в ЦК ВКП(б) и редакции специальных журналов шли статьи и письма с критикой Лысенко и его программы. Информировав ЦК о настроениях научной общественности, заведующий отделом науки ЦК С.Г.Суворов в докладной записке на имя А.А.Жданова писал: «Многие биологи заявляют, что они фактически лишены возможности обсуждать важные вопросы биологии и защищать теоретические позиции в науке, против которых выступает в печати Лысенко, что создалась монополия одного направления в биологии. Ученые отмечают, что в силу этого создается видимость официального одобрения теоретических взглядов т. Лысенко в области биологии (...). Полагаю, что обсуждение спорных биологических вопросов в специальной печати было бы полезно для развития науки»²²⁵.

Активизация интеллектуальных сил в послевоенный период была заметна не только в науке. Идея диалога, широкого обсуждения насущных проблем — не только специальных, но и более широких — владела умами. Та часть интеллектуалов, которая еще не разуверилась в способности власти осуществить долгожданные перемены и в то же время не принадлежала к числу «прикормленных» режимом, готова была считать себя мобилизованной. Но мобилизованной по-особому. Отношения между властью и этой частью интеллигенции не строились по принципу «большой сделки» («Big Deal» — по терминологии В.Данхэм)²²⁶. Суть этих отношений заключалась в ином, и ее выразил поэт, фронтовик Д.Самойлов: «Мы считали поэзию делом гражданским. Гражданственность по нашему убеждению, состояла в служении политическим задачам, в целесообразность которых мы верили. (...) Но считали, что принимая на себя гражданскую миссию, вправе рассчитывать на откровенность власти (...). Нам нужно было разъяснение смысла и целесообразности ее решений. Мы решительно не хотели быть бездумными исполнителями, эдакими “чего изволите”. Готовы были стать посредниками между властью и народом. Извечная мечта российских идеалистов»²²⁷. Свою позицию, или даже способ общения Д.Самойлов и его единомышленники определяли как «откровенный марксизм», а свои отношения с властью видели как откровенный диалог. «Я хочу писать для умных секретарей обкомов», — делился в кругу друзей поэт Б.Слущкий²²⁸. Готовность к служению (но не прислуживанию) была характерной чертой послевоенного поколения интеллектуалов и одной из причин последующих разочарований и прозрений. «Поколение в целом неверно оценило возможность борьбы за права человека в рамках сложившегося государст-

ва, — напишет об этом Д.Самойлов. — Воспитанное в обстановке своеволия власти, оно считало, что слишком многое зависит от персоналий, от мыслительного уровня и доброй воли людей, стоящих у власти. Многим рисовались в мечтах “умные” секретари обкомов и честные руководители ведомств, готовые прислушаться к голосу общественной критики»²²⁹. Однако осознание собственных заблуждений придет несколько позднее, сразу после окончания войны еще многие находились в плену иллюзий.

«Как я помню, и в конце войны, и сразу после нее, и в сорок шестом году, — вспоминал писатель К.Симонов, — довольно широким кругам интеллигенции (...) казалось, что должно произойти нечто,двигающее нас в сторону либерализации — (...) послабления, большей простоты и легкости общения с интеллигенцией — хотя бы тех стран, вместе с которыми мы воевали против общего противника (...). В общем, существовала атмосфера некой идеологически радужности (...)»²³⁰

Так думали тогда многие, даже самые осторожные. В ноябре 1945 г. главный редактор журнала “Октябрь” Ф.И.Панферов направил в ЦК ВКП(б) записку, в которой изложил свои взгляды на будущие принципы работы журнала и литературной политики вообще. Эти взгляды были оформлены как «Положение о журнале “Октябрь”». «Товарищ Сталин не раз в беседах говорил нам: “Литература — дело тонкое”, “не администрируйте писателя”, “относитесь к писателю бережно”, “поймите, что писатель иногда видит дальше нас, политиков” (...). Вот это и должно лечь в основу стиля работы журнала “Октябрь”, — говорилось в Положении о журнале. — (...) В нашей действительности бывают, если можно так назвать, и “ошибки” что-ль. Они идут не от злого умысла (...). Разве кто хотел, чтобы фашисты вступили на нашу землю и дошли до Сталинграда? Объяснение некоторых, что это было “планомерно”, что это просто “изматывание врага” — наивно. И если писатель будет писать про Отечественную войну и отбросит отступление Красной армии, начав только с победоносного наступления, он не сможет показать всей героики нашей страны. Нам не нужна литература сладенькая, “утешительная”: мы страна большой, красивой правды и привыкли всему прямо смотреть в глаза. (...) На страницах журнала “Октябрь” следует организовать трибуну “Писатель и критика”, где начать обсуждение всех острых литературных вопросов, дав возможность писателям и критикам высказываться во весь голос и не лупить писателя или критика в хвост и гриву, если он даже выскажет и ошибочное. Писателю и поэту надо помогать в его творчестве, но не навязывать ему своих суждений. Писателю и поэту надо предоставить большую самостоятельность и пусть он сам отвечает за свое произведение перед партией и народом»²³¹.

Впоследствии эти идеи нашли свое отражение в статье Панферова «О черепках и черепашках», опубликованной в пятой книжке журнала «Октябрь» за 1946 г. Статья вызвала тогда критику со стороны Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Его руководитель Г.Ф.Александров в докладной записке, адресованной секретарям ЦК Г.М.Маленкову и

А.А.Жданову, отмечал, что «...основное место в статье занимают вредные и ошибочные рассуждения», а сама она «является ничем иным, как скрытой попыткой подвергнуть критике партийное руководство художественной литературой»²³². Однако несмотря на критику, а также ответную, явно заказную, разгромную статью в «Правде», идеи редактора «Октября» находили отклик и понимание среди коллег.

В 1946 г. в журнале «Знамя» появилась повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда». Бывший сапер, полковой инженер, демобилизованный из армии по ранению, поведал читателям о «своей войне». Книга тогда поразила фронтовиков, — вспоминает Георгий Бакланов: «Чем, собственно, она поражала? Да тем, что все в ней — правда, все так, как было. Мы узнавали в ней (...) самих себя, какими мы тогда были и какими в мирной, окружавшей нас жизни быть уже нельзя. К этому “нельзя” мы трудно привыкали, жизнь заставляла привыкать»²³³. В этом же году увидела свет повесть Веры Пановой «Спутники», тоже о войне «как она есть» — без выдуманной героики, без ложного пафоса, о войне как о «трудной работе». Эти книги стали первыми, намекающими на рождение новой послевоенной литературы. И на годы последними: другим прорваться так и не удалось. И хотя эти книги Пановой и Некрасова получили одобрение самого Сталина, не они определяли лицо литературы первых послевоенных лет. Литературным символом времени стал скорее «Кавалер Золотой Звезды» (герой одноименного романа С.Бабаевского) — носитель нового мифа о минувшей войне, в котором не было места «окопной правде».

Размышляли о своих проблемах писатели, пытаясь разрешить вечный вопрос о правде жизни и правде искусства (позднее эти мысли найдут выход в литературной дискуссии 1948 года). Искали новые тенденции в духовной жизни послевоенных лет кинематографисты. «В 20-х и 30-х годах мы создавали много картин о советских людях, — говорил на совещании в ЦК в апреле 1946 года известный советский кинорежиссер И.А.Пырьев. — Содержание этих людей, их внутренний мир для нас был понятен (...), а сейчас, делая картины или смотря картины своих товарищей, думается, что наши люди 1945—1946 годов во многом старше по своему душевному миру, чем люди 30-х годов. Получается, (...) что мы где-то потеряли дух нового советского человека, мы все еще находимся в 30-х годах»²³⁴.

Мысль о духовном взрослении человека, прошедшего через опыт войны, заслуживает особого внимания, поскольку в ней — ключ к разгадке многих послевоенных проблем. Та жажда перемен, которая охватила страну после победы, питалась вполне естественным импульсом: общество, выросшее из прежних «одежд», требовало новых форм организации своей жизни. Отсюда — стремление к раскрепощению — мысли, духа, действий. Пока еще очень робкое, но кто знает, как могло пойти дело дальше, если бы те первые импульсы не были тогда погашены.

Диалога интеллигенции с властью не получилось.

Сразу после окончания войны верховная власть так и не выступила с программой, которая могла бы служить подтверждением послевоенных

ожиданий народа. Несмотря на это, люди продолжали надеяться на лучшее. Ожидательно-выжидательная установка стала господствующей в общественной атмосфере первых послевоенных лет. Потенциал возможных перемен складывался на том этапе скорее из предчувствий и набора не слишком притязательных требований, нежели из готовых к реализации идей. Эти идеи имели хождение в послевоенном обществе, но они не получили массового социального носителя. Что же касается массовых критических настроений, то они, как правило, отражали недовольство лишь отдельными сторонами практической жизни людей и не успели оформиться в программные требования.

Общим для массовых настроений и идей-одиночек была их зависимость от поведения властей: верховная власть, и прежде всего сам Сталин рассматривались как главные инициаторы ожидаемых перемен. Сталин же не собирался отступать, по крайней мере в принципиальных вопросах, от своей довоенной политической доктрины. Если со стороны верховной власти и могли быть допущены какие-либо трансформации прежнего курса, то все в тех же рамках старой системы политических, идеологических и экономических координат. Используя кредит доверия народа и ситуацию приоритетности восстановительных задач, власти откладывали принятие решений, способных заложить основы будущей модернизации. Вместо курса на обновление общества народу было предложено объяснение типа «временных трудностей», которые оправдывались то сложностью восстановления страны после колоссальных разрушений, то происками «враждебного окружения». Ход удался: настроения людей, несмотря на наличие недовольства, более тяготели к согласию «еще потерпеть», т.е. к осознанному пониманию реальных сложностей послевоенной обстановки. Так произошло совпадение интересов: нежелание кардинальных перемен со стороны власти и готовность народа с этими переменами «повременить».

Общественный консенсус был достигнут. Но он не мог быть долговременным, поскольку сама идея «временных трудностей» предполагала исчерпание этих трудностей. Рано или поздно должен был приблизиться критический момент, связанный с исчерпанием объективной обусловленности периода выжидания. Как показало дальнейшее развитие ситуации, Сталин не стал дожидаться, когда общество подойдет к этой критической черте: энергия недовольства была переключена на поиски очередных врагов — внешних и внутренних.

Примечания

1. Подробнее об этом см.: *Fletcher W.* The Russian Orthodox Church Underground. 1917–1970. Oxford, 1971; *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995; *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь и советское государство в 1943–1964 гг.: от «перемирия» к новой войне. СПб., 1995; *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1999 и др.

2. Речь представителя Советского правительства — Председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме Союза ССР Г.Г.Карпова на Поместном Соборе // Правда. 1945. 5 февраля.
3. Там же.
4. Обращение Поместного Собора Русской православной церкви к правительству Союза ССР // Там же.
5. Докладная записка о работе Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР за 1948 г. и первый квартал 1949 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 111. Л. 46.
6. Справка Совета по делам Русской православной церкви «О православных монастырях в СССР». Январь 1951 г. // Там же. Д. 497. Л. 19.
7. Шкаровский М.В. Русская православная церковь и советское государство в 1943–1964 гг.: от «перемирия» к новой войне. СПб., 1995. С. 26–27.
8. Пришвин М. Из дневника 1945 года // Образ. 1995. № 2. С. 35.
9. Информация Совета по делам Русской православной церкви «О состоянии русской православной церкви». Август 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 66
10. Там же. Л. 67.
11. Доклад Совета по делам Русской православной церкви о своей деятельности за 1946 год. 1947 г. // Там же. Д. 407. Л. 3.
12. Из информационных отчетов уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви за второй квартал 1946 г. // ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.
13. Там же.
14. Там же. Л. 5.
15. Там же. Л. 3.
16. Там же.
17. Там же. Л. 4.
18. Информация Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б) «Об отношении некоторых членов партии к представителям религиозных культов». 14 февраля 1945 г. // РГАСПИ. Оп. 122. Д. 122. Л. 13.
19. Информационная сводка сектора информации Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 22 января 1946 г. // Там же. Оп. 88. Д. 693. Л. 2.
20. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «Об усилении деятельности представителей религиозных культов». 2 августа 1946 г. // Там же. Оп. 122. Д. 188. Л. 4.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же. Л. 5.
24. Доклад Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР о своей деятельности за 1946 год. Л. 12–13.
25. Информация Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) «Об отношении некоторых членов партии к представителям религиозных культов». Л. 13.
26. Там же. Л. 12.
27. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «Об усилении деятельности представителей религиозных культов». Л. 5.
28. Информационная сводка Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 14 июля 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 649. Л. 140.
29. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «Об усилении деятельности представителей религиозных культов». Л. 6.
30. Информация Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) «Об отношении некоторых членов партии к представителям религиозных культов». Л. 13.
31. Информация о высказываниях населения в связи с опубликованием материалов о Поместном Соборе Русской православной церкви. 10 февраля 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 122. Л. 9.
32. Там же. Л. 10.

33. Информация Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) «Об отношении некоторых членов партии к представителям религиозных культов». Л. 12.
34. Информация Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) «О некоторых откликах по поводу Поместного собора Русской православной церкви». 9 марта 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 122. Л. 17.
35. Там же.
36. Информация о высказываниях населения в связи с опубликованием материалов о Поместном Соборе Русской православной церкви. Л. 9.
37. Доклад Совета по делам Русской православной церкви о своей деятельности за 1946 год. Л. 10.
38. Информация о высказываниях населения в связи с опубликованием материалов о Поместном Соборе Русской православной церкви. Л. 9.
39. Там же. См. также: Информация Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) «О некоторых откликах по поводу Поместного собора Русской православной церкви». Л. 17.
40. Информация о высказываниях населения в связи с опубликованием материалов о Поместном Соборе Русской православной церкви. Л. 10–11.
41. Информация Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) «О некоторых откликах по поводу Поместного Собора Русской православной церкви». Л. 17.
42. Информация о высказываниях населения в связи с опубликованием материалов о Поместном Соборе Русской православной церкви». Л. 10.
43. Докладная записка о работе Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР за 1948 г. и первый квартал 1949 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 11. Л. 46.
44. Справка Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР «О православных монастырях в СССР». Январь 1950 г. // Там же. Д. 497. Л. 19.
45. Докладная записка Г.Г.Карпова И.В.Сталину. 8 сентября 1950 г. // ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 602. Л. 20.
46. Докладная записка Совета по делам Русской православной церкви в Совет Министров СССР о праздновании Пасхи. 11 мая 1948 г. // Там же. Д. 289. Л. 166.
47. Там же. Л. 167.
48. Докладная записка Совета по делам Русской православной церкви Совету Министров СССР о праздновании дней Рождества и Крещения. 4 февраля 1949 г. // Там же. Д. 451. Л. 80.
49. Там же. Л. 82.
50. Там же. Л. 81.
51. Там же.
52. *Шкаровский М.В.* Указ. соч. С. 43.
53. Объяснительная записка Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Саратовской области Полубабкина. 22 февраля 1949 г. // ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 451. Л. 173–175.
54. Докладная записка Г.Г.Карпова К.Е.Ворошилову. 21 марта 1949 г. // Там же. Л. 302.
55. Там же. Л. 303.
56. Сводка донесений местных органов НКВД об антисоветских и хулиганских проявлениях в период подготовки к выборам в Верховный Совет Союза ССР за декабрь 1945 — январь 1946 г. 27 января 1946 г. // Неизвестная Россия. XX век. Ч. IV. М., 1993. С. 468–475.
57. Там же. С. 468–471.
58. Сводка вопросов, задаваемых в связи с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР. 12 ноября 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 650. Л. 264.; Информационная сводка Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 3 декабря 1945 г. // Там же. Д. 651. Л. 61 и другие материалы.
59. Там же.

60. Информационная сводка Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 7 января 1946 г. // Там же. Д. 692. Л. 67–68.
61. Информационная сводка Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 25 декабря 1945 г. // Там же. Д. 652. Л. 94.
62. Информационные сводки Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 24 ноября, 8 декабря 1945 г. // Там же. Д. 650. Л. 243; Д. 651. Л. 119.
63. Сводка вопросов, задаваемых в связи с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР. 12 ноября 1945 г. // Там же. Д. 650. Л. 243 и другие материалы.
64. Информация о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР по Новгородской области. Январь 1946 г. // Там же. Оп. 125. Д. 420. Л. 32. Аналогичные сведения приводятся в информационных сводках о настроениях населения других областей.
65. Информация о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР по Воронежской области. Январь 1946 г. // Там же. Оп. 125. Д. 420. Л. 18.
66. Там же.
67. Информация о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР по Пензенской области. Январь 1946 г. // Там же. Л. 41.
68. Там же.
69. Информация о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР по Воронежской области. Январь 1946. // Там же. Л. 18.
70. Информация о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР по Крымской автономной области. Январь 1946 г. // Там же. Л. 29.
71. Информация о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР по Пензенской области. Январь 1946 г. // Там же. Л. 41.
72. Информационная сводка Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 17 января 1946 г. // Там же. Оп. 88. Д. 692. Л. 171.
73. Информационная сводка Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 7 января 1946 г. // Там же. Л. 66.
74. Информационные сводки Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 12, 18 января 1946 г. // Там же. Л. 18, 130.
75. Письмо А.Губанова И.В.Сталину. 31 января 1947 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 2. Л. 6.
76. Там же. Л. 4.
77. Информационная сводка Управления по проверке парторганов ЦК ВКП(б). 30 декабря 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 810. Л. 19.
78. Информация о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР по Пензенской области. Январь 1946 г. // Там же. Оп. 125. Д. 420. Л. 41.
79. Информационная сводка Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 17 января 1946 г. // Там же. Оп. 88. Д. 692. Л. 171–173.
80. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «О вопросах, заданных трудящимися на собраниях, лекциях и беседах». 9 января 1947 г. // Там же. Оп. 122. Д. 289. Л. 9–12.
81. Там же.
82. Докладная записка Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О политических настроениях трудящихся в городах Челябинской области». Сентябрь 1947 г. // Там же. Д. 518. Л. 7.
83. Решение партийного комитета Ивановского меланжевого комбината. Январь 1946 г. // Там же. Оп. 122. Д. 131. Л. 14.
84. Докладная записка Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О политических настроениях трудящихся в городах Челябинской области». Л. 9–10.
85. Информационное сообщение Свердловского обкома ВКП(б) «О политических настроениях трудящихся городов Свердловской области». 13 сентября 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 37.
86. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «О политических настроениях городов и промышленных центров». 19 августа 1947 г. // Там же. Л. 60.

87. Докладная записка Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О политических настроениях трудящихся Челябинской области». Л. 9.
88. Информационное сообщение Псковского обкома ВКП(б) «О политических настроениях населения Псковской области». 15 июля 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 306. Л. 41.
89. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «О политических настроениях населения городов и промышленных центров». Л. 60.
90. Информация о подобных слухах содержится в материалах различных отделов и управлений ЦК ВКП(б), например: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 122. Л. 28; Оп. 125. Д. 420. Л. 32.
91. КПСС. Справочник. М., 1978. С. 243.
92. Информационные материалы отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), подготовленные к XIX съезду партии. 27 сентября 1951 г. // РГАСПИ. Ф. 17, Оп. 131. Д. 284. Л. 90.
93. Здесь и далее данные приводятся по источнику: Справка Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «К вопросу о работе партии в послевоенное время». 1947 г. // Там же. Оп. 122. Д. 291. Л. 131.
94. Записка Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) «О некоторых отрицательных явлениях среди районных работников». 30 мая 1946 г. // Там же. Д. 130. Л. 21.
95. Там же. Л. 22.
96. Сводка Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) о работе местных парторганизаций. 26 марта 1948 г. // Там же. Оп. 88. Д. 900. Л. 161.
97. Там же. Л. 162.
98. Письмо Л.П.Челидзе И.В.Сталину. 8 сентября 1952 г. // Там же. Оп. 131. Д. 291. Л. 138.
99. Там же. Л. 138–139.
100. Там же. Л. 139.
101. Правда. 1952. 13 октября.
102. Сводка № 4 поступивших в редакцию газеты «Правда» предложений в связи с обсуждением материалов к XIX съезду. 1952 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 288. Л. 39.
103. Там же. Л. 45.
104. Сводка № 5 // Там же. Л. 58.
105. Сводка № 2 // Там же. Л. 13.
106. Сводка № 7 // Там же. Л. 126.
107. Сводка № 14 // Там же. Д. 290. Л. 328.
108. Сводка № 4 // Там же. Д. 288. Л. 40.
109. Письмо Н.Островского И.В.Сталину. 21 августа 1952 г. // Там же. Д. 291. Л. 31.
110. Докладная записка Управления по проверке парторганов «О непартийных и антигосударственных действиях некоторых руководящих работников местных партийных, советских и финансовых органов при проведении денежной реформы». Февраль 1948 г. // Там же. Оп. 88. Д. 899. Л. 210.
111. Информационное сообщение Свердловского обкома ВКП(б) «О политических настроениях трудящихся городов Свердловской области». 13 сентября 1947 г. // Там же. Оп. 122. Д. 289. Л. 36–37.
112. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «О политических настроениях населения городов и промышленных центров». 19 августа 1947 г. // Там же. Л. 62.
113. Вопрос о целесообразности отказа от плана Маршалла возникал в разных аудиториях. См., например: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 517. Л. 33–34; Оп. 122. Д. 289. Л. 34.
114. Информация «О политических настроениях трудящихся в городах Челябинской области». Сентябрь 1947 г. // Там же. Оп. 125. Д. 518. Л. 12.
115. Интервью тов. И.В.Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // Правда. 1946. 14 марта.
116. Информационная сводка Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 2 апреля 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 694. Л. 119.

117. Там же. Л. 119–120.
118. Информационная сводка оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б). 23 марта 1946 г. // Там же. Л. 90.
119. Там же.
120. Правда. 1946. 14 марта.
121. Докладная записка начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александрова секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Жданову. Сентябрь 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 425. Л. 4.
122. Докладная записка секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецова И.В. Сталину. 10 октября 1947 г. // Там же. Оп. 121. Д. 639. Л. 106.
123. Там же. Л. 107.
124. Информация Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) «О сборе подписей под Воззванием Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия». 10 июля 1950 г. // Там же. Оп. 88. Д. 959. Л. 49.
125. Там же. Л. 48.
126. Информация «О сборе подписей...». 4 июля 1946 г. // Там же. Л. 13.
127. Информация Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О состоянии агитационно-пропагандистской работы в Приморской краевой парторганизации». Ноябрь 1950 г. // Там же. Оп. 132. Д. 289. Л. 91.
128. Информация «О сборе подписей...». 5 июля 1950 г. // Там же. Оп. 88. Д. 959. Л. 19–20.
129. То же. [Без даты] // Там же. Л. 83.
130. О случаях подобной самодеятельности обкомы информировали ЦК ВКП(б). См., например: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 959. Л. 45, 80 и др.
131. *Самойлов Д.* Памятные записки. М., 1995. С. 160.
132. *Млынарж З.* Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 21.
133. *Фрейд З.* Неудовлетворенность культурой. М., 1990. С. 17.
134. *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 329.
135. Там же. С. 209.
136. Там же. С. 210.
137. Докладная записка Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) М.А.Суслову. Сентябрь 1952 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 507. Л. 13.
138. Там же. Л. 14.
139. Там же. Л. 17.
140. Информация Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) о материалах, опубликованных в местных газетах. 16 января 1953 г. // Там же. Д. 606. Л. 24.
141. Там же.
142. Докладная записка Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Суслову. Сентябрь 1952 г. // Там же. Д. 507. Л. 16.
143. Там же.
144. Докладная записка секретаря ЦК ВЛКСМ А.Шелепина секретарю ЦК ВКП(б) Г.Маленкову. 16 мая 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 12. Л. 121.
145. Там же.
146. Выдержки из писем зарубежной молодежи, задержанных Антифашистским комитетом советской молодежи. 1950 г. // Там же. Л. 119–120.
147. Докладная записка секретаря ЦК ВЛКСМ А.Шелепина секретарю ЦК ВКП(б) Г.Маленкову. 16 мая 1950 г. // Там же. Л. 123.
148. Докладная записка председателя Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Григорьяна секретарю ЦК ВКП(б) Г.Маленкову. 2 августа 1950 г. // Там же. Л. 117.
149. Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) от 11 августа 1950 г. «Об индивидуальной переписке между советской и зарубежной молодежью» // Там же. Л. 116.
150. Там же.

151. *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1936. Опыт художественного исследования // Новый мир. 1989. № 8. С. 12.
152. Стенограмма XIII пленума ЦК ВЛКСМ. Январь 1945 г. // ЦАДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 225. Л. 185–186.
153. Там же. Л. 87.
154. Докладная записка Челябинского областного комитета ВКП(б) «О крупных недостатках в политико-воспитательной работе среди молодежи высших и средних учебных заведений Челябинской области». Сентябрь 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 424. Л.60–62.
155. Там же. Л. 69.
156. Там же.
157. Там же. Л. 68.
158. Статистические данные о росте и составе ВЛКСМ. 1949 г. // ЦАДМО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 611. Л. 44.
159. Информационное письмо Главного Политического Управления Советской армии и Военно-морского флота СССР секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Жданову. Сентябрь 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 424. Л. 54–55.
160. См., например: Докладная записка секретаря ЦК ВЛКСМ Н. Михайлова «О некоторых недостатках политико-воспитательной работы в войсках, находящихся за рубежом СССР». 19 сентября 1946 г. // Там же. Оп. 117. Д. 648. Л. 129.
161. Там же.
162. Там же. Л. 130–131.
163. Там же. Л. 131.
164. Там же. Л. 132.
165. Там же.
166. Там же. Л. 133.
167. Докладная записка министра внутренних дел СССР С.Круглова. 11 июня 1946 г. // ЦАДМО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 434. Л. 63.
168. Докладная записка прокурора СССР Г.Сафонова. 13 декабря 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 103. Л. 204–205.
169. Материалы к протоколу № 438 Секретариата ЦК ВКП(б). 16 июня 1949 г. // Там же. Оп. 118. Д. 432. Л. 201–206.
170. Информация Управления кадров ЦК ВКП(б) «Об итогах приема студентов в высшие учебные заведения и мероприятия по закреплению принятых контингентов». 29 декабря 1946 г. // Там же. Оп. 117. Д. 688. Л. 37, 39.
171. Там же. Л. 37.
172. Там же.
173. *Черняев А.С.* Моя жизнь и мое время. М., 1995. С. 200.
174. Там же. С. 200–201.
175. *Млынарж З.* Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 19.
176. Там же. С. 18–20.
177. Постановление ЦК ВЛКСМ «О недостатках в работе Ленинградской организации ВЛКСМ по идейно-политическому воспитанию студенческой молодежи». 25 июня 1948 г. // ЦАОДМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 553. Л. 26.
178. Докладная записка комиссии ЦК ВЛКСМ «О фактах, свидетельствующих о недостатках в работе Ленинградской городской комсомольской организации по идейно-политическому воспитанию студенчества». 23 июня 1948 г. // Там же. Л. 57.
179. Там же. Л. 62–63, 92.
180. Там же. Л. 92.
181. Отчет о проведении собраний комсомольского актива по обсуждению закрытого письма ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина. 11 октября 1947 г. // Там же. Оп. 6. Д. 467. Л. 67.
182. Докладная записка комиссии ЦК ВЛКСМ «О фактах, свидетельствующих о недостатках в работе Ленинградской городской комсомольской организации по идейно-

- политическому воспитанию студенчества». 23 июня 1948 г. // Там же. Оп. 3. Д. 553. Л. 62.
183. Там же. Л. 55.
184. Там же. Л. 56.
185. Отчет о проведении собраний комсомольского актива по обсуждению закрытого письма ЦК ВКП(б) о деле профессоров Клюевой и Роскина. 11 октября 1947 г. // Там же. Оп. 6. Д. 467. Л. 81.
186. Письмо-заявление А.Х Лившица, участника группы «Тесное содружество». 27 апреля 1949 г. // Там же. Оп. 46. Д. 101. Л. 118.
187. Там же.
188. Характеристики на участников группы «Тесное содружество». 1949 г. // Там же. Д. 87. Л. 108, 110, 114, 117.
189. См., например: Докладная записка Челябинского областного комитета ВКП(б) «О крупных недостатках в политико-воспитательной работе среди молодежи...» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 424. Л. 62.
190. Там же. Л. 64–65.
191. Цит. по: Информационный материал ЦК ВЛКСМ «О фактах антисоветской деятельности среди молодежи высших и средних учебных заведений гор. Челябинска (по материалам Управления МГБ по Челябинской области)». Июль 1946 г. // ЦАДМО. Ф. 1. Оп. 46. Д. 42. Л. 50.
192. Там же. Л. 51.
193. Там же. Л. 50.
194. Судить о том, в какой степени читателями разделялись, а в какой отвергались эстетические принципы альманаха, довольно трудно, поскольку в справке, подготовленной по материалам МГБ, приведены только доводы оппонентов.
195. Информационный материал ЦК ВЛКСМ «О фактах антисоветской деятельности среди молодежи высших и средних учебных заведений гор. Челябинска (по материалам Управления МГБ по Челябинской области)». Июль 1946 г. // ЦАДМО. Ф. 1. Оп. 46. Д. 42. Л. 54–55.
196. Цит. по: Там же. Л. 55.
197. Письмо из Верховного Суда РСФСР секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Кузнецову. Сентябрь 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 424. Л. 50.
198. Там же.
199. *Неизвестный Э.* Катакомбная культура и официальное искусство // Литературная газета. 1990. 10 октября. С. 8.
200. Письмо из Верховного Суда РСФСР секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Кузнецову. Сентябрь 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 424. Л. 51.
201. *Жигулин А.* Черные камни. Автобиографическая повесть // Знамя. 1988. № 7. С. 21.
202. Там же. С. 21–22.
203. Цит. по: *Антонов-Овсеенко А.* «Не говорите родителям про арест...» // Московский комсомолец. 1990. 28 марта.
204. *Жигулин А.* Указ. соч. // Знамя. 1988. № 7. С. 21.
205. Письмо из Верховного Суда РСФСР секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Кузнецову. Сентябрь 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 424. Л. 49.
206. *Жигулин А.* Указ. соч. // Знамя. 1988. № 7. С. 21.
207. Из всего комплекса материалов, посвященных молодежным группам, только однажды мне удалось найти информацию о группе, члены которой планировали проведение терактов. Речь шла о пяти студентах МГУ и Института им. Менделеева, которые сами изготовили взрывное устройство. С помощью этого устройства они намеревались произвести публичные взрывы бюстов советских руководителей, а также взрыв во время парада Победы на Красной площади. Намерение осталось нереализованным. Участники этой группы были осуждены в феврале 1946 г. по статье 58-10 и 58-11 УК РСФСР и приговорены к разным срокам лишения свободы (от 5 до 7 лет) // ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2984. Л. 3–4.

208. Цит. по: *Антонов-Овсеенко А.* Указ. соч. // Московский комсомолец. 1990. 28 марта.
209. Первым официальным упоминанием о стилягах можно считать фельетон Д.Беляева «Стиляга», опубликованный в журнале «Крокодил» в 1949 г. (№ 7).
210. *Козлов А.* «Козел на саксе» — и так всю жизнь... М., 1998. С. 70.
211. *Славкин В.* Памятник неизвестному стиляге. М., 1996. С. 8.
212. Подробнее о жизни на московском «Бродвее» см.: *Козлов А.* Указ. соч. С. 78–82.
213. Это наблюдение сделано мной на основе мемуарных свидетельств и художественной литературы, принадлежавшей перу очевидцев. Для более точных выводов нужны специальные исследования этого явления.
214. Цит. по: *Славкин В.* Указ. соч. С. 66.
215. Конституция СССР. Проект // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 379. Л. 56.
216. Предложения об изменении и дополнении текста Конституции СССР, поступившие в Редакционную комиссию и не принятые. 1946 г. // Там же. Л. 41–49.
217. Цит. по: Известия. 1992. 16 июня.
218. *Гуревич А.Я.* «Путь прямой, как Невский проспект», или исповедь историка // Одиссей. 1992. С. 10.
219. Информационные материалы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 454. Л. 1–2.
220. Цит. по: *Романовский Н.В.* Лики сталинизма. 1945–1953 гг. М., 1995. С. 94.
221. Цит. по: *Попов В.П.* Российская деревня после войны. Июнь 1945 — март 1953 гг. Сборник документов. М., 1993. С. 105.
222. Из истории борьбы с лысенковщиной // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4–5.
223. Там же. № 4. С. 125.
224. Там же. С. 131.
225. Там же. С. 134.
226. *Dunham Vera S.* In Stalin's Time. Middleclass values in Soviet fiction. London—New York—Melbourn. 1976.
227. *Самойлов Д.* Памятные записки. М., 1995. С. 142–143.
228. Там же. С. 154.
229. Там же. С. 344.
230. *Симонов К.* Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. № 3. С. 49.
231. Положение о журнале «Октябрь». 28 ноября 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 571. Л. 193–197.
232. Цит. по: *Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры. Советская литература 40-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994. С. 114–115.
233. *Бакланов Г.* Возвращение // Некрасов В. В окопах Сталинграда. Повесть, рассказы. М., 1990. С. 3.
234. Стенограмма совещания в ЦК ВКП(б) по вопросам кино. 26 апреля 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 378. Л. 44.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

1. «Вы — моя последняя надежда...»: практика работы с письмами граждан

В апреле 1952 г. в редакцию газеты «Социалистическое земледелие» пришло письмо. Одно из повседневной почты газеты.

«Просим разобрать наше письмо и направить его председателю Совета министров СССР товарищу Сталину. Письмо это писали колхозники Кировской области Кикнурского района.

Вы, наверное, знаете положение в нашем районе, оно во всех колхозах очень и очень плохое. Колхозники на трудодни ничего не получают, а если и получают, то по нескольку грамм. В колхозе сеять нечего, семян нет, а из рабочей силы остались одни старики, а молодые разбежались кто куда, и работать совсем некому, скот кормить нечем, кормов нет, и он гибнет.

Настроение у колхозников очень плохое. Те, которые еще остались, стремятся тоже куда-нибудь бежать, так как на трудодни уже несколько лет почти ничего не получают. Что было в хозяйстве, все прожили, все ждали что-нибудь лучшее, но из года в год на трудодни ничего не приходится.

Мы читаем газету, там пишут, что в некоторых колхозах живут хорошо, мы не знаем, правда это или врут, но мы хорошего ничего не видим и работаем даром и дожили до того, что дальше жить невозможно. Придется нам, наверное, бежать. Мы обращаемся в редакцию газеты с тем, чтобы выехали к нам в район и побывали у колхозников, посмотрели, как они живут и сообщили бы это все товарищу Сталину и попросили бы его, чтобы оказали нам какую-нибудь помощь, хотя бы дали возможность получать на трудодни немного хлеба.

Неужели у нас в Советском Союзе все так живут, ведь помотришь на служащих, они живут гораздо лучше, и мы не знаем, кто нам может помочь, мы обращаемся к Вам и просим Вас проверить, почему у нас создалось такое положение. Если Вы не поможете, мы не знаем, куда больше нам обращаться. Все говорят, что у нас в Советском Союзе живут хорошо, но мы хорошего ничего не видим.

Пусть приедет сам товарищ Сталин, посмотрит на нас, как мы живем и что едим. Он, наверное, там сидит и ничего о нас не думает и не видит, что здесь творится. Пусть приедет и проверит, может быть, кто этому делу вредит. Если Вы не поможете, неужели нам обращаться в Америку? Мы надеемся, что нашу просьбу Вы выполните.

Колхозники Кикнурского района Кировской области Смирнова, Деминцева, Овчинникова. 3 апреля 1952 г.»¹

Обычное письмо, какие сотнями и тысячами поступали в канцелярии советских учреждений, в редакции местных и центральных газет, в Совет по делам колхозов, наконец, на самый верх — в ЦК и лично Сталину. Мысли, просьбы и требования, высказанные в этих письмах, форма подачи жалоб и претензий, наконец, предлагаемые методы разрешения проблем — все это с разных сторон характеризует особенности формирования и способы выражения общественного мнения в стране.

Приведенное выше письмо интересно уже тем, что оно весьма типологично, т.е. может рассматриваться как своего рода образец одного из наиболее распространенных каналов выражения общественного мнения, практически единственного способа коммуникации между народом и высшей властью — с характерным набором претензий и стереотипов².

Письмо демонстрирует наличие устойчивых архетипов народного сознания, особенно тех из них, что характеризуют восприятие власти. Советская ментальность впитала в себя расхожие стереотипы (образы) власти, которые существовали в массовом сознании на протяжении столетий. Нетрудно отметить, что в массовом сознании середины XX века присутствуют главные признаки сакрализации власти. При этом властный спектр четко делится на власть верховную и местную. Местная власть не пользуется никаким доверием народа, поскольку «там правды не найдешь». Единственный источник правды и справедливости — власть верховная, причем обязательно персонифицированная: раньше апеллировали к царю, теперь к Сталину, или по крайней мере, его ближайшему окружению. В этих представлениях ясно различимы отголоски народного монархизма и утопических легенд о царе—«избавителе», единственном заступнике за народ³.

Письма вождам — такой же обязательный атрибут отношений между народом и властью в советское время, как и челобитные времен Московского царства и прошения на «высочайшее имя» в Российской империи. В посланиях второй половины XX века звучат те же мотивы: о «добром царе» и «злокозненных боярах», о «справедливых указах» и «неведении» государя (от которого государевы слуги «прячут» информацию о бедственном положении народа). Эти стереотипы, естественно, модифицированы, а нередко украшены необходимой коммунистической фразеологией, но суть их не изменилась. Даже вредительство («может быть, кто этому делу вредит») — не изобретение сталинской эпохи, но лишь новый перепев все того же мотива о происках «злых» сил, в роли которых могли выступать то ловкие царедворцы, то продажные чиновники, или, наконец, просто «чужаки».

«Пусть приедет сам товарищ Сталин и посмотрит» (в других письмах это могло быть «доверенное лицо» вождя, как правило, кто-либо из ближайшего окружения) — часто встречающаяся в письмах просьба—обращение. Она вызвана с одной стороны убеждением, что Сталин «не знает» истинного положения дел и поэтому должен во всем убедиться «своими глазами», а с другой стороны — недоверием народа к информации посредников, которые «не заинтересованы» в том, чтобы Сталин был правильно информирован. Непосредственная апелляция к высшей власти, минуя раз-

личные посреднические звенья, — тоже дань архаичной традиции, восходящая к народным представлениям о роли «добродетельного» государя. В этих представлениях государь стоит над законом, ему одному принадлежит право карать и миловать, он — гроза для чиновников и заступник, «спаситель» для простого народа. Отсюда распространенные в русском фольклоре обращения к государю типа «батюшка царь», «наш отец», «отец общий», «наш батюшко емператор» и др.⁴ Сталин использовал эту традицию патерналистского восприятия государственной власти, став для миллионов соотечественников «отцом народов», «любимым вождем и учителем».

По-своему в массовых представлениях второй половины XX столетия отразился старый миф о некоей «обетованной земле», «островке счастья», где жизнь устроена совсем по-другому и куда надо стремиться в поисках лучшей доли. Сравнение своей жизни с той, о которой писали газеты, навело наивных людей на мысль, что в Советском Союзе действительно есть места, где «хорошо живут». Правда, со временем идеалистов, уверенных, что за порогом родного колхоза — стоит лишь вырваться оттуда — их обязательно ожидает лучшая доля, становилось все меньше: помимо официально контролируемых всегда существовали неформальные каналы коммуникации, которые опровергали информацию о зажиточной жизни в отдельно взятом колхозе. Незыблемыми оставались только представления о том, что город живет лучше деревни, а «служащие» — лучше крестьян. Это убеждение определяло главное направление поисков и становилось стимулом для бегства из колхозов. А что касается «островков счастья», они остались — но только в кадрах послевоенных кинолент — как невоплощенная мечта о «земле обетованной».

Письма вождям — это еще и последняя попытка вырваться из заколдованного круга повседневности. «Вы — наша последняя надежда», «если Вы не поможете, никто нам не поможет» — такое обращение характерно для большинства писем-просьб, адресованных верховной власти. При этом содержание просьб, как правило, совершенно неприязнательно: люди просили оплатить их труд (по закону), решить жилищные, семейные и другие вполне житейские проблемы, которые никак не причислить к разряду «государственных». Впрочем, только на первый взгляд, если не считать, например, что негласная продразверстка была государственной политикой (а отсюда и «пустой» трудодень), а всеобщее нормированное распределение товаров и услуг превращало местного чиновника в полномочного хозяина ситуации на потребительском рынке. Столкнувшись с произволом и бюрократизмом местных властей, люди шли со своими бедами наверх, надеясь там найти управу на нерадивых чиновников. Некоторые сразу апеллировали к верховной власти, Сталину, заранее убежденные в том, что на местах они не найдут понимания.

Верховная власть не только не пыталась сломать эту традицию, но и всячески стремилась соответствовать своей роли высшей инстанции справедливости, «заступницы» за простой народ. На поддержание этого имиджа была направлена так называемая работа с письмами трудящихся. Среди

высоких государственных инстанций, куда чаще всего обращались граждане со своими проблемами, был Верховный Совет СССР, при котором существовала специальная Приемная председателя Верховного Совета. Повседневная работа с населением была одним из главных направлений деятельности этого во многом декоративного органа.

Обращения, поступающие в Приемную, разделялись на два потока: личный прием («ходоки») и письма. Основной поток обращений поступал по почте, соотношение между почтой и личным приемом в разные годы складывалось как 3,5:1 (в 1946 г.) и 1,6:1 (в 1948 г.), но в среднем в течение 1945–1951 гг. письменных обращений было примерно в 2–2,5 раза больше, чем на личном приеме⁵. Содержание ходатайств граждан и, в особенности, иерархия претензий, изложенных на личном приеме и переданных по почте, также имели свои отличия. Большинство полученных заявлений (по почте и на личном приеме) включались в итоговые статистические отчеты. Критерии систематизации и классификации обращений, используемые в них, не отличались четкостью, поэтому некоторые обращения по одному и тому же вопросу могли попадать в различные классификационные группы. Например, просьбы о предоставлении или обмене жилплощади могли быть отнесены как к жилищным вопросам, так и материально-бытовым. Если в письме содержалось несколько просьб, то в статистическую разработку включалась только одна из них, по мнению обработчиков, наиболее важная. Тем не менее, несмотря на несовершенство статистического учета, эти итоговые данные дают общее представление о характере и содержании обращений граждан в Приемную Президиума Верховного Совета СССР.

Таблица № 1

Основные вопросы обращений граждан в Верховный Совет СССР, принятые по почте в 1945–1951 гг. (в процентах)

Вопросы	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.
Трудовые вопросы	19,5	20,2	15,9	12,4	12,0	21,9	28,6
Ходатайства военнослужащих	11,4	18,2	26,1	26,7	25,6	23,1	15,6
Судебно-следственные вопросы	10,2	7,9	6,5	7,8	8,8	9,7	12,0
Ходатайства об отмене административной высылки	10,1	8,9	12,6	11,3	16,0	не учитывались	не учитывались
Материально-бытовые вопросы	8,3	7,7	8,1	11,7	11,6	10,9	12,2
Колхозные вопросы	5,3	5,7	7,8	5,9	5,5	5,4	5,8
Пенсии и пособия	2,8	3,1	4,8	5,7	7,2	7,5	9,2
Налоги	1,6	1,6	1,5	5,8	5,6	5,7	5,9
Другие вопросы	30,8	26,7	16,7	12,7	7,7	15,8	10,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Доклады о работе Приемной председателя Президиума Верховного Совета СССР за 1945–1951 гг. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 579, 583, 587, 592, 596, 602; Оп. 85. Д. 272.

Всего в 1945 г. канцелярией Приемной было зарегистрировано 208,2 тыс. писем, что составляло 73,5% всех обращений, поступивших в том году.

В 1951 г. почта Приемной составила уже 240,7 тыс. обращений (или 77,3%). Содержание основных вопросов этих обращений, как показывают данные таблицы 1, на протяжении всех первых послевоенных лет оставалось практически без изменений. Первую группу претензий составляли трудовые вопросы (ходатайства об устройстве на работу, жалобы на увольнение, просьбы о разрешении вернуться на прежнее место работы и др.). Всего в 1945 г. было получено 36,9 тыс. заявлений по этим вопросам, в 1951 г. — 57,8 тыс. На втором месте по количеству обращений находились ходатайства военнослужащих о демобилизации, устройстве на работу, учебу и т.д. (их количество увеличилось за тот же период с 21,5 до 31,1 тыс.). Судебно-следственные вопросы, главным образом ходатайства о снятии судимости или пересмотре судебных приговоров, а также близкие к ним по содержанию ходатайства об отмене административной высылки устойчиво занимали третью строчку в рейтинге почтовых обращений. Всего в 1945 г. было зарегистрировано 19,3 тыс. заявлений по судебно-следственным вопросам, в 1951 г. — 23,9 тыс.

В течение 1945–1951 гг. заметно увеличилось число ходатайств по вопросам назначения пенсий и пособий: с 5,2 тыс. до 18,5 тыс. обращений в год, т.е. в 3 раза. Продолжало расти количество обращений по материально-бытовым вопросам (материальной помощи, обеспечении одеждой, обувью, выдаче ссуд, о трудоустройстве инвалидов и т.д.) — с 15,7 тыс. в 1945 г. до 24,6 тыс. в 1951 г.

Обращает на себя внимание сравнительно небольшое по сравнению с другими количество обращений по так называемым колхозным вопросам, которые включали жалобы на изъятие земельных участков, скота, ходатайства о выдаче ссуд колхозникам, налоговую политику в деревне. Вопросы об уплате сельскохозяйственного налога и выполнения госпоставок в статистических разработках то относились к категории «налоги», то учитывались в графе «колхозные вопросы», что не дает четкого представления о действительном количестве обращений по этой проблеме. Вместе с тем основное содержание ходатайств колхозников, что косвенно подтверждают и данные статистического учета Приемной, составляли прежде всего вопросы налогообложения. В 1945 г. по налоговым вопросам (в том числе военному, подоходному и другим видам государственных налогов) в Приемную было направлено 3 тыс. заявлений по почте, в 1951 г. их количество возросло почти в 4 раза и составило 11,7 тыс. При этом надо учитывать, что большой поток жалоб колхозников по поводу налогов и госпоставок шел в Совет по делам колхозов, и это обстоятельство сказывалось на количестве подобных ходатайств, полученных Приемной Верховного Совета СССР.

По-другому распределялись обращения, с которыми граждане приходили на личный прием (см. данные таблицы 2). Здесь трудовые вопросы находились лишь на четвертом месте по количеству заявлений, общее количество обращений по этим вопросам за 7 лет почти не изменилось и даже немного уменьшилось — с 6,9 тыс. в 1945 г. до 6,7 тыс. в 1951 г. Среди личных обращений лидировали ходатайства о помиловании и снятии суди-

мости. Верховный Совет СССР был последней инстанцией, где такого рода вопросы могли найти разрешение. Причем для большинства «ходоков» речь шла о жизни и судьбе близких людей, именно поэтому они добивались личного приема, не доверяя почте. Всего в 1945 г. с ходатайствами о помиловании и снятии судимости в приемную на личном приеме обратилось 11,2 тыс. граждан, в 1951 г. — почти 17 тысяч. На втором месте по частоте обращений стояли жилищные вопросы и связанные с ними ходатайства о прописке. Со своими жилищными проблемами в приемную обратились в 1945 г. 9 тыс. граждан, в 1951 г. — 5,4 тыс. Если количество обращений по общим жилищным вопросам за это время уменьшилось, то поток заявлений о прописке, напротив, существенно увеличился — с 7,3 до 16,3 тыс.

Таблица № 2

Основные вопросы личных обращений граждан в приемную председателя Президиума Верховного Совета СССР в 1945–1951 гг. (в процентах)

Вопросы	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.
Ходатайства о помиловании и снятии судимости	20,0	27,3	30,7	36,2	42,1	36,3	28,4
Жилищные вопросы	12,1	14,9	11,4	10,5	8,7	8,2	9,0
Ходатайства о прописке	9,7	9,0	14,4	19,8	20,1	21,5	27,3
Трудовые вопросы	9,2	9,8	6,0	5,1	4,7	6,9	11,3
Ходатайства о материальной помощи, обеспечении одеждой и обувью	5,6	12,3	13,9	8,2	6,9	6,0	6,2
Другие вопросы	43,4	26,7	23,6	20,2	17,5	21,1	17,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Доклады о работе Приемной председателя Президиума Верховного Совета СССР за 1945–1951 гг. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 579, 583, 587, 592, 596, 602; Оп. 85. Д. 272.

Большинство граждан добивались личного приема у председателя Президиума Верховного Совета СССР (до 1946 г. на этом посту находился М.И.Калинин, потом его сменил Н.М.Шверник). Начиная с 1947 г. данные о личном приеме у председателя стали включаться в итоговые отчеты о работе Приемной. Согласно этим отчетам, в 1947 г. на приеме у председателя Президиума Верховного Совета СССР побывали 4038 человек, в 1948 г. — 4472, в 1949 г. — 3375, в 1950 г. — 2769, в 1951 г. — 3444 человека. Всего за год устраивалось от 37 до 41 личных приемов. Получается, что за один прием председатель должен был выслушать около 90 человек (в разные годы от 75 до 109 человек). При таком «конвейере» вникнуть в существо просьбы каждого, а тем более найти справедливое решение было просто невозможно. Тем более, как свидетельствуют очевидцы, никакого «личного» приема у главы Верховного Совета, как правило, вообще не было.

«Кухню» работы с гражданами раскрыл в своих мемуарах Ю.А.Королев, проработавший в Верховном Совете на разных должностях в течение 40 лет. Он пишет: «В отличие от “раннего” Калинина Президент Шверник ни поначалу, ни позднее просителей не принимал или принимал чрезвычайно редко. Беседовали с людьми, узнавали их беды и надежды хотя и

компетентные, но бесправные консультанты, референты, руководители Приемной»⁶.

У попавших на так называемый личный прием было тем не менее больше шансов добиться удовлетворения своего ходатайства. Так, в 1948 г. из 4472 ходатайств было удовлетворено 1167 (или 26% от всех поданных на личном приеме заявлений), отклонено — 124 (2,7%), а остальные направлены в различные инстанции — на разрешение. Однако и здесь существовал свой сценарий рассмотрения жалоб и заявлений граждан.

«Не так легко было подобрать просителей, жалобы которых можно было бы сразу удовлетворить, — вспоминает Ю.А.Королев. — Для начала отбирали из общей массы ходатаев небольшое количество людей. Смотрели их жалобы, созванивались с различными инстанциями. Выясняли: есть ли возможность положительного решения? Потом в дело включался заведующий Приемной, он просеивал и этих немногих отобранных. Наконец, когда становилось ясно, чье дело можно решить, просителя приводили к дежурному заместителю Председателя. Тот на глазах благодарного просителя звонил в организацию, от которой зависело решение вопроса, или, что чаще, руководству той области, откуда приехал горемыка, с категорическим приказом немедленно решить его проблему. Были случаи, когда вопрос решался прямо тут же, за столом высокого руководителя. Да еще выдавалась тирада о бюрократах «там на местах», об издевательствах над советским человеком и т.д. Так создавался (подчеркиваю: сознательно) миф о справедливых и душевных руководителях (особенно в Москве!) и негодных, бесчеловечных начальниках и исполнителях где-то там, внизу»⁷.

Кроме того так формировалось общественное мнение о высшей власти, которая единственная может разом решить все проблемы, а «ходоки», получившие удовлетворение своей просьбы, разносили весть о «справедливости» и «всемогуществе» московской власти по всей стране. Неудивительно, что страна продолжала тянуться в Москву — «за правдой». Как действовал этот механизм на микроуровне, затрагивая конкретные человеческие судьбы, лучше всего проследить на «живых» примерах из практики работы органов власти тех лет.

28 октября 1949 г. на личный прием Н.М.Швернику пришла супружеская пара. Он — на костылях, инвалид войны, совсем еще молодой человек, 25 лет. Жена — еще моложе. Пришли они в Приемную с просьбой, может быть, не совсем обычной. Молодая женщина была беременна и хотела сделать аборт, но на это требовалось специальное разрешение. Советским законодательством аборт был запрещен, разрешались лишь в исключительных случаях — «по медицинским показаниям». У женщины, пришедшей на прием к Швернику, был именно такой исключительный случай, хотя и вовсе не «медицинский».

Дело в том, что молодые супруги были женаты три года, но до сих пор не имели возможности жить вместе. Он ночевал в общежитии при фабрике им. Воровского, где работал, она жила вместе с мачехой и ее замужни-

ми дочерьми в 18-метровой комнате. Днем мачеха сидела с их полуторагодовалым сыном, за это молодая женщина платила ей 200 руб. в месяц из своего 500-рублевого заработка. Однако оставлять ребенка на ночь мачеха не позволяла, поэтому каждый вечер его приходилось носить к отцу в общежитие. О том, чтобы супругам поселиться вместе, не могло быть и речи: родственники жены категорически возражали против его прописки в своей комнате. Перспектив на получении своего жилья у молодой семьи не было никаких. А тут еще вторая беременность. Сначала они обратились в райисполком, где стояли в очереди на получение комнаты, но получили отказ. И тогда пошли в Приемную Президиума Верховного Совета, где, как слышали, «людям помогают».

Их приняли, поговорили, а уже через несколько дней было готово заключение комиссии, которая обследовала жилищные условия этой семьи. Комиссия признала, что молодая семья действительно остро нуждается в помощи⁸. И такая помощь была оказана. Нет, им не выделили комнату. Молодой женщине разрешили, «в порядке исключения», сделать аборт. По «личному указанию товарища Шверника Н.М.»⁹

Так Президент, пусть и номинальный, принял участие в судьбе «простого человека». Однако, не каждая женщина с аналогичной проблемой могла дойти до Президента страны. Медицинская статистика фиксировала рост количества криминальных абортотворцев, главной причиной которых, по мнению министра здравоохранения Г.Митирева, были все те «неудовлетворительные материально-бытовые условия»¹⁰. Законодательно эта проблема была решена лишь в 1955 г., когда был принят указ, отменяющий постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о запрещении абортов.

Основным методом работы с заявлениями граждан, как показывает опыт Приемной председателя Верховного Совета СССР, а также других центральных учреждений, было направление ходатайства или жалобы в другие инстанции, чаще по ведомственной принадлежности или месту жительства заявителя. Нередко жалоба попадала таким образом в руки тех, на кого проситель жаловался. Но иногда случалось иначе, и продвижение ходатайства или жалобы осуществлялось уже в ином направлении, порой попадая на самый верх.

Так случилось, например, с письмом колхозницы В.М.Евдокимовой, которая в августе 1946 г. обратилась в редакцию газеты «Социалистическое земледелие». Речь в письме шла о произволе местных чиновников в Петровском районе Ставропольского края, организовавших в селах района несколько показательных судебных процессов над колхозниками, не выполнившими госпоставки, а также замеченными в краже колхозного зерна.

«Вот проходил суд в селе Константиновке, — рассказывала В.М.Евдокимова. — Судили за покражу зерна. Сначала суд проходил нормально. Вся судебная часть была выпивши, но мало. Осудили за зерно одного мальчика. Дальше начали судить женщину за то, что она не платила молокопоставку. (...) Ей присудили штраф 600 руб. и начать выноску молока.

Бедная женщина, она так была взволнованна, подошла к судье и сказала: «Платить я не буду, идите, забирайте корову, а я подушу детей и сама повешусь». У нее муж погиб на фронте, сын в рядах РККА и у нее еще пятеро детей, она и жила этим молоком.

Потом суд был назначен в колхозе им. Сараева. Начало суда было намечено на шесть часов, но он начался в девять. (...) Прокурор дошел до Советской улицы и повалился от пьянки. Его подобрала жена одного комбайнера, который подлежал суду. А защитник прошел от него примерно метров 50 и повалился в грязь. (...) Суд начался. Прокурора и защитника не было. Защитник пришел, когда шел суд, и еле-еле дошел до стола...»¹¹

Этот «пьяный суд» судил четырех молодых трактористов, один из которых был братом женщины, написавшей письмо в газету. Колхозники на трудодень в колхозе ничего не получали, и чтобы как-то прокормить семью, ребята пошли на воровство зерна с колхозного поля. Суд осудил двоих из них на два года лишения свободы, двое других получили по одному году исправительно-трудовых работ по месту жительства.

Редактор газеты посчитал, что факты, изложенные в письме колхозницы, заслуживают внимания ЦК ВКП(б) и переслал его на имя секретаря ЦК А.А.Жданова. 14 августа 1946 г. заявление колхозницы Евдокимовой разбирал Секретариат ЦК ВКП(б), который поручил Ставропольскому крайкому партии проверить ситуацию на месте и о принятых мерах доложить в ЦК¹².

Комиссия крайкома пришла к выводу, что «хищение зерна трактористом Евдокимовым действительно было вызвано крайне тяжелым материальным положением семьи его матери»¹³. Отец Евдокимова погиб на фронте, он, 19-летний, был единственным трудоспособным членом семьи, на иждивении которого находились больная мать и еще пятеро малолетних братьев и сестер. Колхоз задолжал ему по трудодням 1044 кг зерна, а украдено было 50 кг на четверых. Кстати, через три дня, после того, как ребят осудили, колхоз выделил семье Евдокимова, в которой не осталось ни одного трудоспособного, 230 кг зерна. «Если бы эта выдача зерна последовала значительно раньше, то, безусловно, преступление со стороны Евдокимова было бы предотвращено», — таков был вывод комиссии¹⁴.

В результате проверки подтвердились факты пьянства членов суда, все они были привлечены к ответственности, лишены своих должностей. Колхознице, которая отказывалась сдавать молоко в счет обязательной поставки, возвратили конфискованную корову. А дело о краже зерна было направлено в Верховный Суд РСФСР для пересмотра. Верховный Суд 16 ноября направил в Секретариат ЦК ВКП(б) записку, в которой сообщалось, что приговор в отношении Евдокимова и других отменен, дело направлено на новое рассмотрение. Рассматривать дело предстояло все тому же суду, только в «новом составе». До суда мера пресечения для всех участников дела была оставлена прежняя — содержание под стражей¹⁵. О том, чем в конечном счете это дело закончилось, информации нет. В Секретариате ЦК оно было снято с контроля.

Помимо обращений в официальные инстанции много писем приходило в адрес отдельных государственных деятелей. К ним обращались как к депутатам Верховного Совета или как к государственным лицам, курирующим определенную отрасль: промышленность, сельское хозяйство, культуру и т.д. Депутатские обращения по своему характеру и содержанию были, как правило аналогичны тем, что поступали в Приемную Верховного Совета: преобладали просьбы о помощи в решении жилищной проблемы, получении пенсий и пособий, устройстве на работу или учебу и т.д. Письма более общего характера, а тем более поднимающие вопросы государственного значения, в этой почте встречались не так уж часто, они скорее терялись в общем потоке, нежели определяли его лицо.

Одно из таких не совсем типичных писем пришло весной 1949 г. в секретариат А.А.Андреева, возглавлявшего Совет по делам колхозов. Писал ему некто Александр Забелкин, проходивший действительную военную службу на флоте, а раньше работавший в одном из колхозов Ярославской области. Автор письма, опираясь на собственные наблюдения и факты из писем своих односельчан, постарался представить своему адресату реальную картину того бедственного положения, в котором оказалась российская деревня: отсутствие машинного парка и жалкое состояние тягловой силы вообще, непосильные налоги, которые не дают встать колхозам на ноги, «нищий» трудодень, и, как следствие, массовое бегство из колхозов.

Чтобы не быть заподозренным в антисоветских настроениях, автор письма оговаривался, что он «был и будет до конца русским и советским», и что единственная цель его обращения — это стремление принести «больше пользы государству»¹⁶. В этом письме нет никаких обвинений личного характера или претензий к конкретным лицам (это отличает письмо от «сигналов»-доносов), но есть попытка проанализировать ситуацию в целом — в русле государственной политики по отношению к деревне. По традиции А.Забелкин объясняет недостатки этой политики «неосведомленностью» власти, прежде всего московской, об истинном положении дел в колхозах. Его не смущает, что именно эти «неосведомленные» люди и принимают главные решения, определяющие политику государства в области сельского хозяйства. Он только просит, чтобы «правительство пошло навстречу» колхозникам, «т.е. какими-либо мероприятиями сверху была бы дана возможность встать колхозам на здоровые ноги — чтобы они были такими, какими хотел бы их видеть наш дорогой Иосиф Виссарионович»¹⁷.

Это письмо было взято на контроль в секретариате Андреева, а Ярославский обком партии обязывался проверить изложенные в письме факты на месте. Обком посчитал своим долгом проинформировать о письме командование части, где служил А.Забелкин. Начались неприятности: автора письма обвинили в том, что он якобы ведет среди матросов «вредную агитацию» о плохом состоянии «некоторых колхозов» и поставили вопрос о его «благонадежности»¹⁸. Тогда А.Забелкин написал Андрееву второе письмо, в котором описал создавшуюся ситуацию. Андреев отреагировал своеобразно. Он направил письмо заместителю командующего Военно-мор-

скими силами по политчасти с просьбой проверить, не является ли осуждение поступка А.Забелкина командованием «попыткой запретить обращаться в центральные партийные и советские организации»¹⁹. Сигналы, подобные письму Забелкина, были одним из способов контроля центрального аппарата за работой подведомственных звеньев, поэтому такие сигналы поощрялись. Впрочем, поощрялись не только бескорыстные сигналы, но откровенное доносительство²⁰.

Что касается автора письма, то он остался вполне удовлетворенным. С ним беседовал некий «капитан второго ранга», посланный, как считал Забелкин, от Андреева. «Я на практике убедился, — писал он своему адресату в последнем письме, — что вы уделяете такое внимание голосу “маленького человека”. Это возможно только у нас, в стране победившего социализма»²¹.

На подобную реакцию со стороны «маленького человека» и была рассчитана так называемая работа с письмами трудящихся.

2. Народ, власть, интеллигенция

Власть всегда считала интеллигенцию зеркалом общественного мнения и с помощью интеллектуалов формировала это мнение в свою пользу. На деле роль советской интеллигенции в процессе отражения и создания общественного мнения была более сложной, чем это виделось вождям. Зеркало часто оказывалось «кривым», если интеллигенция выступала «от имени народа», но говорила лишь то, что желали услышать вожди. А случалось и так, что несмотря на все усилия властей по воспитанию верной и преданной интеллигенции, в этой среде вдруг зарождался вирус непослушания, а вместе с ним и вольнодумства — как это было сразу после войны.

На последнем этапе войны расширились контакты советских ученых и деятелей культуры со своими западными коллегами. Литераторы, казалось, могли вздохнуть более свободно: в начале 1946 г. было отменено постановление Секретариата ЦК ВКП(б) от 2 декабря 1943 г. «О контроле над литературно-художественными журналами». Однако, в действительности ослабления идеологического контроля так и не произошло, и надежды интеллигенции на либерализацию внутреннего режима, расширение свободы творчества оказались очередной иллюзией.

В июне 1946 г. вышел первый номер газеты «Культура и жизнь» (орган Управления пропаганды и агитации ЦК), которая призвана была отныне задавать тон в культурной политике. Острословы немедленно переименовали новое издание, заменив нейтральный союз *и* на двусмысленный *или* («Культура *или* жизнь»). Иногда газету называли еще проще — «Александровский централ», по имени тогдашнего главы ведомства пропаганды. В этой газете спустя полтора месяца было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», принятое 14 августа 1946 г.²²

Вопросы культурной политики, в том числе и положение дел в «толстых» журналах, обсуждались на заседании Политбюро ЦК 13 апреля 1946 г.

Выступавший на том заседании Сталин назвал худшим из толстых журналов «Новый мир», а на второе место среди «штрафников» поставил ленинградскую «Звезду»²³. О журнале «Ленинград» в негативном ключе тогда вообще не упоминалось. И все-таки в дальнейшем под огонь критики попали именно ленинградские журналы, тогда как московский «Новый мир» остался в стороне от готовящегося постановления. Этот, только на первый взгляд случайный, выбор, как считает, например, Д.Л.Бабиченко, определили отнюдь не литературные пристрастия партийного руководства, а фактор личного соперничества в ближайшем окружении Сталина, между Ждановым и его «ленинградской группой», с одной стороны, и Маленковым — с другой.

Что касается самого Сталина, то ему, по-видимому, было не так важно, кто конкретно окажется в роли «козлов отпущения»: постановление о журналах принималось с дальним прицелом. Это решение по сути положило начало кампании по умиротворению интеллигенции, которая продолжалась все послевоенные годы, вплоть до смерти Сталина. Главными героями, а точнее «антигероями» постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» стали Анна Ахматова и Михаил Зощенко — авторы во всех отношениях разные, но обвиненные в одних и тех же грехах, главным образом в «аполитичности» и «безыдейности». Такие обвинения были подобны «волчьему билету» и означали фактически запрет на публичную профессиональную деятельность. Во всяком случае, издательства и журналы для Ахматовой и Зощенко оказались закрытыми. Примечательно, что объектами идеологической травли были выбраны не просто ленинградские литераторы, но люди, чьи имена стояли в первом ряду отечественной литературы. То, что подобный выбор возводился в принцип, подтвердили все последующие кампании — в музыке, кинематографии, науке. Сергей Эйзенштейн, Дмитрий Шостакович, Сергей Прокофьев... Список можно продолжить.

Вслед за постановлениями о журналах в том же 1946 г. появились два других — «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» и «О кинофильме “Большая жизнь”», выдержанные в духе первого решения. Постановление о музыке, осуждающее так называемое формалистическое направление в музыкальной культуре, было издано позднее — в феврале 1948 г. Примечательно, что все эти решения, принимаемые по, казалось бы, специальным вопросам, выносились на широкое, почти что всенародное, обсуждение. Кампании проводились с размахом. Поэтому после обнародования постановления ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В.Мурадели» рабочий Ярославского завода искусственной подошвы мог сделать такое заявление: «Композиторы не правы, когда считают, что мы, рабочие не доросли до того, чтобы слушать оперную музыку и понимать ее. Мы любим музыку и понимаем ее, (...) но многие музыкальные произведения нам непонятны в силу их антинародности»²⁴. А рабочие Ленинграда во время обсуждения этого постановления осуждали композиторов Прокофьева, Шостаковича, Мурадели за то, что их музыка (...) якобы сродни американскому джазу (хотя, поскольку джаз тогда был под запре-

том, мало кто знал, что представляет собой эта музыка, просто само слово «джаз» было символом чего-то неправильного, «не-нашего», а следовательно порочного).

Так рассуждала непросвещенная публика. Однако, и в профессиональной аудитории можно было услышать не менее категоричные суждения. «Отдельные работники искусств, студенты музыкальных учебных заведений, — говорилось в докладной записке, составленной в аппарате ЦК ВКП(б), — высказывают пожелания о запрещении исполнения произведений Прокофьева, Хачатуряна, Шебалина и других композиторов-формалистов. Группа студентов Московской консерватории высказалась за то, чтобы отказаться от симфонической музыки, а центр тяжести перенести на народное творчество. «Да здравствует хор Пятницкого, — говорят они, а прочую музыку — долой!»²⁵ Даже в ЦК подобные высказывания были расценены как «крайности», вместе с тем само возникновение столь агрессивных и невежественных взглядов — независимо от того, какой аудитории они принадлежали — весьма характерная черта времени.

Вынося такие, казалось бы требующие элементарного профессионализма, вопросы на «всенародное обсуждение» власти преследовали несколько целей. Во-первых, предоставляя народу возможность высказаться вслух «невзирая на авторитеты» (не случайно в качестве объектов критики выбирались известные имена), организаторы подобных кампаний «выпускали пар», давая выход негативным эмоциям. Во-вторых, у рядового гражданина таким образом возникало ощущение своей «сопричастности» большой политике, поскольку обсуждалось, как правило, решение, принятое верховной властью. Тем самым человек получал иллюзию соучастия в процессе принятия этого решения, пускай даже на деле все сводилось к формальному его одобрению.

Наконец, «голос народа» использовался властью как инструмент воздействия на умонастроения интеллигенции, которая сознательно переводилась в оппозицию народу. Власть долго приучала рядовых граждан смотреть на интеллигенцию как на слой образованных людей, весь смысл деятельности которых заключается в «служении народу» (в данном случае был элементарно вульгаризирован один из традиционных нравственных принципов самоидентификации русской интеллигенции). Поэтому в массовой реакции на те или иные решения, касающиеся людей искусства, науки, литературы и т.д., всегда присутствует взгляд обывателя с его потребительским отношением к интеллигенции. Этот взгляд легко узнаваем по восклицаниям типа «народ не понимает!», «это народу не нужно!» с непременным требованием к деятелям культуры творить так, чтобы это было понятно массам.

В этом смысле интересный материал для анализа может дать почта Всесоюзного радио. Например, в течение 1952 г. на Всесоюзное радио поступало в среднем ежемесячно 15 тысяч писем от слушателей, причем если в августе пришло немногим более 9 тысяч откликов, то в декабре — уже 28 тысяч²⁶. По различным редакциям декабрьская почта распределилась сле-

дующим образом: Главная редакция политического вещания получила 2,6 тыс. откликов (или 9,3% всей почты месяца), Главная редакция музыкального вещания — 12,6 тыс. откликов (45%), Главная редакция радиовещания для детей — 11,2 тыс. (40%), Главная редакция литературно-драматического вещания — 1,4 тыс. (5%), остальные 0,7% распределились по разным отделам²⁷. По другим месяцам картина выглядела аналогичным образом: большая часть корреспонденции — от 40 до 60% — была посвящена тем или иным музыкальным программам, политическое вещание в этом смысле находилось в рядах аутсайдеров.

Что касается откликов на программы, которые готовились Главной редакцией политического вещания, то здесь интерес слушателей вызывали прежде всего передачи, посвященные вопросам развития науки и техники, а также сельского хозяйства. На эти программы приходило в среднем в 3–4 раза больше откликов, чем, например, в редакцию последних известий или новостей международной жизни.

Политические программы отражали официальный взгляд на те или иные события внутренней и международной жизни, поэтому их традиционно принимали «к сведению», без каких бы то ни было комментариев. Другое дело музыкальные или литературные программы — здесь авторитет власти давил меньше, и люди чувствовали себя несравненно более свободными в высказывании своих впечатлений от услышанного. Вопрос о профессиональной компетентности в большинстве откликов, включенных в сводки (первичный материал не сохранился), вообще не ставился. Да и зачем, если каждый усвоил, что «искусство должно принадлежать народу», а значит, народ имеет полное право судить о качестве и содержании предлагаемого ему искусства.

Больше всего от слушателей доставалось классической музыке. «Мы просим Вас хоть немного уважать простой народ, — писал радиослушатель из Краснодара. — Ведь радио имеет весь народ Советского Союза и большинство простонародья, которое в симфонии очень мало разбирается, а большинство и совсем ее не понимает. Просим Вас больше передавать простых, хороших песен, постановок из драмтеатра, советы врачам, агрономам. А то без конца “Иван Сусанин” да “Иван Сусанин” — больше нечего слушать»²⁸. Идею «облегчения» музыкального репертуара поддерживали многие слушатели. «Копаться в мозгах, напрягать себя, думать, что и как хотел высказать композитор тех времен. Поймите! То было время переживаний, а теперь пришел с работы — хочется услышать прекрасную музыку наших композиторов. (...) Меньше увлекайтесь Обуховой. Давайте Бунчикова, Нечаева и других. Нам нужен отдых, веселые, радостные песни нашего хорошего времени», — так выступал радиослушатель из города Жданова²⁹.

«Сегодня прослушал в третий раз концерт для скрипки Хачатуряна, — писал на радио некто Князев из Москвы. — Что в нем хорошего? Так сумбур-бурум какой-то звуков. (...) Под такую дребедень плясать только новогвинейцам на их островах. Я не имею музыкального образования, но я

имею душу и прекрасно разбираюсь, что хорошо, что плохо»³⁰. Другие были не столь уверены в своей компетентности. «Мы очень ценим и любим нашу русскую классическую музыку, оперную музыку, но, к великому огорчению, мы очень часто ее не понимаем, тем более по радио», — читаем строки коллективного письма колхозников из Краснодарского края, которые писали, что выражают «не только свое мнение, но и мнение колхозников соседних колхозов». — Мы любим песни советских композиторов и из времен Отечественной войны, (...) песни о великих стройках коммунизма, о нашем товарище Сталине, старинные революционные песни»³¹.

Встречались, правда, значительно реже отклики любителей классической музыки. Одни из них, как, например, радиослушатель Павлов из Бежецка, говорили, что советскому народу не нужны «оперетки с графами, баронами и прочей дребеденью» и требовали заменить Штрауса на Чайковского³². Другие в качестве классической музыки признавали только русскую музыку — в духе борьбы с «низкопоклонством».

Редко раздавались голоса истинных ценителей классики, не разделяющих музыку по национальному признаку. Но они были. «Вашу передачу шопеновской музыки слушал с большим удовольствием, — писал радиослушатель Шаров из Ленинграда. — У нас слишком мало дают Шопена, Бетховена, Баха. Почему это так? Мне кажется, что каждый день должен быть специальный час такой музыки. (...) В такой час хотелось бы слушать и музыку наших великих русских композиторов Чайковского, Глинки, Мусоргского в фортепианном исполнении»³³.

В том, что народ предпочитал Бунчикова и Нечаева Бетховену и Мусоргскому, нет ничего удивительного. Сама постановка вопроса «или—или» здесь вообще вряд ли корректна, поскольку речь идет о массовой культуре, имеющей носителя с «заранее заданными свойствами» и соответствующей системой предпочтений. В откликах радиослушателей примечательно другое — сам тон высказываний большинства писем, категоричный и безапелляционный, не оставляющий места для доводов оппонента. И если кто-то брал на себя смелость выступить только от имени «колхозов района», то другие охотно видели себя в роли «голоса народа».

Этот «голос народа» время от времени власть использовала как «воспитательное» средство в своих отношениях с интеллигенцией. Тех же, кто по каким-либо причинам не поддавался «воспитанию», наказывали. Так было всегда, и в этом смысле послевоенный опыт как будто не являлся исключением. Но это только на первый взгляд. Вступая на привычный путь «воспитательной работы», Сталин не мог не учитывать, что объект воспитания все-таки изменился, и молодые интеллектуалы, прошедшие войну, отличаются от своих сверстников довоенного времени. Кроме того, так называемые «чуждые» взгляды после войны получили массового носителя: потенциально это были все, кто побывал по ту сторону государственной границы. В этих условиях откровенный и массовый террор — по образцу 1937 года — был вряд ли возможен. Речь шла скорее о профилактической работе, о такой политике, которая могла бы дисциплинировать общество,

заставить его отречься от иллюзий 1945 года. В общество должен был вернуться страх, несколько утраченный за годы войны. При этом достаточно было не повторять практику 30-х годов, а лишь напомнить о временах «большого террора».

Уже в начале 1947 г. в публичных речах советских лидеров все настойчивее звучали мотивы, напоминающие о временах «большого террора» 30-х годов³⁴. Цитировались письма ЦК ВКП(б) 1935 и 1936 гг., появившиеся в связи с убийством С.М. Кирова и призывающие к бдительности против «происков врагов»³⁵, вспоминалась речь Сталина на февральско-мартовском пленуме партии 1937 г., послужившем отправной точкой для организации «большого террора». «Товарищ Сталин говорил, что буржуазные государства (...) постоянно засылают друг другу массу шпионов. Поэтому нет основания полагать, что к нам засылают шпионов меньше. Наоборот, буржуазные государства к нам засылают шпионов в два-три раза больше, чем в любую буржуазную державу», — в таком духе рассуждал в сентябре 1947 г. секретарь ЦК А.А.Кузнецов³⁶. Казалось, что война шпиономании и поиска «вредителей» снова вот-вот захлестнет страну: машина МГБ всегда была наготове. И все-таки сороковые годы не стали точной копией тридцатых, репрессии послевоенных лет не пошли, например, по пути больших показательных процессов, как в 30-е годы. И этому факту тоже есть свое объяснение.

Процессы конца 20-х и 30-х годов носили политический характер, Сталин боролся с реальной оппозицией своей абсолютной власти — сторонниками Троцкого, Бухарина, разного рода «уклонистами» — и в этой борьбе победил. Самые сильные конкуренты были уничтожены физически, их сподвижники либо закончили жизнь в лагерях, либо вернулись из мест заключения старыми больными людьми. Политических противников такого уровня после войны у Сталина не было. Кроме того необходимо учитывать и то обстоятельство, что у сталинского режима, который уже к концу 30-х гг. сформировался окончательно, в арсенале было гораздо больше средств борьбы с угрожающими его стабильности факторами, чем у того же режима, пока он находился в процессе становления. Власть не утратила своих карательных функций, но формы, содержание, масштабы террора изменились. Можно сказать, что в послевоенный период сам террор стал более адекватен своей психосоциальной природе.

Исследуя сущность террора на примере политики царского правительства, русский психолог Л.Н.Войтоловский писал: «...Добиваясь победы над противником, царское правительство прежде всего стремилось *парализовать* во враждебных ему общественных группах *способность к повышенной и соборной (коллективной) отзывчивости*. В этом вся подавляющая сила террора и репрессий. Ибо цель всякого классового террора отнюдь не в мести и не в изъятии одиночек. *Задача террора — оглушить коллективную чувствительность врага*, посеять в его рядах, асоциальность, вычеркнуть из арсенала его политических средств способность повышено откликаться на явления общественной жизни (выделено мной. — Е.З.)»³⁷.

«Оглушение коллективной чувствительности» есть не что иное как парализация способности критически осмысливать и оценивать ситуацию. А значит, и способности к инакомыслию как таковому. Вошедший в силу диктаторский режим способен бороться с оппозицией не только на стадии действия, но и на уровне мысли, настроения, чувства, т.е. на стадии зарождения противоборствующей силы, когда она — эта сила — возможно, сама еще не осознает свою оппозиционность. Методы открытого политического террора по-прежнему используются, но уже отчасти по инерции, а, в основном, для создания необходимого «фона устрашения», нагнетания атмосферы страха и общей подозрительности.

Между тем, основная роль постепенно отводится идеологическим кампаниям, т.е. кампаниям борьбы с инакомыслием, которые выполняют одновременно известную «профилактическую» функцию³⁸. Механизмы организации этих кампаний, хотя и заимствуют многое из внешней атрибутики показательных политических процессов, все-таки отличаются достаточным своеобразием выбора средств и методик. Частично эти механизмы стали отрабатываться еще в 30-е годы, но главная стадия их становления приходится уже на послевоенный период. О начале новой идеологической кампании заявили уже постановления 1946 г. Следующим шагом в этом направлении стали «суды чести».

3. «Суды чести» — новая форма «воспитания» интеллигенции

«Суды чести», организованные в 1947 г., в качестве своего прототипа имели офицерские суды чести, которые практиковались в российской императорской армии. Офицерские суды чести были направлены на укрепление дисциплины и повышение боеспособности армии. Новые «суды чести» призваны были бороться с инакомыслием в обществе и дисциплинировать государственный и партийный аппарат, т. е. использовались как форма контроля за умонастроениями и поведением интеллигенции и работников аппарата. Постановление о «судах чести», появившееся 28 марта 1947 г., по поручению Сталина готовилось секретарями ЦК ВКП(б) А.А.Ждановым, М.А.Сусловым и А.А.Кузнецовым³⁹. «Суды чести» были выборными органами, а их полномочия ограничивались вынесением обвиняемому общественного порицания или общественного выговора, а также возможностью передачи дела следственным органам. «Суды чести» избирались на основе голосования из сотрудников организации или учреждения, где они образовывались, сроком на один год.

Во всех официальных материалах «суды чести» представлялись как «новая форма воспитания» советской интеллигенции, а главным грехом, в котором ЦК ВКП(б) уличал интеллигенцию, объявлялось «пресмыкательство перед границей». В стране был объявлен «крестовый поход» против «низкопоклонства перед Западом». Такова была реакция Сталина на настроения части интеллигенции, связанные с возможностью расширения международных контактов и либерализации внутреннего режима. Впервые мысль о «низкопоклонстве» прозвучала в постановлении ЦК ВКП(б) «О

журналах “Звезда” и “Ленинград”. Однако широкий размах кампания борьбы с влиянием Запада приобретает только летом 1947 года, после появления закрытого письма ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Клюевой и Роскина»⁴⁰.

Закрытое письмо ЦК констатировало «наличие среди некоторой части советской интеллигенции недостойных для наших людей низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и современной реакционной культурой буржуазного Запада»⁴¹. «Наука в России всегда страдала от этого преклонения перед иностранщиной, — звучала мысль в письме ЦК. — Неверие в силы русской науки приводило к тому, что научным открытиям русских ученых не придавалось значения, в силу чего крупнейшие открытия русских ученых передавались иностранцам или жульнически присваивались последними. Великие открытия Ломоносова в области химии были приписаны Лавуазье, изобретение радио великим русским ученым Поповым было присвоено итальянцем Маркони, было присвоено иностранцами изобретение электролампы русского ученого Яблочкова и т.д.»⁴² Чтобы избежать подобных фактов в дальнейшем, ЦК ВКП(б) намеревался усилить меры по «воспитанию» советской интеллигенции, которую предполагалось пропустить через «суды чести».

Однако интеллигенцией дело не ограничилось, поскольку «суды чести» задумывались как органы с более широкими полномочиями. Эти полномочия постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР определялись следующим образом: «На суды чести возлагается рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств, если эти поступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке»⁴³. Всего с апреля по октябрь 1947 г. «суды чести» были избраны в 82 министерствах и центральных ведомствах⁴⁴.

Первый «суд чести», как это и было задумано наверху, состоялся в министерстве здравоохранения СССР — над профессорами Клюевой и Роскиным. Суд проходил три дня, с 5 по 7 июня 1947г. и вынес решение: за «антипатриотические и антигосударственные поступки» объявить профессорам Н.Г.Клюевой и Г.И.Роскину общественный выговор⁴⁵. Суд над медиками должен был стать своего рода образцом для проведения подобных судилищ во всех министерствах, научных учреждениях и даже в аппарате ЦК ВКП(б). Новая «воспитательная» кампания задумывалась с размахом. Согласно утвержденному наверху сценарию события должны были развиваться следующим образом: всем сотрудникам министерств и ведомств, научным работникам предстояло обсудить закрытое письмо ЦК «О деле профессоров Клюевой и Роскина», затем найти факты «преклонения перед иностранщиной» в собственных учреждениях, а виновных предать «суду чести». А дальше началось самое интересное.

Собрания по обсуждению закрытого письма действительно состоялись практически во всех министерствах и ведомствах, во многих из них были даже найдены необходимые ЦК примеры «низкопоклонства». Если судить по отчетам о проведенных собраниях в научных организациях (прежде

всего в институтах и отделениях Академии Наук), то там в качестве главного «криминала» выступали факты использования советскими учеными иностранных источников и публикация своих работ на иностранных языках. Приведем одно из достаточно типичных обвинений (Отделение технических наук АН СССР): «В 1946 г. (...) выпущена книга В.В.Соколовского “Теория пластичности”, которая содержит 22 страницы английского текста; предисловие автора на русском и английском языке, суммарное изложение каждой главы дано на английском языке и даже оглавление книги переведено на английский язык. Показательно, что автор книги В.В.Соколовский послал свой труд английскому ученому Фольк Одвисту; последний в ответ на эту любезность прислал Соколовскому свою брошюру на английском языке, причем в тексте этой брошюры и в сопроводительном письме, конечно, нет ни одного русского слова»⁴⁶.

Подобные обвинения могли бы показаться курьезом, но люди, уполномоченные контролировать развитие кампании борьбы с «низкопоклонством», относились к своей миссии более, чем серьезно: они внимательно просматривали научные журналы и подсчитывали количество страниц в них, опубликованных на иностранных языках, проверяли соотношение между ссылками на отечественных и зарубежных авторов. Недовольство ЦК ВКП(б), и в частности секретаря ЦК Кузнецова, вызвало решение группы советских физиологов во главе с академиком Л.А.Орбели делать свои доклады на Всемирном конгрессе физиологов в Лондоне на английском языке⁴⁷. К фактам «преклонения перед иностранщиной» были также отнесены использование советскими учеными в своей работе достижений и опыта иностранных коллег, а также импортных сырья и материалов для экспериментов взамен отечественных.

Не все, однако, соглашались с такой постановкой вопроса. «Использование достижений науки и техники других государств нельзя рассматривать как раболепие перед иностранщиной», — такова была мысль нескольких выступавших на собрании во Всероссийском союзе кооперации инвалидов⁴⁸. А ученый, физик В.Л.Гинзбург на партийном собрании в Физическом институте им. П.Н.Лебедева объяснял, что советские ученые часто просто не имеют в своем распоряжении необходимой экспериментальной базы, прежде всего приборов, и поэтому вынуждены использовать зарубежную технику. «Чем крепче, чем шире и мощнее будет наша наука, тем меньше будет оснований для этого (т.е. для использования импортной экспериментальной базы. — *Е.З.*), — говорил В.Л.Гинзбург. — Нужно учитывать науку других стран, относиться к ней с уважением. Но когда ты сам силен, ты раньше всего смотришь на самого себя, думаешь о себе, а не о других»⁴⁹.

Многие ученые поддержали идею о необходимости оперативного внедрения отечественных изобретений и открытий. Но в этом вопросе, — считал, например, академик С.И.Вавилов, — еще нужно достичь соглашения и понимания между учеными и производственниками, руководителями промышленности. «Хорошо известно, — говорил С.И.Вавилов, — что в большинстве случаев советские работы внедряются только после того, как

становится известно, что аналогичное сделано где-либо за границей. После этого начинают внедрять, торопятся, переходят к скоростным методам»⁵⁰. Подобные факты свидетельствуют о том, что ученые пытались уйти, насколько это было возможно, от необходимости искать в своих рядах людей, совершивших «антипатриотические и антигосударственные поступки» и привлечь внимание властей к действительным проблемам и нуждам науки. Однако так происходило далеко не во всех научных учреждениях, и нередко партийные собрания по обсуждению закрытого письма ЦК превращались в сведение личных счетов.

По-разному реагировали участники партийных собраний на сам факт «суда чести» над Ключевой и Роскиным и по-разному выражали свое отношение к решению суда. В научных учреждениях обсуждение этого вопроса прошло в основном в русле ритуального одобрения, без лишних эмоций. В некоторых же министерствах и ведомствах характер обсуждения скорее напоминал реакцию уличной толпы. В партийном собрании в Министерстве торговли СССР после ознакомления собравшихся с приговором «суда чести» в отношении профессоров-медиков, в зале раздавались реплики: «Мало!», «Выговор? Только?!». «Безобразия какое! Надо дать им лет по двадцать заключения — пусть работают. Как они могли обмануть товарища Сталина?»⁵¹. Мысль о том, что Ключевой и Роскину «мало дали» звучала и на других партийных собраниях⁵².

Как и полагалось по задуманному сценарию, в некоторых министерствах и научных учреждениях сразу после обсуждения закрытого письма приступили к выборам «судов чести», а вслед за этим состоялось несколько «судебных процессов». В начале октября 1947 г. заседал «суд чести» в Главном управлении гидрометеорологической службы, на котором в качестве обвиняемых выступали начальник Управления Е.К.Федоров, заместитель начальника заграничной службы Л.Г.Соболев и директор Научно-исследовательского института земного магнетизма Н.В.Пушков. Все они обвинялись в «культивировании низкопоклонства и угодничества перед иностранцами», чем «нанесли серьезный ущерб советскому государству»⁵³. Конкретные претензии в адрес Федорова заключались в том, что якобы, с его разрешения «работники заграничного отдела управления передавали иностранным разведчикам литературу и специально составленные справки по гидрометеорологическому режиму отдельных районов СССР», а также другую информацию, которая по мнению «суда чести», содержала государственную тайну⁵⁴. Таким образом, обвинение выглядело более, чем серьезным и могло быть подведено под соответствующую статью Уголовного кодекса. Однако, до этого так же, как и в случае с Ключевой и Роскиным, дело не дошло. «Суд чести» объявил Федорову и Соболеву общественный выговор, Пушкову — общественное порицание; все они лишились своих постов. Тем не менее по сравнению с содержанием обвинений это было относительно «мягкое» наказание: «суды чести» таким образом выполняли возложенную на них «воспитательную» функцию.

Вместе с тем, не везде кампания по выборам «судов чести» прошла так, как она задумывалась партийными идеологами. В Министерстве

авиационной промышленности «суд чести» выбрать не стали, поскольку министр М.В.Хруничев и руководители парторганизации министерства считали, что у них нет дел, которые находятся в компетенции «судов чести»⁵⁵. Аналогичным путем пошли руководители министерств геологии, вооружения, связи, электропромышленности и Главсевморпути. Другие заняли выжидательную позицию. В Министерстве рыбной промышленности восточных районов «суд чести» был создан, но к работе не приступал, поскольку его председатель (заместитель министра Стариков) высказывался в следующем духе: «Мы подождем, пока накопится опыт работы судов чести у других министерств»⁵⁶. Такое поведение руководителей центральных ведомств не могло не настораживать главных инициаторов кампании по «воспитанию» интеллигенции. «Мне кажется, — говорил на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) Кузнецов, — что в реализации закрытого письма ЦК мы встречаем сопротивление. Хочется признавать это или не хочется, но это факт: мы встречаем сопротивление и со стороны партийных руководителей на местах, и со стороны хозяйственных руководителей. То, что товарищи не хотят организовывать суд чести, означает, что они сопротивляются той новой форме воспитания интеллигенции, которую установил ЦК»⁵⁷.

Министры авиационной и электропромышленности вместе с секретарями парторганизаций этих министерств были вызваны в ЦК для необходимых объяснений. Министры явились на заседание Оргбюро ЦК с отчетами, и эти отчеты сами по себе представляют довольно примечательные документы. В отчете Хруничева, например, который должен был докладывать о проделанной работе в связи с обсуждением в министерстве «закрытого письма» ЦК, содержались исключительно общие фразы типа: «проводится работа по воспитанию и ликвидации раболепия и низкопоклонства...», «принят ряд мер по наведению должного порядка сохранности государственной тайны...», «проведена работа по подъему и выращиванию молодых кадров» и т.д.⁵⁸ Что касается доклада министра электропромышленности И.Кабакова, то он вообще ограничился перечислением новых технологий и изобретений, которые предполагалось внедрить в ближайшее время⁵⁹. Ни в том, ни в другом докладе не было названо ни одной фамилии, ни одного кандидата, дело которого могло быть рассмотрено в «суде чести». Подобная позиция министров не могла не насторожить партийных идеологов, которые непосредственно отвечали за развитие этой кампании.

В течение октября—ноября 1947 г. ЦК организовал ряд проверок хода реализации закрытого письма и работы «судов чести». Только после такого нажима дело, наконец, сдвинулось. В ноябре 1947 г. в Министерстве высшего образования СССР состоялся «суд чести» над профессором Сельскохозяйственной Академии им. Тимирязева А.Р.Жебраком, известным советским генетиком, сторонником Н.И.Вавилова и одним из самых решительных оппонентов Т.Д.Лысенко. Поводом к обвинению Жебрака в «антипатриотических поступках» послужила публи-

кация его статьи «Советская биология» в американском журнале «Science» в 1945 г., в которой ученый отстаивал позиции вавилонской школы генетики и критиковал взгляды Лысенко. В 1947 г. сторонники Лысенко свели с ним счеты: «суд чести» объявил Жебраку общественный выговор. Академик Н.П.Дубинин, вызванный в суд в качестве свидетеля, пытался защищать обвиняемого, но безуспешно⁶⁰.

«Министерства преодолели пассивность (...) и от обсуждений встали на путь практической работы в этой области, — подводила итог одна из проверок. — Суды чести в министерствах выведены из пассивного состояния»⁶¹. С момента принятия закрытого письма ЦК прошло четыре месяца. Однако, тот первый «сбой» не прошел бесследно. Власти впервые после войны столкнулись с проявлением «непослушания» — и что особенно примечательно — внутри такого социального слоя, который считался абсолютно лояльным. Попытка организовать поход против инакомыслия в среде интеллигенции и госслужащих, опираясь на внутреннюю поддержку этого слоя, не принесла желаемого эффекта: «суды чести» были непопулярны. Это во многом решило их дальнейшую судьбу. Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 7 июля 1948 г. полномочия «судов чести» были продлены еще на один год. По истечении этого срока они больше не переизбирались. Сталин, по-видимому, утратил интерес к этой форме «воспитательной работы». Однако именно «суды чести» вместе с другими идеологическими кампаниями 40-х годов подготовили почву для перехода от превентивных мер борьбы с общественным инакомыслием к политике репрессий.

4. «Творческие» дискуссии как форма работы с общественным мнением

Свою лепту в формирование атмосферы идеологического диктата внесли и «творческие дискуссии» конца 40-х — начала 50-х гг. Первая такая дискуссия была организована по вопросам философии. Ее объектом стал учебник Г.Ф.Александрова «История западноевропейской философии», незадолго до этого, в 1946 г., отмеченный Сталинской премией (сам Александров возглавлял главный идеологический штаб страны — Управление пропаганды и агитации ЦК). В декабре 1946 г. в адрес учебника Г.Ф.Александрова сделал серьезные замечания Сталин. Трудно сказать, попала книга в руки Сталина случайно или здесь имел место умысел, но в последующих кампаниях «замечания Сталина» станут уже необходимым атрибутом организации дискуссий. В случае с учебником Александрова по замечаниям Сталина было решено провести дискуссию, которая и состоялась в январе 1947 года. Но философы, не обладавшие еще опытом проведения подобных кампаний, видимо, не оценили фактора политического значения, который наверху придавался философской дискуссии. ЦК остался недоволен и назначил повторную дискуссию, для которой уже был разработан специальный сценарий, а во главе всего предприятия встал секретарь ЦК А.А.Жданов.

В ходе дискуссии автор учебника был обвинен в «объективизме», в том, что он связал возникновение марксизма с предшествующей философской мыслью (в том числе и «буржуазной», в чем и состоял, собственно, «криминал»). И, естественно, некоторая дань автору достижениям западноевропейской философии расценивалась в духе новых веяний как проявление «низкопоклонства перед Западом». Нет необходимости пересказывать содержание дискуссии: не эта сторона дела была тогда решающей⁶². Главный смысл дискуссии вокруг учебника Александрова сводился к тому, что тогда была фактически отработана стандартная модель организации борьбы с инакомыслием и насаждением идеологического монизма. Форма дискуссии представлялась очень удобной — из-за своего внешнего демократизма и соответствия популярным лозунгам критики и самокритики. Внешне привлекательная оболочка сыграла роль политической ширмы, за которой разыгрывалось действие обратного свойства, где, как справедливо заметил философ Ю. Фурманов, «сила аргументов подменялась аргументом силы»⁶³.

Место признанных авторитетов классической философии предстояло занять новому «корифею» (что и было сделано), а сама философская мысль была отнесена к ведению Центрального Комитета партии, который помимо прочего становился руководящим центром общественных наук. Ученым отводилась роль комментаторов и популяризаторов решений, принятых «теоретическим штабом» страны. Кто ошибался, должен был публично «покаяться», что также соответствовало дискуSSIONному сценарию. На содержательном уровне это выглядело примерно следующим образом: «Я вполне сознаю, — писал в июле 1947 года Александров Сталину и Жданову. — что не поправь меня Центральный Комитет по теоретическим вопросам, мало пользы было бы от меня как профессионального философа для партии. (...) Философская дискуссия, и особенно глубокое, сильное выступление товарища Жданова, зарядили философских работников огромной большевистской страстью, вызвали у всех у нас рвение, искреннее стремление покончить со старыми приемами, навыками в научной, публицистической и организаторской работе (...)»⁶⁴

На этом уровне замысел Жданова (и Сталина), можно сказать, удался совершенно: философы сделали «правильные» выводы. Предстояло теперь отработать механизм трансляции принятых решений, т.е. направить дискуссию вниз — для проработки и извлечения политических уроков. И это оказалось самым сложным — не только потому, что в силу абстрактности поднятых дискуссией проблем ее трудно было «привязать» к чему-либо конкретному (к проблемам производства, например), но и, прежде всего, в силу отсутствия профессионалов — «трансляторов». Поход против инакомыслия был уязвимым именно в этом, решающем звене: люди, которым предстояло доводить политические решения до народа, сплошь и рядом оказывались некомпетентными, а то и просто элементарно неинформированными.

С этим фактом столкнулись уполномоченные ЦК ВКП(б), выезжающие с проверками состояния политико-пропагандистской работы на местах. Как свидетельствуют их докладные записки, немалая часть партийных аги-

таторов и пропагандистов (причем не только рядовых, но и руководителей отделов пропаганды и агитации райкомов) не имели элементарного представления о том, какие решения принимаются наверху, не знали, что происходит в стране, в мире. Приведем ответы на вопросы уполномоченных ЦК некоторых работников райкомов.

Беседа первая:

«1. Что читаете из политической литературы? — Первый том товарища Сталина.

2. Что прочитали из этого тома? — Забыл, не могу вспомнить, не отвечу.

3. Что еще читаете? — О буржуазных теориях т. Александра читал.

4. О каких буржуазных теориях? — Кажется, об идеалистических.

5. Что читаете из художественной литературы? — Читаю “Ивана Грозного”, это книга нашего писателя. Мне не нравится эта книга. О народе в ней говорится хорошо, а вот из буржуазии и капиталистов там нет ни одного хорошего человека. В этом году больше ничего не читал»⁶⁵.

Беседа вторая:

«1. Читали Вы доклад т. Жданова о журналах “Звезда” и “Ленинград”? — Нет, этого доклада я не читал.

2. Какими последними решениями ЦК ВКП(б) Вы руководствуетесь в своей работе? — Не могу Вам сейчас назвать.

3. Какие политические партии Вы знаете в Англии? — Не помню.

4. Кто возглавляет правительство в Югославии? — Не помню, или в Югославии, или в Болгарии у правительства Тито»⁶⁶.

На уровне рядовых агитаторов дело обстояло еще хуже:

«1. Назовите высший орган власти в СССР. — Рабочий класс, ЦК? РКК? ВКП(б)?

2. Кем работает товарищ Сталин? — У него много должностей, не могу сказать.

3. Кто глава советского правительства? — Не знаю.

4. Кем работает товарищ Молотов? — Он ездит за границу.

5. Что происходит в Греции? — Банда воюет с рабочим классом»⁶⁷.

Эти документы в силу своей выразительности не нуждаются в каких-либо дополнительных комментариях. Хотя в то время они, вероятно, были подробно проанализированы, потому что ЦК принимает ряд мер в целях исправления создавшейся ситуации. Первым делом взялись за укрепление системы партийных школ и курсов. В 1947 г. в стране насчитывалось всего около 60 тыс. политшкол, в них обучалось 800 тыс. человек. Всего за год количество школ увеличилось до 122 тыс., а число обучающихся в них превысило 1,5 млн человек. Также в два раза увеличилось число кружков, изучающих историю партии — с 45,5 тыс. в 1947 г. до 88 тыс. в 1948 г., соответственно выросло количество посещающих эти кружки — с 846 тыс. до 1,2 млн человек⁶⁸.

Одновременно с мерами, направленными на укрепление идеологического фронта подготовленными кадрами, охранительная политика была распространена на различные сферы науки и культуры. В августе 1948 г.

сессия ВАСХНИЛ завершила долголетнюю дискуссию биологов, в мае—августе 1950 г. прошла дискуссия по проблемам языкознания, а в конце 1951 г. — по проблемам политэкономии социализма. Все эти дискуссии, как и философская, развивались по отработанному сценарию и были организованы сверху. Однако приписывать их полностью инициативе властей все же нельзя. Действительность была сложнее, а оттого драматичнее: организуя эти дискуссии, власти использовали и реальные тенденции, реальные стремления, существующие в духовной жизни послевоенных лет. Потребность широкого обсуждения проблем, рожденных войной, и вопросов послевоенного бытия тревожила интеллигенцию. Общественному мнению нужна была трибуна, чтобы обсудить эти наболевшие вопросы: профессиональная дискуссия была вполне подходящим поводом для реализации такой потребности, не случайно почти все «отраслевые» дискуссии охватывали более широкий круг проблем, чем предусматривал первоначальный предмет обсуждения. Одним из первых эту «странность» профессиональных дискуссий отметил К.Симонов. Когда он подводил итоги дискуссии по проблемам литературной критики 1948 г., он вынужден был признать, что содержание дискуссии определяла не столько «критика критики», сколько более общий анализ литературного процесса и общественной жизни в целом⁶⁹. Осмысление подобных проблем могло придать «отраслевым» дискуссиям совсем нежелательный для организаторов поворот.

Чтобы этого не произошло, дискуссии нуждались в прикрытии мощным авторитетом, который взял бы на себя функцию главного арбитра. Ход старый и апробированный: еще в 30-е годы Сталин громил своих противников, используя авторитет «ленинского курса», истинность которого не могла быть подвергнута сомнению. Похожую позицию заняли Лысенко и его сторонники, выбрав для защиты своих позиций имя известного русского биолога И.В.Мичурина. Однако ссылки на мичуринское учение, удобные для демонстрации патриотизма в условиях борьбы с «низкопоклонством», не могли служить достаточно надежным щитом от научных доводов оппонентов. Для создания такого рода щита необходим был авторитет, чье мнение обсуждению не подлежит, поскольку всегда является «единственно правильным». В огромной стране таким мнением обладал только один человек — Сталин. Логика функционирования абсолютной власти предопределила дальнейший ход событий: у Сталина не было иного пути, как сделаться «великим философом», «великим экономистом», «великим языковедом» и т.д. Поскольку механизмы борьбы с инакомыслием в качестве опорной конструкции предполагали высший авторитет, авторитет должен был произнести свое Слово. Слово авторитета становилось поворотным моментом дискуссии: вмешательство Сталина предопределило победу лысенковцев над генетиками в биологической дискуссии, дало «нужное» направление экономической дискуссии и дискуссии по проблемам языкознания.

Это не значит, что до этого времени Сталин стоял в стороне от дискуссий, он скорее находился в положении наблюдателя и внимательно следил

за ходом событий. В дискуссии о языке статья грузинского филолога А.С.Чикобава, направленная против теории Н.Я.Марра⁷⁰, была написана непосредственно по поручению Сталина — чем было положено начало всей дискуссии. Состояние научной общественности на тот момент, думается, хорошо передает письмо филолога Л.Ф.Денисовой в редакцию «Правды» (эта газета опубликовала статью Чикобава). «Среди языковедов царит небывалое брожение умов, — писала Л.Ф.Денисова. — Одни — главным образом старые враги Марра — говорят: “Ну и слава богу, что наконец-то и на Марра нашелся настоящий критик”. Другие прямо заявляют, что теперь они “поворачиваются на 180 градусов”, хотя недавно еще эти товарищи были яркими марровцами. (...) Третьи боятся высказать свои убеждения, опасаясь, что за Чикобавой стоит мнение более авторитетных товарищей, поэтому как бы им не попасть впросак. (...) Если бы редакция “Правды” могла каким-то образом рассеять эти опасения, убедить товарищей в том, что дискуссия носит действительно открытый характер и за ней не последуют возможные неприятности, то это послужило бы стимулом к настоящему развертыванию дискуссии»⁷¹.

В 1950 г. (когда началась дискуссия о языке) многие стали уже осторожнее в высказывании оценок и суждений: годы идеологического террора не прошли бесследно. Во всяком случае опасения «неприятностей» нельзя отнести к категории беспочвенных. И еще немаловажная деталь: весь ход дискуссии по проблемам языкознания убеждает, что людей уже приучили ждать высшего мнения, сверяя по нему свое собственное. Высшее мнение прозвучало, когда в июне—августе 1950 года в «Правде» появились три статьи Сталина, посвященные этой дискуссии. А вслед за ними — цепная реакция со стороны отказывающихся и отрешивающихся от своих взглядов марристов. «Правда» получала уже не письма, а срочные телеграммы: «В мою дискуссионную статью прошу внести срочные коррективы следующего содержания: в любом классовом обществе язык является не классовым, а общенародным. Остальное остается в силе»; «Прошу не публиковать мою статью по вопросам дискуссии и возвратить обратно»; «После статьи товарища Сталина отказываюсь от основных положений своей статьи, прошу ее не публиковать»; «Прошу задержать мою статью “За полный разгром идеалистов и метафизиков в языкознании” (...) Считаю эту статью ошибочной и вредной»; «После гениальной статьи тов. Сталина необходимость опубликования моей статьи отпадает»; «Статью к лингвистической дискуссии не печатайте. На днях высылаю новую»⁷².

На примере дискуссии о языке можно проследить, насколько эффективно действовал механизм социальной демагогии, особенно если во главе дела становился Сталин. Вера в Слово Вождя превращала людей в пленников фразы — и таких были не единицы. «Иосиф Виссарионович! — обращался к Сталину студент филологического факультета МГУ. — Ваше выступление по вопросам советского языкознания явилось для меня самым значительным событием за последние пять лет в области науки. (...) Оно заставит творчески мыслить, а не жить начетнически стрижкой клас-

сиков марксизма на цитаты. (...) То, что Вы всегда в курсе всех дел нашей страны — это вдохновляет. (...) Желаю Вам здоровья, здоровья и здоровья. А успехи с Вами у нас всегда будут»⁷³.

С этим письмом переключается другое, написанное студенткой филологического факультета ЛГУ: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Вы научили нас любить правду больше жизни. Мы выросли в обществе, которое построено и развивается под Вашим руководством. Мы воспитывались по Вашим книгам и статьям. Мы научились верить Вам, Иосиф Виссарионович, больше, чем себе. Каждое Ваше слово мы чтим, как святыню»⁷⁴.

Но это — лишь предисловие. Главное в том, что некоторые моменты сталинской статьи по вопросам языковедческой дискуссии вызвали у студентки трудности в понимании — чисто профессионального свойства. В строчках письма чувствуется смущение автора за свою «непонятливость», но все-таки она решилась написать: «Хочу не просто верить Вам, хочу быть убежденной (...) в справедливости каждого Вашего слова»⁷⁵. Само Слово Вождя не подвергается сомнению, но слепая вера в его истинность, как свидетельствует это письмо, где-то на уровне подсознания ощущается как недостаточная. Помимо веры нужна убежденность, основанная на знании: а это уже переход с эмоционального на рациональный уровень. Прочитанное письмо студентки — лишь единичная иллюстрация подобного сдвига, и у нас нет доказательств, что этот процесс носил хоть сколько-нибудь массовый характер.

История дискуссионных кампаний продемонстрировала не только силу правящего режима в смысле обработки умов граждан, силу социальной демагогии, но и выявила его слабости, в качестве одной из которых выступала, например, способность доводить любое решение до абсурда. И тогда уже шахтеры обязаны были заниматься обсуждением проблем генетики, а колхозники — изучать статьи Сталина по проблемам языка. У Ф.Абрамова в романе «Пути-перепутья» есть эпизод, в котором главный герой — председатель колхоза Лукашин — попадает на одно из «разъяснительных» совещаний в районе по вопросам языкознания: «Все теперь были заняты изучением этих трудов (работ Сталина. — Е.З.). Они появились в “Правде” как раз в сенокос (...). И вот вызвали на районное совещание (...). Зал был забит до отказа, некуда сесть (...). А Фокин хоть по бумажке читал, но читал зажигающе (...). Последние слова докладчика Лукашин расслышал с трудом — они потонули в шквале аплодисментов, — да ему теперь было и не до них. Хотелось поскорее в парткабинет, хотелось самому своими глазами почитать. Прочитал. Посмотрел в окно — там шел дождь, посмотрел на Сталина в мундире генералиссимуса и начал читать снова: раз это программа партии и народа на ближайшие годы, то должен он хоть что-то понять в этой программе.

Несколько успокоился Лукашин после того, как поговорил с Подрезовым. Подрезов словами не играл. И на его вопрос, какие же выводы из трудов товарища Сталина по языку нужно сделать практикам, скажем им, председателям колхозов, ответил прямо: “Вкалывать”»⁷⁶.

Помимо организации «всемирного обсуждения» кампании 40–50-х годов испытывали и другие существенные трудности: как и любые решения административного типа, рассчитанные на контроль и силовое давление сверху, они требовали больших затрат, — тем более, что каждое новое решение обрастало дополнительными. Увеличилась нагрузка на центральный аппарат: ЦК определял, какие книги советские люди должны читать, какие фильмы смотреть, какие грампластинки слушать⁷⁷.

Из массовых библиотек и книготорговой сети изымались книги, которые, по мнению цензуры, не представляли «научной и литературной ценности» и были «засорены фамилиями, цитатами из статей и статьями врагов народа»⁷⁸. Подготавливались специальные списки такого рода «запрещенной» литературы, которые утверждались ЦК ВКП(б). Наряду со списками «запрещенной» литературы составлялись «черные списки» на театральные пьесы, подлежащие снятию с репертуара. Постановлением Совета Министров СССР от 28 августа 1951 г. функции контроля над произведениями искусства возлагались на органы цензуры. Чуть позднее появились списки запрещенных грампластинок⁷⁹.

В июле 1952 г. Президиум Совета Министров СССР подготовил проект постановления об укреплении местных органов цензуры, который предусматривал увеличение штата районных цензоров (в местных органах Главлита), а также введение должности освобожденных цензоров вместо работающих по совместительству⁸⁰. Нагрузка на органы цензуры росла, с мест шли предложения о необходимости увеличить зарплату цензорам в связи с увеличением объема работы. Высказывались даже мнения о целесообразности перевода органов цензуры в ведение Министерства государственной безопасности СССР⁸¹. Последнее предложение не было принято, но появление этого и подобных ему суждений отнюдь не случайно: они показывают, в каком направлении в последние годы жизни Сталина эволюционировала внутренняя политика руководства страны. Помимо проведения идеологических кампаний и усиления контроля за умонастроениями режим все чаще прибегал к откровенно репрессивной практике.

5. Репрессивная волна 1949–1953 гг.

Психологическое воздействие репрессий на общество, преследующее цель парализации коллективной способности к сопротивлению, основано, тем не менее, на принципе избирательности террора — каким бы масштабным тот ни был. Избирательный подход призван был заложить в массовое сознание идею «праведного гнева» и «справедливости» репрессивных мер. Формула «невиновных у нас не сажают» достаточно распространенная в бытовом обиходе тех лет, показывает, что идея эта попадала на вполне подготовленную почву. Нетерпение обывателя, поднятое до эмоционального горения нехватками послевоенного бытия, требовало немедленной разрядки. В таких условиях росла сила агрессивных эмоций, а объяснение причин житейских неурядиц сводилось по сути к ответу на во-

прос «кто виноват?». Подобные реакция и нормы поведения заложены в механизме поведения толпы, которая тяготеет к упрощенному поиску причинно-следственных связей, сводящихся к выявлению «крайнего». Этот известный стереотип массового поведения использовал Сталин, когда начал делить общество на «своих» и «врагов».

Репрессии послевоенных лет в той или иной степени затронули все слои населения. Если судить по количеству осужденных по политическим мотивам, то пик репрессий приходится на первые послевоенные — 1945 и 1946 г.: именно в этот период органами НКВД было осуждено соответственно 123,2 и 123,3 тыс. человек⁸². В эту волну репрессий попали главным образом бывшие военнопленные, репатриированные, власовцы, оуновцы и другие категории населения, отнесенные властями к категории «социально опасных»⁸³. Первые репрессии послевоенного времени имели, условно, «военное» происхождение и не были напрямую связаны с теми процессами, которые начали развиваться в советском обществе уже после победы. В последующие годы статистика осужденных выглядела следующим образом: в 1947 г. органами МВД и МГБ было осуждено 78,8 тыс. человек, в 1948 г. — 73,3 тыс. чел., в 1949 г. — 75,1 тыс. чел., в 1950 г. — 60,6 тыс. чел., в 1951 г. — 54,8 тыс. чел., в 1952 г. — 28,8 тыс. чел. и в 1953 г. — 8,4 тыс. чел.⁸⁴ Эти цифры отражают только количество осужденных за так называемую «контрреволюционную деятельность», «измену Родине» и другие «государственные преступления». Другие виды преступлений и правонарушений фиксировались уголовной статистикой. К уголовным преступлениям советским законодательством были отнесены не только убийства, ограбления, разбойные нападения, кражи, но и прогулы и опоздания на работу, самовольный уход с работы и другие проступки. Под категорию «кражи и хищения» попадали как реальные преступления, так и «вынужденное воровство» в период голода, когда люди от отчаянья и по вине государства (которое не оплачивало их труд) уносили с колхозных полей зерно или картофель, которые сами же и вырастили. Подобное состояние источниковой базы не позволяет с достаточной достоверностью определить количество людей, попавших под каток государственных репрессий. К числу репрессированных должны быть отнесены не только приговоренные к лишению свободы, но высланные со своих родных мест крестьяне, представители депортированных народов, другие категории спецпереселенцев.

На спецпоселении к концу войны находилось более 1 млн немцев, 575 тыс. представителей народов Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев), 91 тыс. калмыков, 183 тыс. крымских татар, 94 тыс. турок-месхетинцев, курдов⁸⁵. Обвиненные, как и прочие с точки зрения властей «неблагонадежные» контингенты населения, в пособничестве врагу, эти люди вынуждены были начинать новую жизнь в совершенно иной, непривычной для них не только климатической, но и культурной среде. Трудности хозяйственного обустройства усугублялись для них психологической депрессией, ощущением отсутствия каких-либо перспектив. В результате большой смертности в сочетании с низкой рождаемостью среди

спецпоселенцев для некоторых этносов возникла непосредственная угроза вымирания. Так, по данным 1946 г. среди калмыков, проживающих в Новосибирской области, умирало людей в три раза больше, чем рождалось (для сравнения: в это же время среди местного русского населения наблюдалась прямо противоположная тенденция, поскольку рождаемость в три раза превышала смертность)⁸⁶.

После окончания войны среди депортированных народов возникли надежды на возможную реабилитацию и восстановление прежней государственности. Иногда власти, не желая того, сами давали повод для активизации так называемых «возвращенческих» настроений. Например, решение об упразднении Чечено-Ингушской автономной республики и о преобразовании Крымской автономной республики в Крымскую область было расценено представителями не упоминавшихся в решении народов — карачаевцами, калмыками и другими — как косвенное свидетельство лояльного отношения верховной власти к восстановлению их собственных автономий⁸⁷. Однако и с этой иллюзией скоро пришлось расстаться: никаких встречных шагов со стороны властей ни сразу после окончания войны, ни несколько лет спустя так и не последовало. Подобная ситуация формировала соответствующее настроение, которое аккумулируется в следующем высказывании: «То, что нам сделала плохого советская власть, и то, что мы носили «славное» имя спецпереселенцев, мы не забудем до седьмого поколения»⁸⁸. Так в послевоенной действительности завязывались конфликты, разрешать которые пришлось уже спустя годы и десятилетия после окончания войны.

На всех уровнях социальной жизни, практически во всех слоях советского общества уже в первые послевоенные годы можно было обнаружить людей и группы, имеющие претензии того или иного содержания к сложившемуся порядку вещей и властям, этот порядок поддерживающим. Представления о «монолитном единстве» общества и его абсолютной преданности вождю, в общем верные на победный момент сорок пятого, чем дальше, тем больше превращались в иллюзию: слишком велика была пропасть между народом и властью, чтобы надеяться на гармонизацию их интересов при сохранении статус-кво каждого. В растущем отчуждении «верхов» и «низов» единственным звеном, скрепляющим этот политический конгломерат в видимое целое, был сам Сталин. Но и он, похоже, переоценил силу своего положения и способность концентрировать в себе волю и желания общества: не все соотечественники торопились демонстрировать «верноподданность». Это Сталин знал. Но он не знал, сколько их было — «не всех» — и насколько опасным, в том числе и для него лично, становилось начинающееся противостояние. До открытого протеста дело не доходило, но брожение умов было реальностью, которую подтверждали сводки о настроениях разных категорий населения.

Сохранять спокойствие духа руководству мешали события и за пределами страны. Вместе с началом холодной войны Сталин утратил позиции первого политика мира, которым он себя чувствовал после победы. Осталась только Восточная Европа, народы (а точнее, правители) которой,

казалось бы, уже начали строить свою жизнь по образу и подобию «старшего брата». Речь шла по сути об унификации внутренних режимов этих стран согласно советскому образцу, что и зафиксировали материалы первого заседания Информбюро 1947 г. Однако не всех восточноевропейских руководителей устраивало подобное подчиненное положение и силовое давление со стороны Советского Союза⁸⁹.

«Об этом нигде не писалось, — вспоминал известный югославский ученый и политик М.Джилас, — но я помню из доверительных бесед, что в странах Восточной Европы — в Польше, Румынии, Венгрии — была тенденция к самостоятельному развитию. Приведу пример. В 1946 году я был на съезде чехословацкой партии в Праге. Там Готвальд говорил, что уровень культуры Чехословакии и Советского Союза различный. Он подчеркивал, что Чехословакия промышленно развитая страна и социализм в ней будет развиваться иначе, в более цивилизованных формах, без тех потрясений, которые были в Советском Союзе (...). Готвальд выступил против коллективизации в Чехословакии. В сущности его взгляды не очень отличались от наших (имеется в виду позиция Союза коммунистов Югославии. — Е.З.). Готвальду не хватило характера для борьбы со Сталиным. А Тито был сильным человеком»⁹⁰. Кульминацией процесса роста разногласий между СССР и странами Восточной Европы стала советско-югославская встреча в Москве (февраль 1948 г.), после которой последовал разрыв между Сталиным и Тито. Для Сталина это было поражением⁹¹.

Подобное стечение событий не могло не отразиться на внутренней жизни: пропустив оппозицию на международном уровне, Сталин не мог допустить теперь даже зародыша ее у себя в доме. Период «профилактики» в отношении инакомыслящих закончился, набирала силу новая репрессивная кампания. 1948 год в этом смысле стал переломным.

Первыми под каток новых репрессий попали те, кто уже отбыл наказание за «политические преступления» и был освобожден. 26 октября 1948 г. была издана совместная директива МГБ СССР и Прокуратуры СССР, предписывающая снова арестовывать бывших троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, белоэмигрантов, националистов, а также вышедших на свободу осужденных ранее за шпионаж и диверсии. Дела повторно арестованных даже при отсутствии новых данных об их «враждебной» деятельности направлялись в Особое совещание при министре государственной безопасности, и «повторники» отправлялись, как правило, в ссылку на поселение⁹².

Если сравнивать размах политических репрессий за довоенный и послевоенный период, то очевидно, что послевоенный политический террор не достиг масштабов «большого террора» 1937–1938 гг. Только за один 1937 г. по политическим мотивам было репрессировано 790,7 тыс. человек, тогда как за весь период 1945–1953 гг. за «политику» было осуждено 626,3 тыс. человек⁹³. Отличительной чертой послевоенных политических репрессий можно считать замкнутость их на уровне элит — центральных и местных. Репрессии в этой среде преследовали цель дисциплинировать партийный и государственный аппарат, на примере наказания одиночек дать своеоб-

разный урок остальным. Репрессии в кругу элит служили также средством разрешения клановых противоречий в борьбе за власть и являлись своего рода инструментом обеспечения сменяемости и обновляемости кадров. Большинство населения эти репрессии не затрагивали, но они были частью общественной атмосферы того времени, по-своему влияли на отношения народа и власти и формировали соответствующее общественное мнение.

В истории послевоенных репрессий, затронувших властные структуры, особое место принадлежит «ленинградскому делу» (1949–1952 гг.), которое коснулось не только круга высшей элиты, но и одной из самых крупных партийной организации — ленинградской, — а также людей, когда-либо работавших в Ленинграде. На высшем уровне «ленинградское дело» стало результатом клановых разборок, исходом борьбы за влияние, которая велась между двумя блоками в руководстве страны — блоком Жданова и Кузнецова, с одной стороны, и блоком Маленкова и Берия — с другой. Жданов и Кузнецов принадлежали, условно, к ленинградской группе руководителей (тот и другой в разное время работали в качестве первых секретарей ленинградской парторганизации), поэтому интриги в высших эшелонах власти впоследствии захватили Ленинград и ленинградских коммунистов. Примерно до середины 1948 г. лидирующие позиции в руководстве страны занимали представители ленинградской группы, к которой, кроме секретарей ЦК ВКП(б) Жданова и Кузнецова, может быть также отнесен председатель Госплана СССР, член Политбюро ЦК Н.А.Вознесенский. В августе 1948 г. Жданов умер, что послужило сигналом для активизации блока Маленкова–Берия.

Формальным поводом для организации «ленинградского дела» послужили два — в общем незначительных по сравнению с масштабом последующих репрессий — нарушения, допущенные руководством Ленинграда. Первое нарушение заключалось в проведении в январе 1949 г. в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки без соответствующего разрешения Совета Министров СССР (ярмарка по составу участников оказалась не российской, а всесоюзной, на что требовалась специальная санкция правительства). Второе нарушение состояло в фальсификации результатов голосования во время отчетно-выборной конференции городской партийной организации: председатель счетной комиссии объявил о единогласном голосовании, хотя некоторые кандидаты получили незначительное количество голосов «против»⁹⁴.

По этому вопросу 15 февраля 1949 г. было принято специальное решение Политбюро ЦК, в котором в допущенных нарушениях обвинялись не только первый секретарь Ленинградского горкома и обкома П.С.Попков, но и давно уже не работавший в Ленинграде секретарь ЦК Кузнецов, а также председатель Совета Министров РСФСР М.И.Родионов, тоже в прошлом ленинградец. Суть обвинений сводилась к тому, что эти руководители в своей деятельности обнаружили «нездоровый, небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с ленинградской организацией, (...) в попытках создать средостение между ЦК ВКП(б) и ле-

нинградской организацией»⁹⁵. В дальнейшем развитие «ленинградского дела» осуществлялось как бы на двух уровнях — центральном (в отношении высших должностных лиц страны) и региональном (в отношении ленинградских партийных, советских и хозяйственных работников). Связующим звеном в деле служило обвинение в «групповой связи», якобы существующей между руководителями Ленинграда и их покровителями в Москве.

Руководители Ленинграда — П.С.Попков и Я.Ф.Капустин (первый и второй секретари Ленинградского обкома и горкома партии) в феврале 1949 г. были освобождены от своих постов, а в конце марта — начале апреля 1949 г. началась массовая чистка ленинградского партийного аппарата. Всего за период с 1949 по 1952 гг. в Ленинграде и Ленинградской области было освобождено от работы свыше 2 тысяч руководителей, в том числе 1,5 тыс. партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников⁹⁶. Не только руководство города, но и почти все управленческие структуры были разгромлены.

В это время в Москве под наблюдением Г.М.Маленкова шел сбор компрометирующего материала на главных действующих лиц будущего судебного процесса: Кузнецова, Вознесенского, Родионова и других. Поскольку дело имело конфиденциальный характер, для проведения следствия и содержания особо важных подсудимых была создана специальная тюрьма, которая находилась в ведении не министерства госбезопасности, а ЦК ВКП(б). Не случайно ее прозвали «партийной тюрьмой». Следствие также велось в двух направлениях — по партийной линии и по ведомству МГБ. Главный судебный процесс над участниками «ленинградского дела» проходил 29–30 сентября 1950 г. в Ленинграде. Процесс считался «открытым», однако публика состояла почти исключительно из сотрудников правоохранительных органов. Нигде в печати об «открытом» процессе не сообщалось. Все подсудимые (в процессе участвовало 9 человек) признали себя виновными. На основании приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР они обвинялись в том, что «представляли собой враждебную группу, которая с 1938 года проводила вредительско-подрывную работу» с целью «превратить Ленинградскую организацию в свою опору для борьбы с партией и ее ЦК»⁹⁷. Шестеро из обвиняемых (Н.А.Вознесенский, А.А.Кузнецов, П.С.Попков, Я.Ф.Капустин, М.И. Родионов, П.Г.Лазутин) были приговорены к расстрелу, остальные получили разные сроки лишения свободы. Приговор был приведен в исполнение 1 октября 1950 г. После главного процесса прошли, по-видимому, несколько тайных мини-процессов, на основании которых были казнены еще несколько партийных руководителей, связанных с Ленинградом. Другие арестованные, а также члены семей осужденных приговаривались к различным срокам тюремного заключения и исправительно-трудовым лагерям. В связи с «ленинградским делом» были репрессированы в партийном и судебном порядке сотни коммунистов в Москве, Горьком, Мурманске, Рязани, Симферополе, Севастополе, Новгороде, Пскове, Таллине и других городах.

«Ленинградское дело» самое заметное и трагичное по своим последствиям в цепи послевоенных репрессий — тем не менее было лишь частью

процесса чистки, затронувшего партийную элиту в конце 40-х — начале 50-х годов. Не все дела против партийных руководителей развивались по единому сценарию. В этом смысле в качестве контраста «ленинградскому» можно рассматривать дело «московское», связанное с отстранением от должности первого секретаря Московского комитета партии Г.М.Попова. После решения Политбюро ЦК от 12 декабря 1949 г. «О недостатках в работе товарища Попова Г.М.» московский руководитель был просто освобожден от своей должности и отправлен на другую работу. Аналогичным же образом (снятием с работы) пострадали несколько секретарей московского горкома партии, но московский партийный аппарат в целом не подвергался столь опустошительной чистке, как аппарат ленинградский.

Одновременно с чистками в центральном аппарате в послевоенные годы была организована частичная чистка местных (главным образом республиканских) элит. Среди наиболее громких дел, коснувшихся республиканских руководителей, следует назвать «эстонское» и «мингрельское». В результате «эстонского дела» (1950–1952 гг.) пострадали руководители Эстонии — первый секретарь ЦК компартии республики Н.Каротамм и председатель Совета Министров ЭССР А.Веймер, которые были освобождены от своих постов. Были также сняты с должности, а впоследствии арестованы и осуждены другие руководители Эстонии (заместитель председателя Президиума Верховного Совета Н.Андрезен, Президент Академии Наук республики, министр иностранных дел Х. Круус, председатель Союза Советских писателей Эстонии И.Семпер и др.). Главной причиной репрессий против эстонского руководства стало обвинение его в склонности к «местному национализму». Из Москвы казалось, что эстонские лидеры «не ведут должной борьбы с буржуазным национализмом», проявляют «политическую неразборчивость» при выдвижении кадров, допускают развитие антирусских настроений в республике⁹⁸.

7 марта 1950 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление «О недостатках и ошибках в работе ЦК КП(б) Эстонии», которое послужило сигналом к чистке республиканского партийного и государственного аппарата. Каротамм и Веймер дважды, в феврале 1950 г. и в декабре 1951 г. вызывались в Москву, в Центральный Комитет ВКП(б), где расследованием их «дела» занималась специальная комиссия. И тот, и другой, признав за собой ряд «ошибок», тем не менее отвергли обвинения в «буржуазном национализме». Каротамм признал лишь в своих действиях «уклон к местному национализму»⁹⁹. Комиссия сделала вывод, что бывшие руководители Эстонии «до конца не раскрыли всех своих ошибок», однако посчитала, что «Каротамм и Веймер за антипартийное поведение заслуживают строгого партийного взыскания» — не более того¹⁰⁰. Что касается партийной организации Эстонии, то она — в отличие от ленинградской парторганизации — не была подвергнута основательной чистке, процесс этот затронул в большей степени государственный аппарат. Партийные кадры, в своей значительной части «привозные», т.е. направленные в Эстонию из других регионов СССР — представляли собой фактически единственную социаль-

ную опору политике советизации. Поэтому «эстонское дело» остановилось на уровне руководства республики и не затронуло компартию Эстонии в целом.

По тому же принципу — «огонь по штабам» — шло развитие другого послевоенного «дела» — «мингрельского», коснувшегося руководства компартии Грузии. Сигналом к этому делу послужила информация о многочисленных фактах коррупции и злоупотреблений, в которых оказались замечены некоторые влиятельные лица. Поскольку большинство обвиняемых имели мингрельские имена (Мингрелия — одна из исторических провинций Грузии), все дело получило название «мингрельского» (1951–1952 гг.). Возникнув как дело уголовного характера (а факты коррупции среди грузинского руководства действительно имели место), оно почти сразу же приобрело политический характер. Всем лицам, уличенным в коррупции, во главе с бывшим вторым секретарем ЦК компартии Грузии М.И. Барамия было предъявлено обвинение в создании «националистической группы», которая ставила своей целью «захватить в свои руки важнейшие посты в партийном и государственном аппарате Грузии»¹⁰¹. Спустя всего несколько месяцев «группе Барамия» уже инкриминировалось стремление ликвидировать в Грузии советскую власть и разделить республику на ряд «отдельных партийных княжеств»¹⁰². Всего в ходе «мингрельского дела» было арестовано 37 партийных и советских работников Грузии, несколько тысяч человек были высланы за пределы республики¹⁰³.

Чистки, проведенные в начале 50-х гг. среди руководителей Эстонии и Грузии, продемонстрировали очевидное смещение акцентов в проведении кадровой политики центра по отношению к региональным элитам. В этой политике на первый план выходит борьба с проявлениями так называемого буржуазного национализма — одно из следствий возрождения имперской идеологии, настойчиво культивируемой Сталиным в советском обществе после войны. «Националисты» в условиях перманентной борьбы режима с очередными «врагами народа» должны были выполнить роль, которая в прошлом отводилась троцкистам, представителям небольшевистских партий, разного рода «уклонистам» внутри компартии и прочим «вредителям». Вместе с тем «дела», организованные по типу эстонского или мингрельского, неизбежно оставались замкнутыми на региональном, республиканском уровне. Для фабрикации «националистического заговора» в масштабах всей страны (по типу политических процессов 30-х годов) нужен был соответствующий национальный элемент.

В этом смысле выбор Сталина отнюдь не случайно пал на советское еврейство. Евреи не только были расселены по всей территории Советского Союза, но и многие из них принадлежали к элите советской науки и культуры, занимали ответственные государственные посты. Кроме того, у советских евреев была своя общественная организация — Еврейский антифашистский комитет, которому в случае необходимости можно было бы приписать роль «националистического центра». Организаторы антисемитской кампании учли и такой фактор, как латентный бытовой антисемитизм, присутствующий в различных слоях российского общества. История

антисемитской кампании конца 40-х — начала 50-х годов подробно изложена в научной литературе¹⁰⁴, поэтому остановимся лишь на главных ее этапах, важных для понимания состояния общественной атмосферы того времени.

Первые проявления антисемитизма как новой государственной политики были отмечены сразу после окончания войны. Объектами критики ЦК ВКП(б) стали тогда Советское информационное бюро (Совинформбюро) и его начальник, заместитель министра иностранных дел СССР С.А.Лозовский. В сентябре 1945 г. и в июле 1946 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) организовало две проверки работы Совинформбюро, которое было подвергнуто весьма серьезной критике за «упущения в кадровой работе». Эти «упущения» в числе прочих недостатков выразились в «недопустимой концентрации евреев»¹⁰⁵. Лозовский был освобожден от своей должности, а в Совинформбюро началось увольнение сотрудников «по национальному признаку». Это были только первые шаги кампании, которая наберет полную силу в течение 1948–1949 гг., когда по всей стране будет организована борьба с так называемым космополитизмом.

Обвинения в «космополитизме» придут на смену не вполне оправдавшей себя, с точки зрения властей, кампании борьбы с «низкопоклонством перед Западом», в известном смысле «конкретизируя» последнюю. «Космополитизм» выступал как своего рода «высшая форма низкопоклонства» — как полный разрыв с интересами отчества. Кроме того, в отличие от кампании борьбы с «низкопоклонством», которая не имела четко выраженного объекта нападения (в грехе «преклонения перед иностранщиной» мог быть обвинен кто угодно), круг «космополитов» (по терминологии тех лет, «безродных космополитов») был очерчен довольно ясно. Об этом нигде официально не заявлялось, но современники прекрасно понимали, о ком идет речь: в роли «безродных космополитов» выступали советские евреи.

В развитии всей антисемитской кампании переломным стал 1948 год — год образования самостоятельного государства Израиль. Именно в этот год произошло убийство признанного еврейского лидера, председателя Еврейского антифашистского комитета С.М.Михоэлса. Тогда же начались первые аресты среди членов ЕАК. Чтобы создать видимость «сионистского заговора», в Министерстве государственной безопасности СССР одновременно с главным делом, связанным с ЕАК, велась фальсификация и разработка других — «малых дел» (всего около 70). Эти «дела» должны были продемонстрировать наличие целой сети сионистских организаций — в государственных учреждениях, промышленности, науке и т.д. Начиная с 1949 г., прошла кадровая чистка во всех министерствах и ведомствах, научных организациях, редакциях газет и журналов: отовсюду изгоняли евреев. Чистке по национальному признаку было подвергнуто даже такое ведомство, как Министерство государственной безопасности.

К весне 1952 г. было закончено следствие по делу Еврейского антифашистского комитета, а с мая по июль 1952 г. шел процесс над участниками «дела ЕАК». Все участники этого процесса, за исключением одной обвиняемой, были приговорены к расстрелу. Всего же в связи с «делом ЕАК» в

течение 1948–1952 гг. было репрессировано (приговорено к расстрелу и разным срокам лишения свободы) 110 человек¹⁰⁶.

Однако, вместе с завершением серии «дел», связанных с процессом над членами Еврейского антифашистского комитета, кампания по преследованию евреев не завершилась. Ее заключительным этапом стало «дело врачей», призванное, по замыслу организаторов, вскрыть заговор кремлевских медиков против руководителей партии и страны. «Дело врачей» — единственное в цепи послевоенных «дел», которое было предано широкой публичной огласке. Сообщение об аресте группы врачей, названных «убийцами в белых халатах», «врачами-вредителями», было опубликовано в газете «Правда» 13 января 1953 г. Не все арестованные врачи были евреями по национальности, однако, как подчеркивалось в сообщении, «большинство участников террористической группы (...) были связаны с международной еврейской организацией “Джойнт”»¹⁰⁷. «Врачи-вредители» обвинялись в сознательно неправильном лечении руководителей страны, в том, что они способствовали смерти первого секретаря Московского комитета партии Щербакова в 1945 г. и секретаря ЦК Жданова в 1948 г. и готовили аналогичные «террористические акты» в отношении других высших государственных лиц.

Семена лжи упали на уже хорошо подготовленную почву: кампания борьбы против «безродных космополитов» приносила свои грустные плоды. Конечно, далеко не все поверили в бессмыслицу относительно «убийц в белых халатах», но массовая реакция на «дело врачей» была весьма показательной. «Выслушав сообщение радио, шлю проклятие гнусным убийцам товарищей Жданова и Щербакова. Арестованных гадин надо повесить», — писал в «Правду» некто Назаров из города Новочеркаска¹⁰⁸. Смертной казни для врачей требовали военнослужащие и домохозяйки, школьники и пенсионеры. Многие из этих людей даже не считали себя антисемитами. «Я простой рабочий и не антисемит, — объяснялся на этот счет рабочий московского завода “Динамо”. — Но скажу прямо, давно евреев гнать надо из всех медицинских учреждений, аптек, больниц, домов отдыха, санаториев — это, так сказать, места засилья евреев, да еще торговля. (...) Одним словом, надо почистить этих людишек»¹⁰⁹.

Приходили в газеты и анонимные письма, вроде такого: «Мы, все жильцы дома, были страшно возмущены, когда прочитали в “Правде” сообщение ТАСС (...). Не пора ли разбирать национальный вопрос, в том числе и еврейский, с позиций построения коммунизма. Мешают они строить коммунизм? Да! С этих позиций и еврейский вопрос надо решать. Удалить их из крупных городов — много сволочей лишних (...)»¹¹⁰. Были осуждающие врачей письма-отклики и от представителей еврейской национальности, обращенные к «честным евреям мира» с призывом «клеить позором убийц», «американских наемников»¹¹¹.

О состоянии общественной атмосферы начала 50-х годов в связи с массовой реакцией на «дело врачей» вспоминал один из участников этого дела известный советский патологоанатом профессор Я.Л.Рапопорт: «В обы-

вательской среде распространялись слухи один нелепее другого, включая “достоверные” сведения о том, что во многих родильных домах были умерщвлены новорожденные или что некий больной умер непосредственно после визита врача, тут же, естественно арестованного и расстрелянного. Резко упало посещение поликлиник, пустовали аптеки. В Контрольный институт, где я тогда работал, пришла молодая женщина и принесла для исследования пустой флакон из-под пенициллина. Ее ребенок был болен воспалением легких, и после приема пенициллина его состояние, по словам матери, резко ухудшилось. Аллергические реакции на антибиотики — явление достаточно частое, но она приписала эту реакцию действию яда, якобы содержащегося в пенициллине, заявив при этом, что прекращает какое-либо лечение ребенка вообще. Когда же я сказал, что этим она обрекает ребенка на гибель, то в ответ услышал: пусть умирает от болезни, но не от яда, который я даю ему своими руками (...)»¹¹².

Подобным образом нагнеталась атмосфера массовой истерии, а общество, доведенное до такого состояния, становится легко управляемым. Но — на уровне эмоций. Оно способно разрушить, преодолеть все препятствия — подлинные, а чаще — мнимые. К конструктивному действию такое общество не способно. Потому что это уже не общество в истинном смысле этого слова. Это толпа. Для воздействия на общественный разум нужны более тонкие средства. Идеологическая обработка умов с помощью организованных дискуссий и должна была выполнить роль такого рода средства. Однако атмосфера массового психоза давила своей эмоциональной агрессивностью, подчиняя рациональное чувственному. В результате грань между откровенным террором и идеологическим диктатом часто становилась едва различимой, а угроза расправы — вполне реальная — заслоняла собой аргументы разума. Манипулируя массовыми настроениями, власти смогли придать карательной кампании характер «всемирного одобрения». Общество, подготовленное психологически к кампании террора, в массе своей на удивление легковерно восприняло версию и о происках «безродных космополитов», и о «врачах-вредителях». Не увлекаясь существом дискуссионных полемик, оно в то же время готово было осудить признанные «вредными» философские, биологические, экономические и какие угодно другие взгляды. Но могло ли так продолжаться долго?

Ставка на тотальный контроль неизбежно усиливала влияние органов МГБ—МВД. Руководство страны оказалось в сложном положении: в развитии политики государственного принуждения наступал критический предел, перешагнув который, сами носители высшей власти легко могли оказаться в положении таких же поднадзорных объектов, как и рядовые граждане. Поэтому курс на усиление контрольно-карательных функций государства, несомненно преваляющий во внутренней политике конца 40-х — начала 50-х, годов, не был абсолютным. В данном случае сыграло свою роль не только чувство самосохранения верхов, но и действие законов предельной эффективности применения чрезвычайных мер.

Механизм контроля из фактора, обеспечивающего системе устойчивость, грозил превратиться в фактор дестабилизирующего действия. Одна-

ко дальнейшей эскалации ситуации помешали не только законы самосохранения системы, но и известное сопротивление снизу, где продолжали действовать, несмотря ни на что, законы человеческие. Они часто и решали судьбы людей.

Историк Ю.П.Шарапов вспоминает, как осенью 1949 года, когда он учился в аспирантуре МГУ, у него был повторно арестован отец: «Меня вызвали в партком, а затем на факультетское партсоборание. Мне грозило исключение из партии. Но когда это было сказано вслух, из последних рядов поднялся мой довоенный однокурсник, тоже аспирант, прошедший войну, вышел на трибуну и сказал слово в мою защиту. А потом было заседание Краснопресненского бюро райкома партии. Меня защищали двое — секретарь партбюро факультета Павел Волобуев и член бюро райкома, начальник окружной дороги, железнодорожный генерал Карпов. И бюро райкома оставило меня в партии»¹¹³.

Случай, о котором рассказал Ю.П.Шарапов, в практике работы партбюро исторического факультета МГУ, когда его возглавлял П.В.Волобуев (впоследствии известный историк, академик Российской Академии наук), был не единичным, хотя не всегда позицию секретаря поддерживало тогда большинство. Тем не менее, используя особое положение партийной организации при решении кадровых вопросов даже в тех условиях обостренной бдительности удавалось оказывать помощь людям — достойным и способным, но имеющим определенные трудности с «анкетой» (детям репрессированных родителей, побывавшим в плену или на оккупированной территории и т.п.). «Я просто выступал против всяких крайностей, — вспоминал то время П.В.Волобуев. — Например, крайностей в борьбе с космополитизмом. Нет, что касается трескотни насчет космополитизма, в том числе и в моих докладах, она продолжалась. Но ни один человек с факультета уже не был уволен, хотя и существовали своего рода “черные списки”»¹¹⁴. Когда я спросила Павла Васильевича, почему он занял такую позицию, доставившую ему лично много сложностей, он сказал: «Вы только поймите, героем я не был. Я был и достаточно суров, и требователен. И поступал в соответствии с законами здравого смысла. Просто в жизни всегда остается место для личного морального выбора, как бы ни трудна была ситуация»¹¹⁵.

Время не бывает одноцветным: кто-то, рискуя карьерой (а иногда и головой) вступался за близкого или вовсе незнакомого человека, кто-то публично отказывался от родителей, учителей, наставников. Возможно, пространство выбора было тогда небольшим, но способность к нравственному сопротивлению сохраняется всегда — при любых обстоятельствах и при любых режимах.

6. «Кто виноват?» или «что мешает?»:

эволюция массового сознания и общественной мысли

Террор, сопровождающийся нагнетанием экстремальности, всегда имеет психологический предел. «Общество, охваченное паническим настроением, — писал Л.Н.Войтоловский, — не только утрачивает чуткость к дис-

гармониям общественной жизни (это как раз режиму было выгодно. — Е.З.), но (...) само становится источником угнетающих и тревожных эмоций, доводящих его до мертвящей немощи, заботности и апатии»¹¹⁶. Подобный исход находился в прямом противоречии с принципами функционирования существующей общественной модели, рассчитанной на постоянное поддержание высокого тонуса общественной жизни. Если эта модель органично включала в себя механизм террора для исполнения охранительной функции, то с такой же необходимостью она нуждалась и в иных средствах своего жизнеобеспечения, призванных стимулировать духовный подъем, ударный ритм, трудовой энтузиазм. С помощью террора удавалось отвлечь внимание людей от анализа истинных причин общественного неблагополучия, отправив их по ложному следу поиска «врагов». Однако негативная реакция таким образом не исчезала, она просто переключалась на другой объект. Поэтому нужны были специальные меры, способные сформировать в массах позитивные эмоции, стимулировать созидательные устремления и действия. Такого рода меры формируют и поддерживают авторитет власти. Их отличительная особенность состоит в том, что целесообразность решений этого типа измеряется не столько долей практической отдачи (например, экономической эффективностью), сколько степенью популярности в массах. То есть, эти меры, какое бы конкретное содержание в них не вкладывалось, по сути своей всегда являются популистскими. В ряду подобных популистских решений на первом месте всегда стоит снижение цен¹¹⁷.

Однако решения о снижении цен не затрагивали трудовых стимулов. Вообще в послевоенный период сфера действия материальных стимулов была существенно ограничена. Безусловно, сказывались последствия войны; жесткая финансовая дисциплина и ограниченность ресурсов устанавливали различного рода «потолки», в том числе и по заработной плате. Поэтому трудовой подъем, духовный пафос восстановления — несомненная реальность послевоенных лет — имел иной, нежели материальный интерес, источник вдохновения. Недостаточность материальных стимулов компенсировалась действием психологических и идеологических факторов. Принцип работы этой группы стимулов в основе своей опирался на «эффект большой цели». Так было во время войны, когда люди сражались и работали во имя одной, общей и великой цели — Победы. В мае 45-го цель была достигнута. Образовавшийся вакуум надо было чем-то заполнить. Наверху, видимо, не нашли ничего лучшего, как вновь сделать ставку на образ будущего — построение коммунизма. В проекте Программы ВКП(б) 1947 года было записано: «Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) ставит своей целью в течение ближайших 20–30 лет построить в СССР коммунистическое общество»¹¹⁸.

Однако преимущество Победы в ее имидже «большой цели» заключалось не только в ее огромной притягательности, но и сама эта притягательность была связана с максимальной конкретностью: с каждым взятым городом, освобожденной деревней эта цель из идеальной все более становилась реально достижимой. Идее построения коммунизма необходимо было придать такую же конкретность. Так в общественное сознание был

внесен своеобразный символ будущего — «великие стройки коммунизма». Гидроэлектростанции на Дону, Волге, Днепре, Волго-Донской и Туркменский каналы... Для них, этих строек, варились сталь и чугун, создавались новые конструкции машин и механизмов. Пуск каждой очереди «великих строек», осуществление «великого плана преобразования природы» и даже начало строительства высотных зданий в Москве должны были восприниматься как очередная веха, как еще один практический шаг на пути к коммунизму. То обстоятельство, что «стройки коммунизма» большей частью сооружались руками заключенных, мало тревожило идеологов страны. Многие соотечественники об этом просто не знали, а те, кто знал, обязаны были смотреть на эти стройки как места «перековки» и «перевоспитания» людей в духе коммунизма.

Появление «великих строек коммунизма» застало теоретиков врасплох: пришлось срочно пересматривать научные курсы, учебные программы, планировать новые исследовательские темы. В июне 1950 года в Институте экономики АН СССР прошла теоретическая конференция на тему «О путях постепенного перехода от социализма к коммунизму». На конференции был сделан вывод о том, что Советский Союз имеет все необходимые и достаточные условия для построения коммунизма в кратчайший срок¹¹⁹. Что касается изучения проблем перехода к коммунизму, было признано целесообразным начинать его не с характеристики будущего коммунистического общества, а с «уже имеющихся ростков коммунизма». Обсуждение конкретных социально-экономических вопросов по сути дела свелось к дискуссии о путях и формах перехода к коммунистическому способу распределения (вероятно, наиболее «приятной» для участников обсуждения): когда и в каком порядке будет осуществляться бесплатное распределение продуктов питания и услуг?¹²⁰

Ни эта, ни подобные ей дискуссии ничуть не конкретизировали концепцию построения коммунизма, а вместе с тем и концепцию перспективного развития советской экономической и политической системы. Много слов было сказано по поводу того, что движение советского общества должно осуществляться по пути укрепления экономической базы, совершенствования системы социальных отношений, развития духовной сферы и т.д. Но вопросы — как именно должно происходить это «укрепление», «совершенствование» и «развитие», каким закономерностям эти процессы подчинены и каков механизм действия этих закономерностей? — оставались открытыми. После выхода в свет брошюры Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1951 г.) теоретическая мысль получила совершенно определенную направленность и дальше уже двигалась именно в этом заданном направлении, исключая какую-либо дискуссионность.

Гораздо более интересные процессы происходили в это время в среде не «теоретиков», а «практиков». В настроениях рабочих, например, ощущался сдвиг, своего рода поворот — от материальных требований первой необходимости к претензиям более широкого производственного и даже политического порядка. В обобщенном виде эти претензии можно сформулировать как неудовлетворенность организацией производственного

процесса, в котором рабочему отводилась почти исключительно подчиненная, исполнительская роль. Много нареканий вызывала практика проведения рабочих собраний. «На собраниях невозможно по-деловому обсудить проблемы, вместо обмена мнениями на них нередко преобладает административный нажим», — высказывали свои претензии рабочие¹²¹. Решения собраний принимались формально, примерно по следующему образцу: «не останавливаться на достигнутом, повышать производительность труда и трудовую дисциплину», «итоги считать хорошими, но не успокаиваться на достигнутом» и т.п.¹²² В своих отзывах о собраниях рабочие выражали недовольство тем, что собрания практически бесполезны, потому что к их мнению никто не прислушивается: «Вся беда в том, что нас не слушают. Много болтовни, а дела мало. Я на собрания хожу, но злой за потерянное время»; «Я когда-то числился в активе, а сейчас чувствую, что мои усилия повлиять на улучшение работы проходят впустую, и волей-неволей отстаю от всего, на собрания ходить перестал: не слушают нас»¹²³.

Часто бывало так, что рабочих, выступавших с критикой администрации предприятия, потом всячески притесняли, организовывали травлю. Среди рабочих ходили разговоры, что сообщать о беспорядках на предприятиях в районные, городские и другие организации не имеет смысла, хозяйственники там все равно найдут защиту. «Одна надежда — писать в ЦК ВКП(б) или тов. Шкирятову (председателю Комиссии партийного контроля. — Е.З.), они помогут», — таково было достаточно распространенное в рабочих коллективах мнение¹²⁴.

Впрочем, пассивное отношение к ситуации было не везде: на начало 50-х годов приходится развитие разного рода рабочих инициатив, с помощью которых рабочие стремились укрепить самостоятельность своего положения на производстве, утвердить свои позиции в качестве коллективного собственника предприятия. Возникло движение за принятие оборудования на «социалистическую сохранность», был опыт введения личных клейм (когда рабочий, по примеру старых русских мастеров, ставил свой личный знак на произведенную продукцию). Инициативы эти просуществовали недолго: они были признаны нецелесообразными, якобы снимающими ответственность с руководителя предприятия¹²⁵.

Еще большее сопротивление встречали предложения по развитию новых форм управления предприятиями, реорганизации системы хозяйственных связей. В январе 1950 г. секретариат Г.М.Маленкова получил записку от начальника планово-финансового отдела одного из управлений Министерства связи СССР в Латвии И.М.Стульникова. В этой записке автор подробно изложил идею выборности и коллективного руководства на производстве. «Опыт показывает, — писал И.М.Стульников, — что в наше время, когда политическое сознание и деловые качества подавляющей части советских людей достигли небывалой зрелости, принцип единоначалия, осуществляемый в хозяйственных учреждениях, организациях и предприятиях, перестал оправдывать себя. А в ряде случаев он стал наносить определенный вред интересам государства. Известно, что имеется немало руководителей-хозяйственников, которым любовь к администрированию

серьезно вскружила головы. Иной такой администратор замкнется в рамки единоначалия, с мнением других людей не считается и ни с кем не советуется. Речь идет об осуществлении коренной перестройки хозяйственного аппарата и создании его на совершенно иных, более демократичных началах»¹²⁶.

Выход из положения автор видел в переходе на систему выборности и коллегиальности руководства, организационной формой которого должны были стать хозяйственные советы — снизу доверху, от конкретного предприятия до министерства¹²⁷. Чтобы обеспечить при этом сочетание принципов единоначалия и коллегиальности, необходимо, как считал Стульников, сохранить за министром или руководителем предприятия право утверждать все решения хозяйственного совета¹²⁸.

Идеи Стульникова не встретили тогда понимания в Центральном Комитете ВКП(б) — и не просто в силу спорности самой позиции автора записки. Логика хозяйственного управления, построенного на принципе строго фиксированной ответственности и многоступенчатой иерархии, в основе своей противоречила идее децентрализации — в какой бы форме она ни выражалась. Вместе с тем, предложения Стульникова представляют интерес не только с точки зрения их возможного приложения к реальной практике управления, но и, прежде всего, как факт развития практической хозяйственной мысли, которая искала, в допустимых по тому времени пределах, пути и формы реформирования хозяйственного механизма, консерватизм которого мешал организации оптимальной работы экономических структур. Подобные поиски были пока уделом единиц. Основная масса людей в этом плане по-прежнему оставалась инертной.

Интересно проанализировать в этой связи реакцию людей на вопрос об их отношении к имеющимся трудностям и недостаткам. В начале 50-х годов журналист А.Злобин писал: «Беседуя с различными людьми, я задавал один и тот же вопрос: “Что мешает вам в работе? Мешает вашему заводу?” К моему удивлению немалая часть ответов звучала примерно так: “Мешает? Нам ничего не мешает. Разве нам что-либо может мешать?”»¹²⁹ Этот вопрос-ответ возник не случайно. Он отражал определенный социально-психологический настрой, являлся реакцией на непривычную постановку вопроса о причинах недостатков: вместо обычного «кто виноват?» — вдруг «что мешает?». Когда ставился вопрос «кто виноват?», за ним виделась конкретная личность, за вопросом «что мешает?» — общественное явление. В конечном счете этот вопрос прямо выводил на анализ состояния общественного организма, поиска его «болевых точек», узловых противоречий развития и возможных путей разрешения данных противоречий. Вопрос «что мешает?» неизбежно переводил в другую плоскость и вопрос «что делать?», который уже нельзя было решать только привычной перестановкой кадров, заменой «плохого» руководителя на «хорошего». Все это было достаточно новым — отсюда и столь неадекватная реакция обиденного сознания на смещение акцентов в вопросе о трудностях и проблемах реальной жизни.

Отличительная особенность советской системы 30—50-х годов состояла в том, что формально она как будто бы всегда была открыта для критики (лозунг «критики и самокритики» был в числе наиболее употребимых офи-

циальной пропагандой). И это был не просто пропагандистский трюк: постоянные поиски «отдельных недостатков», чередуемые с временными кампаниями против «врагов народа», не только направляли общественные эмоции в подготовленное русло, но и повышали мобилизационные возможности самой системы, ее устойчивость, ее иммунитет. На основе манипуляции общественными настроениями создавался особый механизм преодоления кризисных ситуаций. Система не допускала такого развития событий, когда критически заряженные эмоции масс сформируются в блок конкретных претензий, задевающих основы правящего режима. Неудивительно поэтому, что отсутствие конструктивизма, набора положительных идей составляет одну из характерных черт групповых претензий этого периода. Умение режима овладевать общественными настроениями на уровне эмоций обеспечивало управляемость системы, страховало от непредсказуемых реакций снизу. С этой своей функцией механизм контроля за умонастроениями справлялся достаточно успешно. Однако, добываясь управления эмоциями, с помощью этого механизма не всегда удавалось обеспечить программу позитивного поведения, т.е. нужную практическую отдачу.

Чтобы подключить общественное мнение к выработке такой позитивной программы, требовались уже иные средства, способствующие раскрепощению общественной мысли, ее готовности к диалогу с властью. Для начала диалога нужен был посредник, или, скорее, даже «возмутитель спокойствия», и эту функцию по традиции взяла на себя русская литература.

Журнал «Новый мир», который возглавлял тогда Александр Твардовский, в своей девятой книжке за 1952 год начал публикацию очерков «Районные будни» Валентина Овечкина. Затем очерки перепечатала «Правда». Общественный резонанс публикации был огромным. «Читателям не было дела до определения жанра, — вспоминал писатель Н.Атаров. — Но речь шла о восстановлении ленинских норм демократии, о стиле руководства, о правде отношений между хлеборобом и пашней, между колхозом и государством. Номера «Правды» передавались из рук в руки»¹³⁰.

На материалах одного района Овечкин рассуждал о проблемах страны, говоря о сельском хозяйстве, поднимал вопросы общегосударственного, общеполитического значения. О его очерках говорили как о «партийном поступке», а разговор начистоту, предложенный в «Районных буднях», воспринимался «даже не как литература, а как письмо в ЦК»¹³¹. Проблемы, поднятые В.Овечиным — о недостатках в практике управления, о материальных стимулах, о противоречиях долга и совести — были, в общем, не новы. Новым был именно разговор начистоту. Овечкин как будто «пробил брешь» в сознании, признавался один из его коллег: «Читая Овечкина, писатели сознавали, что им самим тоже пора писать по-другому»¹³².

Овечкин поднял те проблемы, которые лежали на поверхности, и привлек к ним внимание общественности. Однако пока читатели ломали копья в спорах вокруг «Районных будней», а некоторые партийные работники призывали привлечь автора к ответу за «очернительство» руководителей, подспудно рождалась уже иная — еще более смелая литература. В начале 50-х годов приступил к задуманному роману «Не хлебом единым»

В.Дудинцев. «Тогда еще жив был Сталин, — вспоминал он много позднее. — Я писал и боялся, что меня посадят. Боялся, но выработал шифр для тайных записей. Я был качественно свободен»¹³³.

Страна стояла на пороге «оттепели».

Примечания

1. Письмо в редакцию газеты «Социалистическое земледелие» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 841. Л. 34–35.
2. О письмах советской эпохи как особом виде коммуникации между народом и властью см.: *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М., 1996; *Лившин А., Орлов И.* Революция и социальная справедливость: ожидания и реальность («Письма во власть» 1917–1927 годов) // *Cahiers du Monde russe.* 39(4). Octobre–decembre 1998. P. 487–514.
3. О распространении народных монархических представлений в виде слухов в XVIII–XIX вв. см. подробнее: *Побережников И.В.* Слухи в социальной истории: типология и функции (по материалам восточных регионов России XVIII–XIX вв.). Екатеринбург, 1995. С. 7–20.
4. Там же. С. 7.
5. Здесь и далее данные приводятся и рассчитываются по материалам ежегодных докладов Приемной председателя Президиума Верховного Совета СССР за 1945–1951 гг. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 579, 583, 587, 592, 596, 602; Оп. 85. Д. 272.
6. *Королев Ю.* Кремлевский советник. М., 1995. С. 40. В фонде Приемной председателя Президиума Верховного Совета СССР сохранились документы личных бесед Н.М.Шверника с посетителями. Обычно такого рода «беседы» ограничивались одной–двумя фразами, так что личный прием, если он и имел место, был скорее формальным и существо дела решалось не на нем.
7. Там же. С. 40–41.
8. Материалы личного приема Н.М.Шверника. 1949 г. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 38. Д. 72. Л. 185–187.
9. Там же. Л. 181.
10. Докладная записка министра здравоохранения СССР Г.Митерева. 30 апреля 1946 г. // Там же. Оп. 65. Д. 709. Л. 5–6.
11. Письмо колхозницы В.М.Евдокимовой в редакцию газеты «Социалистическое земледелие». Август 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 633. Л. 87–88.
12. Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О записке колхозницы Евдокимовой из Петровского района Ставропольского края». 14 августа 1946 г. // Там же. Л. 84.
13. Справка Ставропольского крайкома ВКП(б) «О результатах проверки и принятых мерах по жалобе гр. Евдокимовой В.М.». 11 сентября 1946 г. // Там же. Л. 89–90.
14. Там же. Л. 90.
15. Сообщение Верховного Суда РСФСР. 16 ноября 1946 г. // Там же. Л. 93.
16. Письмо А.Забелкина А.А.Андрееву. 1949 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 5. Л. 208–209.
17. Там же. 208.
18. Там же. Л. 213.
19. Письмо А.Андреева заместителю командующего Военно-морскими силами по политической части Куликову. Сентябрь 1949 г. // Там же. Л. 214.
20. Подробнее о роли доносов как контрольного механизма см.: *Козлов В.А.* Феномен доноса // *Свободная мысль.* 1998. № 2. С. 100–112.
21. Письмо А.Забелкина А.А.Андрееву. 1949 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 5. Л. 219.
22. Подробнее об истории этого постановления см.: *Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры. Советская литература 40-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994. С. 116–147.
23. Там же. С. 117.

24. Информационный материал «Об откликах трудящихся на постановление ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В.Мурадели». 16 февраля 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 306. Л. 9.
25. Там же. Л. 14.
26. Рассчитано по данным обзоров писем, полученных Всесоюзным радио за 1952 г. // ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 10. Д. 1. Л. 23; Д. 3. Л. 100.
27. Там же. Д. 1. Л. 23.
28. Обзор писем, полученных от радиослушателей Редакцией музыкального радиовещания // Там же. Д. 3. Л. 3.
29. Там же. Л. 2.
30. Там же. Л. 89.
31. Там же. Л. 38.
32. Там же. Л. 37–38.
33. Там же. Л. 5.
34. См., например: Стенограмма пленума Владимирского обкома ВКП(б). 31 января 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 572. Л.14; *Романовский Н.В.* Лики сталинизма. 1945–1953 гг. М., 1995. С. 27.
35. Имеются в виду закрытые письма ЦК ВКП(б) от 18 января 1935 г. «Уроки событий, связанных со злодейским убийством товарища Кирова» и от 29 июля 1936 г. «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока».
36. Доклад секретаря ЦК ВКП(б) А.А.Кузнецова на собрании работников аппарата ЦК ВКП(б) по выборам суда чести. 29 сентября 1947 г. // Источник. 1994. № 6. С. 74.
37. *Войтоловский Л.Н.* Очерки коллективной психологии. В 2 ч. Ч. 2. Пг., 1925. С. 75.
38. На «профилактическую» работу после войны первоначально перестраивались не только партийные структуры, но и органы политического сыска. Весной 1946 г. появилась директива МГБ СССР, которая допускала проведение вместо ареста профилактических мероприятий в отношении лиц, допускавших «антисоветские высказывания», но проявивших себя положительно в годы войны на фронте или в тылу. (*Лазарев В.И.* Политический сыск в деятельности советских органов государственной безопасности в послевоенный период. 1945–1953 гг. // Политический сыск в России: История и современность. СПб., 1997. С. 261–262.)
39. «ЦК вскрыл пресмыкательство перед границей». Как создавались «суды чести» в центральных органах // Источник. 1994. № 6. С. 68.
40. Н.Г.Клюева и Г.И.Роскин — советские ученые, работавшие в области биотерапии раковых опухолей. Результатом их исследований стала разработка медицинского препарата круцина (КР), обладавшего противоопухолевой активностью. Была подготовлена к изданию рукопись книги, которую предполагалось опубликовать параллельно в СССР и США. Первоначально работа Клюевой и Роскина нашла поддержку со стороны ЦК ВКП(б) — А.А.Жданова, в том числе и по линии сотрудничества с американскими учеными. Однако специального решения ЦК ВКП(б) по этому вопросу (о передаче рукописи книги и препарата американской стороне) принято не было, что впоследствии послужило формальным поводом для обвинения ученых в «антипатриотических и антигосударственных поступках». Смысл обвинений сводился к тому, что ученые, якобы, «лишили советскую науку приоритета в этом открытии [препарата против раковых опухолей] и нанесли серьезный ущерб государственным интересам Советского Союза». (Кентавр. 1994. № 2. С. 66.)
41. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Клюевой и Роскина». 16 июля 1947 г. // Кентавр. 1994. № 2. С. 68.
42. Там же.
43. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах». 28 марта 1947 г. // Источник. 1994. № 6. С. 69.
44. Там же. С. 68.
45. Решение суда чести министерства здравоохранения Союза ССР. 7 июня 1947 г. // Кентавр. 1994. № 3. С. 114.

46. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «О дополнительных фактах, характеризующих угодничество перед иностранщиной в коллективе работников Отделения технических наук Академии Наук СССР». 29 августа 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 262. Л. 205.
47. Стенограмма выступления секретаря ЦК ВКП(б) А.А.Кузнецова на совещании работников Управления кадров ЦК ВКП(б). 14 июля 1947 г. // Там же. Оп. 121. Д. 572. Л. 141.
48. Справка отдела Управления кадров ЦК ВКП(б) о проведении партийного собрания во Всероссийском союзе кооперации инвалидов в связи с закрытым письмом ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина». 11 августа 1947 г. // Там же. Оп. 122. Д. 270. Л. 8.
49. Стенограмма партийного собрания в Физическом институте им. П.Н.Лебедева по обсуждению закрытого письма ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина». 25 сентября 1947 г. // Там же. Д. 262. Л. 33.
50. Там же. Л. 45.
51. Справка отдела Управления кадров ЦК ВКП(б) о результатах обсуждения закрытого письма ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина» на партийном собрании в Министерстве торговли СССР. 7 августа 1947 г. // Там же. Д. 271. Л. 21.
52. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) о ходе обсуждения в парторганизациях закрытого письма ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина». 26 августа 1947 г. // Там же. Д. 272. Л. 21.
53. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) о работе «судов чести». 13 декабря 1947 г. // Там же. Оп. 88. Д. 813. Л. 223.
54. Там же. Л. 223–224.
55. Информация «О мероприятиях, проведенных руководством и парторганизацией Министерства авиационной промышленности СССР в связи с закрытым письмом ЦК ВКП(б) “О деле профессоров Ключевой и Роскина”». 8 октября 1947 г. // Там же. Д. 269. Л. 51.
56. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) о ходе обсуждения в парторганизациях закрытого письма ЦК... Л. 29.
57. Выступление секретаря ЦК ВКП(б) А.А.Кузнецова на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 15 октября 1947 г. // Там же. Оп. 121. Д. 640. Л. 40.
58. Доклад министра авиационной промышленности СССР М.В.Хруничева на заседании Оргбюро 15 октября 1947 г. // Там же. Оп. 117. Д. 940. Л. 7–8.
59. Доклад министра электропромышленности СССР И.Кабакова на заседании оргбюро 15 октября 1947 г. // Там же. Л. 22–26.
60. Информация Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) о работе «судов чести». 13 декабря 1947 г. // Там же. Оп. 88. Д. 813. Л. 227–228.
61. Информация отдела Управления кадров ЦК ВКП(б) о ходе реализации закрытого письма ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина. 12 декабря 1947 г. // Там же. Оп. 122. Д. 269. Л. 187–188.
62. См.: Вопросы философии. 1947. № 1.
63. *Фурманов Ю.* Уроки одной дискуссии // Советская культура. 1988. 12 марта.
64. Письмо Г.Ф.Александрова И.В.Сталину и А.А.Жданову. 11 июля 1947 г. // РГАСПИ. Ф.17. Оп 125. Д. 492. Л. 2.
65. Запись беседы уполномоченных ЦК ВКП(б) с заведующими отделами пропаганды и агитации районных комитетов ВКП(б) Горьковской области. 1947 г. // Там же. Л. 27.
66. Там же. Л. 28.
67. Докладная записка Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О недостатках в работе по подбору и воспитанию агитаторов в Сталинградской областной партийной организации». Ноябрь 1947 г. // Там же. Л. 172.
68. Информация о начале учебного года в системе партийного просвещения. 1948 г. // Там же. Оп. 132. Д. 103. Л. 2.
69. За большевистскую партийность литературной критики // Новый мир. 1948. № 12. С. 193.
70. Н.Я.Марр (1865–1934) — российский, советский языковед, специалист в области изучения кавказских языков. Выступил с так называемой «новой теорией» языка. Одна из

- основных идей этой теории сводилась к утверждению о классовой природе языка. Взгляды Марра надолго закрепились в советской лингвистике (и пережили своего носителя), все, кто не разделял теорию Марра, подвергались преследованию. Последняя атака на противников идей Марра была предпринята в 1948 г.
71. Письмо Л.Ф.Денисовой в редакцию газеты «Правда». 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 337. Л. 287.
  72. Отклики на статьи И.В.Сталина по вопросам языкознания. 1950 г. // Там же. Л. 32, 33, 47.
  73. Там же. Л. 16.
  74. Там же. Л. 10.
  75. Там же. Л. 15.
  76. *Абрамов Ф.А.* Пряслины. Трилогия. Л., 1978. С. 491–492.
  77. Об изменениях режима цензуры после войны см.: История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997.
  78. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 550. Л. 113.
  79. Там же. Л. 162.
  80. Там же. Л. 115.
  81. Там же. Л. 169.
  82. *Попов В.П.* Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28.
  83. Там же. С. 29.
  84. Там же. С. 28.
  85. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы. 1930–1959 гг. // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 158.
  86. Докладная записка министра внутренних дел СССР С.Круглова о положении спецпоселенцев. Июль 1946 г. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 138. Л. 317.
  87. Там же. Л. 320, 382.
  88. Докладная записка министра внутренних дел СССР С.Круглова о положении спецпереселенцев с Северного Кавказа. 31 января 1946 г. // Там же. Д. 134. Л. 237.
  89. Подробнее о политике СССР в странах Восточной Европы см.: Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Том 2. М., 1997. С. 7–52.
  90. Все мы вышли из сталинской шинели. Дискуссия о событиях 1948 года и их последствиях // Литературная газета. 1990. 21 марта. С. 14.
  91. Подробнее о развитии советско-югославского конфликта см.: *Аникиев А.С.* Противостояние СССР—США в Юго-Восточной Европе и советско-югославский конфликт 1948 года // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 69–114.
  92. *Лазарев В.И.* Политический сыск в деятельности советских органов государственной безопасности в послевоенный период. 1945–1953 гг. // Политический сыск в России: История и современность. СПб., 1997. С. 261–262.
  93. *Попов В.П.* Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28.
  94. О так называемом «ленинградском деле» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 128.
  95. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антипартийных действиях члена Политбюро ЦК ВКП(б) г. Кузнецова А.А. и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б) гг. Родионова М.И. и Попкова П.С.». 15 февраля 1949 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 35.
  96. О так называемом «ленинградском деле». С. 131.
  97. Ленинградское дело. Л., 1990. С. 158.
  98. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках ЦК КП(б) Эстонии». 7 марта 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 745. Л. 3–5.
  99. Объяснительная записка Н.Каротамма председателю комиссии ЦК ВКП(б) по рассмотрению положения в компартии Эстонии П.Пономаренко. 21 декабря 1951 г. // Там же. Оп. 131. Д. 81. Л. 327.

100. Докладная записка членов комиссии ЦК ВКП(б) П.Пономаренко, М.Шкирятова, Е.Громова по поводу положения дел в компартии Эстонии. 20 декабря 1951 г. // Там же. Л. 403, 410.
101. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе т. Барамия». 9 ноября 1951 г. // Там же. Оп. 3. Д. 1091. Л. 73.
102. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Положение в компартии Грузии». 27 марта 1952 г. // Там же. Д. 1093. Л. 37.
103. Источник. 1994. № 4. С. 11.
104. Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. М., 1994; *Костырченко Г.* В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. М., 1994; *Redlich S.* Propaganda and Nationalism in Wartime Russia. The Jewish Antifascist Committee in the USSR, 1941-1948. Boulder, 1982; *Gilboa Y.* The black years of the soviet Jewry. 1939-1953. Boston, 1971; *Pinkus B.* Jews of the Soviet Union. Cambridge University Press, 1988.
105. *Костырченко Г.* Указ. соч. С. 60-61.
106. О так называемом «деле Еврейского антифашистского комитета» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 40.
107. Правда. 1953. 13 января.
108. Сводка писем-откликов на сообщение ТАСС об аресте «группы врачей-вредителей». 1953 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 602. Л. 14.
109. Там же. Л. 17.
110. Там же. Л. 32-34.
111. Там же. Л. 30.
112. *Рапопорт Я.* Воспоминания о «деле врачей» // Дружба народов. 1988. № 4. С. 224.
113. *Шарапов Ю.* Без гнева и пристрастия. Политические заметки // Московские новости. 1989. 3 сентября. С. 22.
114. Интервью с П.В.Волубуевым. Личный архив автора.
115. Там же.
116. *Войтоловский Л.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 75.
117. Подробнее о снижении цен и реакции населения на это событие см.: С. 86-89.
118. Программа ВКП(б). Проект // РГАСПИ. Ф17. Оп. 125. Д. 476. Л. 190.
119. Вопросы экономики. 1950. № 10. С. 101.
120. Там же. С. 106-108.
121. Информация Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О недостатках в проведении собраний рабочих и служащих на промышленных предприятиях Тульской области». Август 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 291. Л. 84.
122. Там же. Л. 85.
123. Там же. Л. 86.
124. Там же. Л. 87.
125. Правда. 1952. 11 октября.
126. Записка И.М.Стульникова Г.М.Маленкову. 12 января 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 278. Л. 6.
127. Там же. Л. 7.
128. Там же. Л. 10.
129. *Злобин А.* Уральские встречи // Новый мир. 1953. № 12. С. 194.
130. *Атаров Н.С.* Дальняя дорога: Литературный портрет В.Овечкина. М., 1977. С. 101.
131. Там же. С. 114.
132. Там же.
133. *Дудинцев В.* Образ свободы // Литературная газета. 1991. 8 мая. С. 9.

«ДВУЛИКИЙ ЯНУС»: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ДИКТАТУРЫ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Когда меня спрашивают, о чем эта книга, я обычно коротко отвечаю: «Об общественном мнении в последние годы жизни Сталина». «А разве оно тогда было?» — следует почти немедленная реакция собеседника. Удивительно, но этот вопрос задают не только мои сверстники и более молодые люди, но и современники событий, о которых я пишу. Они тоже считают, что в то время в стране не было никакого общественного мнения. Кроме официального, разумеется.

А вот Сталин так не думал. Он знал, что его народ имеет свое мнение, свои мысли, часто отличные от тех, какие ему, несмотря на все старания советской пропаганды, надлежало иметь. И он *работал* с общественным мнением: направлял, формировал, наказывал. Он изучал настроения граждан и одновременно по этим настроениям судил об эффективности работы пропагандистской машины, призванной создавать нужное режиму общественное мнение.

В советских условиях манипулировать общественным мнением было относительно легко, поскольку практически все каналы информации находились под контролем властей. Но это касалось, главным образом, каналов официальных — периодической печати, радио, работы агитаторов и пропагандистов. Между тем, общественное мнение — в этом его особенность — формируется не только под воздействием официальной информации, но и с помощью средств неформальной коммуникации, прежде всего различных слухов и домыслов. Причем, чем меньше информации о каком-либо событии поступает из официальных источников, тем более активно это событие обрастает разного рода слухами, порой самыми невероятными. Согласно известному закону Олпорта, слух представляет собой функцию важности события, умноженной на его двусмысленность.

Слухи как разновидность неформальной коммуникации существовали всегда, однако состояние информационного пространства в СССР создавало особые условия для активного формирования и распространения слухов. Значение слухов возрастает в переломные, нестабильные эпохи, атмосфера которых служит благоприятной почвой для возникновения разного рода страхов, опасений и, вместе с тем, надежд. Конец Второй мировой и первые послевоенные годы относятся к таким переходным, нестабильным эпохам. Как свидетельствуют официальные документы, власти активно интересовались слухами, циркулирующими в обществе (сведения о тех или иных слухах и толках присутствуют в информационных материалах обкомов партии, итоговых сводках о настроениях населения, докладных записках и сводках МГБ и других документах).

Атмосфера холодной войны, до предела ограничившая информационное пространство в СССР, способствовала распространению в советском

обществе самых разных слухов и предположений, которые ничего общего не имели с официальными заявлениями властей. Общественное мнение этого периода складывалось как на основе информации, поступавшей по каналам официальной пропаганды, так и в результате переработки слухов, циркулировавших в народе. Эти слухи по содержанию можно разделить на оптимистические и пессимистические. К оптимистическим относились слухи о роспуске колхозов, об отмене карточной системы и снижении цен, об ослаблении цензуры и активизации контакта с западными странами и т.д. Самым распространенным из пессимистических слухов был слух о скором начале новой войны, устойчиво присутствующий в общественных настроениях послевоенных лет.

Власть по-разному реагировала на те или иные слухи. Некоторые из них, как, например, слухи о роспуске колхозов, объявлялись «враждебными» и «антисоветскими», за их распространение следовало наказание, вплоть до тюремного заключения. Другие слухи негласно поддерживались властью и использовались в политических целях. Например, слухи о начале новой войны или агрессивных намерениях бывших союзников СССР по антигитлеровской коалиции становились весьма благоприятным фоном для развертывания антизападной кампании в условиях холодной войны. Народ готов был принять любые, даже самые непопулярные решения верховной власти, если они оправдывались интересами обороны («только бы не было войны»).

Миф о враждебном окружении дополнялся мифом о наличии «пятой колонны» внутри страны. В этом случае негативная энергия переключалась на «врагов» внутренних. Иллюзия совместного противостояния внешним и внутренним врагам работала на идею единства народа и вождя. Эта иллюзия, даже несмотря на наличие массовых критических настроений, не позволила этим настроениям перерасти в открытый конфликт между народом и властью.

В условиях существования системы жесткого социального контроля способом выживания становилась аполитичность или показная (ритуальная) политическая активность. Эта ритуальность тоже отразилась на общественном мнении. Власти следили за тем, чтобы население активно участвовало в различных политических кампаниях: выборах, обсуждениях партийных и правительственных решений (после того, как они уже были приняты), преследовании инакомыслящих. Все эти мероприятия должны были проходить под лозунгом «всенародного одобрения». В действительности вопросы политики всерьез интересовали лишь небольшую часть населения, остальных же занимали более простые и насущные проблемы: где достать хлеба, во что одеть детей, где взять деньги, чтобы заплатить налог и т.д.? Повседневность, задачи элементарного выживания заслоняли политику.

Но иногда «политика» выступала на передний план — и тогда крестьяне высказывались по проблемам языкознания, шахтеры осуждали «несознательных» философов и все вместе возмущались «формалистическим течением» в музыке. Организуя все эти кампании, власть обязательно ссыла-

лась на «общественное мнение», а точнее «голос народа». Естественно, что право голоса предоставлялось тем представителям народа, мнение которых полностью совпадало с официальной точкой зрения.

Манипулируя общественным мнением в своих политических целях, власть постоянно заботилась и о создании собственного позитивного имиджа. При этом активно использовались существующие в массовом сознании устойчивые стереотипы (архетипы) восприятия власти, прежде всего, верховной. Верховная власть в глазах народа должна была ассоциироваться с инстанцией высшей справедливости, где каждый «маленький человек» может найти правду и защиту от притеснений. Поэтому верховная власть, персонифицированная в фигуре вождя, отделяла себя от всякой другой, даже внешне демонстрируя свою избранность. Она была доступна и недосягаема одновременно. Каждый мог апеллировать наверх в надежде быть услышанным, минуя всех и всяческих посредников — напрямую к Сталину. Но это было обращение не к человеку, а к живому символу веры — в ту же высшую справедливость. Сам же живой идол был недоступен для глаз простого смертного. Таковы были правила игры.

Вместе с тем миф о «высшей справедливости» в лице верховной власти надо было подпитывать чем-то конкретным. «Голос народа», аккумулированный в тысячах письмах, идущих наверх, должен был быть услышан. И тогда из этого хора отбиралось несколько голосов, которым и выпадало право быть услышанными. Так работал механизм обратной связи, призванный продемонстрировать на деле заботу власти о благе народа. Слух к «голосу народа» у власти всегда был избирательным.

Между властью и народом как будто существовал негласный договор, который, впрочем, время от времени нарушался, о чем свидетельствует появление критических и даже оппозиционных мнений. Эти мнения в советском обществе существовали всегда, несмотря на все усилия пропаганды. Возможно, не они определяли лицо и главное содержание общественного мнения, но они были частью советской политической ментальности того времени. Не случайно власть так активно боролась против инакомыслия в советском обществе.

Общественное мнение в Советском Союзе было двуликим и сложным, как и сама жизнь в стране, где карались не только действия, но и слова и даже мысли. Поэтому люди часто говорили на собрании одно, а в доверительных разговорах — совсем другое. Иногда недовольство выливалось наружу — и человек говорил во всеулышанье о том, о чем думали, но молчали другие. И это тоже был феномен общественного мнения.

Сталин умел управлять умонастроениями в обществе, во всяком случае, делал это более успешно, чем его последователи. Он использовал ситуацию холодной войны, чтобы блокировать развитие настроений недовольства от нереализованных послевоенных ожиданий и направил энергию негодования по проверенному руслу поиска внешних и внутренних «врагов». Он сохранил за собой позицию верховного арбитра в разногласиях между народом и властью, и это гарантировало ему лояльность со стороны

общественного мнения и принятие общественностью любых, даже непопулярных решений.

Без поддержки общественного мнения не может существовать никакой политической режим, даже диктаторский. Сталинский режим весьма эффективно использовал различные механизмы воздействия на сознание граждан — от пропаганды до террора, — чтобы сформировать в обществе соответствующие настроения, работающие на поддержание авторитета власти и достижение консенсуса между властью и народом. Общественное мнение в стране, где преследуется любое инакомыслие, представляет собой сложный феномен, оно отличается от общественного мнения, функционирующего в обществе открытом, демократическом. Но своеобразие явления, его непохожесть на то, что считается общепринятым и устоявшимся, отнюдь не означает отсутствия самого явления. Советское общество не было ни «молчаливым», ни абсолютно «верноподданным». Оно имело свое лицо и свой *мир мнений*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
----------------	---

Часть I

Общество, вышедшее из войны

1. Послевоенное общество как социально-психологический феномен	18
2. Новый социум: фронтовики	28
3. «Война окончена — теперь можно по домам!»: репатриированные, эвакуированные, мобилизованные	37
4. «Опьянение победой»: послепобедные настроения	46

Часть II

Стратегия выживания

1. Послевоенная повседневность	55
2. «Закончится война — колхозы распустят»: ожидания крестьянства и государственная политика	61
3. Голодные годы: настроения населения в связи с продовольственным кризисом и голодом 1946–1947 гг.	69
4. Люди и деньги: политика государства в области финансов и поведение населения	78
5. Послевоенная преступность: мифы и реальность	89

Часть III

Иллюзии либерализации

1. Оживление религиозности: народ, церковь, власть	102
2. «Все на выборы!»: советская демократия в восприятии современников	111
3. «Орден меченосцев?»: положение в партии и настроения коммунистов	120
4. Война и мир: внешняя политика глазами народа	127
5. Молодежь и молодежная фронда	136
6. «Надо что-то делать»: ожидания интеллигенции и идеи-одиночки	154

Часть IV

Власть и общественное мнение

1. «Вы — моя последняя надежда...»: практика работы с письмами граждан	171
2. Народ, власть, интеллигенция	181
3. «Суды чести» — новая форма «воспитания» интеллигенции	187
4. «Творческие» дискуссии как форма работы с общественным мнением	192
5. Репрессивная волна 1949–1953 гг.	198
6. «Кто виноват?» или «что мешает?»: эволюция массового сознания и общественной мысли	209
«Двуликий Янус»: общественное мнение в условиях диктатуры (вместо заключения)	220
Указатель имен	224

Елена Зубкова
**ПОСЛЕВОЕННОЕ
СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ПОЛИТИКА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ.
1945 — 1953**

Компьютерная верстка *А. Камкин*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 26.11.1999.
Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,7. Уч.-изд. л. 15,8. Тираж 1000 экз.

Заказ № 1405

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

ППП типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6